

ББК 46.3.1 ЗР1.3
Б 24 Н73

ЗЗ.З(4Рос)Б-8(Тоголь)4
Н73

Друкується за рішенням Ученої ради Кримського центру гуманітарних досліджень (протокол №7 від 14 лютого 2005 року)

Рецензенти: Мазепа Н.Р., доктор філологічних наук
Підмогильна Н.В., доктор філологічних наук

НОВІ ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ
НОВЫЕ ГОГОЛЕВЕДЧЕСКИЕ СТУДИИ

Редакційна колегія: Михед П. В. (відп. ред.), Абрамович С. Д., Воропаєв В. О., Казарін В. П., Кирилук З. В., Мацапура В. І., Ніколенко О. М., Федоров В. В.

В оформленні книги
використані малюнки
Олександра Лаврухіна (Москва)

804396

Б 24 **Нові гоголезнавчі студії: Вип. 2 (13).** – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – 292 с.
ISBN 966-572-554-8

Розрахована на науковців, аспірантів, студентів та широке коло читачів, що цікавляться творчістю Миколи Гоголя.

ББК 46.3.1

*За фінансової підтримки ТОВ НіжинТеплоМережі
(директор – Могилевець Сергій Олександрович)*

ISBN 966-572-554-8

© Кримський центр гуманітарних досліджень. 2005

ЗМІСТ

Доповіді, статті і дослідження

Юрій Барабаш (Москва) Гоголезнавство в Україні й поза нею	3
Ігорь Виноградов (Москва) “Необыкновенный наставник” И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома “Мертвых душ”	14
Александр Киченко (Черкаassy) “Вечера на хуторе близ Диканьки” Гоголя: мифопоэтическая организация пространства	55
Владимир Денисов (Санкт-Петербург) Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя. Посвящение в “лыцари”	65
Всеволод Сахаров (Москва) Потемкин и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарию	94
Владислав Кривонос (Самара) Трудные места “Шинели” Гоголя	99
Елена Балдина (Москва) Музыка в художественном мышлении Гоголя	124
Екатерина Падерина (Москва) О жанровой специфике пьесы Гоголя “Игроки”	130
Павел Михед (Киев) Рим в творческом сознании Гоголя	143
о. Василь Молнар (Полтава) З історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки	158
Владимир Воропаев (Москва) Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя	162

Comparative

Світлана Матвієнко (Київ) Дмитро Чижевський – формаліст. Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та Бориса Ейхенбаума про повесть Миколи Гоголя “Шинель”	169
Ольга Ніколенко, Юлія Бардакова (Полтава) Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт	180

Дебют

Сергей Овечкин (Санкт-Петербург) Повести “Миргорода”: жанровая трансформация и неоднородность нарратива ..	194
---	-----

Огляди, рецензії

Елена Балдина. Новая книга о Гоголе: Владимир Воропаев “Гоголь над страницами духовных книг” (М., 2002)	214
Елена Балдина. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы	216

Анкета “Гоголезнавчих студій”

Елена Анненкова (Москва) Побудили задуматься над тайной гоголевского творчества	219
Владимир Воропаев (Москва) Помню, когда я готовился к поступлению в Московский университет и читал работы литературоведов о Гоголе... ..	221
Владислав Кривонос (Самара) Мне повезло с учителями..	222

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, що вийшла в Україні 2001 року. <i>Підгот. Лариса Гранатович</i>	224
---	-----

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001). <i>Подгот. Владимир Воропаев</i>	229
---	-----

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002). <i>Подгот. Владимир Воропаев</i>	253
---	-----

Зміст попередніх випусків “Гоголезнавчих студій”	282
--	-----

ДОПОВІДІ, СТАТТІ І ДОСЛІДЖЕННЯ

Юрій Барабаш

Гоголезнавство в Україні й поза нею

Вельмишановні пані й панове, колеги!

Пам'ятаю, десь на початку 90-х один із західних русистів, з числа тих, хто в своїх уявленнях про українську історію, культуру та й саму Україну пасе задніх за російською імперською традицією (а таких аж задосить, тут можемо повірити Григорієві Грабовичу), – так от, цей русист зітхнув полегшено: мовляв, тепер, після розвалу СРСР, українці, “отримавши власну державу, мову та літературу... можливо, відчують себе достатньо впевнено, щоб не претендувати більше на Миколу Гоголя як на оздобу своєї національної культури”.

Вийшло якраз навпаки: нова геополітична, націологічна, духовно-культурна ситуація в Краї (поври всі її неоконкретності, ба більше – потворності останніх літ) жодною мірою не тільки не відсунула на другий план постать Гоголя, зокрема і насамперед проблему “Гоголь і Україна”, а надала їй нової актуальності, відтак українському гоголезнавству – нових креативних імпульсів.

Перед реанімованим українським гоголезнавством постало завдання вельми непросте: гідно, і то під *своїм* іменем – “ukraine”, а не накидуваним нам з різних боків “russia”, увійти до світової гоголезнавчої спільноти; переконливо, на рівні науки, не тільки патріотичної риторики, сказати про Миколу Гоголя таке слово, яке досі не сказав та, окрім України, ніхто й не скаже, і щоб те слово, за Шевченком, “на весь світ почули”.

Щойно вжите мною стосовно сучасного українського гоголезнавства означення “реанімоване” не є випадковим, адже ми, хвалити Бога, не з нуля починаємо: пріоритетна увага до української компоненти у Гоголя від початку визначала історичний вектор

Головний була прочитана 7 лютого 2005 року у Національному університеті “Києво-Могилянська Академія”

українських гоголезнавчих зацікавлень і студій, засадничо вирізняючи їх як з імперського російсько-советського, так і з ліберального західного контексту.

З гоголівських часів українське гоголезнавство пройшло шлях від перших приватних згадок (лист О.Сомова до М.Максимовича) й журнальних реплік (А.Царинний [Андрій Я.Стороженко]), пов'язаних з українською, тоді – “*малоросійською*”, проблематикою, до цілого корпусу модерних наукових розвідок.

Вихідні значеннєві орієнтири для формування українського гоголезнавства саме як *українського* дав нам Тарас Шевченко. У листах, щоденнику, в поетичному посланні “Гоголю” Шевченко, найвищою мірою поцінуючи вселюдський гуманістичний пафос Гоголевої творчості, чітко означив її закоріненість в українському ґрунті. Водночас Шевченко першим в історії української літературної думки закцентував – як парадигмальну проблему гоголезнавства – національну роздвоєність письменника, з жалем зауваживши у передмові до нездійсненого видання “Кобзаря”, що Гоголь писав “не по-своєму, а по-московському”.

Важливою віхою у гоголезнавстві, і то не тільки українському, стала з'ява написаної Пантелеймоном Кулішем невдовзі після смерті Гоголя його першої біографії, упорядкування і видання ним гоголівських творів і листів. Щоправда, тоді ж Куліш у надрукованому часописом “Русская беседа” епілозі до російського перекладу свого роману “Чорна рада”, а трохи згодом – в “Основе”, в огляді Гоголевих повістей “з українського життя”, висловив критичні, далеко не беззаперечні (втім, і не в усьому безпідставні) оцінки. Виникла полеміка між Кулішем і Михайлом Максимовичем, яка дала плідні інспірації для формування *українського струменя* в загальноросійському гоголезнавстві.

Вартий уваги парадокс цього історично-літературного епізоду: статті Куліша і Максимовича друкувалися, з огляду на тодішню реальну мовну ситуацію в Російській імперії, російською (“*владычной*”, за виразом самого Гоголя) мовою, до того ж, у часописах слов'янофільського спрямування, далеких, звісно, від найменших натяків на українофільство. А тимчасом стрижнем, “нервом” цих публікацій була якраз проблема *української природи* таланту Гоголя, особливостей його світо- і самовідчуження як українця родом і духом. Треба сказати, що відзначений мовний парадокс на тривалий час, певною мірою аж до наших днів, став однією з характеристичних рис гоголезнавчої україністики. При цьому неважко помітити, що головний вододіл проходить не у мовній

площині, простежуємо його там, де виявляються *позиції* дослідників у питанні про українське коріння Гоголя, їхня налаштованість (або, навпаки, неготовість) до досягнення й оцінки – позитивної чи негативної – “українського чинника”, а то й цілковитої, незрідка демонстративної, його ігноранції. То ж бо факт, що і у XIX, і у XX ст., поряд із суттєво важливими з методологічної точки зору заувагами про гоголівську спадщину Івана Франка та Михайла Драгоманова, знаємо чимало гоголезнавчих праць російськомовних, але перейнятих пієтетом до Гоголева українства, проникненням у його сутність, що дає всі підстави розглядати їх у контексті саме українського гоголезнавства.

Так, у другій половині XIX ст. воно збагачується цілою низкою публікацій (зокрема, у часописі «Киевская старина»), присвячених вивченню українського Гоголевого родоводу, в якому знаходимо представників елітних козацьких родин – Остапа Гоголя, Скоропадських, Лизогубів, Танських, Трощинських. Друкуються біографічні матеріали, документи, спогади про дитячі роки письменника, причинки до його перебування у Ніжинській гімназії вищих наук та ліцеї кн. Безбородька, до характеристики родинного і хатнього оточення: батька, Василя Гоголя – літератора, автора кількох українських комедій, матері, діда, бабусі, Дмитра Трощинського і його маєтку в Кибинцях, цих “українських Афінах”, осіб, які входили до кола друзів Гоголів-Яновських, зокрібно Василя Капніста, відомого своїми автономістськими поглядами.

Подібні процеси активізувалися в Україні на початку XX ст., що пов’язано було з 50 роковинами смерті письменника (1902) і 100-літтям від дня його народження (1909). Триває вивчення гоголівського родоводу (О.Лазаревський, В.Модзалевський), біографії (М.Сперанський, В.Науменко, М.Коробка, П.Владіміров), родинної хроніки (В.Чаговець), формується українська бібліографія гоголіани (І.Стешенко, В.Дроздовський).

Водночас в українському гоголезнавстві – попри, як уже зазначалося, його тодішню переважну російськомовність – поступово увиразнюється тенденція до переходу від емпіричних матеріалів на рівень глибшого, “стереоскопічного” осягнення національної природи Гоголевої спадщини. Простежуються її генетичні зв’язки з українською фольклорною та літературною традицією, зокрема з народною демонологією, національним бароко, зі шкільною драмою і вертепним театром (В.Перетц, М.Петров, М. Сумцов, С.Шелухін, В.Розов, Г.Галаган, А.Кадлубовський), зближення і розбіжності з творчим доробком Т.Шевченка (публікації у московсько-

му часописі “Украинская жизнь”). У науково-публіцистичних статтях Михайла Грушевського, Сергія Єфремова – чи не перших ластівках *україномовного* українського гоголезнавства, у студіях Олександри Єфименко зроблено спроби слідом за Шевченком окреслити і проаналізувати не тільки українську природу гоголівського таланту, його людської вдачі, але й притаманні їм суперечливість, фатальну двоїстість, які у висліді великою мірою зумовили духовну драму письменника; причім ці риси розглядаються на соціальному та ідеологічному тлі колоніального становища України, як типові прикмети історичної та соціопсихологічної хвороби національного характеру – явища, котре згодом буде схарактеризоване поняттям “малоросійство”.

Означеній тенденції протистояла позиція тих авторів, найчастіше – як і буває зазвичай – зросійщених українців, які відкидали саму думку про українську складову в творчості Гоголя або не надавали їй істотного значення, намагаючись убити письменника у рамці так званої “загальноросійської” культури (Нестор Котляревський, Д.Овсянко-Куликовський, В.Зіньківський).

У своєрідних модифікаціях, а незрідка й трагічно-фарсових формах, це протистояння українського гоголезнавства і гоголезнавства “малоросійського” дістало продовження, ба більше, загострилося за підсоветських часів. Протягом 20-х років, у період нетривкої, нетривалої і наперед приреченої на скоре придушення українізації, ще можливе було з’явлення праць, подібних до розвідки Павла Филипoviча про українську стихію у творчості Гоголя; проте вже тоді їх піддавалося брутальним ідеологічним нагінкам, а небавом, у розпалі сталінських репресій, вони назагал були вилучені – часто-густо слідом за авторами – з літературного і наукового обігу. За півстоліття, до кінця 80-х років, гоголезнавство в УССР – фактично “малоросійське” за своїм статусом – не вельми поповнилося значущими дослідженнями з української проблематики; автори тих нечисленних студій, у яких її все-таки заторкувалося (О.Білецький, В.Петров, Н.Крутікова, О.Карпенко), змушені були робити це вкрай обачливо, з різного роду замовчуваннями і ритуальними застереженнями, з озирком на партійну критику, котра, втім, все одно не барилася з вишукуванням то відступів від класового підходу, то слідів буржуазно-націоналістичної “теорії єдиного потоку”, то недооцінки революційного руху в Росії і живодайного впливу російської літератури або ще якихось “збочень”. Натомість сірим потоком сунули товстезні монографії, статті, дисертації, в яких ідеологічно підставовою була теза про

безмежну любов Гоголя до Росії, його внесок у “віковічну братню дружбу” двох народів.

У непорівнянно сприятливіших умовах розвивалася діяльність не інфікованих вірусом “найпередовішої методології” гоголезнавців на еміграції та у діаспорі. Це відгалуження українського гоголезнавства я розгляну (не прийміть, Бога ради, цю згадку за нескромність) в окремій розвідці, яка щойно вийшла (“Вы будете смеяться...”)... у Сімферополі. Тож, не повторюючись, вважаю доконечним наголосити на головному: фундаментальні праці Дмитра Чижевського, Юрія Луцького, Юрія Шереха (Шевельова), публіцистична гоголезнавча есеїстика Євгена Маланюка, Дмитра Донцова, Юрія Липи, студії І.Мірчука, О.Оглоблина, В.Чапленка, Ю.Бойка-Блохина, пізніше – Г.Грабовича, Олега Ільницького складають цитому частку *загальнонаціонального* гоголезнавства, на певному етапі вони відіграли особну, сказати б, компенсаторну роль, розробляючи ті аспекти української гоголіани, про які годі було й думати на “матеріку”, і тим забезпечили тяглість її розвитку.

Після 1991 року гоголезнавство в Україні, звільнившись від півторасотлітніх імперських нашарувань, від недвиги комуністичної ідеології та цензурних пут, вийшло на новий рівень. Про вирішальний пробій ще, можливо, зарано говорити, однак публікації (почасти російськомовні) останніх літ – Дмитра Наливайка, Ніни Крутікової, Миколи Жулинського, Вадима Скуратівського, Мирослава Поповича, Павла Михеда, Олександра Ковальчука, Володимира Звиняцьковського, Ігоря Мойсеїва, Тамари Гундорової, Віри Агеєвої, Оксани Нахлік, Тетяни Агаєвої, Олександра Киченка, Оксани Супронюк (частина з них друкувалася у ніжинських “Гоголезнавчих студіях”) – ці публікації (дарма що не рівноцінні й не завжди безспірні) засвідчують появу в нашому гоголезнавстві обнадійливих моментів новизни.

Чи не найголовнішим є те, що в дослідженні українського етноментального та етнопоетичного шару Гоголевої творчості наукове начало чимдалі помітніше превалує не тільки над імперськими ідеологемами, а й над “підлітковим” мітинговим пафосом недавніх літ, який поступається поглибленому, “дорослому” аналізу. Увага гоголезнавців зосереджується на вузлових проблемах – як національна ідентичність, ментальні особливості світовідчування й естетичних засад, закоріненість у національній фольклорній та духовно-літературній традиції, дихотомічність Гоголевої мови (тобто роль української компоненти в його російськомовному “ідіолекті”), природа “малоросійства” Гоголя, драма його національно-

го роздвоєння і духовного заламання, релігійно-етичні шукання, профетичні, сливе “апостольські” інтенції, суперечливі, почасти хворобливі риси психічного складу тощо. Усе це природним чином веде до розширення плацдарму досліджень, виходу за рамці лише “українських” творів до Гоголевої спадщини як цілості, єдиного “тексту”, включаючи (вважається – стовідсотково “російські”) петербурзькі повісті, “Ревізора”, “Мертві душі”, аж до затаврованих “несамовитим Віссаріоном” (а слідом – і нами) “Вибраних місць із листування з друзями”. При цьому українське гоголезнавство збагачує свій науковий арсенал за рахунок досвіду (до речі, іноді й критично оцінюваного) західного та екзильного гоголезнавства, котрий раніше відкидався як поспіль “буржуазний” та “націоналістичний”, сміливішого (хоча часом і з методологічними втратами) застосування новітніх літературознавчих методів і технологій, виходу в широкий контекст світової гуманітаристики – від філософії, історії, культурології до психології, психоаналізу, релігієзнавства та біблійної екзегетики.

За браком часу я змушений наразі обмежитися сумарною характеристикою означених процесів; натомість хотів би заторкнути, бодай коротко, деякі актуальні проблеми і “виклики”, що постають сьогодні перед українським гоголезнавством.

Справа в тому, що, поховавши (думалося, без вороття) “лихо давнє” – старі, російсько-советські імперські схеми, ми опинилися перед “лихом сьогочасним” – реінкарнацією тих схем у вигляді *неоімперських* (і то, прецінь, ще агресивніших) тенденцій.

Пошлюся на недавні праці кількох російських гоголезнавців, що їх еднають – укрупнено взявши – три засадничих позиції.

Раз – це ігнорування, точніше, войовниче відкидання самого натяку на українську генезу і природу Гоголя як особистості і як мистця. “Гоголь был чисто-русский человек, а не малоросс, каким его желают представить...” – співчутливо цитує Ігор Виноградов одного із Гоголевих сучасників-росіян і далі робить цю думку наскрізною у своїй книзі “Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мирозерцания”. Так, він вважає, що у “Вечорах на хуторі біля Диканьки”, зокрема в “Сорочинському ярмарку”, немає “ничего «национального», собственно украинского, вызывающего особенную любовь к родному краю...”.

Позиція друга: намагання цілком, усього як є, імплантувати Гоголя до ортодоксії одержавленої московської церкви, витлумачити його творчість під кутом зору “православного кода русскої літератури” (формула Івана Єсаулова з його книжки “Категория

соборности в русской литературе”). Цю позицію інший автор, Володимир Воропаєв (професор Московського університету), постулює як *єдино* вірний, і притому всеохопний, критерій для розуміння Гоголя. “...Только в этом случае, – пише він у книжці “Гоголь. Над страницами духовных книг”, – его (тобто Гоголеві. – Ю.Б.) произведения начинают раскрываться перед читателем...”.

І нарешті позиція третя, яка “логічно” впливає з двох попередніх, – прив’язування Гоголя до імперського воза, інтегрування його і як письменника, і як мисленника, і як особистості до системи політичних та ідеологічних вартостей імперії. Тут і безмежна любов до особи “Государя”, і запобігання ласки міністра Уварова, і моральна підтримка жандармських акцій проти польських повстанців... Щодо останнього, то, треба визнати, що московським гоголезнавцям сам Гоголь таки добре прислужився другою редакцією свого “Тараса Бульби” з отим сумнозвісним прославлянням “русского царя”. Та все ж ставити гоголівську повість нарівні з віршем Пушкіна “Клеветникам России”, називати її “ілюстрацією” до цієї анології імперських інвазій, як те робить Виноградов, – це вже, погодьмося, западто навіть для московства...

Ніде правди діти, світоглядних збочень, моральних компромісів і зигзагів було на життєвому шляху Гоголя задосить, але, попри все, ні полякофобом, ні царевим попихачем, ані пахолком тих попихачів він не був. Думав (примушував себе думати), що є патріотом “великої Росії”. Та насправді залишився самим собою – Гоголем, сином української землі, нащадком козацького роду...

Постає природне запитання: чим відповідає українське гоголезнавство на неоімперські тенденції? І чи відповідає взагалі?

Не знаю, можливо, я в своїй за-хутір-михайлівській глушині щось пропустив повз око (за що наперед перепрошую), але зараз на пам’ять спадає лише вагома полеміка Павла Михеда з Воропаєвим (до речі, у *московському* часописі “Вопросы литературы”).

Цим не хочу сказати, нібито вважаю саме таку пряму полеміку, оте, словами Юрія Шевельова, “перелаювання через тин”, мало не головним завданням нашого гоголезнавства, – аж ніяк (хоч і мовчання, їй же право, не завжди золото). Про мене, найадекватнішою і, головню, найефективнішою відповіддю московським опонентам була б концентрація наукових зусиль – з міцною методологічною екіпіровкою і в ракурсі традицій національної гуманітаристики – на фундаментальній розробці й *об’єктивному* висвітленні перекручених тими опонентами, а oprіч того, й справді суперечливих, заплутаних або недостатньо розроблених проблем

Гоголевої творчості, її національного “грунту” і словненої духовного страдництва “долі” (перекладом пастернаківську метафору “почвы и судьбы”).

Одна з таких проблем – приналежність Гоголя до тієї чи тієї національної літератури, російської або української. Проблема (щоб не сказати – хвороба) задавлена. Зіткнувшись в особі й творчості Гоголя з феноменом первісно двоїстим, дихотомічним, зосібна щодо мовного чинника, коли в російській стихії, але під потужним впливом українського фермента витворювався неповторно гоголівський варіант російської літературної мови, наука досі не зуміла знайти до цього феномена методологічного “ключа”. Поки що маємо самі сахання в рамках нехитрої схеми “або–або”: або “чисто русский писатель” (а українське етнокультурне підґрунтя – то сепаратистська вигадка [подібне й мені довелося почути на свою адресу]); або, навпаки, беззастережно-український письменник (тобто, виходить, мова в мистецтві слова геть нічого не важить); або третє і найпростіше – “розполовинення” Гоголевої спадщини на дві автономні національні частки (як це зроблено у двотомній шкільній хрестоматії)... Щось схоже подибуємо й у діаспорній гоголіані: то – “відщепенець” і “перекинчик”, а то замалим не український Валенрод чи “Штірліц” у російській літературі...

Такі сахання – то глухий кут. Мусимо – подобається це комусь із нас чи ні – розглядати Гоголя у контексті російської літератури, бо це відповідає дійсності. Відповідає, однак, лише з найважливішим застереженням – не випускаймо з поля зору засадниче, ключове для осягнення Гоголя питання про *українську складову* його спадщини, її етнонаціональні витоки, риси національної ментальності письменника як правдиво “української людини” (вираз М.Шлемкевича) і виявлення цих рис у його творчості, дарма що всуціль російськомовній. Інакше сказавши, збагнути діалектику цієї творчості як явища амбівалентного, як контрверсію між національно-духовною сутністю та іншонаціональною формою її втілення, осягнути спадщину Гоголя як російськомовне відгалуження української культури, як випадок виявлення засобами чужої мови національного ества. Така робота у нас іще попереду.

Відтак – й осмислення місця і значення Гоголя в російському та українському літературних контекстах.

У російській історії літератури міцно закорилася ціла низка міфів про Гоголя: як глибоко розумів його творчість Пушкін, як він опікувався “хитрим малоросом”, навіть підказував йому сюжети, або про так звану натуральну школу, котра нібито цілком

вийшла з гоголівської “Шинелі”, й т.ін. Тимчасом факти не збігаються з міфами. Правда, що Пушкін своїм авторитетним словом підтримав у пресі (спасибі йому) “Вечори на хуторі біля Диканьки”, але правдою є і те, що він їх, суттю, не зрозумів, не піднявся у своїй оцінці вище російської *буденної* літературної свідомості, не знайшовши у “Вечорах” нічого, крім “простодушної веселости”, “описания племени поющего и пляшущего”, і не почувши, скажімо, у фіналі “Сорочинського ярмарку”, пронизливої ноти екзистенційного дисонансу, мотиву людської самотності. Схоже сталося і з повістю “Шинель”. На неї довго дивилися під кутом зору петербурзького “фізіологічного нарису”, не помітивши і не збагнувши в цьому “трансцендентальному анекдоті” (як пізніше означив “Шинель” В.Набоков) ні міфологічного виміру, ані метафізичного сенсу.

Наважуся так сказати: визнання й слави Гоголеві в Росії вистачало, бракувало *розуміння* і *спадкоємства*. Зі своїм неповторним “гоголівським бароко”, зрощеним на українському ґрунті, він, властиво, так і залишився *самотнім* у російській літературі, і то на довгий час, може – до Андрія Белого, може – до Булгакова; якщо ж мати на увазі не зовнішні, поверхові ознаки, а національну сутність, то може й назавжди...

Проблема, що, про мене, заслуговує на пильну увагу наших гоголезнавців, всієї української русистики, якщо вона хоче бути не репрезентантом на терені України русистики російської, а питомою часткою *української* науки.

Що ж до україністики, то не думаю, щоб перед нею багато було проблем більш значущих, ніж уповні досягнути “випадок Гоголя” як одну з двох головних – поряд з Шевченком – складових парадигми української національної культури, в цілому духовного життя нації. Щоб обох наших велетнів, а з ними і всю Україну видно було – скажемо словами самого Гоголя – “далеко у всі кінці світу”.

Дякую за увагу.

«Необыкновенный наставник»
И. С. Орлай как прототип одного из героев
второго тома «Мертвых душ»

Важной проблемой, связанной с интерпретацией второго тома «Мертвых душ», является вопрос о прототипах гоголевских героев, в частности, героев первой главы. Ключевой для образа помещика Тентетникова в этой главе является тема образования и воспитания. Главное же место в раскрытии этой темы занимает образ «необыкновенного» школьного наставника Тентетникова — директора училища Андрея Петровича. По признанию самого Гоголя, за этим образом стоит вполне реальный прототип. Незадолго до смерти Гоголь, как свидетельствовал князь Д. А. Оболенский, отметил автобиографическую основу образа Александра Петровича. Когда осенью 1851 года Гоголь читал первую главу Оболенскому, то А. О. Россет, также присутствовавший на этом чтении, спросил Гоголя: «Что, вы знали такого Александра Петровича или это ваш идеал наставника?» При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал: «Да, я знал такого» [1, 552].

В литературе уже неоднократно высказывалось мнение, будто прототипом «идеального наставника» во втором томе «Мертвых душ» является «прогрессивный» профессор Нежинской гимназии высших наук Н. Г. Белоусов (осужденный по «делу о вольнодумстве»). К такому предположению приводили исследователей главным образом неоднократные упоминания о Белоусове в письмах самого Гоголя 1820–1830-х годов. Это предположение нуждается, однако, в двух существенных уточнениях. Во-первых, созданный Гоголем во втором томе «Мертвых душ» образ в действительности не является, по замыслу автора, «идеальным» — несмотря на положительные черты. Вообще говоря, бытующее представление о том, что писатель предполагал вывести во втором томе поэмы героев «идеальных», не соответствует действительности [см.: 2, т. 5, 574–575, 580–582]. Это следует сказать и об образе «необыкновенного наставника» Александра Петровича. При всех его достоинствах как педагога ему, в соответствии с гоголевским замыслом, недостает главного — просвещенности «светом Христовым» [2, т. 5, 559–562; т. 6, с. 440]. Другое уточнение к сложившимся представлениям об этом герое второго тома заключается в том, что реальным прототипом «директора» училища («начальника» учеб-

ного заведения) Александра Петровича с гораздо большим основанием может быть назван не Н. Г. Белоусов – мало кому известный младший профессор юридических наук Нежинской гимназии (бывший лишь десятью годами старше Гоголя), но действительный директор этой гимназии в 1821–1826 годах, бывший лечачий врач Императора Александра I, ученый с мировым именем Иван Семенович Орлай (1771–1829).

И. С. Орлай приехал в Нежин и вступил в должность директора гимназии 1 ноября 1821 года – спустя лишь три месяца после того, как здесь начал обучение Гоголь. Это прямо соответствует содержанию поэмы, где поступление юного Андрея Тентетникова в училище совпадает по времени с директорством здесь «необыкновенного» наставника. (Белоусов же появился в Нежинской гимназии уже к тому времени, когда Гоголь проучился здесь четыре года.) В письмах Гоголя Орлай (имение которого находилось неподалеку от гоголевской Васильевки) тоже упоминается довольно часто.

Наиболее ярким свидетельством того, что реальным прообразом директора учебного заведения Александра Петровича во втором томе поэмы послужил Гоголю директор Орлай, являются воспоминания об Орлае одного из гоголевских соучеников Н. В. Кукольника, написанные в 1858 году – спустя три с половиной года после публикации глав второго тома «Мертвых душ». Многое в воспоминаниях гоголевского однокашника может служить прямым комментарием к образу «чудного наставника» Александра Петровича во втором томе поэмы – и одновременно свидетельствует о знакомстве Кукольника с главами незавершенного творения Гоголя. (Добавим к этому, что Н. В. Кукольнику принадлежат написанные в том же, 1858 году воспоминания о Н. Г. Белоусове [3], однако только воспоминания об И. С. Орлае обнаруживают переключки с выведенным Гоголем во втором томе «Мертвых душ» образом наставника Александра Петровича.)

Излагая педагогические правила «необыкновенного» наставника Александра Петровича, Гоголь писал: «Многих резвостей [и шалостей] он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу, – затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека».

Кукольник в 1858 году вспоминал об Орлае: «Многие жалобы на меня как инспектора, так и надзирателей принимались часто с улыбкой, а некоторые обращались на голову самих доносителей. Знал ли достойный педагог с такою подробностью мое сердце, в

котором действительно, с помощью Божией, зла никогда не было <...> или толковал эти шалости резвостью, необходимою для деятельности молодых, живых нравственных сил? Мне кажется, снисходительность его имела и тот и другой источник...» [4, 71].

Далее в своих воспоминаниях Кукольник приводит один из характерных примеров «снисходительности» директора гимназии к проступкам учеников – а именно свиданиям воспитанников с «двумя толстейшими нимфами», огородницами «одного почтенного соседа», а также в ночной «вылазке» пансионеров на разорение огорода этого соседа. Кукольник рассказывал, что жалоба Орлая владельца разоренного огорода на виновных гимназистов не только не повела к их наказанию, но даже «обратилась на голову самого доносителя» – так что тот вынужден был просить прощения у Орлая. «Обвиняйте, если угодно, Ивана Семеновича в слабости, – заключал рассказ Кукольник. – Я этого никогда не сделаю. «Я сам шалил, – говаривал Иван Семенович, – и знаю, что степенный опаснее резвого...».

Вполне естественно, что «великодушное» заступничество Орлая за пансионеров не могло не вызвать ответной признательности к нему юных воспитанников. «И этот, по-видимому, слабый, раздражительный, странный начальник, – вспоминал Кукольник, – умел снискивать любовь к себе детей почти неограниченную. Никто в присутствии его никогда не забывался, но никто и не стеснялся его присутствием. Шалили напрапалую, учились еще пуще, и наблюдали только за тем, чтобы в шалости тля подлости не залезла. Такое направление получило характер рыцарский в особенности с открытием 7-го класса (в 1823 году. – *И. В.*); тогда Иван Семенович останавливал молодежь, если болько шалила, словами: «не ловко, господа! ведь вы уже офицеры». И юношество равнялось, укладывалось в благородные формы, лезло, рвалось быть образованным, даже ученым. <...> И всем этим мы были обязаны духу заведения, тому высокому, поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник» [4, 76].

«Толпа воспитанников его, – писал в свою очередь Гоголь во втором томе о директоре училища Александре Петровиче, – с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную, необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была слышна в этой вольнице. <...> Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбие, – честолюбие называл он силою, толкающею вперед человека

<...> И точно, шалости исчезали сами собою. Презрению товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>».

Сходство педагогических принципов директора Орлая и «директора» Александра Петровича – как об этом позволяют судить воспоминания Кукольника – обнаруживается и в образе преподавания обоих наставников.

«...Большую часть наук читал он сам, – писал Гоголь об Александре Петровиче. – И надо сказать правду, что <...> он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна...».

Точно так же и отличавшийся энциклопедическим образованием Орлай вел, по словам Кукольника, с учениками «беседы обо всем»: тут были «и китайцы <...> и греки, и римляне, и все науки, и все искусства» – медицина, физика, история, словесность, ботаника, минералогия... «Чистая энциклопедия в приятных рассказах», – отзывался Кукольник о беседах директора [4, 71].

Орлай, в отличие от профессора Белоусова, был не только педагогом, но действительным ученым, членом нескольких научных обществ, немало сделавшим, в частности, для развития Петербургской кунсткамеры и оставившим после себя ряд научных трудов. В 1806 году в Кенигсбергском университете Орлай был удостоен ученой степени магистра словесных наук и доктора философии; в том же году в Дерптском университете защитил диссертацию на звание профессора медицины. Он являлся почетным членом Российской Академии наук, действительным членом Общества Истории и Древностей Российских [5, 34–37; 6, 192–193; 7, 122]. Заслуги Орлая как историка были отмечены в те годы Н. М. Карамзиным, который использовал одну из работ Орлая в первом томе «Истории государства Российского» (с «Историей...» Карамзина Гоголь познакомился еще в Нежине [8, 89–104]). 26 сентября 1808 года Карамзин писал А. И. Тургеневу: «Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю. Желая узнать его лично, как достойного человека» [9, 221].

О том, как заботился об изучении юношеством различных наук Орлай – стремившийся, подобно гоголевскому герою, к «улучшению и краткости методов» в их преподавании (по его собственным словам), – можно судить и из письма Орлая к А. С. Шишкову 1825 года, где он, ради лучшего усвоения учащимися знаний, предлагал даже сократить часы, отводимые на изучение языков. Необходимость такой меры Орлай объяснял тем, что «существующее ныне многочисленное разделение наук и искусств, при всем улучшении и краткости методов, само по себе необходимо требует

еще весьма много времени для классического изучения оных» [10, 321–322].

Очевидно, пристрастием Орлая к наукам и объясняются переключки между образом «необыкновенного наставника» во втором томе и размышлениями Гоголя над ролью Петра I в русской истории [2, т. 5, 561]. Именно Орлаю была свойственна чрезвычайно высокая оценка заслуг царя-преобразователя в развитии науки в России. Так, в 1809 году, в день торжественного открытия Медико-хирургической академии, Орлай произнес в присутствии Императора Александра I торжественное слово, которое тогда же было опубликовано под заглавием «Похвальная речь в честь Высшей власти России, прославленной возвышением наук». В этом слове Орлай называет Петра I «несравненным властителем», имеющим больше заслуг перед наукой, чем сам Птолемей [11, 198]. Продолжателем дела Петра – покровителем науки в России – Орлай и считал Александра I, – питая к Государю, по свидетельству Кукольника, «безграничное благоговение» [12, 201].

Не могла не произвести впечатление на нежинских гимназистов и сама близость Орлая к Императорскому двору. Даже известие о смерти Императора в Таганроге 19 ноября 1825 года Орлай, по воспоминаниям Кукольника, получил (и сообщил окружающим) раньше официального о том извещения – 22 ноября (в Варшаве это известие было получено 25 ноября, в Петербурге – 27-го). Выйдя тогда к домашним, он «зарыдал, как ребенок», и на следующий день, после торжественной панихиды в гимназической церкви, написал латинскую элегию на смерть Александра I [12, 201–202]. Вполне естественно, что любовь к царю директор стремился передать и своим подопечным – так что когда Кукольник «за тайну сообщил товарищам страшную новость», то, по его словам, «плач поднялся и в спальнях воспитанников».

Незадолго до кончины Александра I Гоголь 15 августа 1825 года писал, в частности, матери из Нежина: «Иван Семенович Орлай еще и не собирался ехать в С. Петербург, оттого что, по его словам, не получил о сю пору разрешения от министра и не знает ничего, что еще его ожидает. Я не знаю, маминька, справедлива ли весть, что ему в С. Петербурге есть место генерал-штаб-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мне; здесь никто и сам он о сем ничего не знает». 12 сентября 1825 года сам Орлай докладывал Конференции гимназии о поступившем ему предложении занять место лейб-медика Его Императорского Величества в Таганроге, сообщал о полученном им разрешении министра народ-

ного просвещения и почетного попечителя гимназии на отъезд и отдал необходимые распоряжения по управлению учебным заведением в его отсутствие [13, 90]. Поездка Орлая в Таганрог состоялась, однако спустя месяц, 14 октября Орлай приступил к выполнению своих прежних директорских обязанностей [13, 91] (но его перемещение в Одессу, последовавшее год спустя, оказалось при этом делом решенным. «Скажу вам только, — писал Гоголь матери 30 сентября 1825 года, — что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей»).

Ученикам гимназии, несомненно, было известно, что Иван Семенович Орлай де Карва был назначен директором Нежинской гимназии с сохранением за ним титула «Доктора Двора Его Императорского Величества» [11, 199]. Именно Орлай, после того как Император Павел в 1801 году был убит заговорщиками, дежурил, по Высочайшему повелению, у тела покойного все время до похорон, за что был награжден Александром I тысячью рублями (соответствующая запись была сделана в послужном списке Орлая; см. ниже). В 1805 году Орлай стал первым заместителем личного врача Александра I баронета Я. В. Вилле (от которого и получил впоследствии известие о смерти Государя). В 1809 году Орлай был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, а после Отечественной войны 1812 года — орденом Св. Анны 2-й степени. Незадолго до войны, в 1810 году, он был возведен в звание гоф-медика, — что соответствовало, согласно военной табели о рангах, званию полковника, а по гражданской линии — коллежского советника. Выше этого звания был только чин лейб-медика. Очевидно, об этом чине и шла речь в письме Гоголя к матери о том, что Орлаю в Петербурге «есть место генерал-штаб-доктора». Безусловно, во всех этих отношениях младший профессор политических наук Белоусов, хотя и располагал определенными родственными связями в правительственных сферах, однако далеко уступал Орлаю.

С воспоминаниями Кукольника об Орлае (и в частности, об оставлении директором Нежинской гимназии и отъезде его в Одессу) перекликается и рассказ Гоголя о скоропостижной смерти «необыкновенного наставника».

«Но этого ученья, — писал Гоголь о «науке жизни» Александра Петровича, — не удалось попробовать бедному Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс <...> вдруг несчастье: необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало в сладкий трепет, скоропостиж-

но умер. <...> О, какой был для него удар, какая страшная первая потеря!». — Кукольник вспоминал: «...перемещение Ивана Семёновича в Одессу в 1826 году было для многих из нас слишком чувствительным ударом» [14, 19].

Состояние дел в Нежинской гимназии после отъезда Орлая нашло определенное отражение в описании во втором томе «Мертвых душ» учебного заведения Андрея Ивановича Тентетникова — именно после того, как «чудный» наставник скоропостижно умер. «Все перемесилось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович, человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. <...> Налег он тот же час на какие-то виспние порядки, стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых».

Н. А. Лавровский, комментируя воспоминания Кукольника об Орлае, отмечал, что вслед за отъездом последнего из Нежина летом 1826 года «поведение пансионеров видимо начинает изменяться к худшему, начинается какое-то тревожное состояние в пансионе <...> жалобы на пансионеров поднимаются одна за другой, начинаются расследования, применяются крутые меры <...> в месячных ведомостях инспектора и надзирателей можно заметить признаки недовольства излишнею, по их мнению, свободою, предоставленною пансионерам, излишнею снисходительностью директора. Очень вероятно, что с отъезда директора новое начальство начало по своему прибирать к рукам пансионеров, что и не замедлило породить между ними тревогу и смуту. Можно даже предположить, что предоставленная прежде пансионерам свобода не вполне соответствовала их возрасту, что бывали случаи злоупотребления этой свободой, что совокупность этих случаев бросала тень на порядки, заведенные в гимназии; но не подлежит сомнению то, что общее состояние пансиона при Орлае, уважение и расположение к нему и учащих и учащихся устранили тот вред, который, при других условиях, мог бы произойти от частных послаблений, от излишней иногда снисходительности» [15, 45].

Сам Гоголь в то время писал матери: «Директор наш уже отправился в Одессу. Теперь мы одни. Однако ж теперь все приняло другой порядок. Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и этим всем обязаны мы нынешнему нашему инспектору» (письмо от 10 сентября 1826 года). «Пансион наш, — добавлял он в письме от 16 ноября 1826 года, — теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть...». Однако оче-

видно, что с возрастанием «притязаний конференции» и «профессоров-школяров» (по выражению Гоголя в письме к Г. И. Высоцкому от 19 марта 1827 года) и — одновременно — с усилением «дружеского» покровительства ученикам нового инспектора, введение Белоусовым в пансионе «другого», «лучшего» порядка привело к прямо противоположному — негативному результату.

Помимо отмеченного Н. А. Лавровским неудовлетворительно положения дел в гимназии (Д. Е. Ясновский, в частности сообщил Э. Б. Адеркасу, что «под присмотром инспектора Белоусова находились в пансионе рукописания развратительные» [16, 411]), на это указывает и свидетельство самого Гоголя — на этот раз не Гоголя-гимназиста, а Гоголя конца 1840-х — начала 1850-х годов. Это последнее гоголевское свидетельство также находится во втором томе «Мертвых душ». Как позволяют судить строки поэмы, со «смертью» необыкновенного наставника Тентетникова — отъездом из Нежина Орлая — в гимназии «завелись шалости потаенные <...> Все было в струнку днем, а по ночам — кутежи. <...> Разврат завелся уже вовсе не детский: завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать. В два года узнать нельзя было заведения». — Последнее замечание в свою очередь точно соответствует времени пребывания Гоголя в Нежинской гимназии после отбытия Орлая в Одессу: Гоголь пробыл здесь еще два учебных года: 1826/27 и 1827/28.

Добавим, что и проникновенные строки автора во втором томе «Мертвых душ» о покойном наставнике были бы лишь поэтическим вымыслом, если бы прототипом его был П. Г. Белоусов: «До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался, закрыв глаза, и лил слезы по нем». Белоусов, как известно, пережил Гоголя — он умер в 1854 году, Орлай умер в 1829-м.

Отмеченное противоречие между реальным положением дел в гимназии и восприятием этих порядков учениками (в частности, юным Гоголем и Кукольниковом) заставляют внимательнее присмотреться к действительному содержанию педагогических принципов прототипа гоголевского «необыкновенного наставника» — директора Нежинской гимназии И. С. Орлая.

Безусловный апологет Орлая Кукольник в своих воспоминаниях о бывшем директоре не случайно несколько раз упоминал о том, что излишнюю снисходительность Орлая к проступкам подопечных можно было бы охарактеризовать и как «слабость». Кукольник полагал неправильным «обвинять» Орлая в этой «сла-

бости». «...Этот по-видимому *слабый*, раздражительный, странный начальник...», — замечал он об Орлае. К опровержению таких обвинений в адрес Орлая Кукольник обращался в своих записках и говоря о профессорах, недовольных директорством Орлая: «Некоторые наставники, еще в бурсе привыкшие к раболепству, называли этот период существования Гимназии периодом беспорядка. Толковали, что в оно время профессора не слушались директора и спорили до глубокой ночи в конференциях. Так понимали педагоги по титулу прения ученого сословия! Иван Семенович с умыслом предоставлял наставникам свободу споров, в надежде и из них образовать самостоятельное и разумное общество» [4, 77].

Апологетическая интерпретация Кукольником педагогических принципов Орлая имела, однако, один существенный изъян — она в значительной мере проистекала из вполне понятного чувства личной благодарности воспитанника, — нравственный облик Кукольника в нежинский период оставлял желать лучшего [см., в частности: 17, 92; 15, 45; 18, 13; 19, 244], и мемуарист имел все основания быть обязанным «снисходительности» Орлая.

На самом деле «либерализм» директора по отношению к своим подопечным, возможно, действительно исходил скорее от «слабости», чем от сознательного «умысла» — то есть умения употребить в качестве воспитательного средства высоко ценимое Гоголем в начальнике (и педагоге) «доверье к благородству» подопечного. (И. А. Сребницкий на основании скрупулезного анализа архива Нежинской гимназии делал вывод: «...едва ли можно отрицать, что при всех добрых личных качествах Орлая и при всех благих намерениях, нравственный уровень известной части его воспитанников был невысок» [20, 307])¹. Приглашая на должность инспектора пансиона Белоусова, Орлай прямо рассчитывал, что тот поправит, а не «продолжит» его дело. Именно неудовлетворительное состояние пансиона во время инспекторства К. А. Моисеева и побудило Орлая назначить инспектором Белоусова.

О явном недовольстве самого Орлая порядками в Нежинской гимназии Гоголь 23 ноября 1826 года писал матери: «К нам приезжал граф <А. Г. Кушелев-Безбородко>, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал восвояси. Орлай наш успел везде так охулить нашу гимназию, что, думаю, и он оттого так мало о ней печется. Из Одессы получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен».

Завершая обзор воспоминаний Кукольника об Орлае, нелишне обратить внимание и на еще одно важное замечание мемуариста.

¹ Полемизируя с оценкой организаторских качеств И. С. Орлая, данной Н. А. Лавровским, И. А. Сребницкий, в частности, замечал: «Увлеченный распорядительной, бумажной, так сказать, деятельностью Орлай и его лич-

«В последнее время, — писал Кукольник о бывшем директоре, — ему удалось приискать себе и помощника такого же, в лице профессора Николая Григорьевича Белоусова...» [4, 76].

Белоусов не был в гимназии «нововводителем», но лишь продолжил то, что начал Орлай. Многие из того, что было характерно для преподавательской и воспитательной деятельности Белоусова, было в той же мере присуще и Орлаю. Именно Орлай, пригласивший Белоусова в Нежин, определил тот порядок отношения к воспитанникам, которого впоследствии придерживался новый инспектор.

Так, например, если Белоусов покрывал проступки и вольности учеников, то, как явствует из дошедших материалов, точно так же действовал до него и сам директор [см., в частности: 21, 168–169]. Д. Е. Ясновский, новый директор гимназии (с 1827 года), в 1830 году докладывал Э. Б. Адеркасу: «Я должен сказать в <ашему> п<ревосходительст>ву известную всем правду: когда Шапалинский, который излишним послаблением старается угождать юношеству и всегда сообразно с сими правилами поступает и говорит, приблизился к директору Орлаю, то пансионеры начали пользоваться неумеренною свободою, так что воспитанники того времени, остававшиеся еще при мне в гимназии, называли оное золотым веком. Тогда же и профессора Ландражин и Зингер, поступающие слишком дружественно с учениками и напоенные правилами, вовсе с общепользными постановлениями несходными, получили свободный доступ к пансионерам» [15, 119].

Из рапорта Билевича в конференцию гимназии от 3 сентября 1827 года также следует, что и для Белоусова «либеральное» об-

---

щими симпатичными чертами, как они рисуются в изображении некоторых его учеников, особенно Кукольника, П. А. Лавровский не обратил внимания на факты, относящиеся еще ко времени Орлая и показывающие, что та распущенность нежинских гимназистов, которая так обнаружилась вслед за уходом Орлая из Нежина, несомненно существовала и в его время. Укажем некоторые из этих фактов. Инспектор Моисеев в длинном рапорте от 22 октября 1825 года доносит Конференции о «развратном вольнодумстве» ученика Любича-Романовича, который своим поведением оказывает вредное влияние на прочих учеников и между прочим в музее на стене написал: «При выпуске береги зубы, Моисеев!» <...> В том же 1825 году надзиратель Зельднер в поданном им рапорте жалуется, что ученик Кобеляцкий, в ответ на сделанное ему Зельднером замечание, начал хлестать его, Зельднера, по ногам хлыстиком, а когда Зельднер закричал: «что ты делаешь, негодяй?!», то он стал хлестать его и по голове, а когда Зельднер стал убежать от него, он гнался за ним»; и пр. «В этом отношении организаторская деятельность Орлая <...> оказалась далеко не блестящею. Выбранный им состав лиц воспитательного персонала, которым вверен был ближайший надзор за поведением учеников, в значительном своем большинстве совершенно не удовлетворял своему назначению» [20, 306–308].

рашение с воспитанниками было, скорее, следствием неподготовленности к инспекторской деятельности, чем особого педагогического искусства. Как писал в рапорте Билевич, Белоусов «не устыдился сослаться на отсутствующего бывшего директора Орлая, будто бы он, г. Орлай, благодарил его за какие-то по пансиону старания²; как между тем известно всем гг. чиновникам сей Гимназии и почти всем учащимся в ней, как пред классами он, г. бывший директор Орлай, досадуя на г. Белоусова за многократные при самом вступлении его в должность инспектора над пансионом нерадения, публично и весьма гневно ему, г. Белоусову, выговаривал, повторяя многократно, что он жестоко в нем обманулся» [23, 177].

Очевидно, что лишь в этом смысле — как продолжатель дела Орлая — Белоусов и может быть назван отдаленным прототипом «необыкновенного» наставника Тентетникова. В то же время ухудшившееся положение дел в гимназии после отъезда Орлая свидетельствует, что Белоусов не только не исправил существовавших до него в гимназии негативных порядков — как на это рассчитывал Орлай, но пошел «еще дальше» директора, — так что на «звание» прототипа «чудного наставника» Александра Петровича Белоусов может «претендовать» в гораздо меньшей степени, чем Орлай. Сам бывший директор сумел удержаться от крайностей того направления, которому он следовал, задолго до Белоусова, в своей деятельности.

Имеются сведения и о прямом влиянии Орлая на Гоголя. В частности, уже неоднократно высказывалось предположение, что при создании повести «Страшная месь» одним из источников исторических сведений о Закарпатье и Галичине Гоголю послужили устные беседы и сочинения Орлая, в которых проводилась мысль о единстве славянских земель и о пагубности междоусобных раздоров³.

² В рапорте от 2 июля 1827 года Белоусов, в частности, писал: «...бывший директор Орлай многократными убеждениями принудил меня принять на себя должность инспектора... Я долго отказывался, ибо видел, сколько труда, беспокойств и неприятностей должно было переносить при столь развращенном состоянии пансиона, в каком он тогда находился. Но когда сей почтенный своими заслугами в нашем отечестве муж, начал меня почти со слезами убеждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую целому заведению, присовокупляя, что на меня только он единственно полагает надежду, что я все могу исправить: тогда и уже решился принять на себя тяжкое бремя...» [22, 141-142].

³ «...В «Страшной мести» он <Гоголь> несколько раз упоминает Карпаты, причем им употребляется название Карпатских гор в единственном числе «Карпат» — в такой форме, которая была обычна для Закарпатья» [24, 140-141]. В такой же форме Гоголь употребляет это слово и в незавершенном очерке о славянах: «Горы сторожат эту непомерную безмерность и равнину.

Не менее очевидно и отражение взглядов Орлая в представлениях Гоголя о русском языке как языке общеславянском. Незадолго до смерти, в 1851 году, Гоголь говорил, в частности, своему земляку О. М. Бодянскому по поводу творчества Т. Г. Шевченко: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски <...> надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...» [27, 479]. На это «общеславянское» значение русского языка Гоголь указывал и в самом начале своей литературной деятельности. В 1830-х годах в одном из набросков по славянской и русской истории он писал: «Честь сохранения славянского языка принадлежит исключительно русским» (набросок «Особые заметки»).

Это распространенное среди славянских народностей представление об объединительной роли русского языка [см., в частности: 28, 118; 29, 189; 30, 939-940; 31, 3; 32, 403-404; 5, 79-108; 33, 1-80; 34, 43; 35, 8-9, 50-57; 36, 109-110] было присуще в значительной степени и карпатороссу Орлаю. Удобный случай высказать свои убеждения представился, в частности, Орлаю в 1825 году — с вступлением на пост министра народного просвещения А. С. Шишкова. «Язык Славенский, то есть высокий, и классическая Российская Словесность повсеместно должны быть вводимы и одобряемы», — писал тогда новый министр [37, 58]. В июле 1825 года Орлай отправил Шишкову письмо, посвященное вопросу «о необходимости обучаться преимущественно отечественному языку», которое настолько оказалось соответствующим взглядам Шишкова, что тот почти целиком опубликовал его в официальном органе министерства, «Записках, издаваемых от Департамента Народного Просвещения» (письмо было напечатано также в Харькове, в № 16 «Украинского Журнала» за 1825 год).

«Что ж касается до богатства Российского языка, — писал Орлай в этом послании, — то он без сомнения может почесться самым богатым. Сила, высота, великолепие и богатство его несравненно превосходят все новейшие языки, судя по сочетанию с настоящим Русским наречием Славянского корня его <...> А

Пустынными рядами уральскими, снегоглавым Кавказом, ветвистым Карпатом они окружили ее как бы с тем, что «бы» здесь сохранилась долговременно особая своеобразность, особый отпечаток на здешних народах». Об отражении взглядов Орлая в повести Гоголя «Страшная месть» см. также: 11, 205; 25, 700; 6, 120; 26.

обширность языка Российского, судя по бесчисленному множеству Славян, в различных Государствах на необъятном просторе поселившихся, до изумления может удивить иноплеменника, не ведающего об одной. Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти от Петропавловского на Восточном берегу Камчатки порта, и даже от Северо-западных берегов Америки до Балтийского моря, отселе чрез Польшу в Австрийскую Монархию, где находится более четырнадцати миллионов Славян – с лишком две трети подданных сей Империи; оттуда вниз до Рагаузы, Венеции и даже до конца берегов Адриатического моря, не говоря уже о южных странах России, об Украине, Малороссии, о жителях берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, и сопредельных Северо-восточным Азиатским Государствам...» [10, 323–324].

Напомним содержание письма Гоголя к матери от 26 сентября 1839 года, где находится упоминание о славянах, живущих на берегах Адриатического моря, а также аналогичное замечание в отчете М. П. Погодина о поездке по Западной Европе, представленного в конце 1839 года Императору [38, 21–25] (из-за границы Погодин вернулся тогда вместе с Гоголем)⁴.

Любопытно отметить, что, будучи сторонником воссоединения всех славянских народов с Россией, «ретивый славянофил» Орлай (по выражению историка Н. Н. Мурзакевича [40, 79]) был и активным противником унии – и в 1824 году послал в Московское Императорское Общество Истории и Древностей Российских письмо о «Карпатороссах, говорящих Киевским Русским наречием» (это письмо на заседании Общества 29 февраля 1824 года решено было опубликовать в «Трудах и записках Общества Истории и Древностей Российских»; письмо напечатано под названием «О Юго-западной России» [41, 220–228]). Кроме того, Орлай отправил в Общество рукопись (написанную, предположительно, в начале 1800-х годов М. Е. Марковым), содержащую «замечания о Малороссии, с 25-ю раскрашенными изображениями от Гетмана до крестьянина», а также «три статьи касательно запорожских казаков». Последние материалы были тогда же переданы на рассмотрение Д. Н. Бантыш-Каменскому [42, 57–58], который спустя два месяца, 29 апреля, дал присланным Орлаем «замечаниям о Малороссии» резко критический отзыв («...видно несправедливое пристрастие, руководившее сочинителя. Он <...> превозносит по-

⁴ Во многом созвучны воззрениям Орлая и размышления Гоголя о богатстве русского языка – сравнительно с «чужеземными наречьями» (см.: 2, т. 8, 790–791; т. 9, 538, 559). Сходна и критика Гоголем модной «галломаннии» (например, в «Женитьбе»). И. С. Орлай писал: «...У нас по какому-то

хвалами Великороссиян и <...> бранит бесцадно Малороссиян...»), а о «трех статьях касательно запорожских казаков» вообще не упоминал [42, 73–76]⁵.

Спустя некоторое время Орлай послал в Общество новые материалы – а именно, две рукописные книги: «о Донских козаках» и «о козаках Малороссийских», и «восемь грамот Малороссийских Гетманов»⁶. На заседании 15 ноября 1824 года эти материалы были переданы на рассмотрение М. Т. Каченовскому [42, 82]. 6 января 1825 года Каченовский сообщал: «История и повествование о Донских козаках по содержанию своему есть книга любопытная, а по правдолюбию сочинителя она драгоценна <...> то же самое могу сказать об истории Малороссийской, с тою же основательностью, кажется мне, одним и тем же автором собранной. Если книги сии, по неправильности слога и грубости языка, не могут быть изданы в таком, как они есть, виде, то, по крайней мере, ничто не препятствует делать из них извлечения, или руководствоваться ими при сочинении истории о козаках Малороссийских, Донских, Украинских, Чугуевских. Универсалы или грамоты Гетманов имеют содержанием своим пожалование разных привилегий купечеству Грекам и людям других наций. Документы сии хотя и неподлинны, но важность их (впрочем никем не засвидетельство-

странному предубеждению изучение французского языка полагается главным основанием существенного образования, так что тот не считается даже благовоспитанным человеком, кто не говорит на французском языке <...> Естественным следствием такого беспорядка будет то, что юноша <...> будет уметь изъясняться на модном языке, но не всегда хорошо рассуждать и чувствовать» [10, 327]. Неудивительно, что позднее один из виднейших деятелей Карпатской Руси С. Ю. Бендасюк, говоря о художественном воспроизведении Гоголем «малорусской стихии», а также о языке Гоголя, «одинаково зедного русскому на крайнем севере <...> и русскому на крайнем юге», сравнивал Гоголя с Богданом Хмельницким [39, 54].

⁵ Еще ранее, в начале 1815 года, Орлай посылал в Общество рукопись «на польском языке, касательно жителей Малой России, сиречь белой, червонной и черной России» [43, 12]. Любопытно, что 13 марта 1834 года, Гоголь писал М. П. Погодину: «...Охота тебе вступаться за Бантыша! ведь он <...> замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи». Можно предположить, в данном случае Гоголь имел в виду прежде всего «материалы и рукописи» Орлая, высланные последним в дар Обществу Истории и Древностей Российских (с надеждой на их публикацию). Во всяком случае, сохранились сведения, что с «Трудами...» Общества Гоголь был знаком еще в Нежине [см.: 23, 168].

⁶ Помимо перечисленных, Орлай послал также в Общество целый ряд других материалов, – главным образом по всеобщей истории и славянству [см.: 43, 19, 25; 42, 78, 91, 102, 116, 167; 44, 50].

ванная) обеспечивается тем, что они суть списки универсалов, хранящихся в Нежинском Греческом обществе» [42, 93–94]⁷.

Интерес Орлая к истории запорожского казачества был прямо связан с мыслью о единстве всех русских земель. Как уроженец Карпатской Руси, Орлай был чужд сепаратистских устремлений «украинофильства». В своей статье «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся» он писал: «Чем народ единоплеменнее и более усредоточен, тем он единомысленнее, сильнее и важнее; чем более находится между им иноплеменных, тем более несогласий, неудачи в предприятиях в Турции, в Австрии. Поэтому-то гораздо полезнее народ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; гораздо выгоднее смежных единоплеменников соединить, нежели искать владений в отдаленности...» [45, 293]. Не случайно, среди материалов по истории Малороссии, выславшихся Орлаем в Общество Истории и Древности Российских, встречаются и материалы о Богдане Хмельницком. В протоколе заседания Общества 12 апреля 1823 года, в частности, говорится: «Читано отношение <...> И. С. Орлая де Карва⁸, с приложением древней рукописи под названием: *Утверждение от Великого Государя Алексия Михайловича обеих сторон Днепра Гетману Богдану Хмельницкому* и проч. <...> Определено: <...> хранить при делах Общества» [46, 5].

Без сомнения, взгляды Орлая отразились не только в гоголевской «Страшной мести», но и в замысле «Тараса Бульбы»⁹.

⁷ Обратим внимание на то, что в гоголевской «Книге всякой всячины...», начатой в Нежине в 1826 году, находится сходный гетманский указ Ивана Скоропадского (1711 года) (источник, откуда Гоголь сделал выписку, не установлен), связанный с регулированием взаимоотношений с «кучествующими людьми» (о наказании кучца «Васыля Салогуба» за испоставку им овец по договору).

⁸ В других сообщениях Иван Семенович трижды называется Орлаем де Карва.

⁹ По словам исследователя, И. С. Орлай, «впервые открыв для русской науки и общественности подлинный лик карпатороссов <...> оказал непосредственное влияние на своего воспитанника <...> Н. В. Гоголя. Последний впервые в русской литературе заговорил о карпатороссах («Страшная месьть») и с большим вдохновением и пониманием сущности рассказал о религиозно-национальной борьбе завально-русских («Тарас Бульба»). Кроме статей и, вероятно, воспоминаний о рассказах Орлая, у Гоголя и не могло быть материалов к познанию подъяремной Руси» [47, 112; см. также: 48, 8]. Добавим, что в работе над «Тарасом Бульбой» Гоголь, как известно, пользовался собранием «галицко-русских» песен В. Залесского, изданным в 1833 году во Львове [49]. Возможно, интересом к галицкой песне Гоголь также был обязан Орлаю [50, 495–498].

При этом несомненно и то, что своими убеждениями в необходимости единства славянских земель сам гоголевский наставник был обязан не своим либеральными или научным взглядам — и, конечно же, не принадлежностью его к масонству, но самому своему происхождению — непосредственному переживанию трагической судьбы своего народа — отторгнутых от России единоплеменников¹⁰. Это живое чувство, очевидно, Орлай и передал Гоголю, создавшему впоследствии «Тараса Бульбу», а также всем трем своим сыновьям (один из которых, Андрей, учился в Нежинской гимназии), которые все стали офицерами русской армии, дослужившись до звания полковников (с двумя из них, Александром и Андреем, Гоголь встречался в Одессе весной 1848 и зимой 1850/51 годов — в период работы над вторым томом «Мертвых душ»; о сыновьях И. С. Орлая см.: 53, 47–49)¹¹. В этом отношении очевидно, что из тех понятий и познаний, какие мог дать своим воспитанникам Орлай, Гоголь сумел почерпнуть в его «многосторонней» личности самое важное, — не поддавшись при этом иным, неблагоприятным влияниям.

Добавим, что влияние И. С. Орлая — воспоминания о котором не случайно вызвали у Кукольника сравнение с «энциклопедией» — сказались, очевидно, и в увлечении Гоголя географией и ботаникой. Орлай много путешествовал и был выдающимся ботаником; он состоял членом Ботанического общества в Альтенбурге, и его именем было названо даже одно из растений — «Orlaya» [11, 211]. «Orlaya grandifolia» упоминается в гоголевском перечне латинских названий растений, предположительно, 1840-х годов [см.: 55, 437]. В Общество Истории и Древностей Российских Орлай посылал, в частности, рукопись книги П. С. Палласа «Флора России» [11, 191]. В бумагах Гоголя сохранился обшир-

¹⁰ Космополитическое масонство использовало естественное стремление славян к единению в прямо противоположных целях — в частности, для отторжения от России Южной Руси. В этом направлении, в частности, действовала связанная с польскими националистическими кругами киевская ложа «Соединенных Славян», главой которой был В. Л. Лукашевич, получивший в 1821 году степень тамплиера (храмовника) от капитана польских войск Ф. Маевского [см.: 51, 279], а членами — «прогрессивные» профессора Нежинской гимназии К. В. Шапалинский и И. Я. Ландражин [см.: 52, 151–152].

¹¹ Еще в 1847 году, 4 октября, А. С. Данилевский писал Гоголю: «Что до меня, я все там же, все так же инспекторствую. Не знаю, долго ли это еще продлится, но знаю то, что желал бы очень переменить род службы, а потому прошу тебя, когда будешь в Одессе, повидайся с Александром Орлаем и поговори с ним на мой счет: может быть, он найдет возможность и средства доставить мне какое-нибудь место в Одессе» [54, 594].

ный конспект книги Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» (3 ч. СПб., 1773–1788). В 1830-х годах эта книга упоминается, среди других «путешествий по России» — Гмелина, Лепехина, Рычкова, Крашенинникова, Севергина и др., в списке книг, составленном Гоголем по «Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (СПб, 1828). Неоднократно имя Палласа встречается и в гоголевских подготовительных материалах начала 1840-х гг.: «Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина» (записная книжка 1841–1844 годов); «Лепехин, Паллас, Крашенинников» [56, 140]. Как вспоминала А. О. Смирнова, Гоголь летом 1849 года в Калуге «читал с восторгом Палласа, восхищался его познаниями в геологии и ботанике» [57, 69–70]. Книгу Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства...» Гоголь спрашивал в конце 1851 года у С. П. Шевырева.

Влияние Орлая, вероятно, можно усмотреть и в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», начинающейся с предупреждения Гоголя не погребать его «до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения». Здесь, в частности, говорится: «Будучи в жизни своей свидетелем многих печальных событий от нашей неразумной торопливости во всех делах, даже и в таком, как погребение, я возвещаю это здесь в самом начале моего завещания, в надежде, что <...> посмертный голос мой напомнит <...> об осмотрительности». Еще раз Гоголь поднимал эту тему в «Выбранных местах...» в статье «Исторический живописец Иванов»: «Клянусь, бывают так трудны положенья, что их можно уподобить только положенью того человека, который находится в ледяном сне, который видит сам, как его погребают живого...».

Хотя Гоголь и утверждал, что был «свидетелем» торопливости людей «даже и в таком» деле, как погребение, однако, скорее всего, о подобных случаях он еще в юности прочитал в книге немецкого доктора медицины И. Г. Эллизена (Еллизена), изданной в 1801 году в Петербурге: «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизеном. С нем. перевел В. Джунковский». В книге рассказано о случаях преждевременного погребения мнимо-умерших за границей и в России (подлинность некоторых из этих свидетельств вызывает сомнение). Появление книги Эллизена в круге чтения Гоголя связано, как думается, именно с влиянием Орлая. Общим для Эллизена и Орлая было не только их медицинское образование. Эллизен был крупным масоном, главой лож «Трех Колонн»

«Киеве (1788) и «Петра к Истине» в Петербурге (1810). В 1809 году Оллизен был принят в ложу Александра, в то же время там был принят и Орлай [см.: 58, 396]. Однако, на Гоголя, получившего православное воспитание в семье, подобные рассказы о заживших погребенных, думается, производили не только негативное впечатление, но и способствовали формированию собственно христианского отношения к смерти. Так, протоиерей Е. А. Попов указывал на значение этих фактов для воспитания одной из главных христианских добродетелей – памяти смертной: «...Слышимый рассказ о том, как иной обмерший в могиле стонал, как потом найден был с признаками страшной борьбы со смертью (изломанная крышка гроба, изорванная рубашка, искусанные персты), тем более ужасает. Да мы стараемся отдалять от себя подобные представления, будто и умирать нужно только другим, а не нам» [59, 1020].

Высказано было также предположение, что в сюжете повести «Вий» нашли отражение разные слухи, ходившие в Петербурге по поводу одного из анатомических препаратов Петербургской кунсткамеры, а именно «головой небольшого мальчика» [60, 98–99]. Согласно описанию О. П. Беляева в книге «Кабинет Петра Великого» (изданной в 1800 году и известной Гоголю), «головка сия известна ныне публике под названием головы одной *девицы красавицы* 15 лет, о которой плетутся разные басни и нелепости» [61, 31]. Об этом экспонате кунсткамеры Гоголь мог узнать еще в Нежине от Орлая, так как, согласно послужному списку Орлая (см. ниже), именно он, будучи с 1793 по 1799 год помощником учебного секретаря Государственной Медицинской Коллегии, знакомил посетителей с экспонатами Петербургской кунсткамеры: «Находясь при Коллегии привел расстроенную Медицинскую Библиотеку и Люберкюнский Анатомико-физиологический Кабинет в порядок, а кроме сего изъяснял последний по препоручению оной же Коллегии для С. Петербургской публики».

В этой связи уместно отметить одно существенное расхождение между образом «чудного наставника» в «Мертвых душах» и его ближайшим прототипом – директором И. С. Орлаем. Относится оно к принципиальному для Гоголя вопросу о круге и характере преподаваемых юным слушателям «наук».

Как уже упоминалось, Орлай, заботясь об улучшении преподавания в гимназии различных наук, предлагал даже сократить для этого время на обучение языкам. «Когда <...> уменьшится время на изучение языков, – объяснял он эту меру в своем послании к

Шишкову, — то по существенному следствию, умножится оное для приобретения познаний в науках» [10, 329].

Очевидно, что Орлай — ставивший во главу угла углубленное (хотя и с помощью «кратких методов») изучение наук (в том числе курса естественного права, возобновленного в гимназии в 1825 году по его настойчивым ходатайствам) — в этом отношении не вполне соответствует образу гоголевского «необыкновенного наставника».

Отчасти это можно проследить, обозначив сходство и отличие взглядов Орлая и самого Гоголя на медицину. Тема диссертации Орлая, посвященная изучению «целебных сил природы», а также один из трудов, в котором он принимал ближайшее участие — составление «Русской полевой фармакопеи» (труд этот предназначался для военных врачей), — позволяют предположить о влиянии нежинского наставника на Гоголя и в этом вопросе¹².

Прежде всего Гоголь разделял с Орлаем представление о «целебных силах природы». 30 мая н. ст. 1839 года он, в частности, писал М. П. Балабиной об одном из основателей гидротерапии, австрийском враче из Грэффенберга В. Приснице: «Слышали ли вы о чудесах, производимых <...> медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч. и проч.? Я один из числа самых неверующих <...> Но <...> я <...> своими глазами видел такие чудеса...». 18 июня н. ст. 1843 года в письме к Н. М. Языкову Гоголь повторял: «...Не столько самая вода изумила меня своими действиями <...> сколько гений исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться <...> грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение...». Убеждение в том, что истинным Врачом и Целителем и в самых «обыкновенных», человеческих искусствах является не человек, а Бог (ибо «Господь создал от земли врачевания...»; Сир. 38,4), Гоголь высказывал неоднократно. П. В. Анненков следующим образом комментировал письмо Гоголя к Языкову о В. Приснице: «Он обращает внимание друга на поучительную историю воды, как всеобщего медицинского средства, от начала веков предложенного человеку самим Промыслом. Отвергнутое заумничавшимся человеком, оно вновь открыто, но не академиями, не профессорами и современной наукой, а простым и бедным крестьянином австрийской деревушки!» [62, 89]. Пред ним — «обязан-

¹² В гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии», пачатой в Нежине в 1826 году, с содержанием «Русской полевой фармакопеи» (*Wylie J. Pharmacopoeia castrensis ruthena. Petropoli, 1808*) связаны виньетки «Аптекарьской вес» и «Следующими знаками изображают вес аптекарский» [50, 495–498].

ным самому себе своим образованием» — «мало знают лучшие из книжников докторов», — замечал Гоголь о Приснипе в письмах к Д. Е. Бенардаки от июля 1842 года и к А. С. Данилевскому от 20 июня н. ст. 1843-го¹³.

Однако, несомненно, что критические отзывы Гоголя о «книжниках докторов» и «медицинских академиях» были для Орлая — профессора медицины, «Его Императорского Двора Доктора» — едва ли свойственны. В этом отношении источник воззрений Гоголя на медицину следует, очевидно, искать в другом месте. А. О. Смирнова, ее слов самого писателя, рассказывала о семье Гоголей: «Их домашним доктором был Трохимовский. Он по-своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни заворачивания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. «Бог, — говорил доктор, — так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье»» [57, 71].

Примечательно, что и в «Мертвых душах» многосложность и многообразие различных наук Гоголем также не поощряется. Относится это не только к тем «новым преподавателям, с новыми взглядами и новыми точками воззрений», «забросавшим слушателей множеством терминов и слов»¹⁴, — которые были «выписаны» в училище, после смерти Александра Петровича, новым директором. В качестве главного достоинства самого наставника Александра Петровича Гоголь отмечает не столько искусное преподавание им различных наук, сколько последующее изучение с воспитанниками «науки жизни» — составленной из ограниченного круга дисциплин: «Из наук были избраны только те, которые

---

¹³ Это представление об истинном врачебном искусстве — а также о присвоении себе корыстолюбивым «врачом»-ремесленником имени истинного Спасителя и Врача (для тех, кто «в болезни своей взыскал не Господа, а врачей»; Пар. 16, 12) — прямо отзывается в позднейших гоголевских письмах: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подалее от докторов и леченья» (письмо к А. О. Россету от 1 мая н. ст. 1845 года); «Излишне заботиться о здоровье грех. Нужно верить одному Богу: Он вылечит» (матери от 23 апреля 1846 года); «...Один Бог наш доктор <...> Его одного должно молить о излечении» (сестрам от 1 мая н. ст. того же года).

¹⁴ В 1842 году Гоголь в связи с воспитанием сына Д. Е. Бенардаки замечал: «Теперь слишком загро-<ма>жива-<ют> ум множеством самых разнородных наук, и никто не чувствует страшного вреда, что уже нет времени и возможности задуматься и оглянуть взором наблюдателя самое приобретенное знание» (письмо к Д. Е. Бенардаки около 20 июля н. ст.).

способны образовать из человека гражданина земли своей». В соответствии с программой «необыкновенного наставника» Гоголь в 1847 году писал С. П. Шевыреву о своем племяннике Н. П. Трушковском: «...Если в нем <...> возбудится *желанье* любить и знать Россию, то это все, что я желаю; это, по-моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки <...> этого и предовольно для русского гражданина. Все прочее может поселить только заносчивость...» (письмо от 18 декабря и. ст.). В письме к графине А. М. Виельгорской от 3 июня 1849 года Гоголь замечал: «Как на беду, первое наше воспитание отдаляет нас вдруг от того, что вокруг нас. С первых же дней набивают нас предметами, переносящими нас в другие земли, а не в свою. Оттого мы и не годимся для земли своей».

Сведениями о том, что Орлай практиковал в гимназии преподавание некоей «науки жизни», мы, однако, не располагаем. Очевидно, что, как и в случае с медициной, для образа гоголевского «чудного наставника» в данном отношении также следует искать другой «прототип», — который бы, например, мог не только передать, подобно Орлаю, «самую душу» действительной науки, но и, подобно Тарасу Бульбе, критически оценить подлинное содержание схоластической псевдо-учености — «советуя <...> детям вовсе не заниматься ею».

«Образцом» для школьного воспитания и в этом случае послужило, по-видимому, для Гоголя прежде всего воспитание в семье. Согласно дневниковой записи Е. А. Хитрово от 14 января 1851 года, «как-то Гоголь говорил о семействе Капниста: воспитывались дома и более из разговоров отца учились всему» [63, 548] (имение Капнистов Обуховка находилось неподалеку от гоголевской Васильевки). «Еще раз, — добавляла Хитрово, — он говорил: «Еще не догадались, что нет добра в том, чтоб слишком занимать детей»»¹⁵.

В прямом соответствии с этими размышлениями гоголевский генерал-губернатор в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» говорит: «...Пожалеем о детях, которых мы бросили в <чужие> руки и которых знать не хотим, тогда как кто лучшим бы мог быть воспитателем сына, как не отец? Да, ничего более, кроме только разумного чтения с ними этих книг, образующих

¹⁵ В дневник Е. А. Хитрово имеется еще одна запись (от 29 декабря 1850 года), передающая суждение Гоголя о воспитании: «О том, что я ему сказала: «Мудрено воспитание». — «Нет, не мудрено. Сделали мудреным. Стоит отцу и матери сидеть дома и чтоб ребенок рано почувствовал, что он член общества. А читать надобно, и читать можно: книги подспорье хорошее для всех, хорошо и для детей»» [63, 546].

уже измлада степенный, сильный характер, познание жизни, познание земли своей. <Одно это> уже было <бы> в несколько раз полезней всей этой истрачиваемой кучи денег на учителей с разными взглядами, разными понятиями <ми>, со всех сторон загружающими до того голову, что он, наконец, не узнает до поздней старости, было ли в нем какое-нибудь собственное мнение или мысль, и готов, как послушная овца, последовать за первым крикуном, за первой необдуманной брошюрой <ой>».

В письме к Белинскому 1847 года Гоголь замечал: «Эти поверхностные энциклопедические сведения разбрасывают ум, а не сосредоточивают его». В свою очередь, в статье «Христианин идет вперед» Гоголь замечал: «Ум не есть высшая в нас способность <...> беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставив слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию»¹⁶.

Как уже говорилось, главный недостаток «необыкновенного наставника» во втором томе «Мертвых душ» — это, по замыслу Гоголя, недостаток именно того, с чем «христианин идет вперед», — недостаток просвещенности «светом Христовым». Примечательно, как это отрицательное качество сказалось в том, что, по-видимому, Ордай — прототип гоголевского героя — считал одной из наиболее важных своих заслуг. Согласно его послужному списку (публикуемому ниже), «в 1803-м году, при учреждении новых Университетов в России, подавал он Его Высочайшему Превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцову <...> проект о вызове в Россию иноземных ученых людей из Славянского племени, а пайпаче из Карпаторусских жителей, получивших звание Профессоров в Австрийской Монархии и способных преподавать на Русском языке. По принятии же и утверждению сего проекта, возложено было на него и самое приглашение означенных Профессоров по собственному его выбору. Вследствие сей порученности приглашены были: 1) Профессор Политических наук Велико-Варадской Академии, что в Венгрии, Михайло Андреевич Балугьянский <...>; 2) Профессор Замойского Лицея (что на Червонной Руси) Василий Григорьевич Кукольник <...> которые оба удостоились быть наставниками по части Правоведения ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая Павловича и Его Высочества Михаила Павловича...». Отметим, что В. Г. Кукольник был также первым директо-

¹⁶ Еще в 1834 году, размышляя об «образе преподавания» всеобщей истории, Гоголь замечал: «Профессор <...> не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многообразие и большое обилие предметов не дадут возможности удержать все в мыслях» (статья «О преподавании всеобщей истории»).

ром Нежинской гимназии, а имя М. А. Балугьянского стояло на титуле той книги, которая упоминалась в нежинском «деле о вольнодумстве» (Балугьянскому был посвящен перевод книги Т. Шмальца «Право естественное» (СПб., 1820), по которому преподавал этот предмет профессор Н. Г. Белоусов [64, 5]).

В 1821 году Д. П. Рунич, расследовавший дело о вольнодумстве среди профессоров Петербургского университета, установил причастность Балугьянского, бывшего в то время ректором университета, к происходившим беспорядкам. Собрав студенческие тетради с записями лекций профессоров (в том числе курса лекций по политической экономии Балугьянского), Рунич докладывал князю А. Н. Голицыну, что в этих лекциях «опровергается достоверность Священного Писания, подрывается в основании учение Христа Спасителя, укореняются разрушительные начала, презрение к властям, от Бога установленным» [21, 135]. Балугьянский, не будучи включен в число обвиняемых профессоров, принял, однако, их сторону, и, подав прошение об отставке, оставил пост ректора. Князь Голицын при этом докладывал Императору, что Балугьянский, «попустив во время ректората своего вредному духу вкрасться в учение, не сожалел, однако, участвовать в благотворительном попечении начальства об изгнании оного и введении лучшего, а при этом не захотел и ожидать и окончания сего дела, от прикосновенности к коему он никак освободиться не может» [21, 136].

Позднее, 26 октября 1847 года Император Николай I в беседе с бароном М. А. Корфом говорил: «Я помню, как нас с братом мучили <...> два человека, очень добрые, может статья, и очень умные, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам, на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и, Бог знает, каких еще законах; другой что-то о мнимом «естественном праве». <...> И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбляшку, без плода и пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием — религию» [65, 30].

Несмотря на то, что образ «чудного воспитателя» — «идола юношей» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ» не является «идеалом» наставника, это не умаляет его значения в гоголевском творчестве. Безусловно, прототипом такого героя мог послужить только человек исключительный. Значительные научные и служебные заслуги директора Нежинской гимназии высших наук И. С. Орлая сами по себе свидетельствуют, что «подать» гоголевскому «необыкновенный наставнику» среди профессоров *alma mater* Гоголя мог быть только Орлай.

Формулярный список
Действительного Статского Советника и Кавалера,
Директора Одесского Ришельевского Лицея
Ивана Орлаи 1828-го года

Формулярный список И. С. Орлая хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1828 г., № 96, ч. 2, л. 24). На титульном листе надпись: «Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи. 1828-го года» (л. 1). Составлен в августе-сентябре 1828 г. Список занимает л. 2-24 рукописи и представляет собой таблицу из двенадцати столбцов, из которых девять имеют только по одной записи, а последовательными хронологическими записями заполнены лишь три графы: четвертая («Когда в службу вступил, и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ль каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награжден и в какое время»); пятая («Годы») и шестая («Месяцы и числа»).

Единичные записи граф 1-3, 7, 8, 10-11-й находятся в первой строке таблицы. Запись в 9-й графе занимает заключительную строку таблицы. В первой графе, озаглавленной: «Чин, имя, фамилия, должность, им отправляемая, и сколько от роду лет», записано: «Действительный Статский Советник Кавалер Его Императорского Величества Двора Доктор, Одесского Ришельевского Лицея Директор Иван Семенов сын Орлаи 59-ти лет».

В графе второй «Из какого звания происходит» значится: «Родом из Венгрии, благородного происхождения, в вечное подданство России вступил в 1810-м году в Декабре месяце».

Третья графа «Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат за женою недвижимое имение» разделена на две части: «У родителей и у самого него» и «У жены, буде женат», из которых каждая в свою очередь имеет по два раздела: «Родовое», «Благоприобретенное». В графе «У родителей и у самого него», в разделе «Родовое» значится: «Не имеет», в разделе «Благоприобретенное» — «Имеет сад и 6 душ мужска пола на оном крестьян, Полтавской Губернии в Миргородском повете». В обоих разделах графы «У жены, буде женат» вписано: «Не имеет».

Содержание четвертой, пятой и шестой граф приводятся ниже в виде таблицы.

Графы седьмая «В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет, и когда именно», восьмая «Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что именно, когда и чем дело кончено», десятая «Не был ли в отпусках и есть ли был, то когда именно, на сколько времени и являлся ли на срок к должности», одиннадцатая «Не был ли в отставке с награждением чина или без оного и когда», имеют одинаковые записи: «Не был».

В двенадцатой графе «Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет, и где они находятся» записано: «Женат, имеет детей, родившихся: 1) дочь Екатерину, в 1798 XII/5; 2) сына Михаила, Прапорщика 2-го Украинского Уланского полка, исправляющего должность Старшего Адъютанта в Канцелярии войск поселенных, в 1803 X/29; 3) сына Александра, Прапорщика того же полка, исправляющего должность Адъютанта при Новороссийском и Бессарабском Генерал-Губернаторе, в 1805 VI/30; 4) дочь Анну, в 1806 VIII/15; 5) дочь Марию, в 1807 X/24; 6) дочь Елисавету, в 1810 II/17 7) сына Андрея, Императорского пансионера в Ришельевском Лицее, в 1813 IX/30; кои все, исключая сыновей, находятся при нем».

Девятая графа «К продолжению Статской службы способен, к повышению чина достоин или нет, и за чем» имеет заключительную для всей таблицы запись: «Способен и достоин».

В деле о пенсione вдовы И. С. Орлая Шарлотты Ивановны Орлай (РГИА, ф. 471, оп. 1, ед. хр. 691, л. 34) сохранился также еще один послужной список Орлая (л. 11–28). Этот список, озаглавленный «Послужной список Действительного Статского Советника и Кавалера Директора Одесского Ришельевского Лицея, Двора Его Императорского Величества Доктора Ивана Орлая. Составленный 1828 года», представляет собой копию, снятую 27 июня 1830 г. (то есть спустя более года после смерти Орлая, последовавшей 27 февраля 1829 г.). (Дело о пенсione Ш. И. Орлай начато 30 июля 1829 г., окончено 4 ноября 1830 г.) Этот список почти полностью повторяет первый, но содержит, кроме того, две новые записи (от 1 октября и 16 ноября 1828 г.). В то же время некоторые из записей, имеющиеся в первом списке, в новом списке сокращены. За основу настоящей публикации взят прижизненный послужной список Орлая августа-сентября 1828 г. Два дополнения к этому списку по копии 1830 г. приводятся в подстрочных примечаниях.

Когда в службу вступил, и в одной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награжден и в какое время?

Годы
Месяцы
и числа

Из Римско-Императорско-Королевской службы, где был Профессором в Велико-Карловской Гимназии, что в Венгрии, вступил в Медико-Хирургическое Училище, что ныне Медико-Хирургическая Академия, Студентом и в службу С. Петербургскую Генеральную Госпиталь¹⁷.

1791
Мая
8-го

Выдержав испытание в Государственной Медицинской Коллегии, произведен Лекарем и оставлен в сем качестве при С. Петербургской Генеральной Госпитали.

1793
Февраля
14-го

По указу Ея Величества приснопамятной Императрицы Екатерины II из Государственной Медицинской Коллегии № 4145 определен по способности его и по тогдашней необходимости для рассматривания присылаемых от разных чинов observations и прочего, Помощником Ученого Секретаря Государственной Медицинской Коллегии с оставлением при Генеральной сухопутной Госпитали Лекарем. Выдержав испытание в Государственной Медицинской Коллегии, произведен Лекарем и оставлен в сем качестве при С. Петербургской Генеральной Госпитали.

-
Сентября
27-го

Находясь при Коллегии привел расстроенную Медицинскую Библиотеку и Люберкюнский Анатомико-физиологический Кабинет в порядок, а кроме сего изъяснял последний по препоручению одной же Коллегии для С. Петербургской публики.

Отправлен Коллегиею в Венский Университет для усовершенствования себя в Медико-Хирургических науках.

1794
Июля
31-го

¹⁷ В позднейшем сокращенном формулярном списке И. С. Орля вместо: Из Римско-Императорско-Королевской <...> Госпиталь. — значит: По окончании курса Медико-Хирургических наук в С. Петербургском Медико-Хирургическом училище, что ныне Медико-Хирургическая Академия и послужению в Генеральной Сухопутной Госпитали «в службу вступил» с 1791. Мая 8 (РГИА Ф. 471. Оп. 1. Ед. хр. 691. Л. 12).

<p>... службой в госпиталях по случаю отъезда его уволен с аттестатом за подписом главного Доктора Тихорского и главного Лекаря Бюрбера в том, что он в пользовании больных военного чина был весьма рачителен и благоуспешен, при том поведении похвального.</p>	-	Августа 16-го
<p>Признан почетным членом Ениского Физического Общества в надежде содействия его к пользе и цели Обществом предположенной.</p>	1795	Мая 17-го
<p>Возвратившись из чужих краев, вступил по прежнему в должность Помощника Ученого Секретаря Государственной Медицинской Коллегии.</p>	1797	Июня 15-го
<p>По указу Его Императорского Величества из Государственной Медицинской Коллегии № 662 за врачебные примечания на Латинском языке, представленные им Государственной Медицинской Коллегии и добropорядочную службу произведен в Штаб-Лекари, с оставлением по прежнему при Ученом Секретаре оной Коллегии Помощником.</p>	1798	Февраля 14-го
<p>По указу Его Императорского Величества из Государственной Медицинской Коллегии № 4804 определен Лейб-Гвардии в Семеновский полк на Лекарскую вакансию с оставлением при должности помощника ученого Секретаря Государственной Медицинской Коллегии.</p>	1798	Сентября 13-го
<p>Из оного полка по прошению его уволен с аттестатом от 10-го Октября 1799 года № 566 от Государя Императора блаженной памяти Александра Павловича, бывшего оного полка Шефом, о том, что он должность свою исполнял рачительно и поведения был хорошего, и Генерал-Майора де Прерадовича того ж года от 23-го Сентября за № 506 о том, что он исправлял должность с крайним тщанием и прилежностью без наималейшего упущения.</p>	1799	- 30-го
<p>Определен в С. Петербургский Почтамт на лекарскую вакансию с оставлением при должности Помощника Ученого Секретаря в Государственной Медицинской Коллегии.</p>	-	Октября 19-го

По Высочайшему именному повелению уво-
ден от должности Помощника Ученого Секрета-
ря в Государственной Медицинской Коллегии
для определения в Гоф-Хирурги Его Император-
ского Величества.

1800

Марта
9-го

В продолжении службы при Коллегии пере-
редил из разных языков на Латинский Медико-
Хирургические примечания Российских врачей
и обработал множество из них, кои изданы по оп-
ределению Коллегии Ученым Секретарем под на-
званием: *Observationes Medico-Chirurgorum
Ruthenici Imperii Petropoli.*

По случаю кончины Его Императорского Вели-
чества Павла I удостоен был Высочайшего поруче-
ния присутствовать неотлучно при теле Его Вели-
чества (за что и получил 1000 рублей в награду).

1801

С 12-го
Марта до
предания
тела погребению

По Высочайшему именному указу за оказан-
ную к службе ревность и прилежность пожалован
Надворным Советником.

1802

Апреля
2-го

В 1803 году, при учреждении новых Универ-
ситетов в России, подавал он Его Высочайшему
дворному Николаю Николаевичу Новосильцо-
ву, бывшему тогда Статс-Секретарем, проект о вы-
зове в Россию иноземных ученых людей из Сла-
вянского племени, а найпаче из Карпаторусских
жителей, получивших звание Профессоров в Ав-
стрийской Монархии и способных преподавать на
Русском языке. По принятии же и утверждению
сего проекта, возложено было на него и самое при-
глашение означенных Профессоров по собствен-
ному его выбору. Вследствие сей порученности
приглашены были: 1) Профессор Политических
наук Велико-Варадской Академии, что в Венгрии,
Михайло Андреевич Балугьянский, бывший Про-
фессор и Ректор С. Петербургского Университе-
та (ныне Действительный Статский Советник и
Кавалер, Статс-Секретарь, Директор Коммиссии по-
гашения долгов, начальник Коммиссии составле-
ния законов, причисленный по Высочайшему по-
велению ко 2 отделению собственной Канцеля-
рии Его Императорского Величества; 2) Профес-

сер гамбургского лица (что на Червонной Руссии) Василий Григорьевич Кукольник, бывший Профессор С. Петербургского Университета, Директор Гимназии высших наук Князя Безбородко, Статский Советник и Кавалер, которые оба удостоились быть наставниками по части Правоведения ныне благополучно царствующего Государа Императора Николая Павловича и Его Высочества Михаила Павловича; 3) Профессор Львовского Университета (что на Червонной Руссии) любомудрия и Математики Петр Дмитриевич Лоди, ныне Действительный Статский Советник и Кавалер, Профессор С. Петербургского Университета, бывший Директор Коммерческого Училища. Из Сербов Венгерских вызваны были им: 1) Профессор Афанасий Иванович Стойкович, бывший Профессор и Ректор Харьковского Университета, ныне Действительный Статский Советник и Кавалер; 2) Профессор Григорий Терлаич, бывший Профессор С. Петербургского Педагогического Института и Харьковского Университета. Из Славян Кроацкии, называющих себя Горватами, вызван был им же <Орлаем> Егор Зучич, бывший Профессор Клиники в Императорской Медико-Хирургической Академии. кои все почти, по прибытии своем в С. Петербург заняв Профессорские места и преподавая учение наук на Русском языке, издали в свет общепользные сочинения и доставили России знатное число не только образованных по военной и гражданской частям чиновников, но и по учебной части образованнейших наставников, из коих некоторые преподают науки в С. Петербургском и Московском Университетах, Царско-Сельском и Одесском Рихельевском Лицеях, в Гимназии высших наук Князя Безбородко и других учебных заведениях России. Таким образом вызванные им, Орлаем, иноземцы его все совершенно оправдали его проект и выбор весьма ощутительными действиями на образование Российского юношества и на приготовление отличных наставников для вящего еще распространения света наук и добронравия в России. К подтверждению сего случит и то, что все вышеозначенные вызванные Профессоры Высочайше пожалованы столь значительными чинами, знаками отличия, арендами или землями в вечное и потомственное владение и всем им чрез бывшего Гос-

Указом Императора Александра I от 1804 года по докладу Императорского Медицинского Коллегии объявлено Высочайшее благоволение за примерное их усердие и ревность к Государственной службе.

По уважению отличной ревности и любви к наукам признан членом находящегося при Императорском Московском Университете Общества соревнования врачебных и физических наук.

1804
Октября
15-го

Сему Обществу принес в дар, между прочими квиатами, 1) рукописи славного естествоиспытателя и путешественника в Царствование Императора Петра Великого Г-на Шобера, содержащую необычные замечания, найденные о Сибири; 2) Флору России Палласа.

По Высочайшему именному указу уволен из Почтамта (где он кроме обязанности своей по званию исправлял и должность Доктора чрез нарочитое время без всякого за то возмездия и сберег в пользу казны нарочитое число денег из суммы 1500рублевой, отпускаемой ежегодно на лечение больных нижних чинов) с засвидетельствованием от Почт-Директора Действительного Статского Советника Николая Калинина от 8-го Марта 1805 года за № 930 о исправлении им должности с отличным усердием, ревностию, неуныпным прилежанием и успехом, и определен помощником к Лейб-Хирургу Его Императорского Величества Г-ну Вилие.

1805
Марта
7-го

Признан в надежде содействия его к пользе Ботаники членом Альтенбургского Ботанического Общества.

-
Ноября
15-го

По особенному Высочайшему поручению отправлен в чужие края.

1806
Мая 4-го

Где в Королевско-Прусском Кенигсбергском Университете за представленные им ученые сочинения и многоразличные в ученом свете заслуги произведен свободных наук Магистром и Философии Доктором.

-
Июля
6-го

В Императорском Дерптском Университете за сочиненную им Диссертацию под заглавием:

-
Октября
20-го

Dissertatio sistens doctrinam de viribus natura medicatricibus historiam brevem, expositionem, vindicias и проч. (которая и напечатана) произведен Доктором Медицины и Хирургии.

Возвратившись из чужих краев, вступил в прежние должности.

-

Ноября
1-го

Государь Император во изъявление Высочайшего своего благоволения за принесенное им <Орлаем> в дар Педагогическому Институту собрание птиц из перьев, искусно сделанных, Всемилостивейше пожаловать ему соизволил бриллиантовый перстень.

1807

Октяб-
<ря>
22-го

Императорское Московское Общество испытателей природы по уверенности в известной его ревности к наукам признало его своим членом.

1807

Декаб-
<ря>
16-го

Избран Императорскою Медико-Хирургическою Академиею и утвержден Господином Министром внутренних дел Ученым Секретарем Академии, а от должности помощника Лейб-Хирурга Виллие уволен с Аттестатом за № 174 о том, что он во все время службы его при нем в качестве помощника делаемые ему поручения всегда исполнял с отличным успехом и в полной мере оправдал к нему доверенность, отличаясь всегда примерною деятельностью, честностию, прямою и бескорыстием.

1808

Августа
27-го

В качестве помощника Лейб-Хирурга Виллие (ныне Лейб-Медика Баронетта Виллие, главного по армии Медицинского Инспектора, Президента Императорской Медико-Хирургической Академии) при издании военной фармакопеи для армии (Pharmacopea castrensis Ruthenica), трех ее изданий, и при составлении Устава для Императорской Медико-Хирургической Академии при начальном ее образовании, помогал ему, Г-ну Баронетту Виллие, как сие явствует из отношения его, Г-ну Баронетта, из Лейбаха от 1821 года Марта 18-го дня № 36 состоявшегося к бывшему Господину Министру Духовных дел и народного просвещения.

Признан почетным членом Ениского Минералогического Общества.	1808	Декабря 8-го
По именному Высочайшему указу пожалован в вознаграждение усердной службы Коллежским Советником.	1809	Января 9-го
Признан Экстраординарным членом Общества истории и древностей Российских, учрежденного при Московском Университете.	-	Мая 4-го
Всемилоостивейше пожалован в воздаяние усердной и ревностной службы кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени.	-	Сентяб- <ря> 21-го
По уважению усердной и ревностной любви к Медицине и за отличные заслуги, оказанные им в розыскании официальных растений внутри Российской Империи, признан Экстраординарным членом фитографического общества, что в Горинке.	1810	Января 8-го
Именным Высочайшим указом переименован из Гоф-Хирурга Доктором Его Императорского Величества.	1810	Мая 7-го
По особенному Высочайшему поручению отправился в чужие края.	-	Июня 1-го
Признан в надежде содействия его к пользе наук почетным членом Эрлангенского Физико-Медицинского Общества.	-	Сентяб- <ря> 1-го
Возвратившись из чужих краев, вступил в прежние должности.	-	Ноября 1-го
Назначен Академиею Редактором Всеобщего Журнала врачебной науки в Комитете, учрежденном для издания оного.	1811	Янва- р<я> 7-го
Из уважения отличной любви и ревности к отечественной Истории, признан Обществом Истории и Древностей Российских, учрежденным при Императорском Московском Университете, соревнователем Общества.	-	Сентяб- <ря> 6-го

По именному Его Императорского Величества указу пожалована ему за ревностное прохождение службы пенсия тысяча рублей в год по смерти.	—	Октяб<ря> 6-го
Исправлял добровольно должность Ординатора в С. Петербургской Сухопутной Генеральной Госпитали, по случаю войны с Французами и умножения больных военных.	1812	Апреля 8-го
Принес в дар Обществу Истории и Древностей Российских книги, за что и получил благодарность от Общества.	—	
От ординаторской должности по причине уменьшения числа больных Медицинским Департаментом военного Министерства уволен, с изъявлением ему от 14-го Октября 1813 года № 3780 совершенной благодарности за рачительность и готовность, какие оказал в самое нужное время помощь больных военного ведомства и военнопленных разных наций, как то: Австрийцам, Баварцам, Витенбергцам и Испанцам, и с удостоверением, что таковое усердие непременно доведено будет до сведения высшего начальства.	1813	Октября 14-го
По всеподданнейшему представлению Господина управляющего военным Министерством Князя Горчакова и засвидетельствованием главного по армии Медицинского Инспектора г-на Вилле, в воздаяние ревностной службы и отличного усердия, оказанного им в добровольном пользовании при С. Петербургской сухопутной Госпитали военного ведомства больных в 1812 * году, Высочайше пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-го класса.	1814	Мая 20-го
Вследствие Высочайшего Манифеста от 3-го Августа 1814 года, в коем благоутодно было Государю Императору отличить благородное Российское Дворянство знаком Высокомонаршего своего благоволения и признательности, получил за сделанные им пожертвования в 1812 году, во время войны с Французами, бронзовую медаль на Владимирской ленте.	—	Август<а> 30-го

<p>Московскому Обществу соревнования врачебных и физических наук принес в дар значительное собрание редких рукописей, касающихся до Истории Медицины в России 1 века, за что и получил благодарность от Президента оного Действительного Статского Советника Рихтера.</p>	-	Марта 8-го
<p>Принес в дар Императорской публичной библиотеке книги Церковно-Славянские во Львове, Ческие в Праге, Сербские в Будиме, изданные в свет, за что получил от Императорской публичной библиотеки признательность чрез начальника оной Г-на Тайного Советника Оленина.</p>	1815	<Марта 31-го > ¹⁸
<p>По Высочайшему указу в воздаяние усердной службы и ревностно исполнения должности пожаловав в Статские Советники с старшинством с того времени, когда узаконенный срок в прежнем чине кончился.</p>	1816	Сентября 4-го
<p>По прошению его и по положению Комитета Гг. Министров, утвержденному Его Императорским Величеством уволен по болезни от должности ученого Секретаря Академии (в коей кроме своей должности по течению дел сочинил он на Латинском языке формы всякого рода Дипломов, Свидетельств, Инструкций для учащихся и учащихся, завел разные книги для вящего порядка и сверх сего пожертвовал в оную Академию значительное число книг) с засвидетельствованием от Президента Академии Действительного Статского Советника Баронетта Виллие от 24-го Августа 1818-го года за № 471-м в том, что он во все время служения своего в Академии отличался примерным усердием к службе, деятельностью, бескорыстием и наилучшею нравственностью, и оставлен при Президенте Баронетте Виллие по особым поручениям, с произвождением ему в жалованье из Государственного Казначайства 2000 рублей в год.</p>	1817	Мая 15-го
<p>На основании постановления Комитета Гг. Министров от 4го Июня 1814-го года № 1716-й</p>	-	Июня 17-го

¹⁸Дата устанавливается на основании позднейшего сокращенного формулярного списка И. С. Орлая (РГИА. Ф. 471. Оп. 1. Ед. хр. 691. Л. 22).

за отличные по Медицинской части заслуги признан Императорскою С.Петербургскою Медико-Хирургическою Академиею Почетным членом.

По Высочайшему повелению уволен от должности его при Президенте Императорской Медико-Хирургической Академии с свидетельством за № 154-м о том, что он все деланные ему поручения по службе от него, Президента, исправлял с отличным усердием и к полному удовольствию начальства (вообще же о прохождении службы его при нем, Баронетте Виллие, в отношении своим от 1826 года 13го Августа к Господину Министру народного просвещения засвидетельствовал, что он, Орлаи, не только со стороны нравственности, доведенной до высочайшей степени совершенства, и отличных талантов и известности в ученом свете (что всем ведомо) рекоммендуется Господину Министру и поручается в милостивое благоволение Государя Императора, сколько по уважению именитых заслуг, оказанных им России во всех местах, где служил он 35^ю лет непрерывно, и в том числе 22 года при нем (Виллие) в Императорской Гвардии, при Высочайшем Дворе, в Медико-Хирургической Академии или непосредственно при нем (Виллие), для пособия своими советами к усовершенствованию врачебного воспитания в Российской Империи), и определен Директором Гимназии высших наук Князя Безбородко с положенным по сему месту жалованьем, с сохранением получаемого сверх того пенсiona и с оставлением по прежнему в звании Доктора Двора Его Императорского Величества с жалованьем также по оному.

1821

Сентяб-
<ря>
3-го

Вследствие прежних одобрительных событий касательно вызова в 1803^м году Профессоров из Славян и Карпатороссов, наки возложено было на него, Орлая, пригласить еще других ученых Славян и Карпатороссов, что он чрез посредство бывшего Министра Духовных дел и народного просвещения и исполнил.

1821

Сентяб-
<ря>
14-го

Избран членом Императорского Виленского Медицинского Общества из уважения отличных его в Медицине сведений.

1821

Декаб-
<ря>
12-го

По Высочайшему повелению, в 25-й день Июля 1823-го года состоявшемуся, в награжде- ние усердной ревностной службы, засвидетель- ствованной верховным Гимназическим началь- ством, получил три тысячи рублей.	1823	Сентяб- <ря> 22-го
Обществом Истории и Древностей Россий- ских, учрежденным при Императорском Мос- ковском Университете, признан действительным членом в уважение отличной его любви и рев- ности к отечественной Истории и Древностям.	-	Октяб- <ря> 30-го
Сему Обществу пожертвовал он значитель- ное число книг, рукописей, новейший подроб- ный Атлас Венгерского Королевства на Венгер- ском языке, как сие явствует из трудов Обще- ства, от коего он получил признательность.	1824	Марта 12-го
По предложению Господина исправляющего должность Попечителя Харьковского учебного ок- руга из Таганрога 1825/23 № 333 в качестве Ви- зитатора осматривал Новочеркасскую Гимназию.	1825	Октября 1-го
Также осматривал Нахичеванские и Ростов- ские Училища <на реке Дону> ¹⁹ .	-	- <2-го> ²⁰
По таковому ж предложению от 1825 № 338 оттуда ж, осматривал Черниговскую Губернскую Гимназию и уездные Училища.	-	- 22-го
Нежинские: Повоговое и Александровское Греческое Училища.	-	- 25-го
В воздаяние оказанной м в службе ревности и прилежности, Министром народного просвеще- ния засвидетельствованной, по удостоению Ком- итета Гг. Министров Всемилоостивейше пожа- лован в Действительные Статские Советники.	1826	Января 15-го
По Высочайшему указу от должности Ди- ректора Гимназии высших наук Князя Безбо- родко уволен (при коей он кроме должности Ди-	1826	Августа 1-го

¹⁹ Слова: *на реке Дону* - имеются в позднейшем сокращенном формулярном списке И. С. Орлая (РГИА, ф. 471, оп. 1, ед. хр. 691, л. 25).

²⁰ Дата устанавливается на основании позднейшего сокращенного формулярного списка И. С. Орлая (РГИА, ф. 471, оп. 1, ед. хр. 691, л. 25).

ректора исправлял и должность врача безмездно с 1821-го года Ноября 1-го дня по 1823 год Марта 20-й день и опять с 6-го Июня по 21-е Ноября того же года, как сие явствует из Журналов Конференции оной Гимназии) и определен Директором Ришельевского Лицея, что в Одессе, с положенным по сему месту жалованьем, с сохранением получаемого сверх того пенсiona и с оставлением по прежнему в звании Доктора Двора Его Императорского Величества с жалованьем, положенным по оному званию.

От Гимназии же уволен с Аттестатом записанием Почетного Попечителя Гимназии высших наук Князя Безбородко в том, что он вступил в должность Директора оной, по новости ее употребил особенные труды к приведению ее в надлежащее устройство, разделив Правление Гимназии на учебное и хозяйственное, и заведя по обим журналы для точнейшего и подробнейшего производства дел и отчетов, дал всему ход законного единообразия и водворил по всем частям порядок: а посредством вновь составленных описей имуществу, в вещах и книгах состоящему, привел все в известность. Им приисканы искусные наставники, Профессоры и Учители наук, языков и приятных искусств; попечением его Библиотека Гимназии умножена чрез добровольные от разных лиц дароприношения более нежели девятьсот книг²¹ разных сочинений (в числе коих нарочитое число его собственных находится, как сие явствует из Журналов Конференции оной Гимназии, которые были представляемы в копиях Господину Министру народного просвещения); его ревностным старанием Гимназия сверх употребленных остаточных сумм на разные постройки 8040 рублей 87 $\frac{1}{4}$ к<опейки>, на жалованье сверхштатным чиновникам из пансионерной суммы 16428 86 $\frac{1}{2}$ к<опейки>, на застрахование дома Гимназии 3300 рублей, на прогоны чиновникам 14462 руб.<ля> 19 коп<еек> имеет наличного; из тех же остатков, благоразумною Экономиею приобретен-

²¹ Так в источнике. В позднейшем сокращенном формулярном списке И. С. Орлая: 900.

ного и в Государственный Банк оправленного капитала 100000 рублей и к 1-му Июля того ж года находилось в остатке 19029 рублей 5 $\frac{1}{4}$ «копейки», с недоимками же, не считая процентов от вышеозначенного стотысячного в Банке находящегося капитала, 173934 рубля 81 $\frac{1}{2}$ копейки.

По предложению, № 100, управляющего Ришельевским Лицеом Генерал-Лейтенанта Графа Витте назначен Председателем Правления на место должствующего в силу Устава быть в сей должности Одесского Градоначальника. 1826   Ноября 6-го

В вознаграждение усердной службы всеми-доставейше пожалованы ему в вечное и потомственное владение три тысячи десятин земли в Велико-Российских Губерниях. —   Декабря 3-го²²

По отношению Господина Министра народного просвещения № 1362 к управляющему Ришельевским Лицеом Графу Витте возложено на него иметь влияние совещательным голосом на Высочайше утвержденную Комиссию в 1826 году Августа 1-го дня, для разобрания дел Ришельевского Лицея с самого учреждения оногo, находящихся в совершенной запутанности. 1827   Марта 21-го

Состоящим при Императорском Казанском Университете Обществом любителей отечественной Словесности избран Почетным членом²³. 1828   Июля 8-го

Управляющий Ришельевским Лицеом Генерал-Лейтенант
Граф Витте.

²² В позднейшем сокращенном формулярном списке И. С. Орлая вместо: Декабря 3-го. — написано: Ноября 23.

²³ В позднейшем сокращенном формулярном списке И. С. Орлая имеются еще две записи: «В уважение изданных им в свет отличных сочинений и оказанных заслуг ученому Совсту Императорским Виленским Университетом признан почетным Членом. 1828. Октября 1»; «Признан будучи Главным управляющим Цензуры благонадежным и способным, Высочайше утвержден Цензором в Одессе. 1828. Ноября 16» (РГИА, ф. 471, оп. 1, ед. хр. 691, л. 28).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гоголь в воспоминаниях современников. – Без м. изд., 1952.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч. В 9 т. – М., 1994.
3. Кукольник Н. Н. Г. Белоусов // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. – СПб., 1859.
4. Кукольник Н. И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. – СПб., 1859.
5. Свенцицкий И. С. Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в. – СПб., 1906.
6. Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. – Братислава, 1971.
7. Зимомря М. І. На відстані часу (І. Орлай) // Микола Гоголь і світова культура. – К.; Ніжин, 1994.
8. Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000.
9. Саитов В. И. Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская Старина. – 1899. – № 1.
10. <Орлай И. С.> О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. – 1825. – Кн. 1.
11. Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. – М., 1976.
12. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1881.
13. Жаркевич Н. М., Кириллук З. В., Якубина Ю. В. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) // Гоголеведческие студии. – Нежин, 2002. – Вып. 8.
14. Кукольник Н. Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. – СПб., 1859.
15. Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832). – К., 1879.
16. Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. – К., 1951.
17. Мацеевич Л. Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии // Русский Архив. – 1878. – Кн. 3.
18. Савва В. И. К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. – Харьков, 1908.

19. *Супронюк О. К.* Новые материалы о Н. Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. – М., 1995.
20. *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. – Киев, 1902.
21. *Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве». – М., 1959.
22. *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. – Братислава; Пряшев, 1977.
23. *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. – К., 1954. – Т. 4–5.
24. *Линтур П. В.* Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові записки Ужгородського державного університету. – 1956. – Т. 20.
25. *Исторія міст і сіл Української РСР.* В 26 т. Закарпатська область. – К., 1969.
26. *Чумак Т. М.* Исторические реалии в повести Н. В. Гоголя «Странная месть» // Вопросы русской литературы. – 1983. – Вып. 2 (42).
27. *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем. С. 99; см. также: *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // Исторический Вестник. – 1881. – № 12.
28. *Раевский М.,* протоиерей. О национальном и религиозном движении русского народа в Галиции // Христианское Чтение. – 1862. – № 7.
29. *Славянство и мир будущего.* Послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура. – М., 1867.
30. *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. 2-е изд., доп. – СПб., 1881. – Т. 2.
31. *Воскресенский Г.* Валентин Водник. Очерк из истории словенской литературы. – СПб., 1883.
32. *Русский Архив.* – 1884. – Кн. 1.
33. *Казанский П. Е.* Русский язык в Австро-Венгрии. – Одесса, 1912.
34. *Францев В. А.* Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. – Прага, 1924.
35. *Виноградов В. В.* Великий русский язык. – М., 1945.
36. *Водовозов Н. В.* Славянские интересы Гоголя // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Кафедра рус. литературы. – 1960. – Т. 107. – Вып. 10.

37. Действия Министерства Предложение Господина Министра от 11 Декабря <1824> // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. – 1825. – Кн. 1.

38. *Погодин М. П.* Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки. – М., 1874.

39. *Бендасюк С. Ю.* Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и сочинения. (Издания Общества им. Михаила Качковского. – Ч. 402. – Июнь. – 1909.) – Львов, 1909.

40. *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. – СПб., 1889.

41. Труды и записки Общества Истории и Древностей Российских. – М., 1827. – Ч. 3. – Кн. 1.

42. Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. – М., 1827. – Ч. 3. – Кн. 2.

43. Записки и труды Общества Истории и Древностей Российских. – М., 1824. – Ч. 2.

44. Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. – М., 1828. – Ч. 4. – Кн. 2.

45. *Орлай И. С.* История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный Вестник. – 1804. – № 9.

46. Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. – М., 1827. – Ч. 3. – Кн. 2.

47. *Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. – Ужгород, 1932.

48. *Жаркевич Н. М.* Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов: К постановке проблемы // Наследие Н. В. Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч. 1.

49. *Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipinskiego. Zebrał i wydał Waclaw z Oleska.* – Wewie, 1833.

50. Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.

51. Декабристы. – М., 1988.

52. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996. (Репринтное воспроизведение изд. 1966 года; Нью-Йорк; Мадрид.)

53. *Васильев К. К. И. С.* Орлай и Н. В. Гоголь // Литература та культура Полісся. – Ніжин, 1997. – Вип. 8. – С. 47–49.

54. *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. — 1890. — № 2. — С. 594.
55. Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. — СПб., 1909. — Вып. 3.
56. *Воропаев В.* Книги для Гоголя // Прометей. — Т. 13. — М., 1983.
57. *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. — М., 1989.
58. *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. — Пг., 1916.
59. *Попов Е.*, протоиерей. Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. — СПб., 1901.
60. *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. — Нижний, 2000. — Вып. 5. — С. 98-99.
61. *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. — СПб., 1800. — Отд. 2.
62. *Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. — М., 1989.
63. <*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. 1850—1851 // Русский Архив. — 1902. — № 3.
64. *Шмальц Ф.* Право естественное. Перевод с латинского. С прибавлением литературы естественного права. — СПб., 1820.
65. Сборник Имп. Русского Исторического Общества. — СПб., 1896. — Т. 98.

Александр Киченко

**«Вечера на хуторе близ Диканьки»
Гоголя: мифопоэтическая
организация пространства**

Идейно-художественный статус гоголевских «Вечеров» во многом определяется сложными взаимосвязями цикла с мифо-фольклорной традицией. Ощутимый мифологический компонент повествования, его переключки с фольклорными жанрами, многочисленные демонологические мотивы, наконец, живое народное поэтизированное слово, организующее стилевую завершенность письма, — все это в своей совокупности позволяет говорить о «Вечерах»

как о попытке творческой реализации мифопоэтического комплекса представлений, составляющих основу цикла. В этой связи реконструктивное прочтение ранних гоголевских повестей связано с попытками установления сквозных мифопоэтических мотивов, служащих каркасом целостной структуры мифологизированного типа текстов. Вычленение временно-пространственных параметров повествования, обусловленных глубинными уровнями объективной структуры (хронотоп понимается здесь в бахтинской интерпретации как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [1, 235]), представляется первостепенным шагом на пути определения функциональной специфики мифопоэтического. Анализ пространственного модуса гоголевских «Вечеров», его роли в формировании идейной стратегии цикла и составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Подводя итог наблюдениям над структурой мифологизированных текстов, Ю. М. Лотман писал, что одной из важнейших смыслоопределяющих черт подобного типа повествований является их топологичность, генетически восходящая к имманентной топологии мифа и модели архаичного текста [2, 223–224]. «Семиотическая практика» мифа тесно связана с обозначением центральных и локальных пространств действия и не мыслится вне топологической привязанности; несомненно, эта черта находит свое отражение в элементах топологии фольклорных и литературных текстов. Можно предположить, что в творческой практике постмифических эпох элемент топонима выполняет специфическую роль мифологемы, отсылающей к системе архаичных представлений о структуре мира. В случае Гоголя разветвленное пространство его «Вечеров» (Сорочинцы, Диканька, Миргород, Полтава, Гадяч, Батурин, Конотоп) возрождает комплекс мифологизированных аллюзий Малороссии и Малороссийства, утверждая тем самым «новый» вариант романтического украинского мифа. Попытаемся вычленить из него своеобразную гоголевскую «топографию» и определить ее функционально-смысловой эквивалент.

Художественная структура «Вечеров» организована на пересечении двух разнородных и, казалось бы, противоположных смысловых уровней: изменяющегося *культурно-исторического* и статично-неизменного *природно-пейзажного*. Их глубинная связь, обычно мало осознаваемая, была впервые открыта русской культурой в предромантическую и романтическую эпохи [3, 90–91]. В культурном сознании этих периодов изменяющееся «историческое» в его неустойчивости и текучести дополняется устойчиво-

изменным «пейзажным» и «географическим» до некоего единого целого пространства. Временное и географическое в их неразрывном единстве становится своеобразным кодом, приоткрывающим смысл повествовательной ситуации. Сюжет, таким образом, строится на совмещении двух планов: культурно-исторический контекст предполагает более глубокую перспективу, а природно-пейзажное (географическое) конкретизирует место действия, открывает ближний план описания. Соответственно, в романтическом сознании постепенно формируются повествовательные клише, представляющие собой описание личностной исторической ситуации, разворачивающейся на фоне универсального совокупного ландшафта. Романтическое творчество Байрона, Рыльева, Пушкина, Лермонтова в данном случае может служить образцовым воплощением этого распространенного сюжетного приема, возведенного в ранг «типического» [4, 78–79]. Пушкинская творческая установка периода «южных поэм», например, связана с намеренным укрупнением концептов «первобытного», «природного», «географического», что позволяло более рельефно сформулировать художественную сущность конфликта и было «прекрасной возможностью показать «исключительных» людей, принадлежащих к «исключительным» народам, живущим среди «исключительной» природы» [5, 119]. Эта идея, восходящая, как известно, к руссоистским философским концепциям, базирующимся на дихотомии природы и цивилизации (а следовательно — «природного» и «культурно-исторического»), стала знаковым смысловым звеном русского романтизма.

Ранние гоголевские повести с их подчеркнутой географической точностью и природно-пейзажными реалиями как нельзя лучше иллюстрируют этот романтический описательный прием. Прежде всего обращают на себя внимание составные концепты «исторического» и «географического».

Многими исследователями поэтики Гоголя отмечалась подчеркнутая историческая хронологическая неконкретность «Вечеров»: их время восходит то к мифологическому прошлому («...лет — муды! — более чем за сто...» [6, 100]), возрождающему в памяти рассказчика Фомы Григорьевича еще дедовские воспоминания «про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного» [6, 100], то к эпохе Екатерины, не менее мифологичной в сознании гоголевских рассказчиков. Скажем, голова из «Майской ночи» «...давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина

ездила в Крым, был выбран в провозатые; целые два дня находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером. И с той самой поры еще голова выучился разумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз усы и кидать соколиный взгляд исподлобья. И с той поры голова, об чем бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах царской кареты» [6, 118]. Порой Гоголь использует прием художественного совмещения пейзажного и исторического, например, в «Сорочинской ярмарке», где описание «упоительного, роскошного летнего дня в Малороссии, полного сладострастия и неги малороссийского лета» тут же сменяется попыткой мнимой хронологической конкретизации: «Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому...» [6, 74].

Эти и подобные экскурсы Гоголя в историческое прошлое свидетельствуют, по-видимому, о стремлении представить его мифологическую избыточность и цельность в противовес текучему профанному настоящему. При этом даже недавнее, «памятное» историческое прошлое приобретает у Гоголя своеобразный статус, окрашивается в мифологизированные тона: та же запорожская козацкая мифология Потемкина и Екатерины как *батяка* и *мамы* представлена в «Ночи перед Рождеством» уже не только через мировосприятие запорожцев и Вакулы, но и самого Гоголя-романтика, подводящего читателя к первоисточкам петербургского имперского мифа в его семантической противопоставленности мифу диканьскому. На сюжетном уровне сказочный элемент сталкивается с историческим, и здесь же оказывается, что гоголевское историческое начало «Вечеров» непосредственно связано с географическим пространством, коррелирует с ним.

Ю. В. Манн подробно писал об оппозиционной структуре «Вечеров», где «Диканька как мир – достойный антипод Петербурга. Диканька и Петербург сопряжены подобно двум крайним точкам чудесного путешествия Вакулы; пространство между ними скрадено, поглощено темной бездной» [7, 326]. В чем заключается смысл такого сопряжения-противопоставления? Наблюдения над «географией» «Вечеров» во многом проясняют как раз мифологический подтекст гоголевской пространственной оппозиции.

Тут прежде всего необходимо сказать, что «Вечера» в художественной основе своей – полемичны, как по отношению к романтической псевдофольклорной литературе, увлеченной малороссий-

своей экзотикой, так и — что важнее — по отношению к официальному государственному мифу о социальной реальности. Гоголь в «Вечерах» создает мир, принципиально противоположный тому, в котором с наибольшей полнотой выразился современный момент российской исторической действительности. А этот момент в философско-историческом и политическом сознании конца XVII — первой трети XIX века традиционно связывается с феноменом Петербурга. Поэтическая культура предшествующего XVIII века создала специфический петербургский миф: Петербург — это символ мощного и нового государства, возрожденная земля утерянного и вновь обретенного изначального блаженства. В. М. Живов, анализируя специфику этого петербургского мифа, писал о его видимых идеологических истоках, о разрастающемся имперском культе, о неизбежном конфликте официального мифа с традиционной «народной» мифологией. Вот какую функцию выполнял, например, знаменитый екатерининский «Наказ»: «Как и вся идеология государства, он входил в мифологическую сферу и выполнял мифологическую функцию, он был атрибутом монарха, устанавливающего всеобщую справедливость и созидającego гармонию мира. В этом мифологическом действе императрица была хотя и главным, но отнюдь не единственным участником. Его действующими лицами становились все, кто приближался ко двору... Это обязательное участие и делало Просвещение официозной идеологией» [с. 668—669]. Сцена екатерининской аудиенции из «Ночи перед Рождеством», по-видимому, и представляет гоголевскую творческую трансформацию государственного мифа в «народном» ключе в отличие, скажем, от его во многом трагедийного прочтения у Пушкина в 1830-е годы. В результате этот идеологический миф оказывается в центре большой культурно-исторической полемики (может быть, как раз в аспекте противопоставления «народного» и «официально-петербургского»), и тут нельзя не заметить, что спор с петербургским мифом начинает и Гоголь, и уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Необычная настойчивость, с которой Гоголь моделирует в рамках цикла целостный диканьский мир, свидетельствует, несомненно, о некоем противоположном феномене, обладающем силой, несущей опасность диканьской (следовательно, и мировой) целостности. Этим противоположным и грозным в своей «невыводимости» миром является у Гоголя Петербург. Именно такова оппозиция «народного — столичного» в предисловии к первой части цикла: в основе нового мифотворчества — «мужицкое» отношение

к миру, которое, как заметил Ю. В. Манн, предстает как провинциальное, но мыслится как народное. Абсолютом же народного в гоголевских повестях и является Диканька, которая вместе со своими окрестностями представляет «весь почти свет» и наделяется благодаря этому максимумом сакральности. Такое прочтение, развитие и трансформация диканьско-петербургской фабулы прослеживается на протяжении всего творчества Гоголя, в различных смысловых вариантах [9, 4–5; 19–22].

Конечно, не во всех повестях первого цикла непосредственно упоминается Петербург. В «Сорочинской ярмарке», «Майской ночи», «Заколдованном месте» и других повествованиях о Петербурге ничего не говорится. Но «Вечера» – это цикл, сверхзадача которого выражена в каждой повести и, разумеется, присутствует на уровне сквозного сюжета: все отдаленные от Диканьки пространственные локусы в той или иной мере приближены к Петербургу, а значит – частично приобретают «петербургский» (антидиканьский) мифопоэтический статус.

Это, во-первых, наиболее часто упоминаемый Миргород, еще достаточно обозримый в своей удаленности. Миргород – это иерархическое звено между Диканькой и Петербургом, и это пространство еще «свое», но уже и с «чужим» значением в диканьском мире: «Я вам скажу, – признается пасичник Рудый Панько, – да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет», подразумевая под «великим светом» далекий мир Петербурга [6, 59]. С другой стороны, иерархия Миргорода в пространственной системе «Вечеров» определяется как место, наиболее приближенное к аду. Так, в «Сорочинской ярмарке» (а Сорочинцы – «точка» диканьского мироздания) красный цвет свитки сравнивается с миргородским сукном: «...сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! а красный цвет горит, как огонь...» [6, 81]. Так Миргород и Сорочинцы, а значит, и Диканька, представляют сложный, неоднозначный, но единый мир, в котором Миргород – его периферия.

Еще более удаленным воспринимается пространство Полтавы. Положительная его характеристика связана с особенной одеждой любимого пасичником Рудым Паньком рассказчика, наиболее адекватно выражающего диканьское сознание, – дьяка диканьской церкви Фомы Григорьевича: «Он никогда не носил пестряцевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьяч-

как: но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин» [6, 60]. И этим Полтава вызывает уважение слушателей. Однако такая географическая удаленность Полтавы делает ее и менее достижимой. Из Полтавы родом один из рассказчиков — «панич в гороховом кафтане», соперник Фомы Григорьевича, который изгоняется из круга собеседников во второй части цикла за свое господское возвышение над остальными. «Хуже нет ничего на свете, как знать, — говорит по этому поводу Рудый Панько. — Что его дядя был когда-то комиссаром, так и нос дерет вверх... Нет, не люблю я этой знати» [6, 149]. Полтава выступает еще как центр провинциальной образованности: «...приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, как только пели Отче наш и Иже херувимы, всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве» [6, 194–195]. Но семантическая неоднородность Полтавы имеет и свою внутреннюю логику: чем в большей степени место, удаленное от Диканьки, является «городским», а значит и неким центром образованной культуры, — тем отчужденнее, а в определенном момент и враждебнее оно становится Диканьке.

Таким далеким, непостижимым, таящим в себе враждебные потенции миром оказывается в «Вечерах» Петербург. Его образ воссоздается в «Ночи перед Рождеством» посредством уже знакомого приема перечисления деталей и картин, который, однако, воспроизводит здесь «мужицкое» мифологическое сознание героя, кузнеца Вакулы, и эта точка зрения становится репающей. Прием перечисления служит уже не созданию единого и целостного мира (как в «Сорочинской ярмарке», например), а напротив, его распаду. Картины Петербурга, которые едва успевает отметить изумленный кузнец, блестящи, грандиозны и однообразны; они тоже по-своему чудесны, но их чудесность вызывает страх и растерянность: «Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные окна; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снег свистел под тычиною летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами... С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели... «Боже ты мой, сколько тут

панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель!..» [6, 186]. Наконец, перечисленные явления своим однообразием просто уничтожают картину: «...кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назад. Он только *видел один блеск и больше ничего. ...Кузнец, не видя ничего, растянулся со всем усердием на полу*» [6, 189].

Так, благодаря поэтической симметрии описаний в «Сорочинской ярмарке» и «Ночи перед Рождеством», приему «сгущения», Сорочинцы, Диканька и Петербург оказываются сопряженными в одно неразрывное целое, но сопряженными как антиподы. Диканька и Петербург выступают двумя противоположными мирами-мифами, равно удаленными от действительности. Это, возможно, и есть те пределы мира, о которых писал В. В. Розанов: «Вообще замечательна в Гоголе эта особенность, что он все явления и предметы рассматривает не в их действительности, но в их *пределе*: отсюда поэзия его украинских рассказов, вовсе не похожая на простую действительность Малороссии; отсюда его петербургские повести, «Мертвые души» и «Ревизор»... С Гоголя, именно, начинается в нашем обществе потеря *чувства действительности*...» [10, 165]. Такое отношение к действительности существенно усложняет поэтику традиционных романтических оппозиций (красоты и безобразия, народного и столичного, прошлого и настоящего). Народный мир Диканьки оказывается центром мироздания; все, происходящее в нем, естественно, распространяется на всю подлунную (мрак разливается «*по всему миру*», когда черт крадет месяц в «Ночи перед Рождеством»). Но в то же время этот народный мир не един: прошлое и настоящее, высокое и низменное, демоническое и человеческое не стягиваются, а противопоставляются, усложняют картину бытия, и весь романтический мир, усложняясь, «исключает какую-либо возможность интерпретации с позиций позитивизма или прагматичности» [7, 324–325]. Зато вполне возможна символическая (моделирующая) интерпретация хронотопа «Вечеров». А. В. Самышкина, анализируя пространственно-временные отношения в «Вечерах», приходит к выводу: пространство «Вечеров» приобретает временной и культурно-исторический смысл благодаря возникающей в повестях на символическом уровне ассоциации диканьского мира с храмом [11, 68–69]. В сочетании с мотивами «купола», «небесной глубины» вскрывается также и символика пейзажей «Вечеров», произрастающая из представле-

ний о храме как мироздании с присущими ему атрибутами прошедшего, настоящего и будущего.

Элемент «хронологического», проявленный на символическом уровне, позволяет считать, что Диканька и Петербург пребывают не только в различных географических, но и в различных исторических широтах. Диканька — «абсолютное прошлое мира» (в романтической терминологии Шиллера), его эпическое время; Петербург — его абсолютная современность (историческое настоящее). «В Диканьке древнейшие мифопоэтические представления о мире переживаются как бесспорная жизненная реальность. Петербург же перегружен в меркантильную, остуженную и отчужденную буржуазно-индивидуалистическую цивилизацию... Резчайшее противопоставление Диканьки и Петербурга, эпоса и цивилизации, уютной и патриархальной статичности и постоянной исторической динамики» — вот, по мысли исследователя, главная идея «Вечеров» [12, 66–67]. Она и моделирует сквозной повествовательный сюжет цикла, основанный на временной и пространственной оппозиционности.

В современном гоголеведении, кстати сказать, не совсем однозначно трактуется как мифологический дуализм «Вечеров», так и его поэтический смысл. В. Я. Звизняцкий, анализируя «Вечера на хуторе близ Диканьки», пишет: «...эта, как мы собираемся доказать, мнимая «наивность» Пасичника дает основание гоголеведам видеть в нем этакое примитивиста-мифотворца: превращая Диканьку в центр своего «наивного микрокосмоса», он противопоставляет ее центру «официального мироздания» — имперской столице...

От этой весьма заманчивой, но уже слишком «лобовой» антиномии нам придется отказаться сразу: она не выдерживает не только исторической проверки, но даже и, так сказать, имманентно-текстуального анализа. «Противопоставление» Диканьки Петербургу в тексте предисловия к первой книжке «Вечеров» есть окказионализм, никакого художественного развития в этой книжке еще не имеющий, но имеющий, по-видимому, смысл историзма...» [13, 118–119].

Здесь, как представляется, нельзя сводить мифологическую оппозиционность только к структурному (композиционному) принципу гоголевского цикла. Именно «имманентно-текстуальный» анализ показывает, что дуализм «Диканьки-Петербурга» есть уже следствие (завершение) более глубокой мифологической структурно-смысловой оппозиционности. Иными словами, мифологи-

зированное «историческое» и «географическое» как структурообразующие элементы сюжета есть результат специфического поэтического сознания Гоголя, «возрождающего» мифологические понятийные структуры на всех уровнях художественного целого: культурно-историческое и природно-пейзажное оказываются сомкнутыми благодаря самой сущности гоголевского мифопоэтического приема. Этот гоголевский творческий ракурс имеет свои поэтические истоки, восходящие к топологической интенции мифа и затем к текстам фольклорно-мифологического типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М., 1975. – 504 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М., 1999. – 448 с.
3. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. – М., 1995. – 512 с.
4. Маймин Е. А. О русском романтизме. – М., 1975. – 240 с.
5. Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. – М., 1980. – 192 с.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. В 23 т. – Т. 1. – М., 2001. – 920 с.
7. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. – М., 1995. – 384 с.
8. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М., 1996.
9. Агаева Т. Гоголівський міф про Петербург. – Чернігів, 1994. – 24 с.
10. Розанов В. В. Мысли о литературе. – М., 1989. – 608 с.
11. Самышкіна А. В. К проблеме гоголевского фольклоризма (два типа сказа и литературная полемика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») // Русская литература. – 1979. – № 3. – С. 61–80.
12. Скуратовский В. ...На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя) // Гоголеведческие студии. – Вып. 2. – Нежин, 1997. – С. 64–102.
13. Звяняцковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. – К., 1994. – 544 с.

Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя
Посвящение в «лыцари»¹

Что ж лучше, спрашиваю я вас, молодцы? Воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила вас жинка, и, напившись, пропасть где-нибудь под тыном, как собака; или всем, как верным лыцарям, как братьям родным, лечь вместе на поле и оставить по себе славу навеки?

Итак, на пороге Степи сыновья Бульбы оглядываются, прощаясь со своим прошлым в родительском доме, где навсегда осталась мать. «и детство, и игры», и встречи с «чернобровой козачкой» [1]. Индивидуальное (и прошлое, которое определяет личность, из чего она «вырастает») должно раствориться в будущем единении, где над земным – родовым, семейным, собственным – преобладает духовное, свойственное всему Козачеству: энтузиазм природной козацкой Веры и мужество ее защиты, вольнолюбие, товарищество, – что дано Степью и противопоставляет Козака всему остальному миру. И герой он не только потому, что защищает родину от «трех разнохарактерных наций» (182) – турков, татар и поляков, с которыми кровно связан по происхождению, но и потому, что для защиты Веры покидает семью, зачастую разрывает отношения с близкими, бросает повседневные дела, занятия, отвергая удобства мирной жизни. Без этого нет Козака!

Заметим, что не только в повести, но и в одновременно создававшейся статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь обобщил актуальный в то время вопрос о происхождении слова «козак». Этот вопрос имел свою историю, которую каждый автор считал необходимым излагать заново, т. е. по-своему. Так, И. Срезневский в «Запорожской старине» (1833) наряду с цитатой из «Истории Русов», что Козаков (Козар) назвали так «по легкости их конной, уподобляющейся козьему скоку», приводит и другие утверждения, стилизуя их под старославянский язык летописей: «А нарицахуся Козаками, яко глаголют, от древнего рода своего Козарска. Аше убо Веспасиан Коховский и от коз диких

¹ Окончание. См.: Гоголезнавчі студії / Гоголеведческие студии. – Вып. 5, 7, 9.

Козаков нарицает, яко тем скоростью добране соравняются, и ловом тех упражняхуся найпаче; но не прилично от коз Козаков нарицати. Приличнее Стриковский нарицает Козаков от древнего и славного их вождя Козака. Александер же Гванин от свободы нарицает Козаками, занеже яко продкове их не от нужд коей, но по доброй воле, охотне, и без найму на брань хождаху, тако и ныне Козаки храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи, видят бо вси на око, яко немцы, поляки и турки берут наем многий и между собою только биющиеся показывают храбрость, сопротивным же скоро дают преци; и мужество их вси видят, ибо спод Лядского ига малою силою отъемльшися, на многих бранех Ляхов победиша и Лядскую всю землю повоеваша» [2]. На этом фоне «излишнее», немотивированное упоминание в статье Гоголя о водившихся у днепровских порогов «диких козах – сугаках» (157) можно рассматривать как отголосок «козьей» теории. В дальнейшем возобладало мнение, что изначально словом «казак/козак» турки и татары обычно называли «степного бродягу, промышлявшего войной и разбоем» [3].

Хотя козаки считали себя православными «лыцарями», многое их разделяло с европейским рыцарством (эти принципиальные отличия акцентирует 2-я ред.). Рыцарь-аристократ, как правило, одинаково самоотверженно служил Вере, сеньору и Даме – но индивидуально: больше всего он ценил свою честь, вольность и собственность и неохотно, в крайнем случае, объединялся с другими. Гоголь показывает Козачество как основу народа – его «соль» и «цвет» (во 2-й ред. о Козачестве сказано, что «его вышибло из народной груди огниво бед». – 1/2:222). Подобно монахам, «лыцари» из разных слоев населения по своей воле отказались от семьи, дома, обычных занятий и живут в товариществе по заветам христианского братства, без излишнего, но религиозный аскетизм им чужд, они неустойчивы в битве и пиршествах и служение Вере сочетают с азиатским пренебрежением к женщине. Они еще «немного» варвары, язычники, кочевники, близкие природе. И недаром в повести – так же, как в статье о Малороссии, – Козачество сближено с Адамом («из земли») и древними германцами как «первобытный народ», порожденный своей землей, черпающий в ней силы, героически-вольный, имеющий «только обычаи, которые обыкновенно сильнее самих законов» (314).

Поэтому не случайно изображение Козачества сохраняет у Гоголя и какие-то черты древних традиционных испытаний, отчасти уже отмеченные исследователями [4, 43–44], хотя ритуалы посвя-

щения, о которых писатель мог знать из доступных ему немногочисленных устных и письменных источников, по-видимому, были переосмыслены и трансформированы — точно так же «переплавлялись» в горниле его художественной системы фольклорные мотивы. Те «отголоски» инициации, что мы видим в роголевской повести, интересно сопоставить с общей схемой посвящения у восточных славян, отраженной в фольклоре [5].

Весной, когда у древних славян начинался Новый год, юношей, достигших определенного возраста, отправляли в лагерь вне территории племени или рода — в лесу, реже в поле. Сам выход юношей за границу территории приравнивался к смерти, а нахождение в святилище (лагере) — к пребыванию на «том свете». Ритуальным перевозчиком между «этим» и «тем» светом служил конь. Инициация начиналась с физических испытаний: юношам наносили болезненные удары, иногда неглубокие раны, морили голодом, испытывали также их силу, ловкость и выносливость. Кроме того, их всячески унижали, при этом запрещая смеяться и говорить. Обязательным было посвящение в тайные (мужские, воинские) знания, когда юношам передавали мифы, традиции, обряды, различные магические приемы влияния на окружающий мир... Но главными обрядами были временная ритуальная смерть, когда испытуемых поглощало чудовище, и последующее их «воскрешение» — освобождение из его чрева [6, 149] и перерождение в тотемного зверя, обычно волка (отсюда легенды про оборотней-вовкулаков). Вероятно, ритуал превращения завершался употреблением наркотических веществ, позволявших неопиту «беседовать» с духами предков, а главное — ощущать в себе дух тотемного предка. На втором этапе инициации посвященные молодые воины-«волки» должны были какое-то время пожить «волчьей жизнью» вдали от поселений, занимаясь набегами и грабежами или войю (поздние отголоски такого поведения можно видеть в ритуальных набегах парубков на селения и отдельные дворы, эти набеги подчас граничили с настоящим разбоем).

Поскольку фольклорные материалы, в том числе легенды об оборотнях, обычно называют хозяином волков или «волчьим богом» св. Юрия (Георгия), заменившего громовержца Перуна и отчасти его змеевидного врага Велеса, то можно предположить, что Велес был покровителем на первом этапе инициации, когда юношей ритуально проглатывал Змей и затем происходило их символическое перерождение в волков, а покровителем молодых воинов «волков», которые главным образом занимались набегами и войной, выступал уже бог-воитель Перун.

После того как в многочисленных боях и разбойничьих походах члены «волчьих» союзов доказывали силу и мужество, они проходили заключительные обряды инициации – возвращение в свою общину и посвящение в полноправные ее члены. Вероятно, данный этап подразумевал и ритуальный переезд на коне с «того света» в мир людей. Новое рождение обозначалось изменениями в облике посвященных, которые обычно наряжались в новую (праздничную) одежду, по-особому стриглись и т. п. – соответственно новому статусу. Они также могли получать новое имя (ср., прозвища запорожцев).

Главные события в жизни сыновей Бульбы напоминают схему инициации:

- оба «были отданы по двенадцатому году» (187) в особое учебное заведение, чтобы постигнуть «книжную премудрость»; во время учебы «школяры» подвергались унижительным физическим наказаниям, не имели права ездить верхом, носили «длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, посивший оружие» (181);

- лет через 10, окончив духовное заведение (Академию / семинарию / бурсу – повествователь намеренно не различает наименований: важно, что здесь готовят священнослужителей, чьим оружием должны быть любовь к Богу и «ближнему» да Слово Божье), они весной возвращаются в отчий дом – впервые на коне, – полные решимости, оставив дом и отбросив гуманную «премудрость», испытать себя в Сече, на войне; для такой поездки их впервые обряжают по-козацки и дают оружие.

Следовательно, в начале повести речь идет не о «козацкой чести» [4, 43] только что выпущенных «бурсаков». Насмешкой, упреком в несвободе Тарас начинает испытание сыновей. И Остап, как подобает старшему, отстаивая оскорбленное достоинство свое и брата, идет против всех, не исключая родителя: «Хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-Богу, поколочу! <...> За обиду не посмотрю и не уважу никого» (179). Все это Тарас истолкует после боя, когда испытает силу, напор и умение сына: «Добрый будет козак! <...> Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай!» (180). В отличие от жены он видит сыновей не детьми, а Козаками, чья судьба – «поле да добрый конь», и потому затевает шир с «целым бараном», духовитой «горелкой» (для беседы с духами предков?) да напутственным словом будущим Козакам – программой, говоря современным языком: «Дай же, Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтоб бусурменов били, и

турков бы били, и татарву били бы, когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били», — при полной поддержке сыновей и готовности их «теперь... расписать всякого... саблями да списами. Вот пусть только попадетса татарва» (пока до этого не дошло, «две здоровые девки в красных монистах» привычно бегут, чуть завидев «приехавших паничей, которые не любили спускаться никому»), и сам «мятежный» Тарас, проникнувшись боевым задором сыновей, бунтует против постылого мирного существования в Доме («На что нам эта хата? к чему нам все это?..» (180–182)) — и разрушает семейное единство и согласие во время пиршества.

Дело в том, что продолжение своего рода Бульба хочет видеть отражением только своей личности, считая сыновей своей физической и духовной «проекцией» в Козацкий мир, а потому старается передать им свой опыт. При этом он отвергает знание теоретическое, «книжное» («Это все дрянь... и академия, и все те книжки...») или женское — пассивное, противоречащее козацкой жизни: «Не слушай, сынку, матери: она — баба. Она ничего не знает <...> А видите вот эту саблю — вот ваша матерь!»² — и даже сам выбирает «для детей своих лучшие убранства» (180, 185). Называя жену без имени — «мать», «стара», он свято верит, что не козацкое дело «возиться с бабами», но что «молитва материнская» о сыновьях, обращенная к Божьей Матери — покровительнице Козачества, «и на воде и на земле спасает» (180, 186). То есть Бульба не принимает неодухотворенно-земное, плотское, чувственное («Еввино»), женское видение мира и мироустройство, считает это ущербным, языческим, да и просто дьявольским³, и противопоставляет им преобразовательную земную силу и разум (Адама), но знает, что слабое женское начало обретает огромную власть, когда оно одухотворено. Олицетворяют это Мать, Церковь и Сеча — хотя мать «жалка, как всякая женщина того удалого века <...> Вся любовь, все чувства, все что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство» (184–185), Покровская церковь (т. е. Покрова Пресвятой Богородицы),

² В черновике метафора шире: «А мушкет видите вы, что у меня висит — вот это ваш батько. А не кто другой...» (здесь и далее цит. по: Записная тетрадь Гоголя. ОР РНБ, ф. 199, № 1, л. 16).

³ Соотнесение «бабы» с чертом — обычный мотив украинских поверий. Эти представления были обоснованы ролью, которую, согласно Библии, сыграла Ева в грехопадении первых людей, и оправдывали бесправное положение женщины в семье и обществе как «существа низшей породы».

где «вся Сечь молилась и готова была защищать ее до последней капли крови», обходится «без всякого убранства» (198, 200), и Сеча — ее козаки называют Матерью — без своего войска будет «взята, разорена татарами» (214). Известия о том, что панночка в осажденном городе и «другой день уже ничего не ела» (207), что она доверяет жизнь — свою и всех жителей города — Андрию, «сокрушают» молодого козака, вызывая безудержный порыв видеть красавицу и спасти ее от смерти.

В статье о малороссийских песнях, создававшейся параллельно черновой редакции «Тараса Бульбы», Гоголь говорил о противоречивом единстве мужского и женского начала: в одних песнях «дышит... широкая воля козацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами <...> Остальная половина песней изображает другую половину жизни народа: в них разбросаны черты быта домашнего; здесь во всем совершенная противоположность. Там одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здесь, напротив, один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью. Эти два пола виделись между собою самое короткое время и потом разлучались на целые годы» (162-163). По Гоголю, подобное единство-различие жизни двух «половин» народа обеспечивало развитие народного духа.

Таким же противоречивым единством мужского и женского, земного и духовного предстает и семья Бульбы, и даже сочетание его имени и фамилии (прозвища): «мятежный» Тарас — «круглый, плотный, земляной-земной» как «бульба — земляная груша» (в черновике прозвище Кульбаба — «одуванчик» [7] — грубее, но отчетливее соединяло земляное-земное и женское). Герой напоминает языческое двуполое божество, рожденное Матерью-Землей и в свою очередь порождающее первого человека, — описанное Гоголем в статье «О движении народов в конце V века»⁴. Это сходство отчасти объясняет и «двадцатипудовый» — 320 кг! — «земной» вес героя (ср. семантику прозвища и авторское пояснение: «...был чрезвычайно тяжел и толст» (186) — с истолкованием ученого: «художественная гипербола» [8, 126-127]), и явную «самодостаточность» Бульбы, живущего три века, и такие его «зверинные», близкие к дьявольским, проявления, как «ярость тигра» и «гнев вепря», на фоне которых прозвучит: «Я тебя породил, я тебя и

⁴ В статье упоминается древнегерманское земнородное двуполое божество Туистон (Тевт, Туисто), породившее первого человека Манна (311).

убью» (212-213), и безмерную (тоже похожую на «звериную») родительскую любовь, и ненависть к полякам, и преданность Вере и Козачеству, и аномальную жестокость, свирепость, и архетипически неистовство и строптивость [9, 25-26, 78].

В данном случае структуру «героя времени» образует не смешение всяческих противоречий (как было у Тараса Острицы в «Главах исторической повести»), а противоречивое единство азиатского и европейского, христианского и языческого, собственничества и товарищества, личностного и типического, сверхперсонального (даже, как мы заметили, человеческого и природного, животного) — соответственно тем различным «началам», какими, по Гоголю, образовано Козачество. Само противоречивое соединение предполагает и возможность распада антитез на означенных «стыках-трещинах», когда у героев остается либо «низшее» — земное, безличное, собственническое, животное, а в конечном итоге дьявольское, — либо «высшее», соотносимое с Божественным. Однако при этом будет утрачена возможность дальнейшего развития.

«Противоречивое единство? — Это же формула цикла!» — воскликнет наш брат филолог, да и любой образованный читатель. Выходит, что автор применял эту формулу не только для сборника «Миргород» и особенно цикла «Арабесок», где данный принцип является сюжетообразующим, но и для развития действия, для создания тех или иных образов, как, например, сквозного противоречивого образа пира-битвы [см.: 10:60-61], и вообще для описания. У Гоголя это формула семьи, народа, государства, истории — самого процесса жизни. Так, в историческом фрагменте «Жизнь» (1835) даны образы всех средиземноморских древних цивилизаций, которые воплощали разные идеи культуры: Египет, Греция, Рим — «...как будто бы царства предстали все на Страшный Суд перед кончиною мира» в момент Рождества (6, 247), когда умирающий Древний языческий мир дает начало Новому, Христианскому миру, предвосхищая «конец времен».

Противоречивое единство присуще и богатырскому образу Бульбы, и сообществу его и сыновей, когда обычно противопоставленные молодость и старость, мудрость и задор, опыт, разум и чувство, «смятенность» и «устойчивость» взаимно дополняют друг друга, а иногда противоположности уравниваются [10, 71]. Так, столкновение и поединок Остапа с отцом свидетельствует о духовной их близости, одинаковом взгляде на мир (ср. «широко распространенный в эпосе рассказ о бое отца с сыном, не узнающим отца»: Хильдебранд и Хадубранд... Илья Муромец и Сокольник, — где обычно побеждает отец [9, 45]). А младшего сына в это время

обнимала мать, за что Бульба и обругает его «мазунчиком». Далее пир возвращает героям Козацкую, мужскую, «братскую» общность, а прощание с матерью выявляет сходство и различие их реакции: оба сына «удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же... тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать» (187). И затем каждый погружается в свои мысли...

Глядя на сыновей, Бульба вспоминает свою давнюю козацкую «молодость... протекшие лета» и думает «о том, кого он встретит на Сече из своих прежних сотоварищей... какие уже перемерли, какие живут еще» (187), — о чем обычно думает козак. Остап «душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову» (189). Поэтому вместо его воспоминаний следует рассказ автора о недавнем прошлом обоих братьев — их первоначальном свободном домашнем воспитании на природе и том последующем схоластико-религиозном образовании в городе, которое «страшно расходилось с образом жизни», причем и сама Академия /семинария/ бурса в киевском обществе «составляла совершенно отдельный мир», где неприимиримая вражда «духа», «буквы» и «опыта», телесные наказания и голодная «республиканская» жизнь воспитывали в будущих священнослужителях козацкую ожесточенность и «предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье» (188).

Деятельная, «лыцарская» защита Веры козаками предопределяет их несколько скептическое отношение к воинам Христа — монахам и священникам. И потому насмешка Бульбы над «поповскими подрясниками» сыновей (затем он сравнит уныло притихших козаков с монахами-«чернецами») может быть воспринята в перспективе рукоположения. К его удовлетворению, намек тут же опровергается аргументом Силы, кулаком, «рукоприкладием». Итак, старший сын не обманул ожиданий, а вот младший насторожил чувствительностью, недостаточной жестокостью (это «женское», пагубное для война), что означает склонность к удобствам, «нежбе», «бабам», Дому и «цивилизации» — тому, что Бульба отвергает сам и презирает в «чужих», пока у него над чувствами господствуют Вера и разум, не допуская отклонений или сомнений.

Вероятно, повесть о Бульбе и сыновьях его Остапе (Евстафии) и Андрии в какой-то мере связана с житием великомученика Евстафия, которого обычно изображали римским воином или средневековым рыцарем, держащим на руках двух сыновей (иногда рядом с ним жена, иногда на заднем плане медный бык). Пафос

жития — в неколебимой Вере, как у Иова, подвергнутой различным испытаниям. Обращение в христианство Плакида, одного из полководцев императора Траяна, произошло на охоте, когда он увидел белого оленя, между рогов которого сиял образ Спасителя. Голос свыше предрек, что после крещения под именем Евстафия (от греч. *eustathys* — устойчивый) неопиту будет ниспослано много страданий, дабы испытать его Веру. Испытания начались, когда он с женой и двумя сыновьями плыл в Египет и хозяин корабля в качестве платы захватил его жену. Затем при переправе через Нил отец потерял обоих сыновей: пока он перевез одного и возвращался за другим, лев и волк — каждый на своем берегу — схватили и унесли малышей. Дети и жена по Божьему Промыслу остались невредимы, и через много лет мать и сыновья-воины чудесным образом оказались в лагере полководца Евстафия, узнали друг друга и воссоединились с отцом. За то, что после своей победы Евстафий отказался совершать благодарственные языческие обряды, его, по велению императора Адриана, со всей семьей сожгли в медном быке (118 г.).

Представленные в житии мотивы отца-военачальника и двух его сыновей-воинов, испытания его веры, потери сыновей по-своему связаны в гоголевской повести с мотивом религиозного противостояния и мученической смерти за Веру («...гетман, зажаренный в медном быке... лежит еще в Варшаве». — 202). Да и сам сюжет о гибели сыновей и отца влечет многоплановые аллюзии — от античного эпоса (смерть Лаокоона и его сыновей) до фольклора (сказки, былички, легенды про отца и сыновей), от библейского рассказа о жертвоприношении Авраамом своего сына Исаака (Быт. 22:10) до Божественной Троицы, от исторической повести А. Бестужева «Изменник» (1825) — о том, как один из двух братьев перешел на сторону поляков, а потом встретился с братом в смертельном бою [11:443], — до народных рассказов и сведений исторической хроники о судьбе двух сыновей Богдана Хмельницкого — героически погибшего в Молдавии Тимофея (Тимоша) и Юрия (Юрка), который стал после смерти отца гетманом, ориентировался на Польшу и потому прослыл изменником, — или до современной Гоголю полуофициальной легенды о подвиге при Бородине генерала Раевского и двух его сыновей. Так образуется смысловой «ореол» текста.

Заметим также, что обычно в фольклоре братья антагонистичны: умный и глупый, добрый и злой, — а миф и сказка в большинстве случаев представляют их отношения амбивалентными

[9, 37, 45]. Показывая различие характеров братьев-погодков, воспитанных в одинаковых условиях, Гоголь, вероятно, учитывал принцип изображения сестер-погодков Татьяны и Ольги Лариных в пушкинском романе, отношения которых, несмотря на различие характеров, вовсе не конфликтны. Естественные козацкие (отцовские) черты достаточно рано проявляются в устойчивом, согласно значению имени, характере Остапа: упрямство, «твердость», «прямодушие»; он «считался всегда одним из лучших товарищей <...> и никогда; ни в каком случае не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал...» (189) — и готов героически противостоять миру. Андрий тоже герой «от природы» (греч. andreios — «мужественный, храбрый» от andros — «мужчина, муж»; у католиков св. Андрей олицетворял мужское начало, рыцарство [12]), но отличается от брата и отца живыми, развитыми чувствами — быть может, потому что его больше любила мать, — и в своем отношении к миру «неустойчив», скорее принимая его, чем отвергая. Он «учился охотнее и без напряжения... был более изобретатель... чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания...» — и хотя тоже, подобно Остапу и другим бурсакам своего возраста, «кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо <...> Он тщательно скрывал... эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы» (189; но вспоминал о «чернобровой казачке» на лугу, скорее всего, именно он). Поиски компромисса между чувствами и долгом, между готовностью противостоять всему миру и способностью принять мир чужой отделяют его от брата и сверстников, которым неведомо такое противоречие, и приводят на особый путь. Забегая вперед, можно сказать, что в своем противоречивом трагическом единстве судьбы Остапа и Андрия соотносятся как тезис и антитезис жизни козаков, «мятежного» Тараса и самого «жесточкого века», когда Козачество противостояло иноверческому и «женскому», будучи связано с ними кровно: происхождением, прямым родством.

Отмеченный нами принцип противоречивого единства выявляется в описании и действии... Так, начало движения героев от Дома в Степь знаменует отчетливая символика разрушения, ис-

чезновения, смерти: «День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад» (дистармония природы); братья «ехали смутно и удерживали слезы», а «хутор их как будто ушел в землю...» (мотив погребения), «...только стояли на земле две трубы от их скромного домика» (печи с трубами остаются на пожарище); лишь «колесо от телеги», привязанное к шесту над колодцем, «одиноко торчит на небе...» (символы остановившегося движения), а затем все скрывается — и нет пути назад: «...равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла» (187)⁵.

Но в этом дискретном, исчезающем за спинами героев пространстве есть и детали пейзажа, воспринимаемые братьями как жизнеутверждающие приметы их общего прошлого («...вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки <...> луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда качались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую казачку...» — 187). А замечание о равнине, вдруг ставшей «горою», показывает, что герои движутся вниз по склону — как выяснится дальше — к Днепру [13]. Тем самым отчасти мотивирована возможность их последующего необыкновенно быстрого перемещения: «...полетим так, чтобы и птица не угналась...»; «...одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их» (191). Здесь вынесение вверх точки зрения повествователя, вероятно, обусловлено высотой птичьего полета или высотой неба, куда устремляется козацкая душа, хотя — может быть, «чем быстрее движение, тем выше выносится в пространственном отношении точка зрения наблюдателя» [14], а «молния» напоминает о Шеруне.

В фольклоре полет на коне, который ассоциируется с птицей, «отражает... переправу в царство мертвых» [6:293]. В данном случае текст не позволяет истолковать сам полет столь однозначно. Ведь козаки возвращаются в естественный мир, где «сердца их встрепнулись, как птицы» (или — в финале повести — спасаются: «... подняли свои нагайки, свистнули, — и татарские их кони, отделившись от земли, распластались в воздухе, как змеи, и перелетели через пропасть». — 239), однако при этом козаки «пропали в траве... и черных шапок нельзя было видеть» (191), а кони их,

⁵ Ср. во 2-й ред.: «...когда Андрий (уходя из козацкого лагеря. — В. Д.) вылезнулся, то увидел, что позади его крутою стеною, более чем в рост человека, вознеслась покатошь...» (1/2:259).

безусловно, предстают «демоническими помощниками» — подарком Бульба зовет коня Чертом (кстати, по одному из украинских поверий, лошадь — это превращенный дьявол [15:401]).

Вместе с тем обнаруживается и другой мифологический аспект пути. Это архетипическое противопоставление Севера, где находились герои, «благодатному Югу», куда они направляются, — противопоставление, уже запечатленное Гоголем в повестях «Вечер» как отчетливый контраст демонически «холодного чиновного Петербурга» и «патриархальной, сказочной Малороссии» [9:81]. Здесь противопоставление усугубляется такими — уже отмеченными — определяющими для «северного» пространства чертами, как «бледность», дисгармония, разрушение, стагнация. Выявляется и скрытый в предшествующем тексте доминантный для Севера признак «холодов»: из-за этого Бульба и «любил укрыться потешнее... дома», ночуя весной во дворе под «бараньим тулупом» (184).

Благодатные признаки Юга — это гармония, изобилие, даже избыток (тепла, света, цвета, звука), цветение, плодоношение и — соответствующая целостность и эстетичность естественного пространства. Так, для автора нет ничего «прекраснее и лучше», чем «девственная пустыня» Степи, которая подобна «океану» из множества «диких растений», «миллионов разных цветов» (191–192). Ее просторы оказываются пронизаны музыкой и светом не только днем («Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою <...> все это звучно раздавалось среди ночи... и доходило до слуха гармоническим»; на козачков «прямо глядели ночные звезды», которые как бы отражаются в степи: она казалась «усеянною блестящими искрами светящихся червей» [16]; «Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом... и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебриано-розовым светом...» — 192–193). При этом целостность и естественность изображаемого также обуславливаются принципом противоречивого единства, когда описано происходящее днем, вечером и ночью на земле, в небе и на воде (в «озерах»), а стихии уподоблены друг другу: «Из травы подымалась... чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха»; «... свежий... как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы...» (192). Степь отзывается на каждое движение героев, сама вызывает эти движения — и герои оказываются сродни птицам, чей «полет... подчеркивает безмерность окружающего пространства» [17]. Та-

кого образом, козаки «соприродны» Степи, Морю и Небу, или, говоря языком некоторых исследователей, «изофункциональны» пространству трех стихий. Причем одновременно в том же пространстве и даже еще более «изофункциональным» оказывается скачущий татарин с «бесовскими» и животными чертами («Маленькая головка с усами... понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, тропала...»), которого, по опыту Бульбы, «и не пробуйте – вовеки не поймаете...» (193).

В таком «природном» контексте символическое значение обретает и триада Бульбы и сыновей, и цель их поездки – «школа» христианского братства Сечи, и численность всего отряда – 13 человек. Евангельская аллюзия позволяет видеть в героях сходство с апостолами, провозвестниками и ревнителями Веры, среди которых изменник, Иуда, – и усомниться в нерушимости семейного союза...

Безбрежную Степь как бы продолжает простор Днепра, когда «он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле <...> и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений» (194). А расстояние между Степью и берегом острова Хортица, «где была тогда Сеча, так часто переменявшая свое жилище» (в принципе – это точка сопряжения простора и воли), интерпретируется как свободное, «мерское» пространство, которое козаки преодолевают, спешившись: «...сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов...» (194).

Знаменательно, что в данном случае изображение водной переправы лишено обычно свойственной ему в гоголевском повествовании, например, в «Сорочинской ярмарке», символики перехода в «иной мир». Однако дальнейшее описание Сечи имеет некоторые особенности, которые можно интерпретировать как черты царства мертвых. Так, например, кузницы, «покрытые дерном и вырытые в земле», и «несколько разбросанных» запорожских «куреней, покрытых дерном...» (194), одинаково напоминают могилы. Здесь царит запустение: «...нигде не видно было забора или... маленьких домиков...»; никто не хранит «небольшой вал и засеку» (194). Зато в Сечи всегда праздник «вольного неба и вечного пира души», ведь труд – это наказание живых за грехопадение первых людей. Еще одна характерная черта царства мертвых – забвение прошлого: сыновья Бульбы «скоро позабыли и юность, и бурсу, и дом отцовский, и все, что тайно волнует еще свежую душу» (198; напомним, что царством мертвых считался военный лагерь, где

проводили инициацию и юноши как бы умирали для прежней жизни, должны были забыть о ней). Вероятно, этим же и объясняется лаконизм опроса проходящих в Сечу: «...во Христа веруешь? <...> И в Троицу Святую веруешь? <...> И в церковь ходишь? <...> А ну, перекрестись!» – ведь утвердительно отвечать могли только воцерковленные православные, которые «как будто бы возвращались в свой собственный дом», для них главное – Вера в Жизнь Вечную, потому и нет мелочных вопросов «откуда они, кто они и как зовут», обычно предназначенных живым (197). Еще раз уточним, что черты царства мертвых проглядывают в изображении Сечи как военного лагеря, остатки которого на острове Хортица, заросшие травой, в гоголевские времена напоминали кладбище.

Символика «того света» явственно обозначится в более позднем эпизоде, когда на пароме приплывут козаки «в оборванных свитках... (у них ничего не было, кроме рубашки и трубки)...» (201; эвфемизм погребального обряда с «люлькой»), чтобы сообщить запорожцам о совершенных поляками злодеяниях. Выходит, что в Сечи, куда постоянно «приходила... гибель народа» (197), не ведают, что происходит «на гетманщине», – очевидное противоречие, которое также может быть понято как характерная черта царства мертвых. А сама отдаленность «острова Сечи» от «основной» народной жизни степными и водными просторами сближает его с чудесным языческим градом, который окружен непроходимыми степными травами, из распространенной древнерусской «Притчи о Вавилоне-граде» или с народной утопией Беловодья [11, 444–445]. Вечный праздник вне дня и ночи [18], собирающий на веселье православных воинов, напоминает освещенную мечами Валгаллу (царство мертвых в небесном дворце Одина), куда, согласно древнегерманской мифологии, попадали погибшие в бою воины и где они пировали, веселились, охотились, упражнялись и соревновались во владении оружием⁶.

Изображаемая таким образом вольная, буйная, разгульная православно-языческая жизнь в Сечи-Валгалле явно противопоставлена жизни мужского монастыря, где напоминающий смерть уход монаха из обычного мира не исключает единоначалия, послушания и труда. Поэтому, как дальше увидит читатель, козаки действительно «все умели», собираясь в поход и во время его, хотя Сечь умела «только гулять да палить из ружей» (194). В недав-

⁶ Гоголь упоминал о Валгалле в статье 1834 г. «О движении народов...» (812).

ним прошлом, пытаюсь разрешить это противоречие, советские исследователи ничтоже сумняшеся исправляли «неточности», якобы допущенные Гоголем: они восстанавливали «трудовые традиции» Сечи, «трудовой стаж» козаков и «реабилитировали» Козачество [см.: 8, 56–59]. Но, согласно 1-й ред. повести, жить в Сечи чем-то, кроме гульбы, позволяли себе немногие козаки: «Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера...» (196). Вместе с тем Сечь – в отличие от киевской Академии /семинарии/ бурсы – показана и настоящей «духовной школой», хотя в ней «не было никакого теоретического изучения или каких-нибудь общих правил: все юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битвы, которые оттого были почти беспрерывны. Промежутки же между ними козаки почитали скучным занятием изучением какой-нибудь дисциплины» (196).

Описание Сечи действительно начинается с железного, «оружейного» (не колокольного), рабочего перезвона «кузнецких молотов» – но в предместье, где кожевники мнут кожи, торговцы сивят с товаром и где, по традиции вертепного театра, каждый характерный персонаж занят свойственным ему делом: «Армянин развесил дорогие платки»⁷, татарин готовит баранину, «жид» подливает на продажу «горелку» (194). Первым же на глаза героям попадает пьяный «запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги» (194) – тоже типичный для вертепа образ-эмблема [19]. Его картинная театральность подтверждена реакцией Бульбы как зрителя – тот «не мог не остановиться и не полюбоваться...

– Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!..» – и далее сама картина: «...запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем, для показания полного к ним презрения» (194).

По замечанию М. Вайскопфа, все это напоминает о спящем эмсе-страже, охраняющем языческий Вавилон (позднее в сказках аналогом змея стал лев), а довершает сходство изображение козацкого чуба-змея [11, 445; см. также: 6, 343]. Вероятно, в данном случае можно также говорить о некоем сочетании черт воите-

⁷ Интересно, для кого предназначены эти платки, если «даже в предместье Сечи не смела показаться ни одна женщина» (197), а разгульным «лыцачем» вряд ли придет в голову купить такой поларок «на вынос» из Сечи?

ля Церуна и змееподобного Велеса. Однако стоит вспомнить, что в христианстве змей — символ дьявола, а царственный Лев символизирует силу и мощь Иисуса Христа, является символом Воскресения (существовало поверье, что львята рождаются мертвыми и родители вдыхают в них жизнь), символизирует также духовную бдительность и крепость часового, неусыпно охраняющего устои Церкви, поскольку, согласно другому поверью, лев спит с открытыми глазами. Далее в тексте «львами» (и фактически «орлами», актуализируя темы вольности и силы) названы все запорожцы: «Так вот Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы!» (195). А когда Остап обретет «опытность в военном деле», о герое будет сказано, что «все качества его... получили размер шире и казались качествами мощного льва» (206). О дьяволе-змее в дальнейшем напоминает подземный ход, откуда незаметно проникла в козацкий лагерь татарка и куда в «небольшое отверстие» под телегой затем «пополз» Андрий (208), а также ситуация его соблазна и «грехопадения», затем сцена, когда Бульба неистово напал на польский отряд Андрия и был само «свириенство», его «чуб, как змея, раскидывался по воздуху», и бегущие начали думать, что «имеют дело с самим дьяволом» (212).

Итак, образ спящего «льва» может восприниматься как образ могучего воина-стража (часового) христианства, который после языческих жертв (Бахусу) беспечно спит среди бела дня, пренебрегая удобствами, одеждой и опасностью (ср. эпизод во 2-й ред., когда запорожцы напился и проспал врага). Мотив такого мертвого («духовного») сна звучит с начала повести («...прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей». — 184) и повторяется в эпизоде, когда Андрий ведет по лагерю татарку: «К счастью его, запорожцы, по обыкновенной своей беспечности, все спали мертвецки <...> Боже, какое счастье! даже зоркий сторож, стоявший на самом опасном месте, спал, склонившись на ружье» (208); затем, сделав грозное предупреждение сыну, засыпает и сам Бульба [20].

Сон на дороге также свидетельствует о мертвецком опьянении, ибо, по наблюдениям народа, и ныне актуальным, пьяный в таком бессознательном состоянии инстинктивно не сходит с дороги. Следует добавить, что дорога, в представлении восточных славян, соотносится с жизненным путем, в конце которого «тот свет», а также с путем души в загробный мир. На дороге (и на меже) нельзя спать или сидеть, чтобы не быть задавленным нечистой силой. Это мифологически «нечистое» место, общее для лю-

дой и нечистой силы, символически разделено на правую половину — для людей и левую — для потусторонних существ и зверей [21]. Таким образом, спящие или просто лежащие посреди дороги запорожцы как бы прерывают свой жизненный путь, одновременно демонстрируя и презрение к нечистой силе, и родство с ней, что соответствует представлениям украинцев о бесовской природе «горелки» и пьянства [15, 342–346].

Однако в дальнейшем такое опьянение мотивируется «гульбой», которой посвящают «все время» козаки: она «признак широкого размета душевной воли» и — как сама Сеча — «беспрерывное пиршество, бал... потерявший конец свой» в «бешеном разгулье веселости» (но, по замечанию автора, «это не был какой-нибудь пьяный кабак...» — 196–197). Здесь «горелку» считают посредником для веселья в кругу таких же «льщарей» и для возможного общения с потусторонним миром, с духами предков, ибо она хоть и валит с ног, зато — пусть на время! — освобождает душу от оков материального, как «люлька», музыка или танец. А Бульба понимает «горелку» и табак как производные земли двуединой — Божественной и дьявольской природы. На стол Тарас требует «чистой горелки, настоящей... чтобы шипела, как бес!» (180), а «перед великим часом» на поле битвы она должна поддержать «веселье», воинский дух: «...чтобы как эта горелка играет и шипит нузырями, так бы и мы шли на смерть» (217, 218). Верный товарищ «люлька», из-за которой, как всем памятно, героя схватили поляки, сокращает дорогу, поднимает настроение («Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим...» — 191) и сопровождает козака в последний путь [22].

По-видимому, с царством мертвых связан и образ «лежащего(-их) на земле» (ср. призыв Тараса: «...всем, как верным льщарям, как братьям родным, лечь вместе на поле и оставить по себе славу навеки...» — 236). После спящего «льва» путники встречают уже в самой Сече «несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге...» (194; своеобразная застава), а затем среди характерных примет Сечи упомянута «бешеная веселость <...> собравшейся толпы, лежавшей на земле...» (196). Это можно связать и с древнегреческим мифом о великане Антее, сыне бога морей Посейдона и богини земли Геи: он был непобедим и «соприроден» стихиям, пока касался матери-земли (очевидный коррелят «адамического начала»). Демонстрируемые при том безделье и лень свойственны и фольклорным богатырям. Это оборотная сто-

рона героичности. Почти так же вели себя древние германцы, которые «были беспечны, бездейственны в домашней жизни и представляли совершенную противоположность беспокойному быту воинскому. Они были бесчувственно-ленивы и лежали в своих хижинах, не трогаясь с места <...> Но более всего можно было видеть древнего германца в его пиршествах <...> В этих-то пиршествах созревали все их предприятия. Тут они задумывали свои смелые и дерзкие дела... Они были стремительны, азартны и как только были разбужены, потрясены и выходили из своего хладнокровного положения, то уже не знали пределов своему стремлению» (314–315).

У Гоголя одно не исключает другого: наряду с лежащими изображены и собравшиеся «в небольшие кучи», и сидящие, и танцующие, и пьющие и непьющие заЭброжж ы. Но музыка постепенно увлекла всех, и затем «вся толпа отдираала танец, самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир...» — конечно, это «казачок» (195). Тут же автор говорил о том, что поднимает человека над землей (это рассуждение не вошло в печатный текст): «Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде, он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, чем налагает на него общество и власть, везде, где только коснулся жизни. Он раб, и он волен только потерявшись в бешеном танце, где душа его не слышит тела и возносится вол<ь>ными [прыжками <?>] готова <я> завеселиться на вечность» (555). Это развитие романтических представлений о «земном», «первородном» рабстве и вырывающих из него «музыке души» и танце как способах преодолеть «земную» жизнь. Музыка, танец, а главное — отчаянная «гульба», «пир души» при свободе воли поддерживают в Сече равновесие между «земным» и «небесным», жизнью и смертью, невозможное в обычной жизни, как равенство собственников, подобных Бульбе, и «беззаботных бездомовников», которые «никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили», и «как только... не ставало денег, то удалые разбивали... лавочки и брали всегда даром» (198).

Гоголевской утопии соответствует простор «идеального» пространства Сечи, которое не имеет преград, кроме обязательных атрибутов военного лагеря — «небольшого вала и засеки» (однако «не хранимых решительно никем»), — и «нигде не видно было забора или... низеньких домиков...» (194). Здесь все широко и свободно: «На пространстве пяти верст были разбросаны толпы народа»; «...обширная площадь, где обыкновенно собиралась рада...» покрылась приседающими залорожжами: под ногами танцу-

клич «земля глухо гудела на всю округу...»; «Крики и песни, какие только могли прийти в голову человеку в разгульном веселье, раздавались свободно» (195). Это особое пространство, где каждый православный мог осуществить свободу воли и потому позабывал и бросал все, что дотопе его занимало... плевал на все прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей» (196). Так образуется противоречивое единство запорожцев – молодых и старых, уже смотревших в глаза смерти и не знающих жизни безграмотных «бурсаков, которые не вынесли академических лоз», образованных людей и темных крестьян, охочих до наживы и бессребреников, «опытных партизанов» и офицеров, даже «из польских войск» (бывших католиков?); «впрочем, из какой нации здесь не было народа?» (197).

С точки зрения повествователя – историка и художника, все означенные различия служат единству «безженных рыцарей» Сечи, отдавших жизнь борьбе за Веру, и это делает почти неразличимыми отдельные лица. Так, сообщается, что Бульба «встретил множество знакомых лиц» (195), а конкретное их описание «подменено» типичными запорожскими прозвищами: Печерица, Козолуп, Долото, Ремень... – которые явно диссонируют – в силу грубых «физических» (и физиологических!) ассоциаций [23] – с «духовным» именем Тараса. Однако разговор козаков вновь уравнивает имена всех, кто жив и кто погиб, потому что «витязи» Сечи – как «тесный круг школьных товарищей <...> Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих» (197), оставили свои занятия ради общего святого дела, Отчизны, товарищества.

В 1-й ред. повести фигуры запорожцев оказываются очерчены в духе типовых стилизованных «народных картинок», на которых козаки изображались в характерных позах – играющими на бандуре, пляшущими, воюющими и т. п. (возможно, и лежащими на земле/дороге). На этот источник несколько раз указал сам Гоголь. Так, в «Главах исторической повести» описана «небольшая картина масляными красками, изображающая беззаботного запорожца с бочонком водки с надписью «Козак, душа правдивая, сорочки не мае», которую и доньше можно иногда встретить в Малороссии» (104). В повести «Вий» упомянуто, что на степе погребя «нарисован был сидящий на бочке козак, державший над

... своеоб-
... контаминация этих образов-эмблем происходит при опи-
сании Сечи: «На большой опрокинутой бочке (очевидно, из-под
водки. — В. Д.) сидел запорожец без рубашки; он держал в руках
ее и медленно зашивал на ней дыры» (195), — где актуализирова-
на семантика растраты и пустоты. По-видимому, близко к «народ-
ным картинкам» изображен и «молодой запорожец», что «отпля-
сывал... заломивши чертом свою шапку и вскинувши руками» в
окружении «старых», и «Фома с подбитым глазом», отмерявший
«каждому пристававшему по огромнейшей кружке» водки (195).

Далее обобщено: «...флегматическая наружность запорожца», —
и затем о козаках говорится лишь «дюжие» или «дряхлые», «мо-
лодые» или «старые, загорелые, широкочленистые... с проседью в
усах» (196, 201), да еще, как обычно у Гоголя, есть исключение —
это «довбиш, высокий человек, с одним только глазом, несмотря
на то, страшно заспанным» (199; то есть тот, кто обязан немед-
ленно оповещать всех, плохо видит и постоянно спит). Но все это
суть внешние различия, ибо козаки, по мысли Гоголя, едины по
своему духу. Так, запорожцы «в важных делах никогда не отдава-
лись первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокуп-
ляли в себе всю железную силу негодования», подавляя «чув-
ства... в душе силою дюжего характера <...> волновались все ха-
рактеры тяжелые и кренкиис. Они раскалялись медленно, упорно,
но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть» (202–203). В
традициях своего противоречивого века, они были суровы и свире-
пы для врагов, но знали милосердие и великодушие, воевали во
имя христианской Веры, но «слышать не хотели о посте и воздер-
жании», среди них были «охотники... до золотых кубков, богатых
парчей, дукатов и реалов», а церковь Покрова Пресвятой Богоро-
дицы (покровительницы Козаков) была самая скромная, посколь-
ку многие предпочитали «почти все» пропивать «при жизни сво-
ей», понимая гульбу и войну как одинаково возвышающий, рели-
гиозный «пир души» ради товарищества (197, 198, 200).

Соответственно, противоречия свойственны и всей Сечи. «Эта
странная республика была именно потребность того века» (197),
поскольку сочетала азиатские формы слитной, братской, «роевой»
жизни и деспотизма с европейской вольностью, независимостью
каждого «лыцаря», а формы их самоорганизации — со строгой
«арматурой» войска, введенной Баторием. Поэтому на Сечу может
влиять общее настроение, и козацкая старшина, и даже один, как
показано в повести, «мятежно-упрямый» Тарас или — тем более! —

Кошевой как «слуга» козаков, якобы покорно исполняющий их «волю», но в то же время, говоря современным языком, умело манипулирующий воинственной толпой. Причем позиция атамана по вопросу о войне двойственна: «ему казалось несправедливым делом разорвать мир», который клятвенно «обещали султану», хотя сам он уверен, что Козаку «без войны не можно пробыть. Какой и запорожец... если он еще ни раза не бил бусурмана?» (199–200). И когда, по его предложению, думают отправить на челнах «несколько молодых людей под руководством старых и опытных» — «пустить немного пошарпают берега Анатолии», чтобы вызвать гнев султана и развязать войну (а козацкое войско будет «наготове... и силы... будут свежие»), — запорожцы уверены, что поступают «совершенно по справедливости» (200).

Последовавшее известие о свершившихся на Гетманщине «беззакониях», злодеяниях поляков приводит к еврейскому погрому, а затем к решению идти «прямо на Польшу, так как оттуда произошло все зло», — и прежняя азиатская «необыкновенная беспечность» сменяется столь же «необыкновенной деятельностью»: «вся Сечь вдруг преобразилась <...> Шинки были заперты; ни одного человека не было пьяного <...> Кошевой вырос на целый аршин. Это был неограниченный повелитель. Это был почти деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления...» — а затем вместе стояли на молебне и «целовали крест», и, покидая Сечь, все обратились к ней «почти... в одно слово» (204–205).

Религиозный энтузиазм и товарищество дают запорожцам единство, естественно-картинную красоту и силу «свыше естественной <...> Какое-то вдохновение веселости, какой-то трепет величия ощущался в сердцах этой гульливой и храброй толпы. Их черные и седые усы величаво опускались вниз: их лица были исполнены уверенности. Каждое движение их было вольно и рисовалось <...> Под свист пуль выступали они, как под свадебную музыку. Без всякого теоретического понятия о регулярности, они шли с изумительной регулярностью, как будто бы происшедшее оттого, что сердца их и страсти били в один такт единством всеобщей мысли. Ни один не отделялся: нигде не разрывалась эта масса <...> Вся эта конная толпа неслась как-то вдохновенно, не изменяясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и пужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее» (217–218).

В то же время христианские «лыцари» идут в поход. «желая

внести опустошение в землю неприятельскую и предвидя себе при этом добычу» (204), то есть, как уже было отмечено исследователями, мстят по ветхозаветному принципу «око за око, зуб за зуб» [24]. И потому, «оставляя за собою пустые пространства», разрушая и грабя дома и храмы, истребляя мирных жителей, козаки напоминают выходцев из царства мертвых и своих извечных противников — татар: «Ничто не могло противиться азиатской атаке их <...> тактика их соединяла азиатскую стремительность с европейской крепостью» (205, 212). И в Малой Азии они грабят и предают «мечу и огню цветущие берега <...> Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкургов <...> Третья часть их потонула в морских глубинах; но остальные... прибыли к устью Днепра с двенадцатью бочонками, набитыми цецинами» (222–223)⁸.

Так же потом мстит Тарас за смерть Остапа: он «нес гибель туда, где его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмелилась бы изобразить всех тех свирепств, которыми были означены разрушительные его опустошения. Ничто похожее на жалость не проникло в это старое сердце, кипевшее только отмщением. Никому не оказывал он пощады. Напрасно несчастные матери и молодые жены и девицы, из которых иные были прекрасны и невинны, как ландыш, думали спастись у алтарей: Тарас зажигал их вместе с костелом. И когда белые руки, сопровождаемые криком отчаяния, подымались из ужасного потопа огня и дыма к небу и растрепанные волосы сквозь дым рассыпались по плечам их, а свирепые козаки подымали копьями с улиц плачущих младенцев и бросали их к ним в пламя, — он глядел с каким-то ужасным чувством наслаждения и говорил: «Это вам, вражьи лахи, помицки по Остапе!» — и такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении» (237). Так соединяются мотивы огненного языческого жертвоприношения и погребального костра, адского огня и сожжения еретиков (аутодафе), избиения младенцев, Божьей кары — потопа и, видимо, Апокалипсиса. А согласно выявленному нами

⁸ Ср. описание народной войны: «Это уже не был какой-нибудь отряд, выступавший для добычи или своей отдельной цели: это было дело общее <...> это принадлежит истории. Там изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов, как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды, как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленной своею армиею против этой непреодолимой силы...» (234–235).

принципу антитетического единства, здесь огненный демонизм «исступленного седого фанатика» (236) — лишь иная сторона его религиозного энтузиазма.

В роли священника, ведущего литургию, Бульба выступает на сцену перед битвой, когда «Телом Христовым предстает соборное тело «товарищества», которое остается нерушимо целостным после ухода Андрия, потерь и даже раскола в запорожском войске [11:449-450], «горелка» из боевой рукавицы будет причастием — кровью Христа, которая объединяет козаков, проливающих за Веру кровь, и приобщает их к смерти («...чтобы как эта горелка играет и шибает пузырями, так бы и мы шли на смерть»), а Сечь названа оплотом Веры (фактически Церковью), противостоящим «всему бусурманству» и порождающим Козачество (218). Вместе с тем пожелание Тараса, чтобы «вера Христова» разошлась бы «по всему свету... и все бусурмены поделались бы наконец христианами» (218), — двусмысленно, поскольку означает конец света.

Неудивительно, что Бульбе свойственны черты и Небесного Отца, и Его Сына: Тарас всегда мечтал о «подвигах... которые представляли <бы> ему мученический венец по смерти» (204). О том же свидетельствуют отмеченные нами евангельские аллюзии: «троица» отца и сыновей и все они в числе 13 всадников (подразумевается: предводитель — Христос, а кто-то Иуда), — об этом же говорит обращение Остапа перед последними, смертными муками к «батьке», как Христа к Богу-Отцу (Мф. 27:46), только «батько» здесь внимает сыну и откликается [11, 456]. Другая ипостась этого образа — «страшный отец», убивающий сына-отступника [11, 455]. И поскольку мотив сыноубийства здесь довольно отчетливо перекликается с жертвой сына-агнца, которую Бог требовал от Авраама, видимо, данная ипостась отражает ветхозаветный принцип родовой кары (примечательно, что увидеть Остапа и спасти — его одного! — от смерти Тарас пытается с помощью золота, обмана, демонических персонажей, поклоняющихся ветхозаветному богу Яхве и связанных со смертью [11, 453-454], а затем будет мстить за смерть Остапа по ветхозаветному принципу).

Различные ипостаси героя соединяет сцена казни. Со взятым в плен атаманом поляки обращаются, как с диким зверем, пойманным на охоте (нам это знакомо по отрывку «Пленник»): «...прикрутили руки, увязали веревками и цепями, привязали его к огромному бревну...» — в результате получается подобие фигуры языческого божества на корабельном бушприте; впрочем, сохранен и намек на распятие: «...правую руку, для большей безопас-

ности, прибили гвоздем... он стоял выше всех и был виден всем войскам» – но «как победный трофей удачи» (238). «Белые волосы» – знак мудрой старости, почитаемой «первобытными народами»⁹, обреченно развевались на ветру. Сама зависимость от воздушной стихии говорит о некой «спиритуальности» героя, лишенного земли и – соответственно – силы (как Аптей): «Казалось, он стоял на воздухе, – и это, вместе с выражением сильного бессилия, делало его чем-то похожим на духа, представшего воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидевшего ее ничтожность» (238). Однако, теряя физическую, земную мощь, предчувствуя, что его «заживо разнимут по кускам и что кусочка... тела не оставят на земле...», Тарас, верный долгу товарищества, с «высоты» своей казни указывает козакам путь к спасению – «под кручею» на берегу реки, на границе земли, воды и воздуха, – а ветер доносит его слова (238–239). И козаки, «соприродные» стихиям (вспомним Степь!), «перелетели» пропасть и затем, не обращая «никакого внимания» на «град пуль», отчалили от берега и «плыли под пулями и выстрелами... хорошенько выправляли парус, дружно и мерно ударяли веслами и говорили про своего атамана» (239–240).

Формула противоречивого единства вполне приложима к временному плану повести, обнаруживающему те же противоречия, что были свойственны <Главам исторической повести>, когда среди хронологических обозначений основными становятся приметы Хмельниччины рубежа 1640–1650-х гг. Так, указано, что в Академии (точнее, Киевско-Могилянской коллегии, основанной П. Могилой в 1632 г.) сыновья Бульбы были во времена Адама Киселя, воеводы Киева в 1650–1652 гг., который вел переговоры с Хмельником от имени польского правительства. Только в эту эпоху стал принципиально возможен поход на Польшу (до тех пор козаки традиционно связывали с ней определенные политические ожидания и экономические интересы), и козацкую осаду город Дубно испытал лишь в 1650-х гг. Упомянутый в тексте коронный гетман Николай Потоцкий (ум. 1651) руководил с 1646 г. подавлением козацко-крестьянских восстаний на Украине и был захвачен в 1648 г. козаками Хмельницкого. Кстати, использованные в

⁹ В статье «О движении народов...» сказано, что «старейшинами семейств» у древних германцев были «седовласые (grawion), после изменившие это название в графов...» (314). – Ср.: в Варшаве, передеваясь «ипостранным графом, приехавшим из немецкой земли», Бульба «вычертил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку... и никто бы из самых близких к нему козаков не мог узнать его» (228).

повести записки Г. де Боплана «Описание Украины» (рус. пер. 1832) охватывают период 1631–1648 гг., когда автор был офицером польской королевской армии. А левобережная Украина стала именоваться Гетманщиной после Хмельнитчины.

Другие – собственно хронологические и более общие указания противоречат времени Хмельнитчины и друг другу. Так, в начале повести определено, что время действия «касалось XVI века, когда еще только что начинала рождаться мысль об унии» (181) – т. е. не ранее 1580-х гг. Но далее сказано, что Бульба «был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век и притом на полукочующем востоке Европы...» – а следом идет датировка, которая отменяет и первую, и вторую: он «был из числа первых полковников» на Запорожье, «когда Баторий устроил полки в Малороссии» (182), – это рубеж 1570-1580-х гг. После гибели сыновей 60-летний Тарас участвует в движении Острицы (конец 1630-х гг.), и среди причин восстания уже названа «уния» 1596 г.

Не стоит забывать, что писал все это отнюдь не дилетант, из тех, кто обращается со временем играючи, а преподаватель всеобщей истории, по долгу службы требовавший знания хронологии от учениц Патриотического института и составлявший для них синхронические таблицы. К тому же все упомянутые выше даты были в то время общеизвестны и употреблялись в исторических романах вполне адекватно [25].

Но может ли быть, чтобы время действия, которое в принципе должно соответствовать жизни заглавного героя, занимало три века? – Действительно, сначала в черновой редакции действие происходило только в XV в., в конце Средневековья. Однако затем «жестоким веком» автор стал называть противоречивое единство XV–XVII вв., которое понимал как украинское Средневековье. А Хмельнитчина – это время наивысшего подъема Козачества, когда оно стало самостоятельной, независимой силой. Кроме того, обозначены и другие периоды той эпохи – какими они остались в памяти народа. Это время «за короля Степана», которым Гоголь принципиально ограничивал свое историческое повествование: только при Батории козаки были признаны серьезной военной силой и организовано их войско. Время после Брестской унии 1596 г., когда народное «терпение уже переполнилось» (234), – это период национально-освободительной и религиозной борьбы, козацко-крестьянских восстаний, а среди них самые известные – Наливайко и Острицы, которые с товарищами попали в руки

поляков и погibli, приняв мучения и смерть за Веру, подобно апостолам, святым и великомученикам (св. Георгию или вмч. Евстафию). И если «появление Козачества» Гоголь в статье «Взгляд на составление Малороссии» датировал «концом XIII... началом XIV века» (158), то становление Козачества как воинства Православного он относит к XV в., видимо, связывая это с падением Византии.

Дело в том, что набеги козаков на черноморское побережье Малой Азии напоминают и морские завоевательные походы викингов (Западная Европа называла их норманнами, Русь – варягами) на христианские государства Северной Европы, и военные экспедиции древнерусских князей варяжского происхождения к христианскому Царьграду. Это подтверждают звучащие в повести (особенно во 2-й ее ред.) мотивы «бешеного веселья» в бою, смертной славы, воздаяния в горнем мире – несомненно, родственные языческим представлениям о войне и Валгалле у древних германцев [11:445], о которых в статье «О движении народов...» Гоголь писал: «Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые, исполненные отваги тигры. Думали о том только, чтобы померяться силами и повеселиться битвой. Их мало занимала корысть или добыча. Блеснуть бы только подвигом, чтобы после пересказали его дело в песнях» (312).

Однако – в отличие от древних германцев, викингов и воинов дохристианской Руси – козацкие «льщари» в Малой Азии борются против врагов христианства, «бусурменов»-язычников, на их же территории (на это, заметим, не отваживалось ни одно христианское государство со времен Крестовых походов). Разоряя турецкие прибрежные города и сам Стамбул, козаки таким образом мстят за Царьград и Византию, откуда их предки приняли Православие в X в.

Царьград-Константинополь был колыбелью Православия: именно здесь в 381 г. Вселенский собор принял Символ Веры, запечатлевший суть Православного вероучения. После разделения Римской империи (395 г.) это столица Восточной Римской, а затем Византийской империи, где в IX–XI вв. формировались богословские основы Православия. Во время Крестового похода 1202–1204 гг. (откровенно направленного против Византии) ее столица была взята и разграблена католическими рыцарями-крестоносцами, и это, в конечном счете, способствовало падению православного государства. Захваченный в 1453 г. город турки-османы стали называть Стамбулом (Истанбул – от тюрк. Исламбол – «государство мусульман»). Идея возвращения Константинополя питала

«греческую» политику Российской империи: подобное завоевание означало бы торжество Православия и России, тогда как западные государства около трех веков не могли освободить от язычников бывшую христианскую столицу.

В начале 1830-х гг. эти исторические альянсы были более чем актуальны. Последняя по времени русско-турецкая война 1828–1829 гг. разразилась из-за поддержки Россией национально-освободительной борьбы греков-этеристов (их вождь Ипсиланти ранее был генералом русской службы, а первым президентом Греческой республики стал бывший российский дипломат граф Каподистрия). Сначала Франция и Англия поддерживали Россию в «греческом вопросе» против турков. Но победы русской армии, ее продвижение на Балканы обозначили реальную перспективу разрушения Османской империи, а впоследствии – объединения православных и славянских народов вокруг державы-победительницы, которая таким образом вышла бы в Средиземноморье. И когда ее армия стояла у ворот Стамбула, Англия, Франция и Австрия нейтрализовали дальнейшие усилия России, фактически разрушив Священный союз, заключенный христианскими европейскими государствами в 1815 г. Президент Каподистрия погиб в результате заговора. Запад также инспирировал, а затем поддержал Польское восстание 1830–1831 гг. И потому официальное и общественное мнение в России восприняло борьбу с польским мессианизмом как «священную войну» [11, 441]. Видимо, этим и объясняется, почему в 1-й ред. повести «Тарас Бульба» славяне-католики фактически поставлены ниже «неверных» – турок, крымских татар и демонических персонажей и почти не персонализированы в открытом единоборстве с козаками. А испытания героев завершаются позорной смертью Андрия от руки отца и мученической, «апостольской» гибелью Остапа и Тараса во имя Веры и товарищества.

«...И всякий, кто оставит дома, или братьев, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную;

Многие же будут первые последними, а последние – первыми» (Мф. 19:29–30).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гоголь Н. В. Собр. соч. В 9 т. Т. 7. – М., – 1994. – С. 187. (В дальнейшем цитируем по этому изд., указывая в круглых скобках том и страницу – за исключением цитат по т. 7, где указан

только номер страницы; в квадратных скобках даны ссылки на комментарий В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. Везде в цитатах подчеркнуто мной. – В. Д.)

2. *Срезневский И. И.* Запорожская старина. – Харьков, 1833. – Ч. 1. Отд. II. – С. 18–19, 51.

3. Об этом см., например: *Грушевский Михаил.* Иллюстрированная история Украины. – К., 1996. – С. 173–174.

4. *Есаулов И. А.* Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). – М., 1997.

5. В основе описания – сведения, приведенные в ст.: *Балушок В. Г.* Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. – С. 57–66.

6. *Пропл В. Я.* Исторические корни волшебной сказки // *Пропл В. Я.* Собр. трудов. – М., 1998.

7. Кульбаба – южнорусское название одуванчика (желтый цикорий) (согласно Словарию Даля).

8. *Карпенко А.* О народности Н. В. Гоголя (Художественный историзм писателя и его народные истоки). – К., 1973.

9. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. – М., 1994.

10. *Анненкова Е. И.* Повесть «Тарас Бульба» в контексте творчества Н. В. Гоголя // Анализ художественного произведения: Художественное произведение в контексте творчества писателя: Книга для учителя. – М., 1987. – С. 59–73.

11. *Вайскопф Михаил.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М., 1993.

12. Андрей // Славянские древности: Этнолингвистич. словарь. В 5 т. Т. 1. – М., 1995. – С. 109.

13. Ср.: «Грех и зло есть движение вниз и от Бога» (*Флоровский Г. В.* Восточные отцы V–VIII веков. – Париж, 1933. – С. 219). Пространство подобного типа и соответствующую скорость движения мы увидим в финале повести: «Крепость была на возвышенном месте и оканчивалась к реке... страшною, почти наклонною стремниною... Почти на двадцать сажен вниз шумел Днестр <...> Казаки... бросились бежать во всю прыть <...> только один миг ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули, – и татарские их кони, отделившись от земли, распластались в воздухе, как змеи, и перелетели через пропасть» (237, 239).

14. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лер-

ментов. Гоголь: Книга для учителя. — М., 1988. — С. 277–278.

15. Булашев Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. — Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. — К., 1909.

16. В представлении народа звезды неразрывно связаны с человеком: сколько душ на Земле, столько «свечей» (звезд) Бог зажигает на небе. Это либо «грешные души», поставленные Господом отбывать грехи свои на небе, либо, наоборот, души праведников [15, 303–304]. А Млечный путь считался «дорогою из Москвы в Иерусалим» или «дорогою Божией Матери в Иерусалим», «Божией дорогою, по которой ходит Сам Бог, а также ездит на колеснице... св. Илья-пророк»; «дорогою, проведенною по небу и служащею для указания птицам пути» туда, «куда они улетают на зиму»; «дорогою, которая ведет умерших людей на небо» [15, 305], — и, конечно, Чумацким шляхом.

17. Гуминский В. М. «Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках» // Гоголь: История и современность. — М., 1985. — С. 249–250. Изображая степи, Гоголь, видимо, использовал описание прерий в романе Фенимора Купера «Американские степи» («Прерия», 1827; рус. пер. 1829). Стихийно-руссоеистские воззрения, природное вольнолюбие главных героев этого и последовавших за ним романов Купера «Поселенцы» (1823; рус. пер. 1832), «Последний из могикан» (1826; рус. пер. 1833) перекликаются со взглядами Бульбы [11, 442].

18. Так, запорожец спит днем на дороге. Бульба пирует «всю ночь» со старшинами, а затем, «загулявшись до последнего разгула» (199), они собирают запорожцев на раду — вероятнее всего, на рассвете, поскольку подобные действия ночью невозможны (т. е. козаки собираются и уходят в поход в течение дня).

19. См.: Розов В. А. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя: Сб. речей и статей, изданный Императорским уном Св. Владимира. — К., 1911. — С. 110–112.

20. Подробнее об этом см.: Кривонос Владислав. Сон Тараса в «Тарасе Бульбе» Гоголя // Гоголеведческие студии. — Вып. 9. — С. 20–34.

21. Дорога // Славянские древности: Этнолингвистич. словарь. — М., 1999. — Т. 2. — С. 124, 128.

22. В большинстве украинских легенд курение изображено как выдумка дьявола и чертей, однако в некоторых легендах оно оце-

ни спасения», — а козачья «люлька» имеет сакральное значение [15, 379–392].

23. Печерица — гриб, шампиньон; перенос. — о ком-л. низком и толстом. Козолун — тот, кто обдирает козьи шкуры, или бьет (лупит) коз, или (ругательство) — занимается скотоложством. Долото — ср. прозвище есаула Товкача в черновой ред.: Долбешка. Колопер (от коло — колесо) — носящий или движущий колесо. Пидсыток — редкое, негустое сито; перенос. — скорее всего, о ряб-бон.

24. См. об этом в работах: *Звиняцковский В. Я.* Николай Гоголь. Тайны национальной души. — К., 1994; *Барабаш Ю.* Сладкий ужас мщенья, или зло во имя добра (Месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. — 2001. — № 3.

25. См., например, *Голота П.* Хмельницкие, или Присоединение Малороссии. Исторический роман XVII века. — М., 1834 (ц/р 11 мая 1834).

Всеволод Сахаров

Потемкин и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарю

За учеными разговорами о хронотопе мы иногда забываем, что все же между реальным и художественным временем в литературе есть неизбежные совпадения и постоянные переклички, и второе невозможно без первого. То, что в реальной истории является анахронизмом, в художественном произведении становится вполне законной составной частью авторского замысла, которую читатель воспринимает как должное и не проверяет ее по энциклопедиям и справочникам. Не делает этого и писатель, хотя и с полной правотой утверждает, как Пушкин в «Евгении Онегине», что его произведение строго расчислено по календарю. Между тем любое научное издание классического произведения требует такой серьезной и долгой проверки и сопоставления реальных и художественных дат. Писатель, заметим, тоже владеет на пони-

мание, оставляя в тексте для внимательного читателя и комментатора определенные знаки и сигналы. Читая произведение, комментатор должен их видеть, задавать себе и тексту правильные вопросы, тогда и ответы на них будут, в конце концов, верными. Читателю иных веков и иной культуры они тоже пригодятся.

Знаменитая сцена петербургской встречи послов-запорожцев и кузнеца Вакулы с императрицей Екатериной II и Потемкиным в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» всем известна по фильмам, иллюстрациям, опере П. И. Чайковского «Черевички». Встреча эта — маленький художественный шедевр внутри другого знаменитого шедевра, так она и должна восприниматься. Все ее детали тоже художественные, то есть подлинные.

В то же время проблема реального исторического комментария здесь существует и имеет свою долгую историю. Не только в знаменитых именах дело. Даже само название повести прямо указывает на конкретную дату, мы можем точно вычислить день, месяц и год, когда действие происходит. Но это уже будет переходом из художественного времени Гоголя в реальную историю Малороссии. Это нужно комментатору, но совсем не интересно читателю, живущему в гоголевском сказочном мире.

И все же в таком мелочном, игнорирующем само художественное время буквоедстве, есть своя правда. Да, сцена приема запорожского посольства в Петербурге — творческий вымысел романтического сказочника Гоголя. Но вот мы берем повесть известного малороссийского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Головатый» (1839) и там находим сходную сцену. Открываем поздний роман друга Гоголя Г. П. Данилевского «Потемкин на Дунае» (1878), и там такая же сцена. Значит, есть общий исторический источник, откуда эти сведения писателями почерпнуты. Ведь и у Гоголя, и у Данилевского Потемкин выходит к запорожцам в «гетьманском» мундире. И мы знаем, что это за мундир.

Вопреки некоторым комментариям, это не мундир гетмана Малороссии. Последний гетман Малороссии Кирилл Разумовский был тогда жив и вполне мог присутствовать на этом приеме как президент Академии наук; он пережил Потемкина, Фонвизина, Екатерину, запорожских послов и умер в 1803 году. Но малороссийского гетманства давно уже не было, императрица его предусмотрительно уничтожила своим указом в 1764 году, закрывая путь новому Мазепе. Значит, не было и «гетьманского» мундира, хотя у Разумовского их осталось целых два — президента Академии наук и генерал-фельдмаршала русской армии.

Чей же мундир надел для малого выхода императрицы и приема запорожцев Потемкин? Простое знание писанных и, главное, неписанных законов русского придворного этикета и государственного ритуала подсказывает, что князь (впрочем, тогда он не был и графом, не то, что князем Священной Римской империи, каким стал лишь в 1776 году) мог надеть только свой собственный мундир, пожалованный ему вместе с соответствующим чином и должностью императрицей. И он ему действительно был пожалован Екатериной II вместе с титулом великого гетмана казачьих екатеринославских и черноморских войск, но только в 1790 году. Это и есть скрытый анахронизм, однако Гоголь и Данилевский спокойно одевают Потемкина в несуществующий мундир, ибо источник, которым они пользуются, именует его великим гетманом без каких-либо указаний на время появления этого титула и самого Черноморского казачьего войска.

Из беседы послов с императрицей и Потемкиным ясно, что они приехали с Сечи. В повести точно указано время их поездки: по Гоголю, запорожцы проехали через Диканьку осенью. И мы знаем, кто они были: избранные в 1774 году на Общей войсковой раде полковники Сидор Белый и Логин Моценский и войсковой старшина Антон Андреевич Головатый (1732–1797). Они к тому времени уже знали, что Потемкин решил уничтожить беспокойную Сечь и запорожское войско, набрать из запорожцев два регулярных легкоконных пикинерных полка (это и есть ошибочно упоминаемые в повести карабинеры, то есть пехота) и уже послал для этого войска, которые в 1775 году разорили Сечь и покончили с казачьими вольностями. Этот поход на них царского войска во главе с генералом Текели казаки называют в разговоре с императрицей «новыми напастями». К Потемкину казачьи депутаты ехали потому, что он был записан в их войско казаком Васюринского куреня. Никакой встречи с императрицей в реальной истории не было и быть не могло: для вспыльчивой и властолюбивой Екатерины II непокорные запорожцы – не послы, а такие же ее мятежные подданные, как и многому у них научившийся донской казак Емельян Пугачев.

Именно поэтому посланцы Сечи так долго не могли получить аудиенцию у осмотрительного «казака в случае» – Потемкина. Разговор их с будущим гетманом вышел тяжелым и дошел до угрозы вспыльчивого фаворита сослать казаков в Сибирь, по государственным соображениям Сечь все же была разорена, но по-

сольство запорожцев не было напрасным. Дальновидный Потемкин, начиная очередную русско-турецкую войну, создал в 1786 году из запорожцев войско «верных казаков» и возглавил его. Затем запорожцы с очередным посольством, с тем же Головатым во главе были умело представлены фаворитом в Кременчуге императрице во время ее знаменитого путешествия в Крым, отразившегося в гоголевских «Вечерах», и в этом же 1787 году было образовано Черноморское казачье войско. Его великим гетманом и стал Потемкин. Благодарные казаки помогли князю разгромить турок и взять неприступную крепость Очаков.

Но все дело в том, что Гоголь спокойно использует для описания посольства из Запорожской Сечи 1774 года живописные детали третьей поездки Антона Головатого с казачьими депутатами к императрице, состоявшейся уже после смерти гетмана в марте 1792 года. Вот тут были встречи с Екатериной II, пылкая, заранее отрепетированная речь Головатого, характерные беседы и дипломатические хитрости казаков, вокруг которых сложился целый цикл живописных «анекдотов», забавных историй из придворного быта XVIII столетия. И встречались тогда казаки уже с другим фаворитом — Платоном Зубовым, способствовавшим получению ими царских грамот на законное основание Черноморского войска со всеми атрибутами — знаменем, печатью и атаманской (гетмана уже не было) булавой и владение им землями на Тамани. Такова реальная история, но молодой автор «Вечеров...» не историк, а писатель, да еще и романтик.

Сказочнику Гоголю для его романтического повествования нужны красивые и убедительные подробности, и он опять-таки берет их из того же исторического источника, а точнее, из фольклорного сказания, каковым, является, по-видимому, устный рассказ генерала и атамана Ф. Я. Бурсака, записанный и передаваемый запорожцами от отца к сыну и ставший основой многих исторических работ о Черноморском казачьем войске. Даже сочувственные слова императрицы о запрете казакам жениться и понравившийся ей ответ запорожцев, что «без жинки нельзя жить», взяты из биографии Головатого, содержащейся в этом документе. Им же пользовались Квитка-Основьяненко и Данилевский, так же произвольно меняя детали и хронологию казацкой легенды.

В завершение хотелось бы указать на две детали, для будущего комментария к этому эпизоду «Ночи перед Рождеством» необходимые.

Где происходит аудиенция, описанная Гоголем? Автор оставляет нам нужную подсказку. Кузнец и художник Вакула в одном из

залов видит дивную картину — «Мадонну с младенцем». Мы легко можем заглянуть в описи екатерининских коллекций и назвать эту картину, но делать этого не стоит, ибо Гоголь-то туда не заглядывал, а просто создал обобщенный образ итальянской живописи с этим вечным сюжетом, а знаменитых Мадонн Рафаэля и Леонардо да Винчи в Эрмитаже тогда еще не было. Да, это не Зимний дворец (там католическая икона висеть в тронной зале православной монархии никак не могла), а Старый (или Малый) Эрмитаж с его только формировавшейся коллекцией произведений западного искусства. Нового Эрмитажа тогда еще не было, а сам выход императрицы так и назывался Большим и Малым Эрмитажем.

Вторая смущающая любого добросовестного комментатора деталь — это явление на выходе императрицы Дениса Ивановича Фонвизина, великого сатирика и комедиографа. Екатерина с ним весьма любезна, оживленно говорит о чтении автором при дворе, в том же Эрмитаже и в ее присутствии, комедии «Бригадир» как о недавнем, свежем впечатлении. Но чтение это состоялось в 1769 году. Фонвизину тогда было не более 25 лет. В 1775 году ему было 30 лет.

Но Гоголь спокойно именует комедиографа «средних лет человеком» да еще одевает его в невозможный даже на малом выходе императрицы «скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами», между тем как Фонвизин мог там быть только в парадном мундире Коллегии иностранных дел, где он до отставки и опалы занимал видное место, был вторым после вице-канцлера Никиты Ивановича Панина человеком. Участие Фонвизина в заговоре Паниных сделало невозможным его появление при дворе в 1770-е годы. Тем не менее, молодой автор успешно строит свой образ великого сатирика из подручных средств, каковым является его знаменитый поздний портрет, допуская очередной романтический анахронизм во имя подлинности и точности этого художественного образа.

Разумеется, это далеко не все факты, которым должно принадлежать свое место в будущем развернутом реальном комментарии к сцене встречи Екатерины II и Потемкина с запорожцами в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». Поиски архивных документов и новых исторических материалов впереди, и хотелось своими разрозненными заметками напомнить о необходимости таких поисков.

Трудные места «Шинели» Гоголя

Свою знаменитую статью, впервые опубликованную в 1938 г., Д. И. Чижевский начинает с вопроса, вызванного утвердившимся пониманием гоголевской повести, убедительность и авторитетность которого, казалось бы, не должна была вызывать никаких сомнений: «Нужно ли еще писать о «Шинели»?» [1]. С тех пор, однако, было предложено такое количество различных истолкований «Шинели», что при знакомстве с ними не избавиться от впечатления, будто речь идет не об одном и том же, а о совершенно разных произведениях, у которых если и есть нечто общее, так это объединяющее их название. Впору вновь вернуться к поставленному ученым вопросу, но для того теперь, чтобы выяснить, о какой собственно «Шинели» мы пишем — и как далеко могут уклоняться от гоголевского текста те или иные прочтения. Ведь изменчивость интерпретаций, как доказывал А. П. Скафтымов в ставшей классической методологической работе 1923 г., «...свидетельствует о различной степени совершенства постижения, но нисколько не узаконивает всякого постижения, каково бы оно ни было» [2]. И далее уточнял: «...интерпретатор не бесконтролен. Состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования» [3].

Посмотрим, насколько те или иные существующие интерпретации гоголевского произведения соответствуют его «составу». Их разбор позволит выделить и те *места* «Шинели», которые представляют специфические трудности для понимания.

Сразу отметим, что подобные трудности возникают чаще всего тогда, когда игнорируется значение у Гоголя «стилистической обработки» различных компонентов текста, вне которой они «просто не существуют и ничего нам не говорят» [4]. Поскольку именно стилистическая «интрига» и образует текст «Шинели» [5], то роль подобной обработки здесь особенно важна. Тем не менее чтение *поверх* стилистики — весьма распространенная тенденция в истолковании «Шинели». Но в подходе к «Шинели» дает себя знать и другая тенденция, активно формирующаяся в литературоведении последних лет, — тенденция новой (на других, чем прежде, основаниях) идеологизации предмета изучения, приводящая к таким герменевтическим сбоям, что классические тексты «переста-

ют быть самими собой» [6]. Обе эти тенденции сближает склонность истолкователей к *самовыражению* за счет текста. А потому в ситуации, когда произведению могут быть приписаны практически любые смыслы, исключительно актуальной становится аналитическая проверка бытующих интерпретаций [7].

Трудности между тем поджидают интерпретаторов уже в самом начале повести, когда ее герой только появляется на свет. Описывая сцену выбора его имени, рассказчик так все запутывает своими речевыми ходами, что возникает соблазн понять его слишком буквально, а буквальное понимание сделать основой для далеко идущих выводов. Так, М. Вайскопф, пытаясь убедить, что Акакий Акакиевич рождается от «мертвых родителей», и отмечая отступления от «канона» и от «реальной традиции» при описании крещения героя, приходит к заключению: «Псевдокрещение («черная месса») выглядит как бы совокупным указанием и на фиктивность, и на демоничность показанного мира» [8].

Известно, что Гоголь, изображая те или иные обычаи или обряды, вовсе и не стремился к фактически точному их воспроизведению, преследуя собственно художественные задачи [9]. Допущены им определенные несоответствия ритуалу крещения и в сцене выбора имени. Но значит ли это, что в «Шинели» действительно кощунственно пародируется крещальное таинство и что все происходящее на будто изображенной здесь «черной мессе», то есть «в самом гнезде дьявольщины» [10], соответствует указаниям М. Вайскопфа на фиксируемые им свойства гоголевского мира?

Ю. В. Мани писал об иронической проблематичности как ведущем мотиве эпилога, связывая этот мотив с трудностями идентификации *чиновника-мертвеца* с Акакием Акакиевичем [11]. Подобная проблематичность характеризует и сцену выбора имени, однако выражена она здесь не сюжетно-нарративными, как в рассказе о *мертвеце*, но исключительно стилистическими средствами. И создают эту проблематичность не слухи и не свидетельства очевидцев, передаваемые рассказчиком, а сознание и речь самого рассказчика, вспоминающего, когда и как именно происходило имянаречение героя: «...родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка» [12].

Глагол «расположилась», то есть «возымела намерение» или «собралась сделать что-либо» [13], указывает, что между рождением и крещением прошло, как это и положено, какое-то время. В

черновой редакции, где Акакий Акакиевич рождается «против ночи на 4 февраля зимою в самое дурное время», временной промежуток между рождением и крещением действительно сжат до предела: «тотчас же приказала позвать священника, чтобы окрестить ребенка» (III, 452). В основном тексте, где рождение героя сдвинуто почти к самому празднику Благовещения, то есть к 25 марта по ст. ст., отмечаемому и как начало весны [14], границы обозначенного промежутка расширены, хотя точно и не определены. Таким образом, мнение, что крещение героя «следует незамедлительно за его рождением, тогда как, согласно обычаю, должно пройти хотя бы несколько дней» [15], противоречит тексту «Шинели».

Появившийся в основном тексте оборот «как следует» означает, что крещальное таинство совершается в соответствии с установленным ритуалом, требующим присутствия священника, что подтверждается примером из черновой редакцией. Приведем также отброшенный писателем вариант: «послала, как следует, за приходским священником, чтобы окрестить ребенка» (III, 522). Конкретизация «послала, как следует, за приходским священником» показала Гоголю, видно, избыточной, поэтому в основном тексте и осталось только выражение «как следует», понятное читателям-современникам и без дополнительных разъяснений.

Кстати, когда рассказчик далее уточняет, что «по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова» (III, 142), то из описания видно, что крестные родители, обладающие, как и требуется, самыми высокими качествами, находятся по правую руку не от матушки, но от священника, хоть прямо и не названного.

Что касается «безличных конструкций», появившихся в основном тексте «вместо священника» [16], то подобные неопределенно-личные конструкции используются и в черновой редакции, где священник упомянут («Его тут же окрестили» — III, 452; ср. в варианте, где священник также назван в тексте: «Ребенка тут же окрестили» — III, 523), употребляются они в повести и в других ситуациях, когда, например, рассказывается о грабеже шинели («Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом...» — III, 161) или о смерти героя («Акакия Акакиевича свезли и похоронили. <...> Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича...» — III, 169), нигде не свидетельствуя об отсутствии субъекта действия, но

указывая лишь на «неопределенность лица», не представленного в качестве «индивидуальности» [17].

Говоря о матушке, которая во время крещения «еще лежала на кровати против дверей», надо иметь в виду, что рассказчик, называющий ее «покойницей», описывает события, отнесенные к далекому уже прошлому, почему он и сегует на память. Так, в повести Акакию Акакиевичу «забралось уже за пятьдесят лет» (III, 167). Стало быть, матушка является «покойницей» только в речи рассказчика, совпадающей с действительностью рассказывания, но не в той действительности, где происходит обряд крещения [18].

Нам уже приходилось отмечать, что словоупотребление гоголевского рассказчика подразумевает несовпадение событийного времени и времени рассказывания [19]. Напомним один из приводимых для сопоставления примеров: «...мы с дочкою, покойницей, пощипывали и чесали лен да поджидали сожителя ее из Питера» [20]. Ясно, что в той действительности, где происходят описываемые события, «дочка» вовсе не является «покойницей».

В «Шинели» именно сдвиг времен (настоящего, прошлого и давнопрошедшего) в сознании рассказчика и порождает *номинативную* путаницу в его речи: «Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазада. «Нет, подумала покойница, имена-то всё такие.» Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание», проговорила старуха: «какие всё имена, я право никогда не слыхивала таких»» (III, 142). Фраза эта вмещает в себя долгую жизнь матушки, успевшей сначала родить, а затем состариться и после умереть, но присутствующей в памяти рассказчика одновременно в качестве «родильницы», «старухи» и «покойницы».

Кстати, то, что матушка «лежала на кровати против дверей», еще не основание идентифицировать ее как «покойницу»: лежать «против дверей», как полагает М. Вайскопф, «несомненно значит лежать лицом к ним, т. е. к дверям — ногами; следовательно, так, как по обычаю укладывают покойников...» [21]. Однако матушка, как следует из нарисованной рассказчиком картины, на самом деле лежала не ногами к дверям (что само по себе вовсе не удостоверяет факт смерти «родильницы»), а прямо перед дверями, то есть на противоположной от них стороне [22].

Не является покойником и отец рассказчика: ««Ну, уж я вижу», сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть

лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий.» (III, 142). «Отец был» – это переданные рассказчиком слова «старухи», ее прямая речь, то есть для «старухи», в которую со временем превратилась матушка, отец, может, уже и «был» (в смысле 'умер'), но для «родильницы», выбирающей имя ребенку, он существует в одном значимом для несмысла: как посетитель имени Акакий [23]. Словом, отец, который «был Акакий», на деле такой же чисто *стилистический* покойник, что и сама «покойница матушка».

М. Вайскопф, однако, приведя пару примеров из драматических произведений Гоголя, где в речи персонажей фигурирует слово «покойница», настаивает, что в «Шинели» «покойница» и «старуха» «...не стилистическая причуда, а прозрачный намек на существо дела. Если вспомнить вдобавок, что в качестве покойника упомянут и отец героя (его «отец был Акакий»), то подоплека изображенного мира станет достаточно ясной: Акакий Акакиевич, произведенный на свет этой нежитью, – мертворожденный» [24].

Между тем в действительности героев, где ребенку выбирают имя, и матушка, и отец, и новорожденный, – все они безусловно живы. И как отец с матушкой не являются, конечно, «нежитью» (то есть даже не мертвецами, но «особым разрядом духов», типа домового или лешего: «нежить не живет и не умирает» [25]), так не является «мертворожденным» бедный Акакий Акакиевич, и при жизни пострадавший от разного рода *шуток*. У слова «мертворожденный» (применительно к ребенку) есть лишь одно значение: рожденный мертвым [26], тогда как Акакий Акакиевич поведением своим свидетельствует, что очень даже жив: «Ребенка окрестили; при чем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто предчувствовал, что будет титулярный советник» (III, 142). Отметим, что в сцене выбора имени не упомянута и купель, по из текста понятно, что ребенок заплакал как раз тогда, когда его окунали в купели.

Прочтение М. Вайскопфом сцены выбора имени приводит далее к такому истолкованию «фантастического окончания», когда *демонизация* героя представляется столь самоочевидной, что требует лишь констатации, а не доказательств. Обращаясь к финалу, где Башмачкин возникает в «облике блуждающего «мертвеца»», М. Вайскопф поясняет: «Кавычки здесь – не эмоциональный штрих, а просто напоминание о заведомой условности его кончины, дискредитированной тем соображением, что герой изначально был мертвецом и действовал в столь же мертвом мире» [27]. Так

и последующее именование героя «полудемоническим покойником, восставшим из могилы», чтобы восстановить «справедливость» [28], призвано, видно, напомнить, что герой был не просто «мертвецом», но частью показанного в повести демонического (или все же «полудемонического»?) мира: «Генеральская шинель, пришедшаяся Башмачкину «совершенно по плечам», как бы согревает его в загробном холоде, соединяя души теплом родства — хотя, так сказать, и навязанного генералу» [29].

Скорее, однако, можно говорить о навязанном гоголевскому тексту прочтении, о чтении «более или менее *мимо* произведения» [30]. И то сказать: откуда это у «мёртворожденного» *душа* — и где это в повести сказано, что генеральская шинель «как бы согревает» этого весьма проблематичного *мертвеца*, представляющего таковым исключительно в сфере слухов. На деле эпитолг, «разработанный в манере завуалированной, неявной фантастики» [31], лишь усиливает впечатление проблематичности, окрашивающей и сцену выбора имени, хотя именно здесь, в эпитолге, проблематичность эта приобретает особую роль и особое значение.

Но вернемся еще раз к началу повести, поскольку рассказу о том, как «произошел Акакий Акакиевич», предшествует пассаж о происхождении его фамилии, где событийные аномалии уже вытесняются аномалиями речевыми, что и создает все нагнетаемую затем атмосферу проблематичности: «Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки» (III, 142).

В. М. Эйхенбаум справедливо усмотрел в этой фразе характерный гоголевский каламбур, доведенный до абсурда, который «замаскирован строго логическим синтаксисом и потому производит впечатление произвольности» [32]. Но если абсурд — это «другая логика (или антилогика)», нуждающаяся в наличии «отвергаемой или опровергаемой определенной логики» [33], то закономерен вопрос, каков смысл стилистического разрушения у Гоголя устойчивых логических связей. А смысл в том, чтобы придать новым связям, возникающим на месте разрушенных, *видимость* логики, что в принципе исключает возможность буквального понимания текста. Или, говоря несколько иначе, буквального перевода с языка семантической неопределенности на язык хоть *исторической*, хоть *демонической* достоверности

Попробуем, например, воспроизвести разрушаемую здесь логику — что же у нас получится? Начнем с «шурина», который зачем-то затесался ведь среди башмачкинских родственников, однако, скажем заранее, исключительно на правах родственника *стилистического*. Это такой же *стилистический* шурин, как матушка или отец Башмачкина — *стилистические* покойники. Непонимание этого рождает вопрос, отмеченный все тем же буквализмом: «Какой шурин, т. е. брат жены, может быть у холостого Башмачкина?» [34]. Действительно, у холостого Башмачкина не могло быть шурина, но он мог быть у отца героя, если представить себе, что именно брата матушки имеет в виду рассказчик. Хотя рассказчик, что было в порядке вещей в живой языковой практике, мог просто перепутать термины свойств, смешав, например, «шурина» с «деверем», то есть братом мужа матушки, отца Акакия Акакиевича [35]. Дело в том, что гоголевский «шурин», будучи родственником по женской линии, и не мог носить фамилию Башмачкин, хотя вполне мог, подобно *всем Башмачкиным*, носить сапоги.

Предположим, что происхождение фамилии все же не случайно сбивает рассказчика с толку, переключая на разыскания по женской линии: ведь башмак считался у русских по преимуществу женской обувью [36] и часто фигурировал именно в виде башмачка [37], почему и фамилия героя не Башмакевич и не Башмаков, как в вариантах к «Шинели» (III, 521), а Башмачкин. Уменьшительный суффикс служит не только «большей артикуляционной выразительности» [38] этой формы фамилии, но и выразительности семантической: отсюда ход и к старой шинели, которую чиновники в насмешку называли «капотом» (III, 147), уподобляя ее женской одежде [39], и к новой шинели, которая сделала существование Башмачкина «как-то полнее, как будто бы он женился» (III, 154), но одновременно, в полном соответствии с крылатым выражением [40], и подчинила героя себе.

Очевидно, что *женские* коннотации, вовсе не случайно окружающие фамилию героя, придают ей особую эмоционально-экспрессивную насыщенность как за счет дополнительных значений, так и с помощью сюжетно значимых ассоциативных связей. И тем не менее чисто логическое объяснение, упирающееся на бытовое правдоподобие, вряд ли может быть надежным ключом к гоголевским алогизмам, в основе которых лежит «утверждение заведомо абсурдного и велемого» [41]. Служит ли термин «шурин» в разбирае-

мой фразе синонимом дальнего родственника по женской или же по мужской линии, не имеет ровно никакого значения: какабыло определенность здесь просто отсутствует, так как в речи рассказчика она немедленно приобретает свойство проблематичности. Таковы как *стилистические*, так и *семантические* условия повествования в повести Гоголя.

Стилистически выраженная проблематичность отражена в семантике алогичных конструкций, на что обратил внимание Д. И. Чижевский, раскрывая функции в «Шинели» частицы «даже»: «Так «даже» опустошает осмысленное. Да и осмысленное не всегда полно смысла — таков здесь художественный замысел Гоголя» [42]. А С. Г. Бочаров, остановившись на рассматриваемом нами примере, заметил, что рассказчик «...исходит как бы из презумпции значимости, осмысленности всего в мире его повествования — однако предполагаемой связи между именем и значением не оказывается» [43]. Тот синтез негационности и неопределенности, который осуществляется в гоголевском повествовании, подчиняет это повествование «своеобразному «стиранию» граней бытия — небытия, явного — мнимого» [44], характеризующему существенные особенности не только стилистики и семантики, но и сюжетики «Шинели». Если в одном случае особую функцию несут стилистические конструкции, построенные по принципу «не то», то в другом изображаются организованные по данному принципу события, в которых действуют созданные по такому же принципу персонажи.

Рассмотрим показательный в этом плане пример. М. Вайскопф, взявшись «обосновать следующими подсчетами» «нескончаемость зимы» в «Шинели», решил сложить указанные рассказчиком сроки ожидания Башмачкиным новой шинели и так удачно истолковал гоголевскую проблематичную хронологию, что обнаружил искомый «ледяной эон, в котором развивается все действие повести» [45]. Однако можно было и не утруждать себя подсчетами, поскольку подобная арифметическая операция уже была проделана О. Г. Дилакторской, послужив основанием для вывода о метафорическом смысле холода в гоголевской повести [46]. Между тем такое элементарное математическое действие, как сложение, мало что может объяснить в гоголевском художественном мире, где числа наделяются того же типа семантической неопределенностью, что и слова [47].

М. Вайскопф пишет о времени подготовки Башмачкина к «покупке шинели» [48], однако суть происходящего в том и заклю-

чается, что шинель в повести не покупается, а строится – и показан весь процесс этого строительства. Петербургский мороз, послужив сюжетным толчком для развития «вечной идеи будущей шинели» (III, 154), вновь напоминает о себе только тогда, когда идея эта материализовалась: «Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель. <...> Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться» (III, 156). Не «вечный холод» [49] и не «вечная зима» [50], но именно строящаяся шинель занимает все пространство повествования, пока ведется рассказ и о накоплении героем нужной суммы, и о переменах в его характере, и о его визитах к портному, и о посещении ими суконной лавки [51]. Так что время рассказываемой истории измеряется не условными месяцами и неделями, но символическим ожиданием Акакия Акакиевича, которое и заполняет время действия до той поры, когда новая шинель, наконец, является герою. И лишь обратным сюжетным ходом ее явление мотивируется усилением морозов.

Подобного рода ход, обнажающий разрыв между значением событий в действительности героя и их обоснованием в действительности рассказчика, покажется весьма знаменательным, если вспомнить, как мотивирует рассказчик неожиданную для него самого трансформацию «бедной истории» в «фантастическое окончание»: «Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание» (III, 169). Парадоксальный характер соотношения двух частей повести, разрушающий презумпцию реальности происходящего [52], намеренно подчеркивается рассказчиком, но никак им не объясняется. В результате остается неясным, почему все же «так случилось», но намеченная было нарративная интрига сменяется в приведенном высказывании интригой сюжетной, что позволяет оставить событийные аномалии без всякого обоснования.

Напомним, что рассказчик вот так же фаталистически мотивирует происхождение имени героя, предваряя и завершая сцену выбора имени ссылками на неизбежность случившегося, подкрепленными аргументом матушки к судьбе («видно, его такая судьба»); «...сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени» (III, 142); «...это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно»

(III, 143). Между тем сцена эта, выявляя предопределенность имени героя его судьбой, принципиально значима и для понимания неожиданного эпилога, неотвратимость которого имеет непосредственное отношение к проявлению все той же судьбы, действующей с такой же неумолимостью, но теперь уже самым фантастическим образом.

В. М. Эйхенбаум, не согласившись с уверениями и эстетическими впечатлениями рассказчика, пришел к выводу, что окончание «несколько не фантастичнее» всей повести [53]. С. Г. Бочаров этот вывод сочувственно поддержал [54], а Ю. В. Манн оспорил, посчитав, что он «несколько преувеличен», поскольку в финале «фантастика, по крайней мере, усилена» [55]. Впрочем, вывод этот столь же парадоксален, что и соотношение «фантастического окончания» и «бедной истории», поскольку разрушает презумпцию фантастичности только и именно эпилога, на которой не случайно ведь настаивает рассказчик, пораженный неожиданным и логически необъяснимым поворотом событий: «Но кто бы мог вообразить, что здесь еще не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за непримеченную никем жизнь?» (III, 169).

Это посмертное существование и порождает фантастичность эпилога, у которого если и есть нечто общее с «бедной историей», так это здесь и там обнаруживающее себя гротескное сознание рассказчика, соединяющего завершенную как будто историю (потому и «бедную», что не выпадающую из границ бытовой достоверности) и ее окончание («фантастическое» потому, что происходящее здесь отличается сугубой невероятностью: неожиданность не только и даже не столько в том, что герой прожил несколько дней после смерти, но в том, что прожил он их шумно) в соответствии с непредсказуемой логикой («так случилось») гротескного мира.

Но именно этой логике и следует рассказчик, когда он, описывая сцену выбора имени, а затем и хождения «мертвеца в виде чиновника» (III, 169), предается нарративному фатализму, причем так простодушно, что исследователи, не поверившие рассказчику на слово или появившие его слишком буквально, стали истолковывать «бедную историю» в духе «фантастического окончания», а «фантастическое окончание» — в духе «бедной истории». И если в первом случае обстоятельства рождения героя подвергают такой демонической обработке, для которой даже «фантастическое окончание» не дает достаточных оснований, то во втором эпилоге чаще всего отказывают в фантастичности и приписывают исключительно моралистическое значение [56].

Так, смысл посмертных походов вернувшегося с того света героя видят в том, «чтобы пробудить уснувшую совесть генерала, творившего зло, чтобы вступил он после встречи с живым мертвецом на стезю покаяния и человеколюбия...» [57]. По существу в этом же ключе выдержан принципиальный, казалось бы, спор Е. А. Смирновой с М. Н. Эпштейном, обнаружившим в эпилоге (в соответствии с заранее принятой схемой 'жизне/антижизне', где жизнь Башмачкина – это «бедная история», а антижизнь – «фантастическое окончание») «страшное моральное и мистическое падение» героя, в котором «искажается святое» и проступает «сатанинское» [58]. В «Шинели», считает Е. А. Смирнова, объясняя гоголевскую трактовку «возмездия за социальную несправедливость», «речь идет не о проделках нечистой силы, но о небесной каре» [59]. Между тем концепция М. Н. Эпштейна – это всего лишь «перевернутый» вариант все того же моралистического прочтения эпилога, разве что оценка поведения Башмачкина, прямо отождествленного с мертвецом, сменилась на противоположную.

Гораздо более точными кажутся суждения Ю. В. Манна о фантастическом финале, где поистине «проблематично всё: торжество справедливости, чувство моральной компенсации как для персонажей, так и для читателей и т. д.» [60]. Это соответствует, кстати, и мнению рассказчика, подчеркнутому оговоркой «как бы в награду», то есть речь идет не о настоящей награде, а лишь о ее подобии. Впрочем, бесспорная фантастичность окончания самым явным образом и предполагает такого рода проблематичность, будучи ее изобразительным эквивалентом. Поэтому – при всей важности констатации обозначенной проблематичности – еще важнее понять механизм трансформации «бедной истории» в «фантастическое окончание», от объяснения которого уклонился фаталистически настроенный рассказчик: в чём собственно неожиданность событийно-нарративной метаморфозы и почему все же «так случилось»?

Б. М. Эйхенбаум истолковал эпилог «Шинели» как анекдот, переданный средствами комического сказа [61]. «Фантастическое окончание» можно посчитать анекдотом не только с точки зрения манеры рассказывания или содержания рассказываемой истории, но и с точки зрения жанра, поскольку здесь акцентируется присущая анекдотическому тексту одновременная невероятность и достоверность описываемых событий, а также обнажается типичный для анекдотической конструкции неожиданный сюжетно-семантический сдвиг. Фантастичность эпилога имеет отноше-

ние не к категории чудесного (когда сверхъестественное воспринимается как поэтический вымысел) [62], а к представлению об абсурде реального, характерному для анекдота-небылицы [63].

Это стоит подчеркнуть, поскольку действие в эпилоге переходит в сферу молвы и соответствует правилам говорения, обычно и продуцирующего в городских кругах невероятные слухи и непосредственно связанные с ними (по условиям и характеру зарождения) анекдоты [64]. Приведем примеры: «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подалее стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели...» (III, 169); «Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города все ещё показывался чиновник-мертвец» (III, 173).

Ю. М. Лотман, раскрывая особенности семиотики Петербурга, обратил внимание на распространенность «страшных историй» и «страшных рассказов» с отчетливо выраженным «петербургским колоритом», составным элементом которых непременно оказывается появление призраков, загробные визиты мертвецов и т. п. [65]. 'Возвращение покойного' было типовым мотивом подобных историй и рассказов, тем более знаменательным, что отвечало и повышенному интересу общества к привидениям и к встречам с ними [66]. Однако Гоголя, в отличие от Жуковского, не привлекали привидения, существующие лишь «в фиктивном литературном мире» [67], хотя опыт автора баллады «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» он не мог не учитывать [68].

Следуя логике молвы, рассказчик в «Шинели» передает достоверные слухи, приводя детали и подробности, в этой достоверности убеждающие: «Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца...» (III, 169–170); «табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец» (III, 179); «один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение...» (III, 173). Для функционирования молвы (как формы городского фольклора) значимы именно повторяющиеся мотивы, устойчивость которых мотивируется особенностями коллективного творчества [69]. Ведущим мотивом «фантастического окончания», где воспроизводятся слухи и толки о «мертвече-чиновнике» (III, 170), и становится мотив возвращения покойного, существенный для негационной семантики эпилога.

В специальной литературе отмечено, что именно поверья о «ходячих» покойниках преобладают в народной демонологии [70], влияние которой обнаруживается и в петербургском фольклоре. На вере в сохранение мертвецами способности живых людей двигаться и говорить основаны фабульные схемы рассказов о мертвецах, а также быличек [71], то есть жанров, активно участвовавших, наряду со слухами и анекдотами, в формировании городской молвы. Подобную веру, свойственную носителям слухов в «Шинели» и обнажающую архаические слои их сознания так, что делается возможной актуализация демонологических поверий, как раз и фиксирует рассказчик, передающий и комментирующий слухи. Гоголевский мертвец выступает подлинным творением молвы, героем «страшной» и одновременно анекдотической истории, травестирующей подобный типаж [72], что кладет предел его чрезмерной демонизации.

Важный смысловой нюанс, значимый для истолкования «фантастического окончания», заключается в том, что существование Акакия Акакиевича, принявшего, по слухам, облик чиновника-мертвеца, прекратилось раньше времени: «Исчезло и скрылось существо <...> без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу...» (III, 34). Последняя оговорка весьма показательна для понимания идеи о неизжитом Балмачкиным сроке жизни, почему он, в строгом соответствии с архаическими представлениями, и не «может занять свое место в мире мертвых» и «вынужден существовать на границе между миром живых и миром мертвых» [73]. Пограничный статус, приобретенный героем в эпилоге, и вредные для окружающих действия («Со всех сторон поступали жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самых тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей» — III, 170) прямо указывают на него как на заложного покойника, доживающего за гробом свой век [74].

Поведение мертвеца, «ищущего какой-то утащенной шинели» (III, 169), раскрывает, какой именно срок не изжил вернувшийся в мир живых покойник: тот срок, который он должен был провести в воображаемом браке с шинелью, пока «приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу...» (III, 154). Имея в виду ассоциативный фон повествования, можно заметить, что возвращение покойного вызвано стремлением прожить положенное ему время, для чего и нужно вернуть украденную шинель. Другая мотивировка возвращения связана с актуализацией в эпилоге фольклорного мотива ночного гостя, то есть жениха-

призрака (или мужа-призрака) [75]: ведь в шинели Акакий Акакиевич и видел идеальную «подругу», подобие невесты или жены, с которой он не может разлучиться даже после смерти [76].

По наблюдениям Ю. В. Манна, «идентификация таинственного лица и Акакия Акакиевича самим повествователем нигде не производится. Говорится лишь об узнавании, опознании Акакия Акакиевича другими персонажами» [77]. Примечательно, что и свидетельские показания не дают точного ответа, действительно ли мертвеца можно отождествить с Башмачкиным: «Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича, но это внушило ему однако же такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издала погрозил ему пальцем» (III, 170). Вообще феномен свидетельства (в случае рассказов о сверхъестественных событиях, увиденных, как это отмечается и рассказчиком в «Шинели», «своими» и «собственными» глазами) связан с обращением к традиционным мифологическим представлениям, характерным, например, для поверий или быличек; при этом используются свойства той или иной локальной традиции (у Гоголя – традиции устной петербургской литературы) клише, а впечатления свидетелей передаются в согласии с усвоенной «мифологемой» [78]. В гоголевской повести узнавание и опознание в привидении Акакия Акакиевича так же проблематичны, как и все, что происходит в «фантастическом окончании».

Ощущение семантической неопределенности создает в эпилоге и стилистическая игра, начатая уже в сцене выбора имени: «В полиции было сделано распоряжение поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертвого...» (III, 170). Фраза построена так, что сохраняется неясность, то ли поймать надо того, кто прикидывается мертвецом, то ли того, кого принимают за настоящего мертвеца. Для подобной стилистической игры у Гоголя имелись и «мифопоэтические» основания.

Дело в том, что рождение в архаических представлениях «неотделимо от семантического поля *смерти*» [79]. С мотивами жизни/смерти связан и обряд крестин, позволяющий судить, как и при рождении, «о живучести ребенка по свежести и звучности голоса» [80]. Если плач Акакия Акакиевича при крещении свидетельствует, что ребенок жив, то сделанная им *grimаса* указывает на предвидение новорожденным своей *судьбы* [81], синхронной

акту его рождения [82]. В эпилоге предвидимая судьба предстает, казалось бы, как судьба покойника, однако буквальное тождество Акакия Акакиевича чиновнику-мертвецу, что знаменательно, называется весьма сомнительным.

И. П. Смирнов сослался на превращение Башмачкина после смерти из ограбленного в грабителя как на пример проявления свойственного новеллистическому сюжету принципа параллелизма/эквивалентности [83]. Но грабителем действующий «иногда» [84] герой выступает исключительно в сфере молвы, так что и типично новеллистическая ситуация приобретает в «Шинели» семантическую неопределенность. Окончательно и твердо отождествить Акакия Акакиевича с чиновником, похищающим чужие шинели, не удастся даже будочникам, уже державшим схваченного ими мертвеца, но неожиданно упустившим, «так что они не знали даже, был ли он точно в их руках» (III, 171).

А что же значительное лицо, «который по-настоящему едва ли не был причиной фантастического направления впрочем совершенно истинной истории» (III, 170)? Ведь рассказчик стремится убедить, что последний, внезапно остановленный чиновником «небольшого роста в поношенном вицмундире», лицо которого «глядело совершенным мертвецом», «не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича» (III, 172).

По мнению Ю. В. Манна, важная особенность восприятия значительным лицом реплики грабителя заключена в том, что он ее «не слышал», но «видел»: «опущен, «утаен» глагол, выражающий акт слушания», реплика была «немой; она озвучена внутренним потрясенным чувством другого лица» [85]. На наш взгляд, уверение рассказчика (имитирующего своим рассказом «страшную историю»: «Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца pokrивился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи...» — III, 172), что мертвец реплику произнес, как раз усиливает отмеченную Ю. В. Манном ироническую проблематичность — и усиливает именно потому, что произнесенную мертвецом реплику значительное лицо мог услышать, что в духе этой совершенно истинной истории. Соответствует ей и странная непоследовательность мертвеца, создающая никак не объясненную рассказчиком, но весьма показательную для фантастического эпилога путаницу: сначала сообщается о поисках им «утащенной шинели», а затем передается его заявление значительному лицу, что «твоей-то шинели мне и нужно!» (III, 172).

Чиновник-мертвец оказывается для значительного лица своего рода зеркалом, окном в иной мир, в котором и отражается овладевший им страх («Бедное значительное лицо чуть не умер» — III, 172), как в обычном зеркале, перед которым учился он говорить «голосом отрывистым и твердым» (III, 166), чтобы держать подчиненных «в надлежащем страхе» (III, 164), отражалась его мнимая значительность [86]. Башмачкин в облике мертвеца, отражаясь в зеркале невероятных слухов, приобретает значение, в котором ему отказывают при жизни [87], почему он и прожил «непримеченную никем жизнь» (III, 169). Будучи сам зеркалом, он предельно обнажает незначительность значительного лица, лишая его не только шинели, но и сознания собственной значительности, то есть превращая в типичное «не то».

Перенос происходящего в сферу молвы, этой особого рода вероятной реальности [88], остро ставит проблемы достоверности свидетельства и доверия к свидетелям, излагающим свои версии «совершенно истинной истории», ирреальное содержание (= «фантастическое направление») которой не уместается ни в фабульных границах «страшных рассказов», ни в тематических границах социального возмездия или же нравственного суда над миром. Свойственная гоголевскому нарративу семантическая неопределенность вовсе не означает смыслового релятивизма: для того и понадобились посмертные похождения героя, его шумная жизнь после смерти, чтобы вероятная реальность превратилась в осуществленную, поскольку молва стала письменным текстом.

Истинность описанных в эпилоге событий имеет отношение не столько к фактической достоверности, сколько именно к этому превращению молвы в текст «фантастического окончания». Чиновник-мертвец, неожиданно возникший здесь в ореоле всех окружающих его проблематичный образ значений, предстает в качестве персонажа чужих устных текстов (текстов «страшных историй», имеющих как фольклорное, так и литературное происхождение), которые подвергаются рассказчиком анекдотической обработке, в результате чего обнажается глубинное (неведомое ни носителям слухов, ни самому рассказчику) содержание эпилога, не сводимое ни к «морали», ни к «обличению», ни к анекдоту.

Нарративно-сюжетная организация «Шинели» предполагает обращение к логике возможного: «Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники...» (III, 39). В пределах «бедной истории» гипотеза рассказчика остается произвольным домыс-

лом, который в принципе не может реализоваться, но вот неожиданная трансформация «бедной истории» в «фантастическое окончание» демонстрирует возможность устройства мира, где любое допущение становится вполне вероятным. Этот вероятный мир имеет такое же отношение к миру, который он замещает, как созданная при помощи художественного вымысла «вторая действительность» к действительности первичной.

По такому же принципу в эпилоге не просто «переворачивается», но фантастически удваивается реальность, изображенная в «бедной истории». Выясняется, что судьба Акакия Акакиевича все же не тождественна судьбе его отца, о котором только и известно, что он «был Акакий», тогда как унаследовавшему его имя сыну довелось прожить шумно и воплотиться если не в облике чиновника-мертвеца, с которым его так и не удастся точно идентифицировать, то в образе героя молвы, оставившего по себе память в городском фольклоре. В сохранении и передаче этой памяти и заключается важный смысл истории (в ряду других важных смыслов, ею продуцируемых [89]) о «вечном титулярном советнике» (III, 141), фантастические похождения которого навсегда изменили природу обозначенной *вечности*.

Повесть Гоголя обладает, бесспорно, настолько емким содержанием, что, разумеется, «не сводится к какой-либо единой интерпретации» [90]. Цель нашей статьи заключалась в том, чтобы, оспорив и отклонив интерпретации, слишком далеко уводящие от гоголевского текста, предложить такое толкование трудных мест «Шинели», которое учитывало бы значимые особенности «состава произведения», элементы которого «взаимно объясняют друг друга и сообщают друг другу определенный и единый смысл» [91]. Надо ли уточнять, что постижение этого *единого смысла* вовсе не предполагает *единой интерпретации*, но имеет в виду исключительно «оптику чтения» произведения, «каким оно нам дано» [92].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя // Дружба народов. — 1997. — № 1. — С. 206.

2. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. — Саратов, 1994. — С. 141.

3. Там же. – С. 142.
4. *Манн Ю. В.* Диалектика художественного образа. – М., 1987. – С. 264.
5. *Бочаров С. Г.* О стиле Гоголя // Теория литературных стилей: Типология стилового развития нового времени. – М., 1976. – С. 433.
6. *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. – М., 1999. – С. 595.
7. См.: *Гудков Л., Дубин Б.* «Эпическое» литературоведение: Стерилизация субъективности и ее цена // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 53. – С. 220–221.
8. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – 2-е изд., испр. и расшир. – М., 2002. – С. 431–432.
9. См. убедительное объяснение гоголевской манеры изображения: *Чижевский Д. И.* Неизвестный Гоголь // Гоголь: Материалы и исследования. – М., 1995. – С. 224. Ср. также: *Левкиевская Е. Е.* «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 400–402.
10. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение Истины. – Т. 1 (I). – М., 1990. – С. 168.
11. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 460.
12. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. В 14 т. – Т. 3. – [М.; Л.], 1938. – С. 142. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.
13. Словарь русского языка. В 4 т. – Т. 3. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1984. – С. 655.
14. См.: *Толстая С. М.* Благовещение // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 40–41.
15. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 431.
16. Там же.
17. *Еремина Л. И.* О языке художественной прозы Н. В. Гоголя: Искусство повествования. – М., 1987. – С. 45.
18. См. замечания о внеположных друг другу действительности героя и действительности повествователя: *Федоров В. В.* О природе поэтической реальности. – М., 1984. – С. 83.
19. *Кривонос В.* Загадка эпилога «Шинели» Гоголя // Литература. – 2002. – № 9. – С. 9. К сожалению, статья была напечатана с купюрами, что исказило логику анализа.

20. Лажечников И. И. Ледяной дом. – М., 1993. – С. 99. Ср. у предшественника Гоголя: «Слышал я от покойного отца моего, что вы были с ним искренние друзья. <...> Так, с покойным отцом вашим жили мы по-приятельски!» (*Нарежный В. Т. Соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1983. – С. 69.*)

21. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – С. 430.

22. См. о значении предлогов «против» и «напротив»: *Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т. 2. – М., 1994 (репринт издания 1903–1909 гг.). – Кол. 1187; Т. 3. – Кол. 1359; Словарь русского языка. – Т. 2. – С. 384; Т. 3. – С. 532.*

23. Ср. недоуменный вопрос критика, прикинувшегося *наивным* читателем: «...почему она старуха? потому что Акакий Акакиевич так и родился титулярным советником? и где его отец?» (*Дурье С. Гоголь, Башмачкин и другие // Аврора. – 1984. – № 4. – С. 117.*) М. Вайскопф счел нужным сообщить, что уже в его «дебютной работе» 1978 г. было указано «на специфику «мертворождения» и мнимого крещения Башмачкина» («матушка выведена в качестве «покойницы», отец тоже умер еще до рождения героя») и что эти «указания» были воспроизведены в двух изданиях его книги (*Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – С. 429.*) Но от текста «Шинели», где принципиально значима *стилистика* повествования (нам уже приходилось писать о *специфической* проблематичности происхождения Башмачкина, правда, очень коротко и не специально, а в связи с анализом одного фольклорного мотива: *Кривонос В. III. Мотив «связи женщины с чертом» в прозе Гоголя // Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю. В. Манна. – М., 2001. – С. 69–70;* предлагаемая статья дает возможность развернуть аргументацию и тем самым уточнить собственную позицию), бесполезно требовать *прямых* ответов, основанных на *буквальном* понимании прочитанного. Если же такие ответы и навязываются так упорно, причем в виде «указаний», то ближе к смыслу изображаемого в «Шинели» они от этого не становятся.

24. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – С. 430. В. Е. Ветловская, полагая, что герой назван Акакием «в честь покойного его отца», также приходит к выводу, что тот «ко времени рождения сына уже умер», но при этом замечает, что «посмертными «подвигами» отец героя не отличался» (*Ветловская В. Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Русская литература. – 1999. – № 1. – С. 21.*) Впрочем, рассказанная в «Шинели» история об этом умалчивает – и дописывания, очевидно, не предполагает.

25. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2. – Кол. 1347. Ср.: Словарь русского языка. – Т. II. – С. 443; *Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995. – С. 251.
26. Словарь русского языка. – Т. II. – С. 255.
27. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 475.
28. Там же. – С. 476.
29. Там же. – С. 479.
30. *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. – С. 596.
31. *Манн Ю.* Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 195.
32. *Эйхенбаум Б. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. – Л., 1969. – С. 313.
33. *Виротайнен М. Н.* Гибель абсурда // *Виротайнен М. Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб., 2003. – С. 482.
34. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 431.
35. См.: *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 4-е изд. – М., 2001. – С. 26.
36. «У нас носят обувь эту почти одни женщины...» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – Кол. 142). В «Шинели» же одни женщины ее только и носят: Башмачкин, отпрапляясь на вечер, видит в окошке магазина «картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак» (III, 159), а после грабежа отворяет ему дверь хозяйка квартиры «с башмаком только на одной ноге» (III, 162).
37. Ср. в «Светлане» Жуковского: «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали: / За ворота башмачок, / Сняв с ноги, бросали» (*Жуковский В. А.* Соч. в 3 т. – Т. 2. – М., 1980. – С. 17). В «Шинели» фамилия героя генетически связана именно с женским, но не с детским башмачком, при всей соблазнительности предположения, что Башмачкин «родом из детства» (*Богданова О. А.* Имена собственные в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Русская словесность. – 1994. – № 3. – С. 16; ср.: *Ветловская В. Е.* Повесть Гоголя «Шинель»: (Трансформация пушкинских мотивов) // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 51).
38. *Эйхенбаум Б. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. – С. 312.
39. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. – М., 1989. – С. 102.

40. См. объяснение выражения «под башмаком»: *Максимов С. В.* Крылатые слова. – Нижний Новгород, 1994. – С. 252.

41. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – С. 101.

42. *Чижевский Д.* О «Шинели» Гоголя. – С. 210.

43. *Бочаров С. Г.* О стиле Гоголя. – С. 443.

44. *Миронюк Л.* Негационная стилистика русского языка: (К постановке проблемы) // *Studia Rossica Posnaniensia.* – Poznań, 1998. – *Zes. XXVIII.* – С. 142. Принципиальное внимание в этой статье уделено особенностям гоголевской негационной стилистики.

45. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 433-434.

46. *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях Н. В. Гоголя. – Владивосток, 1996. – С. 154-155. О мотиве холода в «Шинели» и его метафорических значениях, ссылаясь на работу О. Г. Дилакторской, пишет и В. М. Маркович (*Маркович В. М.* Петербургские повести Н. В. Гоголя. – Л., 1989. – С. 58-60), уточнивший, что «холод начинает восприниматься как непреходящее состояние самого изображаемого мира», соотносясь с «холодом бездушия», окружавшим Акакия Акакиевича «всю жизнь» (Там же. – С. 60). С. Г. Бочаров в этой связи говорит о «космическом холоде» в «Шинели» (*Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. – С. 126).

47. Отношение к числам у Гоголя, как показал Д. И. Чижевский, ничем не отличается от отношения к другим «конкретным подробностям»: писатель и здесь «вовсе не стремился к правдоподобию» (*Чижевский Д. И.* Неизвестный Гоголь. – С. 224-225). Ср. замечание, что «хронологические ориентиры» в гоголевской поэтике обычно «не имеют смысла» (*Мильдон В. И.* Чаадаев и Гоголь: (Опыт понимания образной логики // Вопросы философии. – 1989. – № 11. – С. 80), по крайней мере, такого точного и определенного, который им стараются приписать.

48. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 433.

49. *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях Н. В. Гоголя. – С. 155.

50. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 432.

51. Ср.: «Выбор сукна в лавке представлял собою целый ритуал. <...> Особенно важным событием в жизни Башмачкина в течение многих месяцев было именно посещение лавки, со всеми тревогами и волнениями маленького человека, боящегося ошибиться» (*Курсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. – С. 220).

52. См. о функциях парадокса: *Успенский В. А.* Что такое парадокс? // *Finitis duodecim lustris*: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Таллин, 1982. — С. 159–162.

53. *Эйхенбаум В. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. — С. 325.

54. *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. — С. 127.

55. *Манн Ю. В.* Диалектика художественного образа. — С. 79.

56. См. полемику с тенденцией редуцировать содержание «Шинели» «до определенной нравственной апофегмы»: *Манн Ю.* Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя. — С. 192–194.

57. *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. — Л., 1985. — С. 320.

58. *Эпштейн М. Н.* Князь Мышкин и Акакий Акакиевич (к образу переписчика) // *Эпштейн М. Н.* Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. — М., 1988. — С. 74. В литературе о «Шинели» подобная схема стала, к сожалению, общим местом, хотя выводы из нее не всегда делаются столь радикальные. Ср. суждения о принципе сакральной пародии в «Шинели», переворачивающем «житийный канон в антижитийный» (*Диалекторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях Н. В. Гоголя. — С. 166).

59. *Смирнова Е. А.* Жуковский и Гоголь: (К вопросу о творческой преемственности) // *Жуковский и русская культура.* — Л., 1987. — С. 259.

60. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. — С. 460.

61. *Эйхенбаум В. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. — С. 325–326.

62. Ср.: *Маркович В. М.* Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // *Жуковский и русская культура.* — М., 1987. — С. 141–142.

63. См.: *Курганов Е.* Анекдот как жанр. — СПб., 1997. — С. 10–12.

64. См. о взаимосвязи слухов и анекдотов в ориентированной на новость городской молве: *Белоусов А. Ф.* Городской фольклор: Лекция для студентов-заочников. — Таллин, 1987. — С. 21. О функциях молвы в художественных текстах см. также: *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // *Жанры речи.* — Саратов, 1997. — С. 73–78.

65. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. — Таллинн, 1992. — С. 14–16.

66. *Виницкий И.* Нечто о привидениях Жуковского // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 147.

67. Там же. – С. 151.

68. См.: *Смирнова Е. А.* Жуковский и Гоголь. – С. 259–260.

69. Ср.: *Белоусов А. Ф.* Городской фольклор. – С. 20.

70. *Виноградова Л. Н.* Демонологические основы архаической картины мира // Живая старина. – 1996. – № 1. – С. 3. Обычно они *приходят* для того, «чтобы отомстить за нанесенную им при жизни обиду» (Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т. А. Новичкова. – СПб., 1995. – С. 466). Характер мести становится понятен, если учесть, что покойники эти «являются воплощением смерти и, соответственно, – страха» (Байбуриин А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности: (К ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии: [Европейский ун-т в С. -Петербурге]. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 108).

71. См.: Русское колдовство, ведовство, знахарство. – СПб., 1997. – С. 289, 316.

72. См. существенные для понимания «фантастического окончания» суждения о разрушении в анекдоте «всевозможных клише и ходячих представлений» и о роли здесь пародии и травести: *Белоусов А. Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 586–589.

73. *Левкиевская Е. Е.* Комментарии // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М., 1995. – С. 322.

74. *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М., 1995. – С. 40–42.

75. См.: *Неклюдов С. Ю.* Ночной гость // Живая старина. – 1996. – № 1. – С. 4–7. См. о связи персонажа, выступающего в роли духа-любовника, с представлениями о заложных покойниках: *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М., 2000. – С. 320.

76. Ю. В. Манн специально писал, анализируя образ Башмакина, о преобразовании романтической традиции в «Шинели», в том числе и о связи идеи новой шинели с «общеромантическим пониманием любви» (Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. – С. 77). Д. И. Чижевский, рассматривая «эротический» аспект гоголевской повести и говоря о значении для нее романтической темы «всепобеждающей силы любви, любви, преодолеваю-

щей смерть», поставил вопрос, не является ли действующее в эпиплоге привидение «своеобразною пародией на романтического «мертвого любовника», выходящего из гроба за своей невестой» (Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя. – С. 214). Думается, что поведение героя в эпиплоге, с учетом значимого фольклорно-мифологического контекста, дает основание говорить о трагикомической трансформации здесь романтической концепции любви «как всепобеждающего чувства, способного соединить даже разлученных смертью, преодолеть границы между сферами земного и потустороннего...» (Виноградова Л. Н. Сексуальные связи человека с демоническими существами // Секс и эротика в русской традиционной культуре. – М., 1996. – С. 207).

77. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – С. 92. Исследователь постоянно подчеркивает, что «повествование не опирается на сколько-нибудь определенную идентификацию центрального персонажа и его двойника» (*Манн Ю.* Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголь... – С. 195).

78. *Миненок Е.* Мифологические рассказы из уст «очевидцев» // Живая культура российской провинции: Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки. – М., 1999. – С. 174–176. См. о функциях «очевидцев», видевших все «своими глазами», и об их роли в возникновении «мифологических сюжетов»: *Разумова И. А.* Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 554.

79. *Седакова И. А.* «Жилец» – «нежилец»: Магия и мифология родин // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 9.

80. Там же. – С. 10. Наблюдения о связи рождения и смерти в архаических представлениях, равно и как о связи этих мотивов с обрядом крестин (с соответствующими ссылками на цитируемую здесь статью И. А. Седаковой) уже приведены были в статье: *Кривонос В.* Загадка эпиплога «Шинели». – С. 10. М. Вайскопф счел возможным повторить эти наблюдения во втором издании своей книги (*Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. – С. 430, сноска 49; в первом издании они отсутствовали), вышедшем после появления названной статьи, однако не счел нужным на нее сослаться.

81. В традиционных представлениях новорожденный «является носителем некоего естественного знания, вещего дара, который проявляется в особенностях поведения ребенка» (*Байбурин А. К.* Чудесное знание и чудесное рождение // РИЛХФСРПН: К 70-летию В. Н. Топорова. – М., 1998. – С. 496).

82. Ср.: «...рисунок жизни, называемый судьбой, по народным представлениям, предшествует жизни или синхронен акту рождения» (Толстая С. М. «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М., 1994. — С. 143).

83. Смирнов И. П. О смысле краткости // Русская новелла: Проблемы теории и истории. — СПб., 1993. — С. 6.

84. Там же.

85. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. — С. 93.

86. См. о функциях зеркала: Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1988. — Т. XXII. — С. 8–11. О роли зеркала в художественном мире Гоголя см.: Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. — С. 291; Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. — С. 135.

87. Ср.: «Вся повесть написана о значении, как бы несуществующем, жизни человека, такого, каков Акакий Акакиевич» (Бочаров С. Г. О стиле Гоголя. — С. 439).

88. Ср. замечания о специфике гоголевских «реальностей»: Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II. (Новая серия). — Тарту, 1996. — С. 11.

89. См.: Манн Ю. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя... — С. 195–196.

90. Фангер Д. В чем же, наконец, существо «Шинели» и в чем ее особенность / Пер. с англ. // Гоголь: Материалы и исследования. — М., 1995. — С. 57.

91. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы. — С. 143.

92. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. — С. 596.

Музыка в художественном мышлении Н. В. Гоголя

Тема «Гоголь и музыка» представлена сравнительно небольшим числом исследований. Это преимущественно работы музыковедов, рассматривающие творческое наследие писателя в контексте отечественной музыкальной культуры — эти работы, публикуемые с начала XX века до настоящего времени, можно было бы объединить под общим названием «Гоголь в музыке» [1]. С другой стороны, несколько десятилетий назад предпринимались исследования, характеризующие, наоборот, роль музыки в эстетических взглядах Гоголя и в его художественных произведениях [2]. Наиболее плодотворным опытом в этом направлении представляется монография Г. А. Тюменевой «Гоголь и музыка» (М., 1966), в которой автором на основании обширного документального материала реализован комплексный подход в изучении взаимосвязей музыки с жизнью и творчеством Гоголя. Однако, несмотря на привлечение большого количества литературных и мемуарных источников, эта работа, ценная в научном отношении и на сегодняшний день, все-таки является в большей степени музыковедческой. Значение музыкальной тематики и образности в художественном мире Гоголя по-прежнему остается во многом открытым вопросом в современном литературоведении. Мы остановимся лишь на отдельных аспектах поэтики гоголевских произведений, в которых присутствуют музыкальные темы и образы.

Известно, что художественное мышление Гоголя неразрывно связано с его эстетическими воззрениями: литературная «программа» писателя воплощалась прежде всего в его собственных художественных сочинениях. Место и роль в них музыки можно очень точно охарактеризовать словами самого Гоголя из ранней статьи «Скульптура, живопись и музыка», написанной в 1834 году и открывавшей сборник «Арабески» (СПб., 1835): «Невидимая, сладкогласная, она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов» [3, 273]. И действительно, музыкальный мир в творчестве писателя необычайно многолик.

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», размышляя о судьбах русской литературы, Гоголь указывает на три источника ее национальной самобытности, среди ко-

торых, наряду с народными пословицами и словом церковных пастырей, важнейшее место занимают народные песни (6, 147–148). Еще в 1833 году в статье «О малороссийских песнях», включенной впоследствии в сборник «Арабески», он писал «о важности народных песен»: «Все они благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Везде новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств. <... > Самая яркая и верная живопись и самая звонкая звучность слов разом соединены в них» (7; 161, 164–165). Мысль о необходимости обращения отечественной литературы к национальным фольклорным истокам органично спроецирована Гоголем на музыкальное искусство. Так, в «Петербургских записках 1836 года» есть изысканный ход от рассуждения о повышенном интересе к европейской опере людей, «которых никто не подозревал в музыкальном образе мыслей», к идее создания русской национальной оперы: «Уж не наша ли славянская певучая природа так действует? И не есть ли это возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения...? Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы было больше песен. <... > У нас ли не из чего составить своей оперы?» (7, 487) «Живопись», «звучность» и тонкий психологизм народных песен в полноте используются Гоголем уже в ранних циклах повестей — в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде», где песни органично вплетаются в ткань повествования. Однако помимо этого песня (нередко в сочетании со звучанием музыкальных инструментов) сама становится предметом изображения. Г. А. Тюменева в вышеупомянутой монографии отмечает, что описания музыкальных эпизодов в «Вечерах...» являются как бы частью сценария музыкального спектакля, а в расстановке песенных и танцевальных номеров, картин природы, «ансамблевых» и массовых сцен отчетливо напоминают оперное либретто [4, 81–84]. Исследовательница указывает на своеобразные режиссерские «ремарки» Гоголя, например: «Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и подплясывает» («Майская ночь. или Утопленница») (1, 53). К этим наблюдениям, думается, можно добавить, что песня изображается Гоголем и как звуковая «декорация»: «... Только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрышка, говор, шум...» (предисловие к 1-й части «Вечеров...») (1, 10); «Звонкая песня лилась рекой по улицам села***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки

шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. <... > Уже и сумерки, а песни все не утихали» («Майская ночь...») (1, 53). Песня в поэтике Гоголя нередко выполняет роль образа-символа. Наиболее яркий пример — в заключительной главе 1-й части «Мертвых душ», где наряду с образами бескрайних дорог и знаменитой тройки символическая картина Руси дополняется звуками «затянутой вдаль» песни: «Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня?» (5, 201).

Включение музыкальных образов в текст выполняет также изобразительную функцию, что особенно ярко проявляется в описании атмосферы праздника: достаточно вспомнить свадебные сцены в «Вечерах...»: «На двор выкатили бочку меду и не мало поставили ведер гречского вина. Все повеселело снова. Музыканты грянули; дивчата, молодичицы, лихое козачество в ярких жупанах повеселились» («Страшная месть») (1, 131). И наоборот, с дисгармоничностью музыкальных звуков праздник теряет свою неповторимую красочность, радость и полноту: это находит отражение, в частности, в описании рождественской церковной службы в «Ночи перед Рождеством»: «Вся церковь еще до света была полна народа. <...> Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто чего-то недостает. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве» (1, 126–127).

В статье «Скульптура, живопись и музыка» Гоголь говорит о необычайной силе воздействия музыки на чувственное восприятие и на душевный и духовный мир человека: «Она вдруг, за одним разом, отрывает человека от земли его, оглушает его громом могучих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет» (6, 273). В этой статье Гоголь отмечает также способность музыкальных звуков нравственно преобразовать человеческую личность и потому с на-

деждой восклицает: «О, будь же нашим хранителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!» (6, 274). Здесь же звучит мысль о созидательной и объединяющей силе музыки: «Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами собора, где тысячи поверженных на колени молящихся стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несет с ними горе, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трещающий в углублении остроконечной башни» (6, 273). Нечто созвучное этим размышлениям, как представляется, имеет более ранние художественные аналогии в тексте «Вечеров...»: «Странное, неизъяснимое чувство овладело бы зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта, в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, *все обратилось волею и неволею, к единству и перешло в согласие* [курсив мой. — Е. Б.]. Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами» («Сорочинская ярмарка», заключительная сцена) (1, 37–38). Но с помощью музыкальных образов Гоголь отобразил и красоту, таящую в себе духовную опасность, способную погубить человеческую душу. Так, в повести «Тарас Бульба» последним соблазном на пути Андрия к предательству стали звуки органа в католическом костеле: «Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кафельный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный стон органа наполнил вдруг всю церковь; он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые раскаты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминая тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке» [5]. Пример иного плана — в повести «Невский проспект», где музыкальный образ-символ расстроенного инструмента является частью дисгармоничной картины, представшей перед глазами художника Пискарева: «Три женские фигуры в разных углах представились его глазам. Одна раскладывала карты; другая сидела за фортепиано и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза; третья сиде-

ла перед зеркалом, расчесывая гребнем свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входе незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, царствовал во всем» (3, 16). Не случайно за этим фрагментом следует размышление о красоте, «тронутой тлетворным влиянием разврата»: «она была какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего *разрушить гармонию* жизни [курсив мой. — Е. Б.], брошена с хохотом в его пучину» (3, 18).

Нередко музыкальные образы в произведениях Гоголя, используемые как метафоры и яркие сравнения, служат средством создания комического эффекта. Так, в «Старосветских помещиках» есть два юмористических фрагмента, пронизанных лиризмом: «Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наступало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, стчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «батюшки, я зябну!» (2, 200–201); «Один раз только Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса. Для этого были запряжены дрожки с огромными кожаными фартуками, от которых, как только кучер встряхивал вожжами и лошади, служившие еще в милиции, трогались с своего места, воздух наполнялся странными звуками, так что вдруг были слышны и флейта, и бубны, и барабан; каждый гвоздик и железная скобка звенели до того, что возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора...» (2, 202–203). Другой пример — тонкая ирония в описании плюшкинского поместья в 6-й главе «Мертвых душ», когда подъезжая к дому Плюшкина, Чичиков «не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и неберегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб...» (5, 104).

Но главным в мышлении музыкальными ассоциациями для Гоголя были представления о высшем предназначении искусства,

что с особой силой отразилось в позднем творчестве писателя. Еще в «Арабесках» в статье «Скульптура, живопись и музыка» была высказана мысль о том, что изящные искусства, данные человеку свыше, призваны обращать его душу к созерцанию и прославлению премудрости Творца («Великого Зиждителя мира»). Это утверждение было развито в некоторых главах книги «Выбранные места из переписки с друзьями», а также в знаменитом письме к В. А. Жуковскому «Искусство есть примирение с жизнью». Ключевая идея письма — о созидающей и привносящей в жизнь гармонию роли искусства: «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка...» (6, 240). А значит, смысл и оправдание творчества, как отмечает Гоголь в главе «Выбранных мест...» о театре [6], заключается в том, чтобы «подобно Самому Богу, все направлять к добру, — даже и то, что испортил человек и обратил во зло»: «Те же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идолов своих, по одержании над ними царем Давидом победы, обратились на восхваленье истинного Бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услышав хвалу Ему на тех инструментах, на которых она дотоле не раздавалась» (6, 63).

Представленные в работе наблюдения над музыкальной тематикой и образностью в художественных текстах Гоголя — лишь предварительные «эскизы» к изучению проблемы, требующей дальнейших изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: *Турыгина Л. М.* Гоголь в области музыки. — СПб., 1909; *Глебов И. (Асафьев Б. В.)* Гоголь и музыка. — Классики и современные писатели на вечерах художественной литературы. — Иваново-Вознесенск, 1927; *Обрам В. А.* Гоголь и опера («Вечера на хуторе близ Диканьки» в музыкальном театре России и Украины): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. — К., 1946; *Гозенпуд А.* Гоголь в музыке // Литературное наследство. — Т. 58. — М., 1952; *Евстафьева Е. Н.* Гоголь в музыке и изобразительном искусстве // Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе: Пособие для учителей / Под ред. Г. В. Самойленко. — К., 1988; *Дубравин В. В.* Методологические предпосылки анализа музыкально-сценических произведений на сюжеты Н. В. Гоголя // Литература та культура Полісся. — Вип. 7. — Шжин, 1996 и др.

2. См.: Берков В. Гоголь о музыке. М., 1952; Злотникова И. Музыка в жизни и творчестве Гоголя // Советская музыка. – 1952. – № 3; Дзюба А. А. Гоголь и музыка // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. – К., 1984. – № 2 и др.

3. Гоголь Н. В. Собр. соч. В 9 т. – Т. 6. – М., 1994. – С. 273. Тексты Гоголя цитируются по этому изданию. Дальнейшие ссылки на него даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

4. Тюменева Г. А. Гоголь и музыка. – М., 1961. – С. 81–84.

5. Более подробно этот эпизод прокомментирован И. А. Виноградовым и В. А. Воропаевым в названном Собрании сочинений Гоголя (см. примеч. 3): Т. 2, С. 473.

6. Глава XIV. «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности».

Екатерина Падерина

О жанровой специфике пьесы Н. В. Гоголя «Игроки»

Выдвинутый нами тезис о наличии в пьесе «Игроки» пародийного уровня, ориентированного на «Пиковую даму» А. С. Пушкина [1], поднимает вопросы, требующие обсуждения.

Первый вопрос – о преднамеренности пародийной ориентации. В определенных совпадениях элементов пьесы с пушкинской повестью, в узнаваемых чертах последней, в том числе травестированных, нет ничего удивительного, поскольку пушкинский текст, как и многие другие до и после него, посвящен той же теме – карточной игре. При этом, если на прямые заимствования Гоголя из «Семейства Хомских» Бегичева и других текстов не раз указывалось исследователями, то «Пиковая дама», аккумулировавшая большой объем переводной и отечественной литературы на тему карточной игры, а также анекдотов об играцах, практически не фигурирует в перечне источников гоголевского текста. Причина, возможно, в контрасте между мистическим флером пушкинской повести и откровенно бытовой подачей темы у Гоголя. Между тем, в пьесе есть очевидные свидетельства того, что Гоголь окончательно отделял свою одноактную пьесу в 1842 году с осознанной оглядкой на пушкинскую повесть. Об этом сигнали-

зирует наличие в тексте «Игроков» парафразы пушкинского эпиграфа к повести «Пиковая дама» («Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швахнев, свою брюнетку, что называл ты пиковой дамою?», V, 88), которая не имеет никакой мотивировки на драматургическом уровне, а также предпосланный всей пьесе эпиграф из Пушкина – «Дела давно минувших дней», как будто носящий нейтральный или только извинительный перед цензурой характер (в отличие от эпиграфа к «Ревизору», например). Кроме этого – по тексту пьесы рассыпаны многочисленные (включая авторские ремарки) узнаваемые детали пушкинской повести (характерные черты Германиа, его кредо, игра с карточными номинациями, роковая карточная игра и др.). Такая насыщенность провоцирует выдвинуть предположение о столь же кропотливом «краплении» автором текста пьесы, какое проявил Ихарев в полугодовой подготовке своей «заповедной колодишки» – Аделаиды Ивановны. Такое предположение недоказуемо, но мы уверенно можем говорить о сочетании сознательного пародирования (причем, именно в пушкинском смысле слова [2]), значимости для Гоголя в 1841–1842 гг. поставленных Пушкиным в повести проблем и – неподвластным в определенном смысле автору – движении текста в русле интертекстуальных мотивов, сопутствующего теме карточного языка (с особыми моделирующими возможностями), а также литературных аллюзий. В этом плане эмблематичность гоголевской фразы из «Игроков» о важности «ключа рисунка обратной стороны» (в противовес крапу) сохраняет свое значение вне зависимости от степени осознанности и неосознанности всех деталей сформировавшегося в пьесе пушкинского «рисунка».

Второй вопрос касается жанра. Драматургическая интрига «Игроков», причем блестяще разработанная, внешне остается вполне независима от пародийного уровня (это проявилось и в сценической истории пьесы). Между тем, именно при прочтении пьесы в пародийной проекции эпиграф к ней и авторские ремарки теряют сугубо инструментальный характер, становясь вместе с парафразой из пушкинского эпиграфа к повести своеобразным кодом к сюжету «Игроков». Пародия на «Пиковую даму» формирует определенную целостность текста пьесы как такового.

Прежде всего: воздействие на комедийную коллизию пародийного уровня проявляется вполне ощутимо в том, что между персонажами устанавливаются особые, мотивированные не драматургическим развитием действия, а травестированными параллелями к

пушкинским героям и ситуациям, отношения. Так, в Ихареве обнажены скрытые для фабулы пушкинской повести черты. С точки зрения гоголевских персонажей Германи ведет себя как шулер и пытается обеспечить себе союзничество в «краплении» 3-х карт, хотя и мистическими силами [3]. Оба – и Германи, и Ихарев – нарушают правила азартной игры, пытаются «подправить» Фортуны. Оба «обдергиваются» в выборе партнеров и противников. В итоге – аналогом трагического фиаско Германи выступает комедийное фиаско Ихарева [4]. Так же и Александр Глов, которого подставляет Утешительный в качестве дурака, оказывается двойником Ихарева в травестировании образа Германи, только не в плане характерных черт, а в ситуации карточной игры. С ним разыгрываются в пародийном варианте три роковых талии Германи с карточным фиаско в итоге. По сути дела, Александр Глов, по режиссуре Утешительного, демонстрирует Ихареву, как союзники-шулера обыгрывают последнего на житейском уровне. Но – одновременно – Глов и сам «обдергивается» точно так же, как Ихарев, в расчете на большой куш от житейского партнерства с шулерами. В целом это явление (XVI) в повествовательном, «пушкинском», сюжете является полем более сложной контаминации мотивов, но в данном случае важно то, что зеркальные отражения ситуации, восходящие к барочному иллюзионизму, с точки зрения театральной условности соответствуют удвоению рампы и сцены [5], а на пародийном уровне – комментарию к сюжетной коллизии Германи [6].

То, что в «Игроках» пародия на прозаический текст осуществлена в драматической форме, само по себе не удивительно. Диффузия литературных жанров и даже родов в литературном процессе начала XIX века – явление закономерное для периода становления национальной литературы и особо характерное для той быстрой, почти стремительной в России смены форм культурного мышления, которая проявилась в литературе прежде всего. Отметим, что в 20-30-е годы особым культурным значением наделялись именно комедийные жанры [7]. Сам Гоголь в издательском варианте отнес пьесу, которую мы порой называем одноактной комедией, к «драматическим отрывкам и сценам», а в письме к М. С. Щецкину от 3 декабря 1842 года назвал ее – «не комедия, а просто комическая сцена». Это определение жанра, скорее всего, спонтанно выходящее за рамки привычного драматургического ожидания [8], все-таки является свидетельством того, что сатирическая социально-бытовая направленность пьесы не исчерпывает сюжет.

Совершенно очевидно, что «драматические отрывки» Гоголя сопоставимы в плане жанровой традиции с пушкинскими «маленькими трагедиями» [9]. Действительно, «миражность», «мнимость» бытового уровня комедии так же не доступны сцене, как и поэтическая образность, философичность драматических сцен Пушкина. Но если пушкинские «маленькие трагедии» во многом близки «драме для чтения» и обедняются сценическим воплощением (трансформацией заложенных принципов поэтической условности), то гоголевская пьеса вполне обходится без глубинного уровня, сохраняя свою конкретику и драматургическую целостность [10].

Дело в том, что многоплановость «пушкинского» сюжета в пьесе выражается в сложном взаимодействии между собой разных уровней текста, в наложении разных форм комического — вплоть до «комического до комедии». Известно, что генезис театрального действия, комедийного в том числе, связан с обрядом, ритуалом (в том числе — фольклорным и религиозным), с вертепом и т. п. При этом комедийные жанры с их началом снижения, осмеяния и пр. являются «пародической формой» (по определению Ю. Н. Тынянова). Этот уровень гоголевской комедии в пьесе, уходит своими корнями в глубокое архаическое прошлое, в мифологическую картину мира, но через определенные этапы модернизации, особо актуальные для Гоголя. В этом плане значимы его тесные связи, во-первых, с Малороссией, сохраняющей синкретизм фольклорно-мифологических, религиозно-обрядовых, культовых элементов праздничного мышления, а также удерживающей особую форму барочности; во-вторых, с романтической традицией, проявляющей особое внимание к стилизации мифологического мышления. Характерный для гоголевского творчества и «Игроков», в том числе, прием вещной метафоры и игра с предметностью и очеловечиванием актуализирует для нас именно эту генетическую линию мифологических архетипов.

О. Фрейденберг пишет в «Поэтике сюжета и жанра»: «О вещи можно сказать, что она выполняет в фольклоре, а затем и в литературе, три функции. Прежде всего она, перестав быть первоначальным персонажем, делается *атрибутом* при *очеловеченном персонаже*, а также его *аксессуаром*. Затем она, теряя значение *живой природы*, переходит на роль сценария и обстановки. И, наконец, при посредстве вещи достигается сюжетная перипетия и интрига» [11]. Крапленая карточная колода в «Игроках» не является атрибутом в опознании нечистой игры: шулера распознают в Ихареве своего по его передергиванию в игре. Не является

пресловутая колода и движителем драматургической интриги: Ихарев демонстрирует ее в порыве хвастовства, чтобы улажить свою «профессиональную» гордость, а предложение о партнерстве получает потому, что тоже шулер. Называнием колоды карт человеческим именем и отчеством Гоголь, по сути дела, возвращает вещи архаический статус персонажа. С излюбленным романтиками мотивом оживления неживого (изображения, статуи, механизма), восходящим к мифологическим представлениям, гоголевское «оживление» колоды связано скорее номинально. Ихарев с некоторым смущением открывает шулерам интимный факт названия колоды человеческим именем, но наедине обещает – без какого бы то ни было мистического флера – поставить своему фетишу памятник за верную службу. Двусмысленность подобного отношения можно было бы воспринять как своеобразную игру с указанным мотивом: памятник Аделаиде Ивановне невольно мыслится некоей статуей, а статуя – подобие в камне – может ожить. Но не общеромантическая традиция получает развитие в «Игроках», а ее ироническая модификация в «Пиковой даме». У Пушкина на мгновение как будто «оживает» одна карта и именно она соединяет игровую и гадательную функции. У Гоголя эту роль исполняет именная колода [12], а компания шулеров выступает в качестве персонифицированного карточного расклада – игрового и гадательного (прогнозируя, демонстрируя и определяя развитие сюжета). При этом в событийной коллизии «Игроков» отсутствует даже намек на участие мистических сил (чёрта поминают все время, но это воспринимается в рамках бытовых эмоций), тогда как в пушкинской повести мистический настрой Германа является связующим звеном между фабулой и сюжетом. Ихарев, провозгласивший ум великой вещью, наивен до глупости и не воспринимает происходящее за пределами житейской наглядности. Именно это и делает его фетишизм столь безобидным и только смешным на событийном уровне.

По словесной ткани пьесы рассыпаны разнообразные мелкие приметы пушкинского текста. Эти словесные или ситуативные детали снижены в пьесе либо контекстно (от мистицизма до бытовизма, от абстракции до буквализации), либо самой парафрастической формой речевого высказывания того или иного персонажа. Таковы, например, реплики Утешительного, обращенные к Ихареву («...теперь видим, что вам знакомы высшие тайны», V, 73), к Кругелю («На, немец, съешь свою семерку»; V, 88) или ни к кому конкретно («Какое странное течение карт. Вот любопытно для

вычислений!»; V, 88). Оправдания-обоснования Ихарева относительно своих занятий в названной проекции также обнаруживают связь с теми или иными декларациями Германна (напр.: «...сколько денег пропадает даром, без всякой совершенно пользы. Ну что из того, что у него будет двести тысяч? Ведь это все так пойдет, на покупку каких-нибудь тряпок, ветошек! <...> Сколько есть мертвых капиталов, которые, именно как мертвецы, лежат в ломбардах!»; V, 85).

Другой план пародии лишен комедийности, он не смешон и не трагичен. Пародийная функция того или иного элемента формируется травестийным фоном восприятия этих элементов в свете «Пиковой дамы».

Характерен в этом смысле следующий эпизод пьесы. В ответ на вопрос шулеров, что делает барин, когда остается один, слуга Ихарева Гаврюшка отвечает: «Да как, что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает» (V, 68). Эта формулировка вызывает смех уже своей сатирической остротой, пародируя к тому же типичный для догоголевской комедиографии образ слуги-резонера. Но в рамках фабульного анекдота речь идет о карточной игре («Врешь, чай карт из рук не выпускает!», там же), причем шулеров интересует именно передергивание, его слуга и отрицает, оставляя любопытствующих в сомнении. Между тем, пародийный вектор выводит нас к ироническому эпитафию к пушкинской повести: «... Так, в ненастные дни, занимались они делом». Последний, в свою очередь, подвергается Гоголем ироническому переосмыслению, причем многозначному: Ихарев ничего не делает, потому что не соответствует уровню амбиций или возможностей Германна, или потому — наоборот — что, в отличие от Германна, — «барин, так уж держит себя хорошо»...

Подобное удвоение формируется во многом под влиянием вне-литературных аллюзий, которые подключаются эпитафием Пушкина к «Пиковой даме». Речь идет о пересказанном П. В. Анненковым со слов Гоголя первом столичном впечатлении об образе жизни Пушкина. Когда по приезде в Петербург Гоголь пришел на квартиру к Пушкину, чтобы попытаться представиться любимому поэту, то «на вопрос свой: «дома ли хозяин?», услышал ответ слуги: «почивают!». Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» — «Как же, работал, — отвечал слуга, — в картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализацией

его» [13]. Этот рассказ Анненкова исследователи восприняли как забавный и сомнительный, то есть не имеющий биографических оснований. Но, во-первых, В. В. Гишпиус показал, что подобная ситуация могла иметь место, приведя любопытную параллель к указанному эпизоду – сценку Пушкина из серии, озаглавленной издателями «Альманашик» и датированную 1829 или 1830 гг. [14]. Во-вторых, и это для нас существеннее, Анненков приступил к собиранию материалов для биографии Пушкина в 50-е годы, когда и был записан рассказ Гоголя. Последнему принадлежит и соответствующий ракурс подачи реального или возможного эпизода. Именно этот ракурс – дело (работа) / карты (в отличие от пушкинской сценки, где речь идет о позднем возвращении с бала) – усиливает значимость параллели между указанной фразой гоголевских «Игроков», одним из принципов Германна (трудолюбие) и эпитафией Пушкина к «Пиковой даме».

Этот уровень гоголевской пародии восходит к тому пласту архаики, который Фрейденберг определила как «комическое до комедии», к представлению о двойничестве всего сущего и связан с называнием как воскрешением из небытия [15]. Актуализация подобных архаических пластов несомненно связана с этапностью: внутренняя авторская эволюция выходит к той точке, в которой эстетическое авторство смыкается с экзистенциальным самостоянием, творческий акт ощущается и реализуется как поступок – социальный и экзистенциальный. Движение к этой точке творческой эволюции, в которой авторство осознано как ответственность перед миром и Богом, было освещено для Гоголя именем Пушкина.

Само имя поэта не упоминается в пьесе ни разу (в отличие от «Ревизора» или «Театрального разезда» – также подготовленных к изданию 1842 г.). Тем не менее, речь идет именно о Пушкине, и прежде и важнее всего – о Пушкине-авторе. Замысел пьесы возник под влиянием пушкинской повести, предположительно в 1835–1836 гг. Тогда же или несколько позже были сделаны черновые наброски первых явлений. Трагическая гибель Пушкина потрясла Гоголя (письма 1837–1838 гг. полны точных или парафрастических цитат), хотя не затормозила, а возможно – активизировала творческую активность (с лета 1837 г. Гоголь настойчиво просит Прокоповича прислать из Петербурга оставшиеся там черновые наброски). Но «Игроки» окончательно были завершены только в 1842 г. при подготовке первого собрания сочинений. К этому времени был окончен 1 том «Мертвых душ», в

работу над которым Гоголь вовлек чуть не всю Россию [16] и с которыми пьеса имеет множественные переключки на уровне «пушкинского» сюжета. Параллельно завершен «Театральный разъезд» с углубленной театральной эстетикой. Причем, имя Пушкина-автора представлено в этом тексте в параллели к Гоголю-автору: «Просто друзья захвалили не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели захвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели кричали, кричали, а потом вслед за ними и вся Россия стала кричать» (V, 141). Кроме этого в 1841 г. вышло первое посмертное издание «Сочинений Александра Пушкина». Белинский открыто заявил о Гоголе как новом лидере русской литературы, к чему последний отнесся амбивалентно. Словом, значимость для Гоголя в 1841–1842 гг. эстетического завещания Пушкина была чрезвычайно велика в психологическом и творческом плане, в частности, в формировании собственных эстетических установок на «высокую комедию». При отсутствии в пьесе имени Пушкина читателю о нем напоминает уже игра с эпиграфами [17] и насыщенность текста приметам «Пиковой дамы».

Можно предположить, что приметы «минувших дней» пушкинского времени были имплицированы Гоголем в текст пьесы для тех немногих читателей, для которых они были узнаваемы и дороги. Но преднамеренно ли или в результате глубинной внутренней ориентации – останется вопросом. Однако не только и не столько внелитературные аллюзии к пушкинскому периоду и самому Пушкину формируют этот глубинный план пародии в «Игроках». Именно на этом комическом, но не смешном уровне разворачивается мотив случая – обязательного элемента азартной карточной игры. Внятный в 30-е годы, в том числе и в пушкинском творчестве, мотив случая, связанного с Провидением или судьбой и с идеей непознаваемости причинно-следственного хода событий, в 40-е годы воспринимается если не как забытый, то во всяком случае – не актуальный. Остается – тотальное шулерство, «надувательная земля», быт. Современный исследователь пьесы обсуждает тему Фортуны и индифферентного в моральном отношении случая, исходя из тезиса о барочной поэтике «Игроков» и, соответственно, опираясь на трансформацию этих понятий в европейской культуре XVIII века [18]. Автор статьи обходит стороной пушкинский текст, а потому уравнивает всех персонажей как носителей одной и внятной философии, вызывающей отторжение у Гоголя: «игра – модель человеческой жизни, в том числе

и нечестная» [19]. Между тем, принцип объединения центральной тройки шулеров («судьба послала» и «случай свел») во главе с Утешительным, режиссирующим происходящее, а также принципиальное непонимание происходящего Ихаревым разводит этих персонажей не только по разные стороны карточного стола, но и на разные уровни сюжетной коллизии. В период завершения пьесы в 1842 году сквозь существенную для Гоголя социально-бытовую оценку проступает глубинная значимость его собственных духовных поисков: случай еще не означен как эмблема промысла Божьего, но уже не является морально индифферентным капризом Фортуны. И «Игроки», как и «Мертвые души», располагаются гораздо ближе к размышлениям на этот счет Пушкина, явленным в том числе в «Пиковой даме» [20]. В частности, в тексте пьесы проговорены семь сентенций, которые касаются игры и сопутствующих ей феноменов и образуют единый ряд употреблением одного обобщающего слова – «вещь». Этот общеупотребимый в ту эпоху обиходный заменитель объекта в речи почти незаметен на бытовом фоне «промежуточных» (для карточной игры) разговоров Ихарева с шулерами. Между тем, одни из них прямо обращают нас к пушкинскому тексту: хладнокровие – важная вещь, страсть – естественная вещь, игра – соблазнительная вещь. Другие четыре выводят нас за рамки возможной романтической интерпретации, иронически решенной автором «Пиковой дамы», и связаны больше с реалиями гоголевских «Мертвых душ»: деньги и распределение работ (политэкономия) – важная вещь, плутовство – необходимая вещь (некоторым образом предостерегательство), ум – великая вещь и, наконец, равенство – первая вещь.

Соответствующие реплики вложены в уста разных персонажей, в разной степени ими осознаны, но именно они формируют развитие мотива и выводят нас к авторскому уровню. Например, плутовство как предостерегательство от соблазна нарушить высшие законы, так же, как и равенство в игре (то есть в жизненном плане – перед случаем, «мгновенным орудием Провидения») – суть осмысление Гоголем важных для Пушкина проблем в изменившемся литературно-общественном и собственном творческом контексте.

Таким образом, речь идет о развитии и в определенном смысле переосмыслении мотива, более значимого для Пушкина и Гоголя, нежели карточная тематика и, тем более, шулерские проделки.

Этот вектор приводит нас к смысловому перераспределению ролей. Так, Утешительный на уровне драматургической интриги

— лидер плутов, актер и режиссер одновременно в разыгрываемой перед Ихаревым «комедии» [21], изворотливый и циничный. Он не скрывает от Ихарева своих обычных приемов и уловок, к тому же все время произносит безупречные моральные сентенции. С 1-го явления зная, что Утешительный с компанией — шулера, и следя за развитием действия, зритель вместе с Ихаревым не воспринимает всерьез моральных назиданий о карточной игре или откровенных декларации шулерских приемов, но ожидает некой корпоративной порядочности. Однако в рамках развития названного мотива Утешительный с его постоянной импровизацией по ходу обстоятельств и являет собой «случай», управляющий запущенной в ход карточной колодой из своих подручных и случайно вовлеченных в игру участников [22]. В этом плане он постоянно предостерегает Ихарева от ловушек, заранее сообщая правила игры и ход следующей комбинации, к тому же все время призывает опомниться в отношении ложных установок и в игре, и в жизни. Модальность каждого высказывания Утешительного зависит от уровня прочтения, причем их ложность, соответствующая цинизму персонажа, приписывается ему на социально-бытовом уровне пьесы. Зритель приписывает Утешительному обман задним числом, а подсказывает ему это решение Ихарев, ослепленный «электричеством» «денежного капитала», по выражению Гоголя [23]: «Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!.. <...> Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует!» (V, 100–101). Это не значит, что Утешительный соответствует традиционному в предшествующей комедиографии ампула резонера (в этой проекции мы можем воспринять назидания Утешительного как травестию названного ампула). Все высказывания Утешительного, обращенные к Ихареву, правдивы: декларируя полную откровенность («А все-таки не могу без откровенности», V, 70) он ей абсолютно соответствует, хотя и не без иронии в отношении непонимания Ихарева. Но авторский смысловой уровень формируется всей совокупностью событий в пьесе, в числе прочих — речевых и пародийных. Отметим, кстати, что именно Утешительный в одной из них к кому не обращенных реплик употребляет парафраз пушкинского эпиграфа к «Шиковой даме», причем в полемическом ключе: «Говорят, шиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого».

В определенном смысле можно говорить о проявлении в «Игроках» аллегоричности жанрового мышления Гоголя, подобной той, что проявилась позднее в «Развязке «Ревизора»». Современники, прежде всего демократическое направление литературной

критики, не приняли автоинтерпретацию «реалистической» комедии Гоголем, потому что увидели в этом умаление достоинств сатирической направленности. Но аллегория предполагает условность первого плана, подчиненность его той, часто умозрительной, идее, которая диктует образно-предметный план. В этом, строгом, смысле ни «Ревизор», ни «Игроки» аллегорией не являются. Мы полагаем, что в «Развязке «Ревизора»» Гоголь пытался высказаться не против реалистичности своей комедии, а за тот инскалательный уровень, который связан с христианским осмыслением действительности. Просто ритмы гоголевского христианского реализма не совпали с современными ему в понятиях, совпав в словах. Если мы способны распознать подобного рода проблемы в чередѣ житейских событий и невзгод самой жизни, то должны были бы увидеть и в наиболее жизненной пьесе. В частности, среди жанровых разновидностей средневековой литературы были распространены «примеры» («*exempla*») – короткие рассказы, часто – анекдоты из современной жизни, несущие на себе колоссальную смысловую нагрузку. «Сплошь и рядом в основу фабулы «примера» брали какое-либо недавнее происшествие, свидетелем которого мог быть сам повествователь, либо он ссылался на знакомых и очевидцев» [24]. Подобный символизм восприятия действительности свойствен не только средним векам, но христианству в целом.

При этом в «Игроках», в отличие от «Ревизора», внутренний план значений не является одним из возможных ракурсов интерпретации житейской ситуации (таковой можно было бы обозначить народной мудростью: «не рой другому яму...»). А первый план, наоборот, в большей мере, чем в «Ревизоре», тяготеет к притчевому. По сути дела два уровня текста пьесы (бытовая сценка из жизни шулеров и развернутый мотив случая) связаны между собой параболическим принципом, обеспечивающим целостность художественного образа. Мы имеем в виду следующий эффект прочтения пьесы: при удалении от буквального значения той или иной реплики мы приходим в итоге к утверждению того самого буквального значения как глубинного. Конечно, речь идет не о каждом слове, а о тех точках, которые являют одновременно и крайнее разведение уровней и их итоговое совпадение. С этим связана и эмблематичность многих формулировок. Например, упомянутые нами выше – принцип новейшего шулерства по Утешительному («ключ рисунка обратной стороны»), его же декларации полной откровенности, семь замечательных «вещей» и т. п. Пародийный план текста пьесы, при этом, в силу своей двойственности направляет движение смыслового вектора по параболе.

Нам представляется, что специфику пьесы можно уподобить параболе как жанровой разновидности драмы и прозы XX века, начало которой положено Ф. Кафкой («Процесс»). Но такое уподобление носит условный, а не классификационный характер в силу различного генезиса, разных путей творческой и эстетической эволюции. Жанровая природа пьесы Гоголя «Игроки» сформирована специфическими обстоятельствами творческой биографии комедиографа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробно о пародировании в «Игроках» пушкинской повести «Пиковая дама» см.: *Падерина Е. Г.* Пиковая дама и Аделаида Ивановна (пушкинский мотив в «Игроках» Гоголя) // Актуальные проблемы творчества А. С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — С. 110–136.

2. См. о понимании пародии Пушкиным: *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. — М.; Л., 1961. — С. 200.

3. Характерно, что в драме 1835 г. «Маскарад» Лермонтов касается, но вскользь, тех же моментов карточной игры; о возможной связи замысла «Маскарада» с «Пиковой дамой» см.: *Комарович В. Л.* Автобиографическая канва «Маскарада» // ЛН. — Т. 43–44. — М., 1941. — С. 630, 669; *Эйхенбаум Б. М.* Указ соч. — С. 197–201.

4. О соотношении этих персонажей в плане самообмана см.: *Куприянова Е. И.* Гоголь-комедиограф // Русская литература. — 1990. — № 1. — С. 29. Сноска № 23.

5. О влиянии на архитектонику пьесы сцены гамлетовской «мышеловки» см.: *Куприянова Е. И.* Указ. соч. С. 29; см. также о барочном иллюзионизме в пьесе: *Парфенов А. Т.* Гоголь и барокко: «Игроки» // ARBOR MUNDI. Мировое древо. — Вып. 4. — М., 1996. — С. 142–159.

6. Ср.: «В ту минуту, когда Германну кажется, что он играет (причем — наверняка), оказывается, что *им* играют» (*Лотман Ю. М.* «Пиковая дама» и тема карточной игры в русской литературе начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Пушкин. — СПб., 1997. — С. 805. Курсив автора).

7. См. об этом: *Журавлева А. И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. — М., 1988. — С. 29–31.

8. Именно вслед за Гоголем, под влиянием натуральной школы, «сцена» стала привычным жанром в драматургии (см.: *Журавлева А. И.* Указ. соч. — С. 123).

9. См.: *Дурылин С. В.* От «Владимира третьей степени» к «Ревизору» // Ежегодник Института истории искусств. 1953. Театр. – М., 1953. – С. 170; *Вишневская И. Л.* Гоголь и его комедии. – М., 1976. – С. 122.

10. Хотя В. В. Гиппиус, например, резонно отметил некоторую большую условность персонажей «Игроков», в частности, подставных лиц, по сравнению, скажем, с «Ревизором» (*Гиппиус В. В.* Н. В. Гоголь // Классики русской драмы. – М., 1940. – С. 156).

11. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997. – С. 181–182.

12. Ср.: «Пародией на мистицизм авантюристов-шарлатанов XVIII в. (нашедший столь значительное художественное отражение в пушкинской «Шиковой даме») выглядит одухотворение Ихаревым заветной подобранной колоды, названной им Аделаидой Ивановной» (*Парфенов А. Т.* Указ. соч. – С. 149).

13. *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. – 2-е изд. – СПб., 1873. – С. 368–369.

14. *Гиппиус В. В.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Ученые записки Пермского гос. университета. Отдел общественных наук. – Вып. 2. – Пермь, 1931. – С. 65.

15. См.: *Фрейденберг О. М.* Комическое до комедии (к проблеме возникновения категории качества) // *Фрейденберг О. М.* Миф и театр. – М., 1988. – С. 74–127.

16. См.: *Манн Ю. В.* В поисках живой души. – М., 1984.

17. О травестиговании пушкинского эпитафия ко второй главе повести (светской остроте Давыдова о камеристках), также выводящего к внетекстовой реальности, см.: *Падерина Е. Г.* Указ. соч. – С. 118.

18. *Парфенов А. Т.* Указ. соч. – С. 146–148.

19. Там же. – С. 148.

20. См. об этом: *Кибальник С. А.* Тема случая в творчестве Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. – Т. VI. – СПб., 1995. – С. 60–75.

21. Кстати, первый исполнитель этой роли М. С. Щепкин именно ее считал главной и играл так, чтобы до последней минуты никто не заподозрил обман, то есть Утешительный выступал в этой трактовке непревзойденным актером (см.: *Стахович А. А.* Ключки воспоминаний. – М., 1914. – С. 76–80).

22. Ср.: «При всей правдоподобности, приданной Гоголем Утешительному, он больше сходен с бесом и принадлежит к «невидимому» миру больше, чем к «видимому». Истинная его натура дол-

жна ракрываться за пределами сцены, и мы можем судить лишь о его неестественной проворности» (*Парфенов А. Т.* Указ. соч. – С. 157).

23. Ср. в «Театральном разезде»: «Теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого <...>. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» (V, 142).

24. См. об этом жанре в западно-европейской культурной традиции: *Гуревич А. Я.* *Exempla: литературный жанр и стиль мышления // Гуревич А. Я.* *Культура и общество средневековой Европы глазами современников.* – М., 1989. – С. 18–74.

Павел Михед

Рим в творческом сознании Гоголя

«Гоголь и Рим», «Рим в мире Гоголя», «римский период творчества Гоголя» – проблемы, которые были предметом внимания многих поколений литературоведов, рассматривавших их различные аспекты (1). Подавляющее большинство из них признавало, что римский период его творчества стал одним из ярких и содержательных, а еще – чрезвычайно продуктивным. Однако до сих пор, как мне видится, представление о Риме и его месте в творческой жизни и судьбе писателя нуждается в корректировке. Рим был не только географическим местом пребывания, пусть и очень приятным, но и фактом глубокого переживания и сокровенной тайны, неразгаданной и поныне.

Безусловно, Рим, помимо прочего, был еще и знаковым творческим топом гоголевского мира. В какой бы плоскости мы не посмотрели на Гоголя через призму Рима, неизбежно ощущается важность открываемого пространства мысли. Это и заставляет нас еще раз вернуться к римскому периоду жизни писателя.

Гоголь прожил в Риме в совокупности около четырех лет. Он часто оставлял город на длительное время, но каждое его возвращение сопровождалось творческим всплеском, возбуждавшим новые надежды на осуществление грандиозной идеи собственного апостольства, путеводной звезды Гоголя (2). В целом общение с городом длилось с весны 1837 года (Гоголь приехал в Рим в канун Светлого воскресенья) и до осени 1847 г., т.е. больше десяти

ти лет. Видимо, как раз об этом десятилетии писал Гоголь в письме к царю Николаю I: «Десять лет тяжких недугов оторвали меня от тех трудов, к которым я порывался; десять лет тяжких внутренних страданий душевных лишили меня возможности подвизаться на полезных поприщах пред Вами. Но не пропали эти годы: великой милостью Бога устроено было так, чтобы совершалось в это время мое внутреннее воспитание, без которого не принесла бы пользы отечеству моя наивернейшая служба; великой милостью Бога вложены в меня некоторые не общие другим способности, которых не воспитаются, и которыми по возвращении моем из Святой Земли я сослужу Вам службу так же верно и честно, как умели служить истинно русские духом и сердцем» (3). В этом фрагменте явственно прочитываются ассоциативные связи с биографией Сильвио Пеллико, десять лет находившемся в тюрьме, пребывание в которой завершилось религиозным преобразованием итальянского литератора, рассказавшего обо всем в шумевшей по всей Европе книге «Мои темницы». Эту книгу знал и Николай I.

Для Гоголя таким испытанием стало пребывание за границей. Там были написаны «Мертвые души», созданы новые редакции «Портрета», «Тараса Бульбы», «Шинели», появились «Рим», «На вилле» и, наконец, «Выбранные места из переписки с друзьями». Но самое примечательное то, что именно в римский период вызрел апостольский проект — главное творение жизни Гоголя, в котором литературное творчество представляет хоть и главную, но лишь составляющую более масштабного замысла. В Риме же была предпринята попытка и его осуществления. Здесь мистическая идея особого призвания и предназначения обрела реальное воплощение, опору в христианской истории, мессианской традиции Рима, который был одним из важнейших центров и свидетелей апостольских деяний, городом, из которого распространялось по миру христианство.

Особое место Рима в истории христианства объясняется целым рядом факторов. Во-первых, Рим был имперским центром и к нему тянулись первые христиане, понимая, что мессианский дух восторжествует быстрее, если он пойдет из столицы. Именно здесь совершали служение самые авторитетные апостолы Петр и Павел. Уже к середине второго века Рим становится центром христианского мира. Один из страстных защитников идей апостольской преемственности и примата Рима, Ириней Лионский, писал: «Ибо по необходимости с этой (Римской) церковью, по ее преиму-

щественной важности, согласуется всякая церковь..., так как в ней апостольское предание всегда сохранялось верующими повсюду» (5). Еще сильнее стало влияние престола Петра после учреждения папства, о чем писал Гоголь в своих лекциях по истории средних веков (У111, 102-103).

Но, как ни странно, в большинстве своем исследователи и критики акцентировали внимание не столько на религиозной природе мотивации Гоголем выбора Рима, сколько на эстетической. Даже К. Мочульский, предметом исследования которого является духовно-религиозное развитие писателя, замечает, что «римская эпоха» - «история медленной влюбленности Гоголя в Рим и погружения души в чистый эстетизм». Правда, К. Мочульский не упускает из поля зрения и главный предмет своего исследования: «Гоголь покидал родину, чувствуя себя непризнанным пророком; в нем развивалась мания преследования; ему казалось, что враги хотят его погубить, ославив бунтовщиком, «подрывающим государственную машину». Эта мысль особенно его возмущала, потому что на свою литературную работу он смотрел как на государственную службу». Склонен думать, что ученый заметно преувеличивает второй указанный мотив, касающийся страхов Гоголя. Что же касается ощущения пророческого призвания в качестве мотива отъезда Гоголя, то здесь исследователь прав. Правда, и увлечение католицизмом ученый объяснял также через призму эстетического: «Католические церкви и богослужение пленяли его прежде всего эстетически» (6).

Можно проследить целый сюжет исследовательских версий эстетического слагаемого гоголевского пребывания в Риме. Истоки этого сюжета - в творчестве и письмах писателя. Образ (концепт) Рима достаточно рано внедряется в сознание Гоголя. Видимо, это произошло еще во время учебы в Гимназии. Штудирование латинского языка сопровождалось знакомством с римскими авторами, и это обогащало информацией о Риме разных эпох, формировало узнаваемый и неповторимый эстетический профиль Италии. Уже в первом печатном произведении будущего писателя, стихотворении «Италия», прозвучала тема ожидаемой встречи. В заключительной строфе Гоголь писал:

Узрю ль тебя я, полный ожиданий?
Душа в лучах, и думы говорят,
Меня влечет и жжет твое дыханье,
Я — в небесах весь звук и трепетанье.

«Земля любви и море чарований» - такой видится Гоголю Италия, страна, о которой он напишет столько восторженных страниц.

В письме к А.С.Данилевскому (от 18.06 1838 г.) Гоголь писал: «Но Рим, наш чудесный Рим, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. Не могу, да и только, из него вырваться». Гоголь признавался М.П.Балабиной в том же 1838 году: «Мне кажется, теперь... по крайней мере, если бы мне предложили - натурально не какой-нибудь император или король, а кто-нибудь посильнее их - что бы я предпочел видеть перед собою - древний Рим в грозном и блестящем величии или Рим нынешний в его теперешних развалинах, я бы предпочел Рим нынешний. Нет, он никогда не был так прекрасен. Он прекрасен уже тем, что ему 2588-й год, что на одной половине его дышит век языческий, на другой христианский, и тот и другой - огромнейшие две мысли в мире. Но вы знаете, почему он прекрасен. Где вы встретите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна!» (XI, 144).

Безусловно, в таком восприятии сказался и фактор традиции. В художественном сознании русских Рим, как и вся Италия, был музеем, своеобразным хранилищем художественных шедевров прошлого, без осмысления которых нельзя было представить образование современного художника. Все дороги тогда вели в Рим, как в начале XX века они поведут в Париж, который навсегда оставался «праздником» в душе художника. Таким «праздником» в XIX веке был Рим. В «Невском проспекте» рассказчик говорит, что русские художники «питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы верно развился». А в «Портрете» именно полотно приехавшего из Италии художника производит переворот в судьбе Черткова.

У Гоголя же с самого начала, иногда прямо, а чаще завуалировано звучит тема божественного Провидения, приведшего его сюда: «Теперь вообразите: над этим человеком, не знаю почему, сжалилось великое милосердие Бога и бросило его (за что, право, не знаю, ничего достойного не сделал он), -- бросило его в страну, в рай, где не мучат его невыносимые душевные упреки, где душу его обняло спокойствие чистое, как то небо, которое его теперь окружает и о котором ему снились сны на севере во время поэтических грез, где в замену того бурного, силящегося ежеминутно вырваться из груди фонтана поэзии, который он носил в себе на севере и который

иссох, он увидел поэзию не в себе, а вокруг себя, в небесах, солнце, прозрачном воздухе и во всем, тихую, несущую забвение мукам» (XI, 245). А в другом письме к В. А. Жуковскому уточняет: «Мне ли не благодарить пославшего меня на землю! Каких высоких, каких торжественных ощущений, невидимых, незаметных для света, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей...» (XI, 48).

И.Золотусский склонен рассматривать Рим в качестве очередной ступени развития гоголевского максимализма: «И великая идея зарождается в уме у Гоголя. Это идея преобразования ничтожного в великое, преобразования в падении, в унижении и постижении на дне падения великого и прекрасного в себе. Глядя на наброски Иванова, он думает о тех, кого обратил Христос. О грешниках и неверующих, о сомневающихся и нищих духом». Но максимализм все же имеет у него наполнение эстетическое: «Гармония Рима, чистота и прозрачность живописи Рафаэля (кажется, сама божественная рука водила его кистью!), величественная законченность скульптур великого Микеланджело, эпическая простота Леонардо да Винчи — все отвечает его возросшему отношению к себе, его все набирающему рост максимализму» (7).

Третья, часто повторяемая, причина: природа Рима, итальянский климат, напоминавшие милую его сердцу Украину. Гоголь, страдавший от холодного Петербурга, блаженствовал на римских холмах. Этот фактор тоже нашел отражение в его переписке. Д.Чижевский писал: «Это увлечение Римом можно легко объяснить эстетически и климатически, — Гоголь ненавидел холод... Но конечно, речь может идти только о религиозных мотивах, когда в то же время Гоголь пишет, что “только в Риме можно молиться”» (8).

Д.Овсяннико-Куликовский придерживался мысли о синтетическом восприятии Италии и Рима: «Гоголя привлекала в прошлом Италии картина полноты, интенсивности, богатства жизни со всем добром и злом ея, картина движения, борьбы, неустанной работы мысли, творческой деятельности, картина, представлявшая поразительный контраст с современным положением вещей в этой стране: «И все это исчезло и прошло вдруг, все застыло, как погаснувшая лава» и выброшено даже из памяти Европою, как старый не нужный хлам...» В другом месте он замечает: «Гоголь любовался оживленной картиной „славнаго” прошлого Италии как художник, и было в этом любовании что-то артистическое,

как было оно в его художническом созерцании запорожской старины» (9).

В свою очередь, о. В.Зеньковский склонен был соединять эстетические и религиозные устремления Гоголя. С одной стороны, он писал об увлечении Гоголя: «Эти восторги свидетельствовали об эстетической восприимчивости Гоголя и о том, что, несмотря на глубокий Перелом в нем, он остался живым человеком, восприимчивым ко всему прекрасному». Но при этом замечал и другое: «Центр тяжести в его религиозных путях был в другой сфере, в проблеме религиозного преобразования жизни, трудности чего не связаны с конфессиональными особенностями католичества или православия» (10).

В контексте апостольства чрезвычайно важный смысл приобретает выбор Гоголем Рима как места пребывания. Абрам Терц справедливо заметил: «Пребывание в вечном городе, как будто специально отведенном для свершения духовного подвига, укрепляло его в осознании центрального положения в мире». А дальше продолжает: «...здесь человек рисовался в искомом качестве места, на которое он поставлен не зря, но ради предвечного плана Творца и Устроителя жизни» (11).

Рим называли Столицею Апостолов. Он стал символом начала триумфа христианской веры. И сакральным центром гоголевского мира, откуда начались его деяния. Рим стимулировал мессианские настроения Гоголя.

Сколько гимнов пропел Гоголь Вечному Городу: «О Рим, Рим! Кроме Рима, нет Рима на свете, хотел бы я сказать, - счастья и радости, да. Рим больше, чем счастье и радость». И продолжает в другом месте: «Когда я увидел, наконец, во второй раз Рим, о как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что, будто я увидел родину свою, в которой несколько лет не бывал я, в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то: не свою родину, а родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде, чем я родился на свет...» Каждая новая встреча с Римом прибавляет уверенности и силы. Он не перестает по-детски удивляться: «Да, что меня больше всего поразило, так это Петр (собор св. Петра - П.М.). Он страшно вырос, купол необыкновенно сделался огромнее». Отсюда, из Рима, Гоголь видел контуры будущего христианского мира. И выбор места не был случайным.

«Но если есть где на свете место, где страдания, горе, траты и собственное бессилие может позабыться, то это разве в одном только

Риме. Здесь только тревоги не властны и не касаются души. Что бы было со мною в другом месте!»

«Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине. Как будто с целью всемогущая рука провидения бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем, и весь впился в ее роскошные красы. Она заменила мне все».

«О Рим! Рим! Чья рука вырвет меня отсюда?»

«О, мой Рим! Прекрасный мой, чудесный Рим: несчастлив тот, кто два месяца расстался с тобой и счастлив тот, для которого эти два месяца прошли, и он на возвратном пути к тебе!»

Можно сказать, что Гоголь, как и герой (молодой князь) его повести «Рим», «был поражен величием и блеском минувшей, эпохи».

Рим — период напряженных размышлений Гоголя. Здесь его талант обретает зрелость. Позади жажда славы, признания читателей и властелинов мира. Рим задал высокую планку творческой мысли писателя и одновременно и жесткую требовательность к самому себе, к своему призванию. Этический и творческий максимализм во многом продиктован Римом. Город апостольских деяний, город, где происходила великая битва за утверждение христианства, город, ставший центром христианского мира, требовал, от писателя этого. В конспектах книги Г.Галлама «Европа в средние века» Гоголь называет Рим городом «апостольского престола» (У111, 174).

Гоголевское воображение получило в Риме живительную почву. Питая особую привязанность к историческим памятникам, Гоголь мог по сохранившимся деталям восстановить заново целое архитектурное сооружение и представить бурлившую вокруг него жизнь. В «Набросках и заметках по истории средних веков» Гоголь упоминает и Рим и связывает его мессианскую роль со «святостью» и «примерной жизнью» его священников (У111, 127).

События римской древности для русского сознания в 20-30-е годы были неким символом или метафорой, отражавшей и российскую действительность. Реальный Рим оставался перед глазами. Он еще способен был пробуждать вселенские мысли, вселенскую веру. Он еще не казался «бутафорским хламом в античном роде» (Стасов), каким он станет в позитивистскую эпоху.

Гоголь не только любил Рим, но и великолепно знал и, при случае, охотно демонстрировал свои познания. Так было, когда в Рим приезжали С.Шевырев, сам прекрасный знаток вечного города, М.Погодин, В.Жуковский, П.Анненков А.Смирнова-Россет. Последняя в своих воспоминаниях пишет: «Никто не знал Рим так хорошо, как Гоголь. Не было итальянского историка или хроники, которую он не прочел. Все, что относится до исторического развития, искусства, даже современности итальянской, все было ему известно, как-то особенно оживал для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение. Он ее нежно любил. В ней его душе легче виделась Россия, в которой описывал грустных героев первого тома, и отечество озарялось для него радужно и утешительно. Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он [мог] глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления» (12). А П. В. Анненков замечал: «Он был влюблен в свое воззрение на Рим, да тут же действовал отчасти и малороссийский элемент, всегда охотно обращенный к тому, что носит печать стародавнего или его напоминает... Под воззрение свое на Рим Гоголь начинал подводить в эту эпоху и свои суждения вообще о предметах нравственного свойства, свой образ мысли и, наконец, жизнь свою. Вообще он показывал Рим с таким наслаждением, как будто сам открыл его» (13).

Рим, сакральный центр христианского мира, должен был стать и началом грядущих деяний апостола Николая, в миру Гоголя. Во всей истории гоголевского апостольского проекта, в его замысле - много тайн. Реконструируя сюжет гоголевского апостольства, важно выделить те события римского периода, которые подталкивают и определяют развитие апостольских устремлений Гоголя. Их достаточно много, но есть среди них определяющие. Я бы поставил их в такой последовательности:

- 1) смерть Пушкина;
- 2) «польский» эпизод;
- 3) смерть Иосифа Вьельгорского;
- 4) болезнь Гоголя;
- 5) успех «Мертвых душ»;
- 6) попытка осуществления замысла «Выбранных мест»;
- 7) планы поездки в Иерусалим;
- 8) появление в качестве персонажа на картине А.Иванова «Явление Мессии»;
- 9) крах замысла Явления Гоголя и конец «эпохи» Рима.

О некоторых из этих эпизодов мне приходилось писать, в частности о тех, которые связаны с идеей «Выбранных мест», но и первые пять тоже заслуживают внимания и детального исследования. Рамки статьи не позволяют этого сделать, поэтому ограничусь лишь общими замечаниями.

Не касаясь всей полноты и сложности отношений Гоголя и Пушкина, они достаточно хорошо изучены, замечу все же, что я придерживаюсь точки зрения тех ученых, которые не склонны преувеличивать как их дружбу, так и степень и характер влияния Пушкина на Гоголя. Их отношения, как людей творческих, далеки от идиллических. Достаточно ощутимым было их соперничество. Особенно со стороны Гоголя. Индивидуальная природа творчества каждого из них особенно четко видна в векторе их эволюции. Если Пушкин твердо стоял на художественных основаниях и видел свое призвание средствами искусства влиять на мир, то Гоголя занимали проблемы преобразования христианского мира не только средствами искусства.

Смерть Пушкина поставила Гоголя перед еще одним искушением — стать во главе русской литературы. Н.Котляревский, один из пронизательных критиков Гоголя, замечал: «Он (Гоголь) стремится перехватить роль поэта-пророка» (14). Конечно, представление Пушкина и Гоголя об ипостаси поэта-пророка разительно отличалось. И прежде всего тем, что Пушкин был далек от мысли о возможности соединить пророческое слово и современную религиозную веру, что пытался сделать Гоголь, глубоко понимая и то, что собой представлял Пушкин для современной России. Осознание этого было одной из важнейших, а может быть, и главной опорой Гоголя-художника, который, несмотря на все соблазны, остался верен своему писательскому призванию, хотя и пытался, как говорил П.Плетнев, повернуть направление развития русской литературы. Но в верности Гоголя художественному слову пример Пушкина, может быть, и был наиболее весом, наиболее значителен. История со вторым томом «Мертвых душ», над которым Гоголь не прекращал работу до самой смерти, яркое тому свидетельство. Неприятие большинством читающей публики России «Выбранных мест» заставило Гоголя еще раз вернуться к первоначальному выбору и признаться: я - прежде всего художник.

Скорбь Гоголя носила скорее публичный характер, нежели являлась фактом внутреннего переживания. П.Плетневу он писал: «Что месяц, что неделя, то новая утрата, но никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои

силы. Тайный трепет не вкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!» (X1, 88-89). То же в письме к М.Погодину: «Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русский, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим» (X1, 91). Однако в письме к матери, написанном в эти же дни, о Пушкине ни слова.

Но вот еще два письма, написанные в одно время (середина апреля 1837 года). Одно к Жуковскому и в финале о том же: о «той ужасной утрате, которую мы понесли и в которой я до сих пор не имею сил увериться, которая, кажется, как будто оборвала с моей души лучшие ее украшения и сделала ее обнаженнее и печальнее», а второе — А.С. Данилевскому, близкому другу, которого Гоголь называл «роднее родного брата», но совершенно о другом. И не только о том, что услаждает желудок, но и о Рафаэле, Светлом Воскресенье в «беспредельном Петре», и еще о многом. Но не о Пушкине. Смерть Пушкина была скорее публичным переживанием Гоголя, в котором важным моментом была манифестация своих претензий на то, чтобы занять его место.

Письма эти известны и часто цитируемы. Написаны они в момент глубокой печали. Гоголь действительно был потрясен смертью великого поэта России. Но что-то не дает возможности безоговорочно верить слову Гоголя. Конечно, имя Пушкина понадобилось Гоголю, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к сонму избранных. Все, что делает Гоголь, освящено его, Пушкина, личностью. А это придает и самому Гоголю особый статус. Он, как известно, иногда прибегал к религиозной терминологии в разговоре о литературе. О Плетневе он, по воспоминаниям Г.Данилевского, говорил, что «на нем почиет рукоположение Пушкина». Уход Пушкина стал своеобразным импульсом, подвигнувшим Го-

голя занять престол первого писателя России, а это было шагом на пути гоголевского апостольства.

Второй важный момент — «польский» эпизод, о котором до сих пор спорят исследователи Гоголя. Одни, как В. Солоухин, склонны говорить о католическом «уклоне» Гоголя, другие, вслед за В. Вересаевым, готовы думать, что «скрытый и очень практичный в житейских делах Гоголь просто водил за нос охотившихся за ним польских монахов. Единственная цель была — угодить богатой и знатной княгине Волконской, фанатической католичке» (15). Впервые подобную мысль высказал Н. Котляревский: «Гоголь был хитер и себе на уме и в откровенности не пускался» (16). К. Мочульский ищет другое объяснение: «Когда представители польской секты «из-мертвых-встанцев» пытались обратить Гоголя, тот просто не понимал, чего они от него хотят. Рим способствовал усилению в нем религиозности, но она носила эстетически-мистический характер и была чужда всякой догматики» (17). Трудно согласиться с тем, что Гоголь не понимал, о чем шла речь.

Кажется, ближе к истине американская исследовательница М. Богоявленская, которая резонно заметила: «Художник мог временно преобладать над мыслителем, но процесс религиозного искания никогда не прекращался в Гоголе. Потому идейное богатство окружающего его мира не могло не затронуть и не заинтересовать его. Одни пытливость его ума и природная наблюдательность, а также стремление к самообразованию уже исключают возможность его полного безразличия к католицизму» (18).

Что могло привлечь Гоголя в идеях ресурекционистов*? Во-первых, обновление веры, обновление через покаяние и введение Христа во все сферы общественной жизни. Во-вторых, ему импонировала живая вера иезуитов ордена «воскресенцев», направленная на практическое действие. В-третьих, главной идеей «восставших-из-мертвых» была идея преобразования на основе Евангелия. Образованнейшие люди своего времени, получившие в 1841 году степень докторов теологии (19), они были для Гоголя чрезвычайно интересными собеседниками. Исполненные высокой миссии они дали пример современного действенного потенциала христианской веры, актуализировали поиск современного религиозного деяния. И вопрос о конфессиональных догматах, думаю, был при этом трезвостепенным. Любовь ко Христу — вот тот идеал, который виделся и Гоголю, и М. Семенку, и И. Кайсевичу, и их патронам — Б. Янскому и А. Мицкевичу.

*Название ордена происходит от resurrectione — воскресение, восстание из мертвых. В ритуал покаяния членов ордена входило путешествие к Святым Местам.

Деятельность ресурекционистов была для Гоголя тем живым опытом, который и привлекал его прежде всего. Совершенно очевидно, что члены ордена были заинтересованы в Гоголе, но для того, чтобы только представить Гоголя “одним из”, надо иметь недожиданную фантазию. Следует, как мне кажется, более пристально посмотреть на составные религиозного опыта «воскресенцев», где много моментов, перекликающихся с идеями Гоголя: обязательное покаяние, посещение Святых Мест и введение нового Христа. А то, как писал Гоголь в «Выбранных местах»: «Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, на место того, чтобы призвать его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане» (гл. XXX11). Гоголь видел себя апостолом этой новой веры.

Вторая редакция “Тараса Бульбы” свидетельствует, что интерес к католицизму не исчезает. Гоголь исполнил и обязательное ритуальное посещение Святых Мест, входившее в покаяние “воскресенцев”. Часто цитируемое письмо из Рима матери о том, что “как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же”, объясняется той главной целью, которая виделась Гоголю как главная задача евангельского учения.

Целый ряд любопытных деталей становящегося апостольства Гоголя содержит очерк «Ночи на вилле». Предназначенный для печати (здесь есть обращение к читателю), он, вместе с тем, поражает необычайной искренностью и интимностью. Но наше внимание обратим на то, как представляет Гоголь себя в этом фрагменте, каким его видит умирающий Иосиф. Важно подчеркнуть, что Гоголь считает необходимым показать это в своем произведении. Иосиф в очерке произносит семь фраз:

- Изменник! Ты изменил мне.
- Голова моя тяжела!
- Ах, как свежо и хорошо!
- Что ты приготовил для меня такой дурной май!
- Спаситель ты мой!
- О, как скучал!
- Теперь я пропавший человек!

Как люди глубоко религиозные, находящиеся в канун главного испытания и прекрасно знающие Святое Письмо, они общаются на его языке. Среди этих реплик – аллюзии из Главной Книги. М. Вайскопф пронизательно заметил, что Гоголь «сближает себя то с апостолом Петром (“Я не был у него эту ночь. Я решил, наконец, заснуть ее у себя. О! Как пошла, как подла была эта ночь вместе с моим презренным сном! <...> Мне он представлялся

молящий, упрекающий. Я видел его глазами души. Я поспешил к нему на другой день поутру шел к нему, как преступник” - ср. Мф. 26:36-45), то с теми, кто возглашал осанну Иисусу (“Я стал его обмахивать веткою лавра” - ср. Ин. 12:13), то, наконец, с Иисусом: «Боже! С какою радостью, с каким бы весельем я принял бы на себя его болезнь” - ср. Ис. 53:4. “Спаситель ты мой! - обращается к нему умирающий друг, успевший заодно приписать Гоголю прерогативы Творца, - Что ты приготовил для меня такой дурной май!” Желание стать “спасителем”, вероятно, было изначально присуще Гоголю» (20). Добавлю к этому, что фраза «Что ты приготовил для меня такой дурной май!» ассоциативно связана еще с одной евангельской формулой: «В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я» (от Иоан. 14:2-3).

И выскажу одно осторожное предположение. Гоголь, как известно, не раз оставался наедине с умирающими. Достаточно вспомнить эпизод с Екатериной Хомяковой. Безусловно, это было проявление милосердия и христианского сочувствия. Но было в этом, как представляется, и еще одно. Отважусь думать, что Гоголь каждый раз как бы испытывал себя, свои сверхчеловеческие возможности, которые он декларировал в письмах и творчестве. Он ставил себя в сакральную ситуацию прощания с жизнью достойного человека и каждый раз, словно надеялся, на благодать Господню. Ему казалось, что Господь не может оказаться равнодушным к этому событию. Он надеялся на спасительное чудо, к которому ему хотелось быть причастным. Не случайно он не только остро переживал чужой уход, но, как правило, к нему приходило глубокое разочарование в самом себе. Господь отвечал каждый раз, что он - лишь человек и не даровал ему чуда. О том, что Гоголь испытывал себя в роли чудодейственного исцелителя, свидетельствует римский эпизод, рассказанный Ф. Чижовым. Гоголь знал о болезни «одной дамы» и однажды, зазвав Чижова к себе, посоветовал помолиться у гроба святителя Митрофана, а затем сказал: «Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня». Мемуарист заключает: «По моим соображения, этот человек, должно быть, был сам Гоголь...» (22).

Свои же собственные болезни Гоголь постоянно связывал с Господним милосердием и в начале 40-х годов часто об этом говорил. В декабре 1840 года Гоголь пишет Погдину о «дивной

силе Бога, воскресившего меня», “многое совершилось во мне в немногое время” (Х1, 325). А чуть раньше (сентябрь 1839) в письме к Балабиной М.П.: «Бог видит, какую великую жертву я приношу». «Одна только чудная воля Бога воскресила меня», - писал он в январе 1841 г. «Это чудное исцеление наполняет мою душу несказанным утешением; стало быть, жизнь моя нужна”. «Чудная воля», «чудное исцеление» - подобные слова часто встречаются в письмах этого периода. Кроме обычной благодарности Богу, здесь подчеркивается и Его особая расположенность к Гоголю.

Росту апостольских устремлений способствовал успех «Мертвых душ». Поэму сравнивали с гомеровским эпосом, что ставило автора в ряд выдающихся представителей мировой литературы. Гоголь провоцировал такое восприятие поэмы. Еще только начиная произведение, он задавал вопрос: „Что говорит во мне неслыханными речами? Что же я человек? Человек ли я?” (У1, 643). Так что даже благорасположенный П.Вяземский, прочитав “Мертвые души”, заметил не без горечи: “Запросы его и небосвод стали шире. Можно сказать, что уже в “Мертвых душах” переступил рассудительные и законные пределы”. А распространившиеся хвалебные оды только подталкивали к этому.

Подводя итог сказанному, замечу, что Рим дал Гоголю особенный окуляр восприятия мира. Вышедший из средневековой украинской деревни, Гоголь имел возможность в своей жизни наблюдать генеалогические срезы различных исторических эпох: от античности и начал христианства до современного Парижа. Он видел различные исторические пласты, что помогало постичь «полноту настоящего» в таком объеме и такой глубине, которые недоступны были его современникам. Этот город был источником и вдохновителем гоголевского апостольства. Рим был сакральным центром гоголевского ландшафта мысли, он будоражил его воображение и одновременно всем своим великим прошлым свидетельствовал о возможности реального воплощения идеи апостольства – главной идеи всей жизни Гоголя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вышедшая в этом году книга «Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции «Николай Гоголь между Италией и Россией. Рим, 30 сентября – 1 ноября «2002 г. М. 2004»» существенно обогащает гоголеведение, но далеко не на все вопро-

сы дает ответы. Отмечу целый ряд глубоких, хотя и не бесспорных, по моему мнению, замечаний о мессианстве Гоголя и роли в этом Рима, высказанных В. Паперным в статье «Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя».

2. См.: Михед П. Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции). – В кн.: Гоголь как явление мировой литературы. По материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. – М., 2003. – С. 42-55.

3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – М., Л., 1937-1952. – Т. XI11. – С. 423-424. Номера томов и страниц, указанных в скобках цитат, даются дальше по этому изданию.

4. Михед П. «Из лоно скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н.В. Гоголя). – В кн.: Кризь призму барокко. – К., 2002. – С. 137-138.

5. Цит. по кн.: Санников С.В. Двадцать веков христианства. Первое тысячелетие. – Одесса, 2002. – С. 142.

6. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. – В кн.: Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: 1995. – С. 21, 23.

7. Золотусский И. Гоголь. – М., 1979. – С. 231, 233.

8. Чижевский Д. Неизвестный Гоголь. – В кн.: Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. – М., 1995. – С. 188-229.

9. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. Изд. 2-е. – Спб., 1911. – С. 78.

10. о. Зеньковский В. Гоголь. – М., 1997. – С. 116.

11. Терц Абрам. В тени Гоголя. – М., 2003. – С. 297.

12. Смирнова А. Воспоминания. – Письма.

13. Анненков П.В. Гоголь в Р. летом 1841. – В кн.: Литературные воспоминания. – М., 1989. – С. 41.

14. Котляревский Н. Н.В. Гоголь. 1829-1842. Очерк из истории русской повести и драмы. 4-е испр. изд. – П., 1915.

15. Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. – Харьков, 1989. – С. 240.

16. Котляревский Н. Указ. соч. – С. 346.

17. Мочульский К. Указ. соч. – С. 23.

18. Богдавленская М. Религиозный лик Гоголя в новом освещении (к развитию и восприятию религиозной мысли Гоголя). – Нью-Йорк, 1960. – С. 37.

19. Smolikowski Pavel. Historya Zgromadzenia Zmertychwstania Panskego. Krakow, t.1-3, 1892-1895. – Т. 3. – С. 334.

20. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. – СПб., 1993. – С. 460-461.

21. Маццителли Габріэле. Історыя не осуществившейся встrecи: Гоголь и царь Николай 1 // Гоголь и Италия, с. 208-220.

22. Соколов Б.В. Гоголь. Энциклопедия. – М. 2003. – С.451.

о. Василь Молнар

З історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки

Свято-Миколаївська церква... Ця старовинна біла велична споруда й понині вражає увагу численних гостей та жителів Диканьки. Красується вона на південній околиці селища під лісом.

Як свідчать не лише народні перекази, а й архівні документи, в глибоку давнину, коли диканськими землями володів архієпископ чернігівський Лазар Баранович, на одному з пенків у лісі поблизу Диканьки загадково з'явилася ікона Святителя Миколая. Здивовані прихожани перенесли її до існуючої в селі церкви. Але наступного ранку ікони в церкві не знайшли і знову побачили на тому самому пеньку. Знахідку знову і знову повертали до церкви, але кожного разу вона неодмінно опинялася в лісі. Слава про ікону рознеслася околицями, і, щоб освятити місце дива, вирішили на ньому збудувати дерев'яний храм. Так, з благословенням чернігівського святителя, зусиллями простоліуду й козацької старшини в 70-х роках XVII століття постала Миколаївська церква. На пам'ятний пеньок помістили метровий дубовий хрест, а сам храм влаштували так, що вся ця реліквія залишилась у його вівтарній частині. Особливо шанованою в церкві була ікона угодника Божого, яка згодом стала невичерпним джерелом чудотворінь. Навколишній ліс відтоді називають Миколаївським.

Згодом архієпископ чернігівський передав диканські землі генеральному судді Запорізького війська Василю Леонтійовичу Кочубею, і ця акція була стверджена гетьманським універсалом 1687 року. А у 1754 році онук страченого Василя Кочубея Павло отримав благословіння Київського митрополита Тимофія (Щербацького) і перебудував дерев'яний храм, розширивши його. Церква на той час стала центром паломництва богомольців, стражденого та обездолоного люду, який неспинним потоком стікався до

свого небесного заступника і розрадника. Все це не залишилося поза увагою меркантильних кочубейських заздрісників. І тоді (як це зазвичай трапляється у нашому світі одвічної боротьби добра і зла) поповзли до Єпархіального духовного керівництва і навіть до Святійшого Синоду різноманітні плітки й пересуди про збагачення родини за рахунок нібито надзвичайно прибуткової Миколаївської парафії. Наслідком настирних доносів стало категоричне рішення про перенесення існуючого храму в інше місце і тимчасове утримання образу в архієрейській ризниці. Стурбовані Павло Васильович Кочубей та його син Віктор у листах, датованих 1783 – 1789 роками, просять Синод дозволити повернути святиню, а на одержані парафіяльні кошти збудувати на благословенному місці новий мурований храм. Нелегко було отримати такий дозвіл, оскільки, на думку тодішньої духовної влади, церков у поселенні було достатньо. Однак згодом синодальне благословення було надано, і Віктор Павлович, який досяг пізніше в Петербурзі найвищих постів придворної ієрархії (керуючий колегією іноземних справ, віце-канцлер, міністр внутрішніх справ, голова Державної ради і комітету міністрів), у 1794 році збудував кам'яну церкву, що збереглася і дотепер.

Для роботи титар запросив свого доброго петербурзького друга, талановитого майстра Миколу Олександровича Львова. Першим творінням архітектора у Диканці був саме Свято-Миколаївський храм. Творча особистість М. Львова вражала різнобічною обдарованістю, високою ерудицією, широтою поглядів, невичерпною енергією. Він залишив про себе пам'ять не тільки як видатний архітектор, але і як визначний поет, мистецтвознавець, музикант, інженер-винахідник, майстер садово-паркового будівництва (саме він пізніше розбудував у Диканці й чудовий архітектурний ансамбль з величним палацом та садово-парковим комплексом, рівних якому не було на Полтавщині та в Україні).

Храм збудували у вигляді ротонди, обрамленої по фасаду колонами та на вході портиком доричного ордену з трикутним фронтоном. Невисокий (15 метрів) і не дуже широкий (25 метрів у діаметрі) він наче повисав у повітрі над околицею лісу. Ніжнобіла, увінчана зеленою напівсферою баня з маленькою позолоченою маківкою із хрестом, церква чудово гармоніювала з довколишніми краєвидами.

При будівництві Миколаївської святині вперше застосували систему подвійного купола, яку згодом використав архітектор А. Вороніхін для Казанського Собору в Санкт-Петербурзі.

Вона сприяла поліпшенню акустики, кращому освітленні приміщення церкви. У міжкупольному просторі на третьому поверсі Миколаївської церкви, куди ведуть збоку вузькі гвинтові сходи, знаходяться хори. На внутрішній стороні великого зовнішнього купола виконані розписи на біблейські теми, серед яких виділялися голубе небо й ангели. У барабані цього купола розміщені невидимі зсередини вікна, крізь які денне світло потрапляло до центрального залу. Коли церковний хор співав під час служби, то здавалося, що його мелодійні звуки доносяться прямо з небес. Звуки молитв, що линули високо над головою, підсилювались чудовою акустикою храму.

І досі залишається таємницею конструкція так званих «повітряних печей», розміщених між першим та другим поверхами. Вони не тільки обігрівали, а й провітрювали приміщення, зберігаючи постійну температуру і вологість повітря, і робили це не гірше сучасних кондиціонерів. У 1851–1852 рр., коли проводилась деяка добудова і під церквою було влаштовано родинну усипальницю Кочубеїв, на дверцятах печі за львівським проектом прямо було написано: «Для вентиляції склепа протопить немного»...

Цей склеп особливо цікавить численних відвідувачів Миколаївської церкви як з України, так і з різних країн світу. Поховані тут 5 князів і 3 княгині з роду Кочубеїв. Першим поховано сина будівничого церкви Віктора Павловича Кочубея, що спершу отримав графський, а потім і князівський титул, Василя, який прожив усього 38 років і заповідав поховати його під стінами родової кочубеївської церкви. В. В. Кочубей служив помічником попечителя Петербурзького учбового округу, а прославився як колекціонер-нумізмат, колекція монет якого (понад 700 шт.) була однією з найбільших і найцінніших в Росії. Поруч похована і його дружина Олена Павлівна з князівського роду Білосельських-Білозерських. Ці два масивні саркофаги виділяються в підземеллі білизною італійського мармуру з тонкою різьбою на кришках. Привезені вони були спеціально з Італії. Тут же під мармуровою плитою в землі похоронена і їх дочка Марія. Глуху стіну склепу прикрашають дивовижної краси мозаїчні ікони невідомих майстрів. Кожне захоронення має відмінні риси, відрізняється конструкцією та кольором саркофагів, їх оздобленням.

У приміщенні церкви, над тим самим місцем, де в склепі поховані Василь та Олена Кочубеї, споруджено кіот і встановлено пам'ятник з чорного мармуру та меморіальну дошку на честь князя і княгині. У тих же 1851–1852 рр. в церкві встановлено іконостас з

мореного дуба, який і досі привертає особливу увагу відвідувачів. Робота виконана українськими майстрами-кріпаками, які спеціально надсилались на навчання до Італії.

Вражає чудова різьба на дереві, що тонким мереживом обрамляє різних розмірів ікони, написані петербурзькими художниками. Як у золотому ореолі, в сяйві позолоти при загорянні свічок виблискують постаті святих.

В 1810 р. була введена в дію двоярусна кам'яна дзвіниця Миколаївської церкви (архітектор – Луїджі Руска). Але через труднощі з коштами остаточно будівництво її завершилось лише у 1827 р.

Окремо слід відзначити, що нелегко було Кочубеям добитися дозволу на спорудження Миколаївської церкви, адже у 80-х рр XVIII ст. у Диканці вже діяли три приходські церкви: Троїцька, Іоанна Златоустого і Різдва Богородиці, при яких нараховувалось 313 приходських дворів з приблизною кількістю в 4690 прихожан. Свято-Миколаївська ж церква не мала приходських дворів і була при Кочубеї, хоча ходило туди багато і простих диканчан. Та коли була зведена нова кам'яна церква і визволена з архієрейської ризниці Хрестовоздвиженського монастиря м. Полтави ікона Святителя Миколая-чудотворця, вона зайняла своє звичайне місце за правим криласом у кіоті. До церкви почалося справжнє паломництво.

У свій час побувала тут і молода жінка Марія Іванівна Гоголь-Яловська з села Василівки, що за 30 верст від Диканьки. Засмучена смертю своїх 2 перших дітей, вона пішки не раз і не два приходила сюди до образу Святителя Миколая, вимолювала життя і кращу долю для майбутнього сина. На честь цієї церкви та її чудотворної ікони і назвала вона новонародженого Миколою. Це був наш великий земляк М. В. Гоголь, який часто відвідував потім Миколаївську церкву.

Після революції церква зазнала горя і руїни, однак вистояла. В 30-х рр. вирубали ліс навколо неї, зняли огорожу – мармурові стовпи з масивними чавунними ланцюгами, вивезли кам'яні плити з бруківки для хресного ходу навколо церкви. У період громадянської війни та в голод 1932–1933 рр. були пограбовані князівські поховання в склепі під храмом. Церкву не раз закривали, але вона діяла. У важкі роки Великої Вітчизняної війни віруючі зібрали чималі кошти у фонд Перемоги, тут проводилась спеціальна літургія «... в допомогу нашу й подаждь воинству нашему о Имени Твоем победити».

У 1963 р. церква була відібрана у віруючих і невдовзі там організували атеїстичний музей. З 1985 року, як пам'ятка архітектури, Миколаївська церква стала відділом державного історичного краєзнавчого музею. В період запустіння зникло багато церковного начиння: ікони XVII–XVIII ст., хрести, підсвічники, старовинні книги та інші дорогоцінні реліквії.

16 липня 1989 року відбулося урочисте відкриття і Новосвячення Миколаївської церкви.

Древній пенюк, на якому колись сталося чудотворне диво, зараз знаходиться у вівтарній частині храму. На жаль, чудотворна ікона Святителя Миколая, яка нині зберігається у фондах Полтавського музею, вже не підлягає реставрації. Так вважають сучасні історики-краєзнавці. Духовенство ставить під сумнів таку версію.

Владимир Воропаев

Под защитой угодника Божия Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя

Сорочинцы, Васильевка, Диканька, Миргород. Благодаря Гоголю эти названия известны каждому со школьной скамьи. Книга «Вечера на хуторе близ Диканьки», принесшая известность молодому автору, понравилась всем, от типографских наборщиков до Государыни Императрицы. В 1831 году, задумав издать сборник повестей, Гоголь, по свидетельству его первого биографа П. А. Кулиша, чтобы возбудить в публике любопытство, придумал название книги и пасечника Рудого Панька, который «будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» [1, 90–91]. Давно замечено, что Рудый Панько не просто псевдоним: писатель был рыжеватым, а будь он крестьянином, звали бы его, по местному обычаю, не по отцу, а по деду – Паньком (дед Гоголя – Панас, Афанасий). В предисловии к своей книге пасечник говорит: «Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете

¹ Выражаю благодарность о. Василию за представление сведения об истории Свято-Николаевской церкви.

такого» [2]. Сегодняшнему читателю подобное сравнение может показаться наивным преувеличением. Однако великолепный сад и дворец Кочубеев, устроенный в классическом стиле, триумфальная арка у въезда в Диканьку (в память посещения этих мест Императором Александром I в 1821 году) были вполне под стать столичным дворцам и паркам.

И все-таки главной достопримечательностью Диканьки была Свято-Никольская церковь с находившимся в ней чудотворным образом Святителя Николая. О ней упоминает и пасечник: «...знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать!» (1, 104). Напомним, что три повести в книге — «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота» и «Заколдованное место» — рассказаны именно дьяком Диканьской церкви Фомой Григорьевичем.

По преданию, в старину, когда диканьскими землями владел архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, на одном из пней в лесу недалеко от Диканьки таинственным образом явлена была икона Святителя Николая. Удивленные жители перенесли ее в сельскую церковь. А утром иконы там не нашли и снова обрели ее в лесу на том же самом пне. Святую находку трижды возвращали в церковь, но каждый раз она неизменно оказывалась на месте обретения. Слух об этом происшествии разнесся по округе. Решено было воздвигнуть здесь деревянный храм. По благословению черниговского святителя в 70-х годах XVII столетия поставлена была Никольская церковь. На памятном пне поместили метровый дубовый крест, который оказался в алтарной части новопостроенного храма. Главной почитаемой святыней его была чудесно обретенная икона великого угодника Божия, Святителя Николая, ставшая неиссякаемым источником чудотворений.

Впоследствии диканьские земли принадлежали генеральному судье Запорожского войска Василию Леонтиевичу Кочубею. В 1754 году его внук Павел по благословению Киевского митрополита Тимофея (Щербацкого) перестроил деревянный храм, расширив его. Он к тому времени стал местом паломничества богомольцев, которые нескончаемым потоком стекались к своему небесному заступнику. В результате различных нестроений и недоразумений епархиальное начальство приказало перенести храм в другое место, а чудотворный образ хранить в архиерейской ризнице Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве.

В 1783-1789 годах наследники Василия Кочубея просили у Синода разрешения построить вместо деревянного каменный храм,

но на прежнем месте. Нелегко было получить такое разрешение, поскольку, по мнению тогдашней духовной власти, переквей в селе было достаточно. В 80-х годах XVIII века в Диканьке было три приходских церкви: Троицкая, Иоанна Златоуста и Рождества Богородицы, при которых находилось более трехсот дворов, где жило примерно четыре с половиной тысячи прихожан. Свято-Никольская церковь не имела приходских дворов и была при имени Кочубеев, хотя посещало ее немало и простых прихожан. По прошествии нескольких лет синодальное благословение на строительство храма было дано, и Виктор Павлович Кочубей, достигший потом в Петербурге высших государственных постов (он был вице-канцлером, министром внутренних дел, председателем Государственного совета и комитета министров), в 1794 году построил каменную церковь, которая существует и поныне. Икона Святителя Николая Чудотворца была возвращена из архиерейской ризницы и заняла свое прежнее место. Постепенно стал увеличиваться поток богомольцев.

С этой церковью и с чудотворным образом Святителя Николая связана одна из первых страниц жизни Николая Васильевича Гоголя. Его мать, Мария Ивановна, у которой двое детей умерло, едва появившись на свет, дала обет перед иконой угодника Божия, что если будет у нее сын, наречет его Николаем, и просила священника села Диканьки молиться до тех пор, пока его не известят о рождении дитяти и попросят отслужить благодарственный молебен. Испрошенный молитвой, новорожденный Николай и был встречен в этом мире молитвой благодарения Богу. По словам сестры писателя, Ольги Васильевны Гоголь-Головни, брат ее любил вспоминать, почему назвали его Николаем.

Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец — Полтавскую семинарию. Впоследствии Гоголь посещал Крестовоздвиженский монастырь в Полтаве, где помещалась семинария.

Семейные предания определили первые понятия и верования Гоголя. Об истории своего замужества Мария Ивановна рассказывала: «... выдали меня четырнадцати лет за моего доброго мужа, в семи верстах живущего от моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидал, не имеющую году, и узнал, когда нечаянно увидал меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства» [1, 17].

Мария Ивановна отличалась набожностью. После смерти мужа весной 1825 года она до конца жизни носила траур – «из самого грубого, шерстяного изделия платье» [3, 248] – как бы по образцу монашеских власяниц, и по свидетельству знавших ее людей была похожа на игуменью монастыря. В семье по традиции был благочестивый обычай посещать, по возможности пенком, святые места в Ахтырке, Будищах, Лубнах, Воронеже, Киеве. Но чаще бывали на богомолье в Диканьке, отстоящей от Васильевки на тридцать верст.

Отголоски этой любви к паломничеству слышны в ранней прозе Гоголя. Так, в наброске предисловия к повести «Страшная месть» пасечник Рудый Панько говорит: «Что ж, господа, когда мы съездим в Киев? Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда: мы с вами, Фома Григорьевич, затворимся в келью, и вы также, Тарас Иванович! Будем молиться и ходить по святым печерам» (14, 300).

Осенью 1844 года, находясь за границей, Гоголь в письме к сестре Елисавете просит маменьку, если случится ей быть в Диканьке, «привезти оттуда образок Николая Чудотворца, самый маленький, который бы можно было носить на шее в виде благословения» (12, 344). А летом 1845 года, в один из переломных моментов своей жизни, Гоголь просит молитв матери о своем выздоровлении. «Прошу вас также, – добавляет он, – отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви Святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня» (12, 508 – 509).

В Васильевке была своя каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в первой половине 1820-х годов по обету, данному матерью Гоголя. В доме долгое время находился большой, обитый железом сундук, с проделанным в крышке отверстием, через которое бабушка Татьяна Семеновна опускала деньги, предназначенные на устройство храма. Позднее Мария Ивановна вспоминала: «Церкви у нас не было, старик мой свекор хотел было купить деревянную старую церковь, чтобы перевезти в Васильевку, но как деревянных церквей не стали позволять строить*, то это намерение и оставлено было гораздо до моего замужества» [4, 247].

Строительство храма шло медленно, и в середине 1830-х годов обустройство его еще не было завершено (из письма Гоголя к матери от 15 декабря 1834 года явствует, что он по ее просьбе занят составлением «плана для иконостаса»). В эту церковь Николай Васильевич по возвращении из Иерусалима подарил икону Святителю Николаю, вывезенную им из Рима. Возле церкви по-

гребены родители Гоголя и его близкие родственники. И сам он просил похоронить себя на том же месте.

С образом Николая Чудотворца, своего небесного покровителя, Гоголь не расставался в своих странствиях. Священник Петр Соловьев, находившийся в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме, оставил воспоминания о встрече с писателем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии. Начальник миссии, архимандрит Порфирий (Успенский), впоследствии епископ Чигиринский, крупнейший знаток культуры христианского Востока, отрекомендовал Гоголю отца Петра как художника. Спустя полчаса Гоголь вышел на палубу и подошел к нему. «Не входя ни в какие объяснения, — вспоминает тот, — он показывает мне маленькую, вершка в два, живописную (масляными красками) на дереве икону Святителя Николая Чудотворца и спрашивает мнения, — искусно ли она написана? Затем он, пока я всматривался в живопись, поведал мне, что эта икона есть верная копия в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бари), написана для него по заказу искуснейшим художником и теперь сопутствует ему в путешествиях, потому что святитель Мирликийский Николай — его патрон и общий покровитель всех христиан, посуху и по морям путешествующих. Я полюбовался иконою, как мастерски написанною, и оговорил, что не могу ничего сказать о верности копии, не видав прототипа, и еще заметил, что у нас на православных старинных иконах святитель изображается несколько иначе, особенно по облачению, и что последнее прямо говорит о латинском происхождении барградского изображения святителя. На мой отзыв Гоголь ничего не возразил, но по всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею» [5, 554].

Гоголь, конечно, не ограничивался одним этим, хотя и особенно дорогим ему, образом Святителя Николая. Всюду на пути ему встречались иконы угодника Божия и оставляли след в его душе. Так, в июне 1850 года он вместе с Михаилом Максимовичем, проездом на юг, в Малороссию, посетил Оптину Пустынь, любимый в народе монастырь, где процветало благодатное старчество. 13 июня друзья выехали из Москвы. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили супругов Хомяковых, с которыми коротали вечер в дружеской беседе. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце, утром отстояли молебен в тамошнем Черноостровском Николаевском монастыре, настоятель которого игумен Антоний благословил обоих финифтяными образками Святителя Николая Чудотворца.

А еще раньше, в 1846 году, накануне Великого поста, Гоголь получил от Надежды Николаевны Шереметевой, тетки поэта Федора Тютчева, двусторонний дорожный Иверский образ Божией Матери с написанной на обороте иконой Святителѣя Николаѣя. Когда пришло уведомление о получении, Надежда Николаевна отвѣчала Гоголю: «Наконецъ после столь долгихъ странствій благо-словеніе мое до васъ достигло, да Великою угодникомъ Николай Чудотворецъ не оставитъ васъ своимъ предстательствомъ у Престола Божія...» [6, 139].

В послѣдніе годы жизни Гоголя в его перепискѣ не однажды возникаетъ образъ Святителѣя Николаѣя. Так, в связи съ предстоящимъ замужествомъ сестры Елисаветы, он писалъ другой своей сестрѣ в Васильевку весной 1851 года: «Во всемъ Божья воля; ничего не совершается безъ воли Божьей. Такъ говорятъ — одни потому, что в этомъ убеждены, другіе потому, что слышатъ, какъ это говорятъ другіе. Вижу и я в нынѣшнемъ событіи Божью волю. Но все, однако ж, не знаю, правы ли были вы вместе съ сестрой, уладивши это дело в секретѣ, безъ предварительнаго совѣщанья съ матерью или хоть даже со мною. Уверенность въ благоразуміи своихъ поступковъ вредитъ намъ много даже и в малыхъ вещахъ, а дело нынѣшнее очень важно...» И далѣе Гоголь советуетъ сестрамъ: «Отправляйтесь пешкомъ теперѣ же в Диканьку испросить, вымолить у Бога, чтобы супружество это было счастливо. Чтобы во всю дорогу на устахъ вашихъ была одна молитва...» (14, 230–231).

Саму Елисавету Гоголь наставлялъ такъ: «Молись Богу ото всехъ силъ души, сколько ихъ в тебѣ достанетъ. Шагъ твой страшенъ: онъ ведетъ тебя либо къ счастью, либо въ пропасть. Впередѣ все неизвѣстно; извѣстно только то, что половина несчастья отъ насъ самихъ. Молись, отправься пешкомъ къ Николаю Чудотворцу, припади къ стопамъ угодника, моли его о предстательствѣ, сама взывай ото всехъ силъ ко Христу, Спасителю нашему, чтобы супружество это, замышленное безъ совѣщанія съ матерью, безъ помышленья о будущемъ и о всей важности такого поступка, было бы счастливо» (14, 232).

До конца жизни Гоголь твердо верилъ въ заступничество великаго угодника Божія, Святителѣя Николаѣя. Что касается дальнѣйшей судьбы Диканьской церкви, то после революціи лесъ вокругъ нее вырубилѣи, княжескіе захороненія в скленѣ подъ храмомъ были разграблены. Церковь не разъ закрывали. Но в годы Великой Оте-чественной войны здѣсь служилась Литургія. В 1963 году храмъ отобрали у верующихъ и устроили в немъ музей атеизма. С 1985 года в качестве памятника архитектуры Никольская церковь при-

надлежала государственному историко-краеведческому музею. За годы запустения утрачена была богатая церковная утварь, а также древние иконы и старинные богослужебные книги. В 1989 году храм заново освятили. Древний пень, на котором обретена была икона, по-прежнему находится под престолом. Сам же чудотворный образ Святителя Николая какое-то время хранился в фондах Полтавского краеведческого музея. Ныне его местонахождение неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя: В 2 т. Т. 1. – СПб., 1856.

2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 1. – <Л.>: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 106. Сочинения и письма Гоголя цитируются по этому изданию. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

3. Из воспоминаний матери Гоголя (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову от 3 апреля 1856 года) // Современник. – 1913. – № 4.

4. Крутикова Н. Е. Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. – К., 1992.

5. Соловьев П., священник. Встреча с Н. В. Гоголем в 1848 г. // Русская Старина. – 1889. – № 9.

6. Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. – М., 2001.

Світлана Матвієнко

Дмитро Чижевський – формаліст
Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та
Бориса Ейхенбаума про повість
Миколи Гоголя «Шинель»

1

Про повість «Шинель» Миколи Гоголя справді написано дуже багато. Однією з найцікавіших інтерпретацій, причому написаних у формалістичному дусі, є невелика стаття Дмитра Чижевського (видана спочатку в Парижі, і лише недавно передрукована у нас) маловідома і тому малообговорювана.

Завершуючи свій аналіз «Шинелі», Чижевський радить, як звільнитися від різноманітних забобонів, які накопичилися навколо творів класиків: «... треба читати [ці] твори як дещо абсолютно нове, невідоме, ніколи не читане. В цьому, можливо, й полягає основний принцип правильного сприймання художніх творів – не лише словесних – взагалі: підходити до художнього твору як «нова людина», як знову народжений глядач та слухач... Треба духовно «знову народитися», аби одержати право та можливість доступу до скарбниці мистецтва». Ця теза майже дослівно співпадає з основною настановою раннього російського формалізму щодо сприймання читачем, слухачем, глядачем та, відповідно, щодо створення митцем твору мистецтва. Вона заснована на засадничому для формалізму принципі – принципі *очуднення* (рос. – *остранения*), який здобув великої популярності після виходу 1917 року знаменитої статті Віктора Шкловського «Мистецтво як засіб» [1], де очуднення визначалося як *принцип сприймання твору мистецтва та одночасно як засіб його творення*. Говорячи про ранній

формалізм, маємо на увазі праці ОПОЯЗу другої половини десятих і початку двадцятих. Власне кажучи, йдеться саме про той період, завершення якого пов'язують із публікацією славнозвісної статті одного з чільних представників російського формалізму Бориса Ейхенбаума, яка була присвячена тій-таки «Шинелі» Миколи Гоголя [2].

Стаття Дмитра Чижевського «Про «Шинель» Гоголя» була написана майже двадцятьма роками пізніше і вперше була надрукована російською мовою в журналі «Сучасні записки» в Парижі у 1938 році [3]. Без сумніву, Чижевський добре знав статтю Ейхенбаума, рівно як й інші попередні дослідження цього твору. На самому початку своєї статті він згадує праці «формалістів», а також інші праці, виконані у дусі «типового для російської літературної критики та російської історико-літературної науки «соціального підходу», і, очевидно, зважаючи на їх загальну велику кількість, розпочинає статтю риторичним питанням: «Чи потрібно ще писати про «Шинель»?». Замість відповіді Чижевський відмежовується від звичайного вбачання головної думки «Шинелі» у знаменитому патетичному місці, де бідний Акакій Акакійович звертається до чиновників, які піджартовують над ним, вигукуючи: «Облиште мене! Навіщо ви мене ображаєте!», а головним чином – у «інших словах», що бриніли за сказаним вголос, у підтексті, який сприйняв саме той молодий чиновник, що ображав найбільше: «Я брат твій!». Тут Чижевський ставить наступне питання: «Чи не дивно те, що таке центральне місце стоїть на самому початку повісті... Чи не зіссував Гоголь цим продовженням початку? Чи не послабив він враження? Чи не оголосив він Акакія Акакійовича нашим братом, аби потім злісно посміятися над ним?». Борис Ейхенбаум також згадує мимохідь «це знамените «гуманне» місце, якому так пощастило у російській критиці, що воно із побічного художнього засобу стало «ідією» усєї повісті»[3], але він вбачає в ньому лише «ускладнення чисто анекдотичного стилю первинних начерків елементами патетичної декламації»[4]. І все ж таки, не зважаючи на спільний погляд стосовно найрозповсюднішого із тлумачень, те, чим є стаття Чижевського стосовно статті Ейхенбаума, можна зрозуміти, зіставивши назви обох. Епатажна назва статті Ейхенбаума одразу свідчить про формалістичну методику аналізу, оскільки вона акцентує на зробленості повісті, коли сама форма твору, звичайний мовний засіб оповідача стає «вихідним пунктом для побудови теорії прози»[5]. У назві статті Дмитра Чижевського можна прочитати одразу два значення: по-перше,

вона вказує на твір-предмет аналізу; а по-друге, замовчуючи методу, за допомогою якої цей аналіз буде виконано, вона ніби одразу натякає на широкі горизонти розмови, які, власне, не обмежуються окремою методикою.

Як і його російський попередник, у своїй статті Дмитро Чижевський пише про *очуднення* (рос. – *остранение*) та *імітацію усної оповіді* (рос. – *сказ*), однак, вже на відміну від Ейхенбаума, Чижевський долає межі *власне твору*. Такого переступу меж твору не відбувається у дослідженнях російських формалістів ОПОЯ-Зу, навіть на останньому етапі, який Оге Ханзен-Льове визначає як період *екзистенціалізації методу*, коли формалізм порушує свої головні «табу» [6], інтегруючи, з одного боку, у фігурі «дослідника-поета» наукові та художні методи, з іншого боку, реалізуючи наукову позицію в екзистенціальній та навпаки [7]. Ця зневага стосовно кордонів твору, легкість переходу у процесі аналізу твору від філологічної до філософської, культурологічної та соціальної проблематики, а також взагалі притаманна йому своєрідна методологічна еkleктичність абсолютно невипадкова. Зокрема, її пояснює навіть той факт, що Дмитро Чижевський належав вже до дещо іншого кола науковців, представники якого, безперечно, увібрали ідеї та методу «формалістів», але їм вдалося певні межі, якими російські формалісти ОПОЯЗу самі себе й обмежили.

2

Ще тоді, коли формалізм у Росії поки не вважався за ідеологічний злочин, а був лише критикованим, у Празі розпочала свої зібрання група науковців. Ці зустрічі час від часу відвідували й російські формалісти, зокрема, Борис Томашевський, якому з огляду на це зовсім не випадково належить стаття-некролог «Формальний метод», яку він розпочинає з відомого дещо епатажного висловлювання «Формальний метод помер» [8]. У цій статті Томашевський вказує на принципову суперечність, закладену у так званому, «формальному методі»: «Формалізм так названий не тому, – пише науковець, – що він запропонував новий метод, а тому, що він замкнувся у колі питань, які визначалися старим терміном «форма» (терміном, по суті, заперечувальним). Назва ця винайдена не за ознакою метода, а за ознакою матеріалу» [9]. З цієї статті випливає, що російський формалізм виник у суперечі традиційному заідеологізованому літературознавству «з «конкретнісного» есеїзму, дрібних мініатюр, монографій про що завгодно» [10]. Ідеться про початок двадцятих років, коли ««конкрет-

ності ще не викристалізувалися із загального кола «конкретностей», які позначили писання цих років. «Чи курич Пушкін» була така сама конкретність, як й аналіз форми «дневной» и «дневный», або «епітети місяця у Пушкіна» [11]. Формалізм як сприймання та творення мистецтва (та, зрештою, й «дійсності») був спрощено зведений у сприйнятті до «методу» (пізніше цим вдало скористалися ідеологи «соцрелістичного методу», «партійного методу», «комуністичного методу» тощо не лише запозичивши термін «метод», а й звинувативши формалістів у ворожості щодо усіх цих новостворених «методів»).

Перше зібрання відбулося 6-го жовтня 1926 року, його очолив найстарший серед цих науковців, відомий чеський англіст, Вілем Матезіус. Серед присутніх, як він сам згадує пізніше у статті, присвяченій десятиліттю гуртка [12], були Роман Якобсон, який після 1920 року жив у Празі, а до того був учасником Московського лінгвістичного гуртка, а також три молодих чеських лінгвіста Гавранек, Рипка та Трика. Згодом до них приєдналися Петро Богатирьов, Ян Мукаржовський, Микола Трубецькой, Рене Веллек та Дмитро Чижевський.

Повертаючись до «меж» російського формалізму, про які було згадано раніше, мабуть, треба зауважити, що «центральною» групою російських «формалістів» – а саме Шкловський, Ейхенбаум, Тинянов – від самого початку наполягали на *автономній* специфіці літературознавства на відміну від психологічної, соціологічної чи ідеологічної інтерпретації. Така гегемонія літературознавчої науки педалювалась головним чином у відповідь на претензії (як це їм здавалося) абсолютного панування лінгвістики, що великою мірою було спричинено, пише Оге Хансен-Льове, недостатньою обізнаністю російських формалістів із європейською лінгвістикою [13]. Саме тому у статті Бориса Ейхенбаума наголошується лише «фонетична» проблема *усної оповіді*: у ній багато йдеться про те, як, із якою інтонацією Гоголь читав свій твір цю оповідь імітуючи. Першу критику такої «одноплановості» Ейхенбаум одержав вже від Віктора Виноградова, який у своїй праці «Проблема усної оповіді в стилістиці» як раз звернув увагу на усну оповідь із погляду «лінгвістичної стилістики». Важливим моментом його критики було зауваження щодо ігнорування *структури* усної оповіді в творі Гоголя. Однак у працях російських формалістів поняття структури не було одним з центральних, хоча сам термін ними певною мірою обговорювався та вживався. У найближчому до сучасного (сформованого структуралізмом) розумінні цей термін зу-

стрічається хіба у працях наближених до формалізму вчених. Адже структурний підхід – прерогатива «наступного буття» формалізму, яким була діяльність Празького лінгвістичного гуртка.

Саме там теорія мови стала особливим обрамленням, проте його суть полягала у такому розумінні філософії символічної форми, згідно з яким мова вважалася центральною, однак не єдиною можливою системою символів [14]. Тому й для Яна Мукаржовського та Романа Якобсона поетика була складовою частиною семиотики, швидше, аніж відгалуженням лінгвістики. У статті, присвяченій структуралізму, Ян Мукаржовський писав: «Все у творі мистецтва та його зв'язки із зовнішнім світом може обговорюватися у термінах знаку та значення; естетика може розглядатися як частина сучасної науки про знаки, семасиології» [15]. «Зв'язки твору із зовнішнім», про які пише Мукаржовський, розглядалися цими науковцями у межах їх різних наукових зацікавлень. Серед згаданих учасників гуртка більшість, зрозуміло, була лінгвістами, Ян Мукаржовський – лінгвістично орієнтований літературний теоретик та теоретик естетики, Трубецької – видатний славіст, Рене Веллек – знавець англійської літератури та порівняльного літературознавства, а Дмитро Чижевський – поєднував літературознавство з історією ідей та філософією, окрім того, в його науковій діяльності відбилися також феноменологічні погляди Гуссерля та Гайдеггера, лекції яких він слухав.

Говорячи про Чижевського як формаліста, одразу варто визначити різницю між літературознавчим формалізмом та філософсько-естетичним формалізмом – неокантіанством в естетиці. Коли перший зосереджений більше на психології сприймання [16], то для другого важливим є естетичне вчення про цінності, а також онтологічно обґрунтоване вчення про гармонію, які є засадничими для ідеалістичної естетики. Балансуючи між обома тенденціями, філософ «[Чижевський] відходить, – пише Василь Лісовий, – од класичної онтології в бік визнання самоцінності індивідуальних і колективних світів» [17]. У своїй філософії він «намагається «врятувати» субстанційність буття, його цілісність» [18] (курсив мій. – С. М.), тоді як аналітична філософія початку ХХ століття, на його цілісність відверто зазіхає, а філософія неокантіанців у свою чергу внесла усвідомлення обмеження науково-природничих та універсалістських підходів у процесі пізнання. Завдяки подібним тенденціям, у межах Празького кола відбувся перегляд відносин науки та філософії, в результаті якого народився *поетичний принцип*, який майже протягом усього двадцятого століття був при-

сутній у багатьох дисциплінах – психології, лінгвістиці, літературознавстві, теорії та історії мистецтва, соціології, біології тощо – структуралізм.

Що стосується поняття *ноеми* (від. грецького νοημα – думка), а також *ноези* (від. грецького νοησις – мислення), ці терміни Едмунд Гуссерль вживав на позначення, відповідно, смислів інтенціональних предметів та актів свідомості [19]. «Переживання свідомості, за Гуссерлем, – переживання ноетичні, оскільки несуть у собі смисл, це акти наділення предмету смислом. Сприймання, пам'ять, судження, оцінка тощо є актами ноетичними. Ноема ж є предметним смислом, який покладається у ноетичних актах» [20].

А тепер – кілька слів з приводу Празького оточення Дмитра Чижевського.

Отже, саме у працях представників Празького лінгвістичного гуртка з'являються визначення твору як структури, при чому структурність як принцип постійно педалюється. «Взаємовідношення актуалізованих та неактуалізованих компонентів поетичного твору складають структуру твору, яка є динамічною за своєю природою. А також неподільною як факт художній, адже кожний її елемент набуває значення лише у своєму відношенні до цілого», – пише Ян Мукаржовський у статті «Мова літературна і мова поетична» [21]. Таким чином, Празькі формалісти прийшли до висновку, що твір становить єдине ціле, динамізм якого полягає в тому, що всі його елементи функціонують не як мертвий будівельний матеріал, а як сили, які часом діють одне на одне, а також й у протилежному напрямку. Саме тому неможливо говорити про мову твору, не враховуючи сюжету останнього, чи аналізувати його структуру, ігноруючи композицію [22]. Словом, як коментує згодом Рене Веллек, у порівнянні із Празькими формалістами формалісти російські були простими техніками та емпіриками з посиленними механістичними тенденціями [23].

Завершуючи свою статтю про «Шинель», Дмитро Чижевський наголошує вагу деталі у композиції, як кожного елементу цілісної структури: «У формі літературного твору немає дрібниць – саме тому, що немає «дрібниць» у грі, нема їх у ремеслі, а художній твір є гра та ремесло одночасно» [24]. Застосовуючи метод «повільного читання», він виокремлює з тканини повісті Гоголя один з елементів, який нібито порушує розміреність руху оповіді. Цей елемент – дрібна словесна деталь – «недоречне» та «надмірно уживане» Гоголем у тексті слово «даже». Борис Ейхенбаум також звертав у вагу на цю навмисну засміченість висловлювань

оповідача та й, зрештою, самого Акакія Акакійовича непотрібними словами типу «какой-то», «не помню», «один» «этакой», «так сказати», «относительно», «в некотором роде», «можете вообразить» тощо. Лише для Ейхенбаума така «неакуратність» свідчить про стилізацію розповіді під «особливого роду неоковирне, найвнє базікання» [25]. Найважливіше для нього – *особистий тон* автора, який створює ілюзію *усної оповіді*, а також випадки, коли сюжет як зчеплення мотивів за допомогою їх мотивації припиняє відігравати організуючу роль і «центр ваги від сюжета переноситься на прийоми оповіді» [26]. Через сорок років після написання статті, найближчий колега Ейхенбаума, Віктор Шкловський пишучи про її незаперечну роль у літературознавстві, згадує про інші, наступні, дослідження Гоголя здійснені в першу чергу Віктором Виноградовим, який першим критикував Ейхенбаума за невраховування лінгвістичного аспекту, структури розповіді, що ми вже згадували, а також про дослідження Макса Верлі «Загальне літературознавство» [27], де йдеться про семіотику, себто «науку чи систему, яка займається знаками та символами у найзагальнішому смислі слова», як пише Шкловський. Здається, що коли не російський формалізм, то «вчені від формалізму» нарешті приходять до дискурсу семіотики? Однак йому таки вдається знову прокреслити старий кордон: «Мова в літературі, – знову як і раніше повторює Шкловський, – не прошарок, не фарба, нанесена на твір, а літературознавство в той самий час і не частина мовознавства...» [28]. Таким чином, Празьке коло було не просто продовженням російського формалізму «в екзилі», а справді якісно новим виміром дискурсу формалізму.

3

Але повернемося до статті Дмитра Чижевського. Як вже було сказано, наявність «зайвих» слів у повісті Миколи Гоголя також помітив Ейхенбаум. Однак Чижевський зупиняється на тому, *що* це за слова та *які* їх *змістотворча* роль у тексті. Він підраховує, що, здавалося б, малозначуще слово «даже» в «Шинелі» зустрічається 73 рази. Тоді Чижевський ставить його в центр дослідження, чи то, інакше кажучи, маючи його за уявний центр тексту, розбудовує навколо нього кількарівневе змістове поле.

В першу чергу, він ніби повторюючи за Ейхенбаумом, говорить про ознаки усної оповіді (сказа) твору Гоголя. Знову, як і російський дослідник, згадує спогади С. Т. Аксакова, але з іншою метою: з їх допомогою Чижевський в першу чергу з'ясовує не випадковість «непотрібних» слів у творах Гоголя, який, як відомо, переписував,

пліфуючи, свої твори, за його власним свідченням, по вісім разів. «Очевидна «непотрібність» усіх цих словесних візерунків з точки зору викладення певного змісту, настільки очевидна, що напевно, на таких прикладах найяскравіше виділяються характерні риси словесної творчості, які за будь-якого підходу до змісту твору, за умови ігнорування форми зникають з поля уваги читача, – словесне мистецтво як гра, та словесне мистецтво як ремесло залишаються в тіні. А між іншим, як ми побачимо на нашому прикладі, від цих «формальних» елементів, від гри зі словом та від ремісного характеру словесної творчості («як зроблено», «як спрацьовано») протягуються нитки до істотного змісту літературного твору» [29], – пише Чижевський.

Як і Ейхенбаум, Чижевський говорить про комізм Гоголя. Однак, у своєму розгляді Чижевський більше близький до Яна Мукаржовського з його визначенням динамічної структури, в якій відбувається своєрідний рух елементів, їх реінтерпретація в процесі сприймання [30]. Чижевський трактує комізм Гоголя як специфічну гру протилежностей, антитезу осмисленого та беззмістовного, гру, в якій вони постійно замінюють одне одного: «Фраза, слово, думка – має смисл, а ось раптом виявилось – нісенітниця; або навпаки: здавалося нісенітницею, а виявилось осмисленим» [31].

За Чижевським, Гоголь грає так не лише зі словом «даже», а й з іншими, наприклад, «несмотря», «надобно отдать справедливость», «напротив того». Всі вони мусять викликати певний подив читача, але фраза, всередині якої опиняються ці слова, побудована таким чином, що друга її половина розчаровує читача, бо очікуваного подивування не відбувається: «*Взбираясь по лестнице, ведущей к Петровичу, которая – надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, улита помоями и проникнута насквозь тем спиритическим запахом; который, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов...*». Отже, напруга, яку щоразу відчуває читач всередині фрази, яка є своєрідним підйомом, завершується фрустрацією, падінням. Чижевський надає цьому надзвичайно великого значення, інтерпретує все це філософськи у світлі філософії Гайдеггера, зрештою, як його ж учень: «[Гоголь], – пише дослідник, – відкриває перед нами ніщоту зображеного кола, частини життя. Те, чому передують «даже» опиняється нічим, марним: це означає: в цій сфері життя значущим та істотним виявляється марнотне, порожнє, «ніщо» [32].

Чижевський помічає, що як елемент структури, «даже» функціонує на багатьох смислових рівнях. Це слово характеризує «внутрішню установку героя, його душевну позу» [33]. Основне протиріччя повісті: маленький світ – великий світ. В ньому основа всієї повісті, всього її руху. На відміну від Бориса Ейхенбаума, який намагається встановити конструктивний та методологічний зв'язок між усною оповіддю (сказом) та безсюжетністю [34] і саме тому звертає увагу на незавершеність повістей Гоголя, як їх характерну рису, Дмитро Чижевський розглядає твір як цілісність, структуру, а значить – бачить його завершеним. «Розгорнутий у фіналі анекдот відводить убік від «бідної історії» з її мелодраматичними епізодами. Повертається початкова чисто комічна усна розповідь з усіма її прийомами» [35], – пише Ейхенбаум. Абсолютно протилежне цьому судження знаходимо у Чижевського: «... у початковій редакції Гоголь назвав свою повість «Повістю про чиновника, який крав шинелі», що вже показує, що завершальні сторінки для твору значущі, центральні, а не просто якась жартівливе непотрібне завершення» [36]. Цей мотив життя після смерті незаспокоєного грішника виводить Чижевського на ще один можливий смисл повісті Гоголя.

Річ у тім, що «непотрібне» слово «даже» свідчить про єдиноможливий погляд знизу вгору, а також про погляд закоханого на возвеличений ним об'єкт кохання. «Ставлення героя до шинелі зображено мовою еросу», – констатує Дмитро Чижевський [37]. Таким чином, з'являється ще одна надзвичайно цікава тема – тема кохання, при чому, кохання забороненого, адже воно породжено спокусою, а значить «подаровано» Чоргом. Грабіжник, відповідно, перетворюється на сильного суперника, який заволодіває об'єктом кохання Акакія Акакійовича. І Чижевський звертає нашу увагу на специфіку його вигуку під час зривання шинелі з плечей чиновника: «... злодій не просто зриває з Акакія Акакійовича шинель, а чомусь каже: «А шинель то моя!» [38]. Власне кажучи, Гоголь продовжує свою ж стару тему – тему смерті від кохання. Шинель – це зовнішнє, і чиновник, закохуючись у неї, тратить свій зв'язок із внутрішнім, з життям у Бозі, який вказує людині «місце в світі», готує для неї «замовлення», мету життя.

Головним героєм всіх повістей Гоголя Чижевський вважає Чорта. Він згадується кілька разів у зв'язку з Петровичем, який, власне, й підкинув Акакію Акакійовичу думку про шинель. Це –

момент спокуси, якого не витримав «бідний чиновник». Риси чорта розпливчасті, невловні, адже чорт – безликий.

Пишучи про це, Чижевський підіймає зміст повісті про дрібного чиновника до проблем онтологічних. Він заперечує, кілька разів повертаючись до цього у тексті своєї статті, неприйнятне для нього сприймання «Шинелі» Миколи Гоголя як просто повісті про маленьку людину, нашого «брата» (як про це писав В. Белинський). І все – від дрібного слова «даже», яке «як стріла, як нестримне прагнення, підводить нашу думку вгору, аби вона тим більш безсило впала, опустилася в буденність. Безсиле, спрямоване на невартий того об'єкт прагнення Акакія Акакійовича «скидається» з уявної висоти Чортом, який сам і намітив таку прозаїчну мету цьому прагненню» [39]. Проблеми онтології – предмет досліджень Чижевського-філософа. Ці ж проблеми він продовжує досліджувати й аналізуючи повість Гоголя.

Отже, з онтологічних поглядів Чижевського випливає те, що філософ розуміє буття окремої людини – як цілісне; воно є впорядковане та обгрунтоване, воно – самоцінне, вважає Дмитро Чижевський. І все в ньому має «своє місце»: світле й темне, життя й смерть, кожна з протилежностей. Пригадується, як він жартував (чи, хто зна, може, навіть був цілком серйозним) на рахунок того, чому він повернувся з Америки назад до Європи: «Я не можу жити в країні, – казав Чижевський, – де не вірять у Чорта».

ПРИМІТКИ

1. Шкловский В. Искусство как приём // Сборники по теории поэтического языка. – Вып. 2. – Пг., 1917.
2. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. – Пг., 1919.
3. Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. – Париж, 1938. – Т. LXII. – С. 172–175.
4. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Сборник статей. – Л.: Худож. лит., 1986. – С. 55.
5. Там само. – С. 55.
6. Эйхенбаум Б. Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б. Литература. – Л., 1926. – С. 209–210.
7. Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. – М., 2001. – С. 548.
8. Див. там само далі щодо рівня екзистенціалізації методу: «Абсолютно очевидно, що в подібній комунікативній ситуації роз-

різненьня ролей ученого, письменника та приватної особи було так само ледве можливим та необхідним, як і розрізнювання пов'язаних з цими ролями мовленнєвих манер, які співіснували в одному дискурсі та завжди щиро рахувались з відповідною реакцією передбачуваного слухача та соратника» (С. 549).

9. *Томашевский Б.* Формальный метод (Вместо некролога) // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. – Тарту, 1976. – Т. I. – С. 27. (Перше видання: *Томашевский Б.* Формальный метод (Вместо некролога) // Современная литература. – Л., 1925. – С. 153–154).

10. Там само. – С. 29.

11. Там само. – С. 27.

12. *Mathesius, Vilem.* Deset let prazskeho linguistickeho krouzku // Slovo a slovesnost, II. – Prague. – 1936. Див. також *Erlich, Victor.* Russian Formalism. History-Doctrine. – London; Paris: Moutond and Co., 1965. – P. 154–157.

13. *Ханзен-Лёве О. А.* Русский формализм. – С. 283.

14. *Erlich, Victor.* Russian Formalism. – P. 159.

15. *Mukarovsky, Jan.* Strukturalismus v estetice a ve vede o literature // Kapitoly z ceske poetiky, I. – Prague, 1946. – P. 25.

16. *Ханзен-Лёве О. А.* Русский формализм. – С. 182.

17. *Лисовий В.* Дмитро Іванович Чижевський: онтологія, гносеологія, філософія культури // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – № 5–6. – С. 7.

18. Там само.

19. Див.: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М., 1999. – Т. 1; а також: *Хаардт А.* Эстетический опыт и образное сознание у Гуссерля // Логос. – 1996. – № 8.

20. *Лехциер В.* Введение в феноменологию художественного опыта. – Самара: Из-во «Самарский университет», 2000. – С. 86.

21. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 413.

22. *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. – М. 1964. – С. 163.

23. *Wellek, Rene.* History of Modern Criticism. – V. VII. – P. 413.

24. *Чижевський Д.* «О «Шинели» Гоголя» // Философская и социологическая мысль. – 1994. – № 5–6. – С. 97.

25. *Эйхенбаум Б.* Как сделана «Шинель» Гоголя. – С. 56.

26. Там само. – С. 45.

27. *Верли М.* Общее литературоведение. – М.: Иностранная литература. – 1957.

28. Шкловский В. «Шинель» // Шкловский В. Избранное в двух томах. – М.: Худож. лит. – 1983. – С. 315.

29. Чижевський Д. «О «Шинели» Гоголя». – С. 80–81.

30. Мукаржовський Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. Наприклад, коли Мукаржовський розглядає художній твір, він користується поняттями навмисного та ненавмисного. Ненавмисне – це неструктурне, те, що реципієнт не може внести в естетичну єдність твору, що видається йому випадковістю чи перешкодою. Навмисне та ненавмисне з часом можуть мінятися місцями.

31. Там само. – С. 81.

32. Там само. – С. 83–84.

33. Там само. – С. 87.

34. І навпаки – встановлює зв'язок між відсутністю усної розповіді та сюжетними жанрами.

35. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя. – С. 63.

36. Чижевський Д. О «Шинели» Гоголя. – С. 90.

37. Там само. – С. 91.

38. Там само. – С. 90.

39. Там само. – С. 96.

Ольга Ніколенко, Юлія Бардакова

Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт

Швейцарського письменника Фрідріха Дюрренматта (1921–1990) вважають одним із визначних новаторів у драматургії ХХ століття. Дюрренматт оновив структуру сучасної драми, зробив значний крок у розвитку теорії й практики драматургії. І все ж таки Дюрренматт був не тільки новатором, але й традиціоналістом. Сам він заперечував свою приналежність до будь-якого угруповання. «Я не зараховую себе до теперішнього авангарду», – писав митець у примітках до п'єси «Гостина старої дами» [7, с. 160]. Серед впливів, яких зазнав письменник, слід відзначити Кіркегора, Кафку, Брехта, французьких екзистенціалістів та ін. І в цьому ряду почесне місце посідає і Микола Гоголь.

Дюрренматт високо цінував Гоголя. «Вечори на хуторі біля Диканьки» він вважав шедевром. П'єси «Фізика» та «Ахтердос»

написані під впливом «Нотаток божевільного» Гоголя. У творах Дюрренматта нерідко використовуються характерні гоголівські прийоми. Однак зв'язок між творчістю Гоголя й Дюрренматта набагато глибший за окремі подібності у текстах митців. Гоголя й Дюрренматта єднає сам естетичний підхід до дійсності. Обидва письменники відчували потребу у глибинному дослідженні людської психології, духовної трансформації особистості та суспільства. Вони відкрили великі можливості комедії, широко використовували гротеск, карнавалізацію, гру світлотіні трагічного й комічного тощо. Усе це дозволяє говорити про типологічну схожість між художніми системами Гоголя й Дюрренматта, вивчення якої сприятиме кращому розумінню творчості обох митців, а також традицій і новаторства у драматургії.

Світ у зображенні Гоголя й Дюрренматта постає надзвичайно складним, строкатим, різноманітним у своїх проявах. Він неоднозначний й зображується письменниками також неоднозначно. І якщо говорити про драматургію обох митців, то тут вони обидва йшли шляхом комедії, яка сприяла виявленню цієї складності світу і його глибинної сутності. Гоголівська комедія насичена гострою інтригою, різними видами комізму, прихованим другим (трагічним) планом, яскравою образністю, несподіваними поворотами сюжету. Її основу складає дія, що розгортається у різних площинах — зовнішній та внутрішній, співвідношення між якими й зумовлює розвиток конфлікту, який є багатоплановим.

Дюрренматт також убачав у комедії невичерпні можливості для відображення складного сучасного світу. Роздуми про комедію він виклав у статтях («Нотатки про комедію» — 1952 та ін.) й книзі «Проблеми театру» (1955) і втілював ці ідеї у власній художній практиці. На думку Дюрренматта, тільки комедія здатна відтворити в конкретних образах «забуте» («втрачене») обличчя світу. Оскільки між добром і злом у свідомості сучасної людини нерідко немає межі, а всі цінності нівельовані, то й світ постає, за словами Дюрренматта, «безликим»: натомість замість конкретних особистостей — якась безлика машина, що скеровує долі й життя людей. Отже, комедія розуміється швейцарським драматургом як своєрідний засіб боротьби проти нівелювання цінностей, загальної «безликості» світу. Сьогодні письменник, як пише Дюрренматт, повинен вдаватися до хитрощів, щоб глядач слухав про ті речі, які йому не подобаються, тому «комедія є тією пасткою, в яку публіка постійно потрапляє і буде потрапляти». Комедія, за його словами, якнайкраще підходить для відображення заклута-

них і складних умов ХХ століття. У «Проблемах театру» Дюрренматт обстоює думку про те, що комедія є єдиною драматичною формою, яка спроможна показати за часів атомної бомби трагічне. Тому комедії Дюрренматта у переважній більшості є трагікомедіями, а трагікомічне сприйняття, за словами Є Волощук, пов'язане з відчуттям відносності критеріїв життя, воно виникає під впливом духовної кризи в певні переломні моменти історії. «Сучасна трагікомедія не має чітких жанрових ознак й характеризується переважним чином «трагікомічним ефектом», досягнення якого передбачає, що драматург бачить і відображає одні й ті самі явища дійсності водночас у комічному й трагічному висвітленні, причому комічне й трагічне не зменшують, а часто посилюють одне одного» [2, с. 10].

Дюрренматт відхиляє героя як драматичну постать, але вбачає у «мужній людині», котра живе в безжальному світі, хоробрість як єдино можливу форму її існування. «Світ (а разом з ним і сцена, яка означає цей світ), є для мене щось незвичайне, загадка про нещастя, яке необхідно мужньо сприймати, але перед яким не можна капітулувати», – писав Дюрренматт [10, с. 272].

«Мужність сприйняття» жахливого світу, сповненого нещастя і трагедії, втілюється передусім у гротеску, що також єднає Гоголя й Дюрренматта. Гротеск не є окремим художнім прийомом, він організовує всю структуру багатьох творів Гоголя й Дюрренматта, виявляючись на різних рівнях тексту. Гротеск, що передбачає химерне поєднання в єдиному цілому різних начал – фантастичного і реального, прекрасного і потворного, трагічного і комічного, раціонального й ірраціонального та ін., сприяє виявленню глибинної сутності явищ, зображенню аномального, дивного світу. У Гоголя гротеск – другий бік реальності, засіб проникнення у той прихований план, що є невидимим зовні. Гоголівські гротескні образи та ситуації є по-своєму знаковими для його доби. Вони відображають абсурдність світу ХІХ століття й духовні трансформації, що відбулися із суспільством та людиною того часу. Гротеск у Гоголя містить комічне й трагічне, він є способом заперечення, боротьби з недосконалістю буття і водночас сприяє утвердженню авторського ідеалу. М. Бахтін у праці «Рабле і Гоголь» відзначає: «Гротеск у Гоголя не є простим порушенням норми, а запереченням всіляких абстрактних, непорушних норм, що претендують на абсолютність і вічність. Він заперечує очевидність і світ «усього сталого» заради несподіваності й непередбачуваності правди. Він неначе говорить, що добра слід чекати не від усталеного й

звичного, а від «дива». У ньому втілена народна оновлююча, життєстверджувальна ідея» [3, с. 495].

Дюрренматт також уважав себе передусім письменником гротеску, а не абсурду. «Абсурдного я не люблю, бо воно означає відсутність смислу», – писав він. Гротеск він розглядав як можливість проникнути в смисл сучасного життя, бути «правдивим» у відтворенні «обличчя безликого світу». Дюрренматт зазначав: «Гротеск – це одна із надзвичайних можливостей бути точним. Немає сенсу заперечувати, що гротескне мистецтво віддзеркалює жорстокість об'єктивної дійсності, але воно – мистецтво не нігілістів, а радше моралістів; воно не милується розпадом, а посипає сіль на рани. Воно є незручним, але необхідним» [7, с. 160]. Дослідник В. Седельник слушно зауважує: «Його найкращі книги залишаються гротескним дзеркалом, яке шаржує зображення, проте не спотворює його сутності; дзеркалом, в якому без прикрас, у жахливій достовірності «відобразився час і сучасна людина» [8, с. 98].

Оскільки світ гротескний, то й драма, за Дюрренматтом, неминує мусить бути гротескною. Виходячи з цієї основної думки, Дюрренматт розгортає абсолютно нову драматичну концепцію – концепцію трагікомедії. Ф. Бекер у новому виданні «Історія літератури. Епохи» (2003) визначає провідні риси трагікомедії Дюрренматта. Якщо в класичній трагедії мова йде про персональну провину й відповідальність, то в трагікомедії головне, що цікавить митця, – це колективна провина. У трагедії дії героїв мають трагічні наслідки, а в трагікомедії, що розробляє Дюрренматт, можливості для дій героїв взагалі відсутні. Трагічне в трагедії слугує показу основного конфлікту героя, а в трагікомедії – зображенню абсурдного й гротескного світу. Таким чином, трагікомедія, згідно з концепцією Дюрренматта, має не повчати, як трагедія, а тим більше не відлякувати глядачів, а хвилювати, бентежити, спонукати працювати думку й почуття. Дюрренматт, як і Гоголь, прагнув не втішати, а тривожити, застерігати. Тому нерідко його п'єси називають творами-пересторогами. Та якщо, «незважаючи на всі перестороги, врятувати світ все ж таки не вдасться, то хоча б посміятися над людською сліпотою й дурістю, бо гіркий сміх очищує душу й підносить над темрявою лабіринту» [8, с. 99].

На відміну від багатьох драматургів ХХ століття, у творах яких дія послаблена, де нічого не відбувається, Дюрренматт повернув у сучасний театр напружену, розгорнуту, складну дію. У своїх теоретичних працях він обстоює насичену фабулу, вибудовану за

старими правилами, як основу своєї драматургічної техніки. У п'єсах Дюрренматта завжди багато подій, у них відчувається живе кипіння життя, а в різних перипетіях долі персонажів автор намагається відтворити загальні закономірності світу. Від випадку (подекуди неймовірного) до закономірності, від окремого сюжету — до створення моделей світу. Таким був напрям естетичних пошуків Дюрренматта. І в цьому також виявляється його близькість із Гоголем. Обидва митці шукали типове у випадковому, а модельність художнього мислення дозволила їм показати характерні риси епох, у які вони жили.

Гоголь і Дюрренматт були великими майстрами іноказання. Їхні твори нерідко сприймаються як своєрідні метафори людського життя, де засобами художньої умовності говориться про нагальні проблеми. І все ж таки при всій умовності й схильності до іноказання художні образи у творах Гоголя і Дюрренматта — не маріонетки, а живі люди. У примітках до п'єси «Гостина старої дами» швейцарський драматург писав: «Я змальовую людей, а не маріонеток, дію, а не алегорію, показую світ, а не мораль, як мені часто приписують...» [7, с. 159]. Щодо тієї ж п'єси письменник відзначав: «Героями виступають гюленці, люди, як усі ми. Їх не можна зображати лихими, аж ніяк не можна...» [7, с. 160]. Як бачимо, митець прагнув змальовувати людей «не лихими», а духовно збіднілими, трагічно знедоленими, такими, якими зробило їх саме життя. Він наголошував на тому, що п'єсу треба грати «не гнівно, а сумно, але й з гумором, бо цій комедії, що кінчається так трагічно, ніщо так не шкодить, як тваринна поважність». Отже, відлуння гоголівського «сміху крізь сльози» звучить й у творах Дюрренматта.

Крім зазначених типологічних подібностей, є ще одна риса, що єднає художні системи Гоголя й Дюрренматта. Це ігрове начало творчості. Захоплююча гра, що дозволяє швидко міняти ракурс зображення, вдаватися до неймовірних ситуацій, міняти маски, маніпулювати з реальністю, визначає художню структуру багатьох творів обох митців. Естетична гра дає митцям особливу свободу в підході до дійсності. Гра робить напрочуд доступними серйозні речі, про найскладніші категорії вона дозволяє говорити мовою, зрозумілою кожному. У грі немає чіткої межі між трагічним і комічним. А сміх стає неодмінною умовою цієї гри, він звучить по-різному — то доброзичливо, то викривально. Гра у Гоголя й Дюрренматта — головний засіб випробовування на духовну міць дійсності і людини.

Чимало гоголівських мотивів розробляються у п'єсах швейцарського драматурга. І було б цікаво простежити, як вони впливають на структуру новітньої драми, яка їх роль у створенні художнього світу митця. Репрезентативною у цьому відношенні є трагікомедія Дюрренматта «Гостина старої дами» (1956), одна з найкращих п'єс письменника. Зав'язка твору Дюрренматта нагадує «Ревізор» М. Гоголя. У провінційне містечко Гюлен, що знаходиться десь у Середній Європі, приїжджає стара дама – Клер Цаханасян, мультиміліонерка. Як і у Гоголя, приїзд однієї особи каталізує всі події твору, призводить до дії всю образну систему, є рушійною силою сюжету. І у Гоголя, і у Дюрренматта до зустрічі поважної особи готуються всі чиновники міста, намагаючись якомога краще постати перед нею.

Місто Гюлен нагадує гоголівські провінційні містечка з творів «Ревізор», «Мертві душі» та ін. Як і Гоголь, Дюрренматт надзвичайно уважний до кожної деталі, кожної подробиці. Першу дію відкриває довга авторська ремарка, в якій відтворена атмосфера занепаду: «Поки підіймається завіса – станційний дзвінок. Потім напис: Гюлен. Певне ж, містечко, що ледь позначене в глибині: зруйноване, занепале. Будинок станції також занепалий, залежно від країни – з відгородженим пероном чи ні. Наддертий розклад потягів на стіні, заіржавілий семафор, двері з написом «Вхід заборонений». Далі, посередині, розбита дорога до станції. Вона також ледь позначена. Ліворуч – будка: гола, без вікон, череп'яний дах, пошарпані плакати на стінах. Зліва табличка «Для жінок», справа «Для чоловіків»...» [6, с. 100]. Ось у такому жахливому вигляді постає вперше Гюлен у п'єсі. Тут усе зруйноване, розбите, занедбане. Гюлен перетворений автором на символ спорожніння життя, мертвотності, занепаду. Не випадково письменник уважав, що твір буде актуальним для різних країн, тому й зазначав у ремарці: «залежно від країни – з відгородженим пероном чи ні».

Хронотоп дороги, характерний для творчості Гоголя, з'являється й у п'єсі Дюрренматта. Однак якщо у Гоголя дорога при всьому трагізмі картин, що вона відкривала, містила можливість руху, втілювала надію митця на зміни, то у Дюрренматта вже немає такої відкритості простору. Дорога тут нікуди не веде, це глухий кут. Дія починається на станції, тобто на перехресті різних доріг. Але, як бачимо, дорога до станції розбита. А великі потяги не зупиняються в Гюлені. «Нам тільки й лишилося втіхи, що дивитися на потяги» [6, с. 100]. – каже один із мешканців. У Гюлені

життя неначе спинилося. Занепад триває вже дуже давно, і гюленцям нічого не лишається, крім спогадів про те, що колись містечко «було осередком культури», «одним із найпередовіших у країні». Тут ніхто нічого не виробляє, всі живуть у борг, ледь існують за рахунок допомоги для безробітних.

У п'єсі Гоголя «Ревізор» діють городничий, почтмейстер, міські помічники, лікар, поліцейські, суддя, наглядач училищ, купці, міщани та ін. Швейцарський драматург також створює узагальнений образ містечкової громади, показуючи різні верстви суспільства. Серед господарів Гюлена – Бургомістр, Учитель, Священик, Лікар, Поліцай, а також інші мешканці. Якщо у «Ревізорі» чиновники ще мають імена, то у Дюрренматта імена відсутні, що само по собі є промовистим. Людина втрачає своє обличчя, губить особистісне, вона – ніхто у сучасному світі, наголошує Дюрренматт. Мотив заміни людини чином, що звучить у Гоголя і в «петербурзьких повістях», і в «Ревізорі», і в «Мертвих душах», доводиться Дюрренматтом до абсурду. Чин, соціальний стан, посада – тільки це важливо у світі, створеному швейцарським письменником. Тому імена його персонажів можуть мінятися, їх може взагалі не бути, а чоловіки Клер, наприклад, мають тільки номери.

У процесі підготовки до візиту мільйонерки втягнуте все містечко. У першій дії намагання гюленців виглядати якомога краще перед Клер смішні й жалюгідні. Сміх викликає не те, що вони бідно одягнені, не те, що в них один на всіх циліндр, що автомобіль (і то старий) має тільки лікар, а те, що вони заради грошей готові на все: бути не тим, ким є насправді, говорити не те, що думають, робити не те, що хочеться. Гюленців і гоголівських персонажів об'єднує побожне ставлення до влади й грошей. Однак якщо герої «Ревізора» бояться втратити свої накопичення й посади, то гюленці навпаки – хочуть їх здобути.

Перед ким же плазують гюленці? Як і в «Ревізорі», Хлестаков виявляється «тряпкою», «фитюлькой», зовсім не тим, за кого себе видає, і це ще більше підкреслює комізм ситуації, так і Клер Цаханасян зовсім не варта того, щоб перед нею принижувалися. Колись Клер обманув її коханий чоловік – Іль, і вона, вагітна, позбавлена підтримки, мусила покинути Гюлен. З того часу минуло чимало років. Клер втратила дитину, потрапила на саме дно суспільства, але згодом вигідно вийшла заміж, потім вона виходила заміж ще багато разів (про що свідчать номери її чоловіків) і стала найбагатшою жінкою у світі. Душа головної героїні давно

померла, і сама вона несе тільки смерть. Не випадково Клер порівнюється автором з Медеєю, а її появу супроводжують промовисті деталі: домовина, яку вона привезла в Гюлен, вінки тощо. Отже, Клер – символ духовної смерті, сама є смертельною небезпекою для суспільства.

Клер приїздить у Гюлен для того, щоб, як вона каже, домогтися «справедливості». Однак «справедливість» вона розуміє по-своєму. Її охопило бажання помститися Ілеві за стару зраду, і вона обіцяє Гюлену мільярд в обмін на смерть Іля, що має стати покаранням за гріхи молодості. Як і в гоголівському «Ревізорі» герої випробовуються на духовну міць за певних обставин, так і у п'єсі сучасного драматурга головна тема – моральне випробовування людства. Гоголя й Дюрренматта цікавить процес внутрішньої трансформації особистості й суспільства. У першій дії «Гостини старої дами» гюленці відкидають пропозицію Клер, захищаючи Іля. Однак мультимільйонерка говорить: «Я почекаю». Вона добре знає, що час і гроші здатні змінити все на світі. І так воно зрештою й сталося. У другій дії Іль намагається зберегти єдність з гюленцями, а ті вже змінилися, вони тепер наділи нове вбрання й взулися в нові черевики, та головне – вони змінилися внутрішньо. Згодом мешканці містечка вже не вбачають у пропозиції Клер чогось незвичайного чи безглузлого, вважаючи, що врешті-решт «справедливість» має торжествувати й заради цієї «справедливості» можна пожертвувати одним заради щастя всіх. Гюленці, котрі відвідують крамницю Іля в другій частині драми, приходять сюди не для того, щоб висловити йому свою підтримку, а щоб скористатися ситуацією і безкоштовно отримати товари, бо знають, що Іль за даних обставин не відмовить їм. Гюленці озброюються, мотивуючи це тим, що у Клер утік чорний леопард. Коли Клер називала «чорним леопардом» Іля, а це наводить на думку, що триває полювання не на звіра, а на людину. І рушниці, і револьвери, які носять зарядженими і періодично направляють на Іля чи навіть дають йому потримати, символізують невідворотну смерть. Отже, Дюрренматт, як і Гоголь, показує духовну трансформацію суспільства, яке під впливом згубної влади грошей опиняється у глибокій прірві.

І в «Ревізорі», і в «Гостині старої дами» мешканці містечка опускаються у моральному відношенні все нижче й нижче, протягом розвитку дії вони дедалі більше втрачають людські якості. У Дюрренматта моральний занепад людства доводиться до крайньої межі: гюленці з людей (бідних, але все ж таки людей) перетворюються на вбивць, вони убивають Іля і тим самим убивають

у собі людяність назавжди. І все ж таки у Дюрренматта, як і Гоголя, немає ненависті до людей. «Громада поволі улягає спокусі, — пише драматург у примітках до п'єси, — але це улягання має бути зрозумілим. Спокуса ладто велика, злидні надто тяжкі» [7, с. 160]. Глибоке співчуття до людства, що перетворилося на «мертві душі», проймає всю п'єсу «Гостина старої дами». Взагалі, тема «мертвих душ», омертвіння самого життя зближує творчість митців двох різних століть.

Обох письменників еднає також пронизлива тема «маленької людини», яку розпочав Гоголь у повісті «Шинель». Увага до пересічної людини, до її почуттів, до її важкої долі є спільною для Гоголя й Дюрренматта. Гюленці говорять про себе, що вони не «живуть», а «животіють». Іль в розмові з Клер зізнається: «Я живу в пеклі». Ситуація переслідування Іля нагадує гоголівські твори «Шинель» і «Нотатки божевільного». Людина, що стає об'єктом полювання з боку системи, завжди викликала глибокий біль у Гоголя. Але цей біль відчуває й письменник ХХ століття. Дюрренматт, як і Гоголь, став на захист «маленької людини». Вона нічим не визначна ця людина, можливо, вона нічого й не заслужила у своєму житті, але вона — Людина, і тому її головне право на землі — жити по-людськи, а не животіти чи вмирати.

У п'єсі Дюрренматта звучить і традиційний гоголівський мотив суцільного божевілья, що охопило весь світ. Те, що відбувається у «Гостині старої дами», відбувається на межі реального та ірреального. Письменник показує, як страшна хвороба заповонила душі людей, і вони, ще живі, насправді повільно вмирають у духовному плані. І посеред всього цього божевілья у творі постає один-єдиний справжній герой — Іль, який є надзвичайно цікавим у художньому відношенні образом.

Лінія «Клер — Іль» не є традиційною любовною лінією, хоча вся інтрига п'єси ґрунтується на їх колишньому коханні (до того ж постійно згадується твір В. Шекспіра «Ромео і Джульєтта»). Те, що відбувається між цим чоловіком і жінкою, зовсім далеко від найкращих людських почуттів. Гюленці прагнуть отримати від Клер грошову допомогу, а Іль як чоловік, якого вона колись любила, використовує колишні стосунки задля реалізації прагматичної мети. Лем, як й іншими мешканцями містечка, із самого початку п'єси керує тільки розрахунок. Тому на першому ж побаченні він запитує її, чи допоможе вона гюленцям. «Важайте, що вона вже в мене в кулаці» [6, с. 106], — з гордістю провінціала каже він Учителю. Іль на початку твору — такий, як усі. Звичайна людина у

звичайному збіднілому містечку. Пересічна людина, котра живе злиденним життям, не має високих ідеалів. «Задрипаний крамар у збіднілому містечку», – так характеризує його сам письменник. Цей герой зовсім не є героїчною чи винятковою особистістю. Якщо з Клер гроші зробили те, чим вона є, то з Іля бідність зробила жалюгідного дрібного торговця, весь сенс життя якого зосередився на його крамниці. У моральному відношенні він зображується автором у першій же дії як досить ница людина. Ми дізнаємося, що Іль колись зрадив Клер і абсолютно не відчував провини за це. Навіть коли вона приїхала до міста знову, почуття сорому в нього не виникає. Він лицемірно каже, що хотів дати Клер щастя, тому «мусив відмовитися від свого». Насправді ж він одружився з іншою жінкою з розрахунку, бо у Клер на той час на було грошей. Однак приїзд Клер, котра вимагає «справедливості», змусив його по-іншому подивитися і на себе, і на людей, і на Гюлен, і на все життя. Не-герой Іль протягом твору стає справжнім героєм. Дюрренматт зазначав: «Якщо Клер Цаханасян як образ не розвивається, вона героїня від самого початку, то її давній коханець *робиться героєм*. Задрипаний крамар, він зразу стає, не здогадуючись про те, її жертвою. Маючи за собою вину, він вважає, що життя саме скасовує її. Це образ легковажного, простого чоловіка, якому через страх, а далі через смертельний жах щось помалу починає відкриватися, щось украй особисте; чоловіка, який у собі переживає справедливість, бо визнає свою вину, і якого смерть робить великим (його смерті не бракує певної монументальності). Його смерть водночас і словнена змісту, і безглузда. Словнена змісту вона була б тільки у міфічній державі античного полісу, але дія відбувається в Гюлені. У наші часи» [7, с. 160].

Якщо Іль спочатку належить до групи «Господарів», то протягом твору він дедалі більше віддаляється від них і насамкінець – протистоїть їм. Але на цьому розвиток образу Іля не завершений. У третій дії Іль перемагає сам себе, долаючи свій страх, піднімаючись духовно. Перед лицем смерті Іль змінюється внутрішньо. Хоча й запізно, та він відчуває провину: «Врешті, я сам винен... Я сам зробив із Клари те, чим вона є, а з себе самого те, чим я є, нікчемного, задрипаного крамаря. Що ж я маю робити?.. Вдавати невинного? Все це моя робота: євнухи, ключник, домовина, мільярд. Я не можу врятувати ані себе, ані вас» [6, с. 142–143]. Іль вже не боїться смерті, не боїться Клер, не боїться гюленців, не боїться зради (його й так уже всі зрадили – і дружина, і діти, і мешканці міста). Іль знаходить у собі сили подивитися прямо в

обличчя смерті й людям. Він відмовляється від самогубства тільки з однією метою, щоб вони, якщо вже зважилися, теж пройшли через смерть – його смерть. Для чого? Він і сам не знає, але цей досвід смерті, як відчуває Іль, є трагічною необхідністю і для нього, і для всіх. У промові, зверненої до Бургомістра, для Іля настає момент істини: «Бургомістре! Я пройшов крізь пекло. Я бачив, як ви робите борги, відчував, як із кожною ознакою добробуту до мене все ближче підкрадається смерть. Якби ви були не накинули мені того страху, того моторошного почуття, все було б інакше, в нас могла б вийти не така розмова, я взяв би зброю. Задля вас. Та тепер я замкнувся, переміг свій страх. Було важко, але все вже позаду. Вороття нема. Тепер ви мусите бути моїми суддями. Я скоряюсь вашій ухвалі, хоч би яка вона була для мене вона буде справедливою, а чим буде для вас, не знаю. Дай Боже, щоб ви встояли перед вашим вироком. Ви можете мене вбити, я не нарікаю, не протестую, не боронюсь, але вашого вчинку не можу у вас відібрати» [6, с. 145-146].

Зіткнення людського й нелюдського в людині є одним із характерних гоголівських мотивів. У «Нотатках божевільного» Поприцин, який був «ніхто», «нуль», зважився спокуситися на «бідне багатство», плакаючи у своїй душі мрію про одруження з дочкою директора, і суспільство, яке раніше його не помічало, одразу звернуло на нього увагу. Начальник департаменту говорить йому: «Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? Ведь ты нуль, более ничего. Ведь у тебя ни гроша за душою...» [4, с. 145]. Поприцин не відмовляється від свого бажання, однак неймовірна подія – знайомство з листуванням собак – відкрила йому очі на себе й на світ. Герой зрозумів: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, – срывает у тебя камер-юнкер или генерал» [4, с. 152]. Поприцин замислюється над загальним порядком у світі, він замислюється й над самим собою: «Может быть, я сам не знаю, кто я такой?.. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин, – и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже государь» [4, с. 153]. Коли Поприцин уявив себе іспанським королем, він в очах чиновників постає божевільним. Але насправді, прийнявши звання короля, Поприцин уперше відчув себе Людиною, він зрозумів, що немає необхідності плазувати перед начальством. Побачивши начальника департаменту, він тримається тепер вільно.

в гідністю і навіть подумав про себе: «Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которою закупоривают бутылки» [4, с. 155].

Отже, як бачимо, Гоголь і Дюрренматт кожний по-своєму показують духовну трансформацію людства. Мотив божевільня дозволяє митцям відтворити «світ навпаки», світ, який втратив справжні цінності, де добро і зло, справедливість і несправедливість помінялися місцями, де людина, справжня жива людина, сприймається як божевільна істота, а «маріонетки» – за людей. Обох митців цікавить і те, як поводить себе окрема особистість в умовах цього суцільного божевільня. І Гоголь, і Дюрренматт відзначають, що людина втрачає у собі людське, моральні якості, проте митці остаточно не втрачають віри в людину. Так, через хворобливу свідомість Поприщин у Гоголя нарешті побачив світ у справжньому обличчі, усвідомив себе людиною. Він тепер «стал видетъ далеко-далеко». За мареннями й фантазіями Поприщина постає гірка й трагічна російська дійсність, за ними вгадуються болісні роздуми про людину й прозріння самого автора.

Іль у п'єсі Дюрренматта також приходять до трагічного усвідомлення істини: «Мене засудять на смерть, і хтось мене вб'є. Я не знаю, хто саме й де, знаю тільки, що мое безглузде життя доходить до кінця» [6, с. 150]. Так само як для Поприщина божевільня стає своєрідним звільненням від трагедії його злиденного існування, так і для Іля смерть стає виходом із глухого кута, бажаним порятунком від «безглузлого життя». Обидва герої здійснюють прорив у своїй свідомості, і над їхніми душами вже не владні ні суспільство, ні сама смерть. Не-герої, «маленькі люди» Гоголя й Дюрренматта відчули себе людьми, і в цьому виявляється гуманістична позиція митців. М. Бахтин писав про своєрідний «катарсис пошлости», який створює Гоголь [3, с. 495]. Ю. Манн у своїх працях вживає термін «гротескний катарсис». В обох випадках мова йде про гірке прозріння, про переможне начало творчості Гоголя. Крізь «невидимі світу сльози», крізь неймовірні випадки, гротескні ситуації у творах Гоголя відчувається світла надія письменника на відновлення справжніх цінностей, на відродження людського в людині. Катарсис переживає і герой п'єси Дюрренматта «Гостина старої дами». Фінальна сцена твору нагадує «віднесений далеко в море корабель, що зазнав аварії, який дає останні сигнали». Два хори голенців (як в античній трагедії) співають гімн на честь багатства, що тепер прийшло в містечко. У п'єсі Дюрренматта, образно кажучи, гине хор, тобто людство, хоча

воно, на перший погляд, досягло благополуччя. Використання прийомів античної драми тільки підкреслює глибину цієї трагедії. І все ж таки смерть Іля освітлює фінальні сторінки твору. Через важкі випробування герой здобуває істину, звільняючись від жаху буття й хоча б перед смертю відчувши себе людиною.

Змальовуючи трагедію світу, Дюрренматт закликав не миритися з нею. Він завжди шукав вихід, і передусім – у душі людини. «Якщо людина усвідомить себе людиною, вона зможе піднятися над лабіринтом», – писав Дюрренматт. Тому хоча у фіналі п'єси «Гостина старої дами» Іль загинув, його готовність до смерті означала початок нового життя – без страху, з усвідомленням істини, яка колись була втрачена. Він помирає нескореним, його душа вже не належить ні Гюлену, ні старій дамі, ні будь-кому. Фінал п'єси пройнятий духом страдництва Прометея, котрий зважився повстати проти жорстоких богів і самої невідвортної долі. І особливо величним є те, що до прометеїзму змогла піднятися звичайна «маленька людина», «задрипаний крамар у занепалому містечку».

Дюрренматт говорив про себе: «Хоч я й найсумніший із сучасних драматургів, жарт мені дуже подобається, я зовсім не безнадійний похмурий тип». У п'єсі папує захоплююча карнавальна стихія з переодяганнями, змінами масок, стрімкими несподіваними поворотами сюжету, фарсом, буфонадою, а сміх – неодмінна умова карнавалу. Сміх здатен подолати смерть. Сміх є засобом звільнення від трагічної необхідності. Врешті-решт сміх – протидія апокаліпсису. Як і у Гоголя, сміх Дюрренматта амбівалентний: він звучить то гнівно, то викривально, то сумно. У Дюрренматта, як і у Гоголя, знаходимо так звані «веселі смерті», «карнавалізовані колективи», «карнавальну гру зі смертю й межами життя й смерті» (М. Бахтин). Як і у Гоголя, сміх у Дюрренматта – «єдиний позитивний герой», а сміховий світ не замкнений на собі, він відкритий для вічності, для майбутнього.

У творчості Дюрренматта виявилися характерні риси сучасної драматургії: складна інтелектуальність, форма параболи, інтертекстуальність, монтаж, притчевість та ін. Однак при цьому традиція була тим стрижнем, який зв'язував й утримував усі ці новітні прийоми. І в цьому плані гоголівська традиція дала поштовх для активних шукань швейцарського митця, для його роздумів про сучасний світ і відтворення його у нових художніх формах.

Гоголь і Дюрренматт мислили не в національних, а в глобальних категоріях. Вони прагнули створювати узагальнені картини, художні моделі, важливі для всього людства. Вони сміялися самі

й вчили сміятися світ. І кожний із них усвідомлював проповідницьку місію для свого часу. Вони повчали, але не з нудним моралізаторством, а щиро й весело. І їхня проповідь мала відкрити людству весь жах його глибокого занепаду й водночас – перспективу духовного спасіння.

ПРИМІТКИ

1. *Волощук Є.* У пошуках утраченого гуманізму: нарис про драматургію Ф. Дюрренматта // Вікно в світ. – 2002. – № 1. – С. 87–98.
2. *Волощук Є.* Фарс Апокаліпсису на сцені: театр Ф. Дюрренматта // Всесвітня література та культура в середніх навчальних закладах України. – 2002. – № 3. – С. 9–12.
3. *Бахтин М.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 484–495.
4. *Гоголь Н.* Записки сумасшедшего // Петербургские повести А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. – М., 1987. – С. 141–160.
5. *Гоголь Н.* Повести. Ревизор. – М., 1984.
6. *Дюрренматт Ф.* Гостина старої дами / Пер. з нім. В. Вовк та Є. Поповича // Вікно в світ. – 2002. – № 1. – С. 99–59.
7. *Дюрренматт Ф.* Примітки до п'єси «Гостина старої дами» // Вікно в світ. – 2002. – № 1. – С. 159–160.
8. *Седельник В.* Фридрих Дюрренматт и швейцарская литература XX века // Вікно в світ. – 2002. – № 2. – С. 96–103.
9. *Becker, Frank.* Literaturgeschichte // Epochen. – Stuttgart; Duesseldorf; Leipzig: Klett, 2003.
10. *Albrecht, Guenter, Boettcher, Kurt* u.a. Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller. – Leipzig, 1987.

Сергей Овечкин

Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива

а) «Тарас Бульба». Романтическая эпопея; б) «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: сатира «отчужденного» романтика. Комическое в повести.

Два обозначенные в подзаголовке слоя в повествовании «Тараса Бульбы» прописаны настолько ярко, что этой двуслойности не может не заметить читатель, даже минимально владеющий языками художественной литературы. С одной стороны, в повести есть композиционные части, стилизованные под народную эпiku. Их удельный вес значительно выше в редакции 42 года, но и в редакции «Миргорода» они составляют самостоятельный текст в тексте. Народно-эпические по генезису метафоры, перечисления, обобщения, сравнения – все это составляет единую стилевую систему, усвоившую язык народной эпики. С другой стороны, речеведение повествователя, комментирующего обычаи «тогдашнего века» с этически и эстетически дистанцированной позиции художника-историка также формирует значительные композиционные части, включенные в текст исторического романа. Сюжет этого текста – именно романский сюжет в его проявленной форме, сюжетный конфликт – столкновение двух «правд», правды средневековой родовой и ролевой общности и личной правды индивидуализма нового времени (обе сталкивающиеся эпохи, разумеется, даны не объективно-исторически, а через призму эстетического видения, находящегося в зоне перехода от романтизма к реализму). Таким образом, сам сюжет, как это свойственно именно роману, «подчинен этой задаче – сопоставления и взаимного раскрытия языков» [1].

Поэтому подробное описание двух гетерогенных зон повествования в данном случае представляется избыточным (тем более, что эта работа давно проделана гоголеведением, и результаты ее включены в комментарии к собраниям сочинений) [2]. Исследовательская задача должна быть сформулирована иным образом — как соотносятся эти гетерогенные зоны и в чем смысл этого соотношения. Приближение к решению этой задачи предлагается искать на трех путях.

Во-первых, следует определить существенное положение «Тараса Бульбы» в координатах исторического романа эпохи. Разумеется, решение этой задачи в полном объеме — цель самостоятельной монографии, поэтому я ограничусь рассмотрением двух знаковых контекстов: первого «настоящего» русского исторического романа «Юрий Милославский» (1829) и исторического романа «настоящего» романтика Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» (1832).

Во-вторых, следует более пристально прочитать романский текст повести. В силу специфики конфликта этого текста следует взять его в романтическом ракурсе, поэтому не только нужно, но даже и необходимо читать его преломления в ранней и позднейшей редакциях как единый текст. То есть весь контекст гоголевской романтической эстетики, определившей специфику редакции «Миргорода», должен быть в этом чтении учтен. Тем более, что элиминировать ее приметы позднейшие правки не смогли, следовательно, вряд ли эта цель и ставилась.

В-третьих, требует решения очень существенный вопрос: является ли «народно-эпический» текст простой «утопической стилизацией эпохи» [3], или это действительно решение художественных задач в определенном жанре, образцом которого является поэма Гомера. В рамках данной работы эта проблема может быть лишь поставлена. Возможны также некоторые предварительные замечания к ее решению. Тем не менее эта работа должна быть проделана.

Парадигматическим для родившегося к концу 20-х гг. русского исторического романа было творчество В. Скотта. При этом следует учесть, что массовым литературным сознанием эта поэтика воспринималась во вполне определенном ключе. Вот характерный пассаж из романа В. А. Ушакова: «Необычайный ус-

пех романов Валтер Скотта есть ясное доказательство, что род человеческий с удовольствием вспоминает о своем младенчестве. Что описывал знаменитый шотландский романист? По большей части обычаи, которые давно уже истребились и которые никто не захочет возобновить» [4]. Вторая редакция «Тараса Бульбы» создается с совершенно противоположной литературной позиции. Речь идет не об обычаях, а о духе народа. Этот дух жив, и выражает себя, в частности, в слове народной песни, подхватывающей заключающий повесть разговор козаков про атамана.

Итак, «род Валтер Скотта» понимается через поэтику описаний «старинных жилищ и особенных обычаев» [5]. Это понимание усвоил не только автор второго ряда, но и талантливые Загоскин и Полевой. Вот необычайно подробное описание дома боярина Кручины у первого: «Передний фасад главного здания занимал в длину более пятнадцати сажений; но высота дома нимало не соответствовала длине оного. Небольшие четверугольные окна, с красными рамами и разноцветными ставнями, разделялись широкими простенками. С левой стороны дом оканчивался крыльцом, с огромным навесом, поддерживаемым деревянными столбами, коим дана была форма нынешних точеных балаяс, употребляемых иногда для украшения наружности домов <...>» [6]. Цитату можно продолжить и далее, но смысл останется тот же. Показательно, что это огромное описание вызывает у повествователя единственный прагматичный комментарий: «Мы должны заметить нашим читателям, что гордый боярин, Кручина славился своей роскошью <...> а посему описание его дома не может дать верного понятия об образе жизни тогдашних русских бояр» (131-132). Интерес описания чисто этнографический. Совершенно того же рода интерес представляет для писателя подробнейшее описание дома Василия Косого в «Клятве при Гробе Господнем» [7]. Этнографизм — родовая болезнь раннего исторического романа, Гоголю совершенно не свойственная [8]. Его описания светелки Бульбы, предместья Сечи, убранства войска подчинены одной цели — выразить дух «того героического времени». Вещь в таком описании приобретает подлинную эпическую значительность. Повествователь знает ее цену и дорожит ею как частью истории духа народа.

Если Загоскин утопает в самодовлеющих этнографических подробностях, то у Полевого есть другое приращение — любовь к выпискам из летописей, также приобретающим черты этнографического перечня. Полевой охотно стилизует документы: «“А по грехам”, говорил Дмитрий, ”отымет Бог сына моего Василия, а кто

будет под тем сын мой, тому сыну моему Васильев удел"» (I, 210). «Сыну Юрию отдавал он пояс золотой, новый, с камнями и с жемчугом, без ремней <...> Князь Андрей получил от него снасть золотую, пояс золотой, старый новгородский» (I, 211). Это уже более существенно, чем просто вопрос об этнографизме. Это вопрос о традиции. Есть ведь перечни и у Гоголя (позднейшая редакция): «Потом много было еще других именитых и дюжих козак: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожний, Метельца, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дѣгтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козак»[9]. Но у Гоголя это скорее «гомеровский список кораблей». И вот почему.

Повествователь Полевого так высказывается об акте создания исторического романа: «Люблю читать эти обломки веков, переживающие все страсти, все отношения людские, эти летописи и хладные хартии, где сохраняется мгновенно пролетающий, изменчивый говор современников! <...> Только ты, огонь воображения, только ты, Поэзия, неугасимый светильник истины сердца! можешь обновить перед нами жизнь минувшую, в полном цвете ее, можешь облечь силою сухие кости, вложить страсти в истлевшие сердца, заставить их биться от давно истлевшей крови!» (III, 207–208). Абсолютный субъект, индивидуальный дух, словом, романтическое «воображение» совокупляется здесь с «сухими костями» летописей с целью представить «историю в лицах и быт народа в живых картинах» (I, XLII). Результат предсказуем и типичен: в живых картинах и в лицах представлена история абсолютного субъекта на фоне сухих костей быта. Синтеза не получается, да такая задача и не ставится: в «истлевшие сердца» предполагается вложить какие-то внешние по отношению к ним «страсти». У Гоголя иначе, поскольку он ищет живую традицию. «Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они *не отрываются ни на миг от жизни* и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля козацкой жизни» (VI, 93). В ноябре 33 г. он пишет М.А. Максимовичу о песнях: «Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, *живыми* летописями!» (VII, 91). Повествователь «Тараса Бульбы» явно претендует на то, чтобы быть наследником этой живой традиции. И создается впечатление, что эту свою претензию он выдерживает. В перечне Пысаренок, заканчивающемся репликой

«и много было других добрых козаков», явственно слышно слово народного рассказа [10].

Здесь от частной (хотя далеко не мелкой) проблемы этнографизма и описательности можно перейти к конститутивной для эпики категории героя. Герой исторического романа официально-патриотического извода («Юрий Милославский») — человек идеи, причем именно одной идеи — идеи *царя*. Эта идея определяет все повороты его достаточно долгой судьбы. Герой романтического романа («Клятва при Гробе Господнем») — человек страсти. Через эту категорию описаны разные и в самых разных позициях сюжета расположенные персонажи. Даже старушка-крестьянка описывается так: «Складки ее не выставлялись резкими, ломаными чертами — могилами страстей, но были похожи на слои в пне дерева <...>» (I, 29). Конфликт с участием такого героя — внеисторическая драма абсолютного субъекта, находящегося вне всякой традиции. Контрастом к этому выглядит герой гоголевской повести, человек рода, человек «всей нации» (I, 132), «всего, что ни есть», то есть человек эпической «экстенсивной тотальности жизни» [11].

От категории героя логично перейти к другим конститутивным характеристикам эпопеи, выделенным М. М. Бахтиным. Первая из них — «абсолютное прошлое» как предмет эпопеи (эта категория нашла выражение в общеизвестных колебаниях времени действия в повести). Вторая — связь эпопеи с национальным преданием, о чем (как и об условном, а не безусловном характере этой связи) говорилось выше. Третья — абсолютная эпическая удаленность от современности [12]. На ней я вкратце остановлюсь.

В имперско-патриотическом, да и в романтическом изводе русского исторического романа тема русского царя была связующим звеном между историческим и современным социально-политическим бытием. На нее падала огромная идейная и онтологическая нагрузка. В «Юрии Милославском» она, по сути, организовала весь роман. К этой топике обращается и Полевой: «есть пророчество в Цареграде, на гробе Царя Константина написано, что от полунощи изыдет Князь Михаил, и победит все народы; полунощ означает Русь, и в Руси родится Князь Михаил» (I, 163). Выбор в качестве предмета рассказа запорожской вольницы, разрыв с романной традицией использования имперской топике перенес повествуемый мир в «далевую зону» (М. М. Бахтин), что конституировало его как привилегированное место эпической действительности.

На фоне взятых координат русских исторического романа и

повести ярко проявились черты эпопеи. Но в повести Гоголя, как говорилось выше, есть и значительный романтический текст. Его ключевое событие – принятие Андрием дочери ковенского воеводы как своей «отчизны». Отмечу, кстати, что в «Юрии Милославском» соединению героя и его любимой препятствовала измена отца избранницы. Гоголь радикально романтизирует ситуацию: измена героя соединяет его с любимой. Этот романтический колорит мотива «измены» (ср. поэмы Байрона, Рыльева, Пушкина) – достаточное основание для выявления романтического аспекта романного текста повести.

Отправной точкой для этого чтения станет картина всеобщего танца, довлеющая онтологии эпической тотальности: «Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как все отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком» (II, 47). В редакции «Миргорода» за этим следовал переход в романтическую зону повествования: «Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде. <...> Он – раб, но он волен, только потерявшись в бешеном танце, где душа его не боится тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться навечно» (II, 239).

Естественным контекстом для этого высказывания повествователя является статья «Скульптура, живопись и музыка» (1834), наследующая эстетике немецкого романтизма. Как известно, программные тексты Вакенродера и Тика художественно выразили положение о субстанциальном начале, присутствием искусству музыки. Отметим, что везде в подобных случаях у этих романтиков встречается один и тот же мотив – отделение души от тела. Она, как у Гоголя, «возносится».

Однако у немецких авторов эстетическая декларация воплощена в сюжете: речь идет о восприятии действительного концерта, и высказывания повествователя или персонажа таким образом фабульно мотивированы; кроме того, они непосредственно касаются того предмета, который в данном случае больше всего интересует эстетика-романтика, то есть музыки. В повести Гоголя романтический топос «музыка» становится структурообразующим принципом для частей повествования совсем иного рода. То, что происходит в повести, можно было бы определить так: связанная с темой музыки романтическая риторика «уходит в стиль». Проявляется это в том, что по образцу гармонического звука начинает

строиться описание и, вообще, зрительные образы. Между таким художественным решением и гоголевской статьей 1834 года связь очевидна. В соответствии с ее концептуальным рядом описание подчиняется структуре длительности. Генетически эта длительность есть «музыка» [13].

Таким образом, за счет структуры зрительных образов повествователь ведет в подтексте «музыкальную» линию. И здесь важно отметить, что, когда эта линия выражена эксплицитно, она связана с сюжетным движением Андрия. Если воинский путь Остапа представлен в суровом эпическом тоне, то об Андрии повествователь высказывается романтически: «Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей <...> Бешеную негу и упоенье он видел в битве» (II, 65; «потому что нигде воля, забвение, смерть, наслаждение не соединяются в такой обольстительной, страшной прелести, как в битве», комментирует повествователь «Миргорода», II, 251). Воля к смерти и забвение в наслаждении составляют оргиастическую суть музыки, которую Андрий слышит в битве. Слышит Андрий (выйдя из подземелья) и настоящий «вакенродеровский» орган.

Тут нужно вернуться к статье «Скульптура, живопись и музыка». «Слыша музыку», пишет эстетик «[дух превращается] в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела» (VI, 22) [14]. Сквозь все варианты мотива — вакенродеровский, статьи Гоголя, повествователя «Миргорода» — проходит одна смысловая нить: стремление вырваться из плена или собственно выход из него. То есть полагание ценности в трансцендентном.

Андрий выходит из границ, предписанных ему тотальностью его мира, принимая как «отчизну» польскую панночку. Но ведь это и есть полагание ценности в трансцендентном, вдобавок сильно коннотированное неоплатонизмом. «Что такое любовь? — Отчизна души» (VI, 9), говорит Платон в гоголевском апологе «Женщина». Красавица Алкиноя составляет подоснову женского образа «Тараса Бульбы» [15]. Уподобление Алкиной эфиру, «по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь в бесчисленных лучах, коим и имени нет на земле» (VI, 9), — стихии, посредствующей между Единым-Солнцем и Землей, — делает возможным ее мифологизацию в образе Мировой Души, «музыкального» Зевса-Загрея, являющегося принципом перехода между трансцендентным и имманентным [16]. В своей любви Анд-

рий исступает из своих императивных границ в трансцендентальное бытие.

И здесь я должен обратиться к третьему вопросу, поставленному в начале раздела, — удалось ли Гоголю наделить фольклорно-эпический слой повести сущностными качествами героической эпопеи. Если рассматривать главные конститuentы жанра, то каждый раз требования оказываются соблюдены (исчерпывающе эта тема обобщена в «Поэтике Гоголя» Ю. В. Манна). Вопросы может вызвать только безусловное отношение автора «Тараса Бульбы» к преданию, но, как и всякое отношение в пределах традиции, это проблема герменевтическая. Здесь я ограничусь только указанием на нее. Иными словами, в той мере, в какой Гоголь наследует народной культуре, он безусловно творит в жанре героической эпопеи. Следует прибавить еще один аргумент, в истоке философский. Д. Лукач пишет: «у Гомера трансцендентальное начало прочнейшим образом вплелось в земное существование, а его неподражаемость как раз и основана на умении сделать это начало вполне имманентным» [17]. Я приведу два известных примера из эпического слоя повествования. Первый: «И понеслась к вышням Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру» (II, 111). И второй: «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. “Садись, Кукубенко, одесную меня! — скажет ему Христос, — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь”» (II, 112). Все это происходит в той же плоскости, что и сама битва. Здесь есть вертикаль, но нет разделений, кроме разделений на богов и героев. Гоголевским запорожцам чужды любые мистические умозрения, кроме открывающихся им в бою, а в бою, где рядом жизнь и смерть, стоят рядом герои и ангелы. Это фольклорная вера, о которой лучше всего скажет сам Гоголь: «Они обращаются к богу, как дети к отцу; они вводят его часто в быт своей жизни с такою невинною простотою, что безыскусственное его изображение становится у них величественным в самой простоте своей. От этого самые обыкновенные предметы в песнях их облекаются невыразимую поэзией, чему еще более помогают остатки обрядов древней славянской мифологии, которые они покорили христианству. Часто тоскующая дева умоляет бога, чтобы он засветил на небе восковую свечку, пока ее милый перебредет через реку Дунай» (VI, 96). И опять-таки, в той мере, в какой

Гоголь наследует народной культуре, он сохраняет и этот имманентизм трансцендентального. В таком контексте даже пророчество Бульбы о своем царе в русской земле (II, 137) не становится грубо функциональным, как у Загоскина и Полевого, а являет то же торжество имманентизма. Бог, Христос, ангелы, герои, царь — все это находится в одном ряду и в одной области — «далевой зоне» эпоса. Кстати, травестия сюжета крестной смерти Христа в казни Бульбы и травестия таинства причастия («я знаю, что меня заживо разнимут по кускам и что кусочка моего тела не оставят на земле», II, 286, редакция «Миргорода») приобщают эти мистические сюжеты тому же миру эпической тотальности.

Таким образом, конфликт романа и эпопеи в «Тарасе Бульбе» — это конфликт трансцендентализма и имманентизма. Впрочем, этот трансцендентализм все-таки особого рода. Это скорее дионисийство, чем неоплатонизм. Через волю к смерти и забвение в наслаждении герой преобразует свою телесную оболочку и рвется к небу, не испустая из границ тела.

2

О двух Иванах подчинено сатирическому заданию, то есть выявлению «вопиющего отсутствия» идеала («некоего высшего начала») в предмете обличения [18]. Рассказчик в таком повествовании может или стать предметом сатиры («Современная идиллия» Щедрина), или, напротив, сам становится обличителем (сатиры Кантемира). Нейтральная позиция исключается; авторская энергия осмеяния вынуждает повествователя определиться относительно повествуемого мира именно через порядок сатирического его видения.

Это предполагает в повествователе известную личностную целостность. Он не может одновременно издеваться над своим предметом и воспевать его (если это случается, вступает в свои права «двуголосое слово» сатиры [19]). Какой-либо третий эмоциональный настрой повествователя касается всегда «какого-то другого» мира, нежели осмеиваемый (сентименталистские элементы в «Путешествии из Петербурга в Москву»). Мир этот, как правило, является идеальным в смысле сатирического противопоставления.

Предполагается эта личностная целостность и в повествователе гоголевской повести о двух Иванах. Различие в тональностях собственно текста повести и ее эпилога принято объяснять тем, что рассказчик за то время, когда он отсутствовал в Миргороде,

претерпел нравственную эволюцию и принадлежит теперь «среде высоких мыслей» [20]. Этого объяснения было бы вполне достаточно, если бы сама история была вполне однородна. Между тем это не так.

Неоднородность, о которой идет речь, наиболее ощутимо проявляется в неопределенности временной позиции повествователя. Начинается повесть с такого приближения повествователя к повествуемому миру, которое предполагает полное слияние последнего с моментом рассказа. Рассказ, начатый таким образом, должен разворачиваться по мере того, как происходят события. Так, в известном смысле, и есть. Перфект соответствует продвижению событийного ряда после момента ссоры («Шушукала, шушукала проклятая баба и сделала то, что Иван Иванович и слышать не хотел об Иване Никифоровиче», II, 190), плюсквамперфект — событиями, имевшим место до ссоры («Антон Прокофьевич не имеет своего дома. У него был прежде, на конце города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам», II, 211). Но сам момент ссоры относится повествователем к прошлому по отношению к моменту рассказа: «Когда я услышал об этом, то меня как громом поразило! Я *долго* не хотел верить: боже праведный! Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем!» (II, 188–189). То есть рассказ продолжается и, самое главное, начат, уже после того, как два героя поссорились. На это дано и более точное указание: «Иван Никифорович лежит весь день на крыльце <...> В прежние времена зайдет, бывало, к Ивану Ивановичу» (II, 178). На фоне этой информации о случившемся, «исподтишка» предоставленной читателю уже в I главе, апология двух друзей звучит более чем странно, тем более, что буквально страницей выше последней процитированной фразы повествователя стоит: «Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, каких свет не производил» (II, 177). А еще страницей выше дана и относительно точная временная локализация события рассказа: «Боже, как летит время! уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел» (II, 176). «Тогда» здесь очевидно относится к дням накануне ссоры. При этом о самой ссоре рассказано только во II главе, уже после того, как в рассказе повествователя возник описанный здесь алогизм.

Элегическая тональность последнего процитированного высказывания повествователя предполагает, что с самого начала повествователь ведет речь о событиях давно прошедших дней. Пос-

ле этого остается только предположить, что весь рассказ ведется в том же времени, что и эпилог: «я двенадцать лет не видал Миргорода» плюс «Назад тому лет пять я проезжал чрез город Миргород» (II, 218). Но это означает, что если рассказчик и пережил за это время нравственную эволюцию, то для объяснения неоднородности рассказа она недостаточна. Личностная гетерогенность субъекта повествования должна получить и иное объяснение.

При описании жанровой природы повести Гоголя нельзя, при всем несовпадении поэтик произведений, игнорировать контекст романа В.Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825), из которого Гоголь заимствовал ряд мотивов [21]. Роман Нарезного был для Гоголя почему-то важен, если он счел нужным сохранить даже имена пары друзей-Иванов, однозначно указав, в каком контексте должна читаться его повесть.

В романе Нарезного среди прочих пороков осмеивается низкая «страсть к позыванью» [22], которую не может победить не просвещенная рассудком природная добродетель героев. Проще говоря, вздорность соседа. Главным источником комического при этом является логика «позывающегося». По мысли автора, порочна именно логика, подсчитывающая и измеряющая нанесенный урон, да еще пускающаяся в казуистические увертки (I, 50). По мысли автора и его резонера пана Артамона, «гораздо удобнее» «поступить по-соседски», возместить мелкий ущерб, нанесенный котом или кроликами и зажить в мире и ладу, наслаждаясь процветающим хозяйством. Как говорит Харитон, «не могли ль и мы сие родовое поместье привести в такое же цветущее состояние? О позыванье, проклятое позыванье!» (III, 54).

У Гоголя все иначе. Нет, прежде всего, бесчисленных побоев, поджогов и разоренных усадеб. Нет и казуистической логики. Логика «позова» Иванов совсем другая. У Ивана Никифоровича это логика примышления к делу посторонних аргументов: «Притом же онный, часто поминаемый, неистовый дворянин и разбойник, Иван, Иванов сын, Перерепенко, и происхождения весьма поносного: его сестра была известная всему свету потаскуха и ушла за егерскою ротою <...>» (II, 201). Такая логика, будучи источником комического, не становится сама по себе объектом сатиры, как не становятся им и домыслы Ивана Ивановича о готовящемся поджоге. В центр дела, как это всегда отмечается в критической литературе, ставятся «чин и фамилия» (как пишет Довгочух. «называющий себя дворянином, Иван, Иванов сын, Перерепенко», II, 200) в их канцелярском бытовании: «Доказательством

же дворянского моего происхождения есть то, что в метрической книге, находящейся в церкви *Трех Святителей* (курсив авторский – С.О.), записан как день моего рождения, так равномерно и полученное мною крещение» (II, 197). Спор о том, кто из героев «настоящий» дворянин, утопает в чернилах метрических записей, страсть к которым Ивана Ивановича (это, кажется, нигде специально не отмечалось) сродни страсти к «надписям над бумажкою с семенами: “Сия дыня съедена такого-то числа”» (II, 175). Перерепенко – близнец позднейших гоголевских маниакальных каллиграфов. Так продолжилась открытая в «Шпоньке» тема «мертвой буквы» [23].

Повесть о ссоре двух Иванов близка повести о Шпоньке не только тематически (имея в виду указанную тему, кодированную на уровне имплицитного автора). Подобны они и в отношении событийной организации повествования. В сравнении с авантурным сюжетом Нарезного, можно сказать, здесь вовсе ничего не происходит. Основные события сюжета таковы: вздорная ссора, подстрекательство Агафьи Федосеевны, эксцесс с гусиным хлебом, кража бумаги свиньей. Но ссора не заканчивается побоями, разрушение хлеба не влечет ответного поджога, а о виновнице кражи городничий говорит так: «В таком случае, если вы не хотите представить ее в полицию, то пользуйтесь ею, как вам угодно» (II, 206; это очень похоже на: «замолчал, рассуждая, что, может быть, и в самом деле тетушке так только показалось», I, 185). Все четыре события находят завершение в «позове», который лежит сперва в шкафу миргородского, затем в шкафу полтавского (локусы те же, что и у Нарезного) судов десять, потом еще двенадцать лет... В этом лежании и состоит сюжетное движение. Событие вновь становится «нулевым положением», статус события получает случайность, которая семантизируется на уровне сатирика как мелочь быта, что отчетливо видно на фоне велеречивости повествователя.

В таком случае, собственно, не важна становится сама тяжба. Сатирик выступает обличителем описанного быта. И здесь снова важно соотнесение с контекстом романа Нарезного, поскольку Гоголь разрушает все позитивные ценности, противопоставленные резонерами «Двух Иванов» «сему истому порождению ада» – тяжбе (I, 23). Он делает это, уже поссорив цару Иванов, которые у Нарезного до конца оставались верными друзьями и, так сказать, возобновились в паре сыновей, отправляющихся в войско служить Отечеству. Мотив дружбы Иванов настойчиво акцентируется Нарез-

ным: «От самых отроческих лет до полуседых усов мы были друзья, и надеемся, что останемся друзьями до опущения в могилы» (I, 16). «Лет около десяти перед сим мы, оба Ивана, покойно жили в хуторах своих, занимаясь в простые дни сельским хозяйством, а праздничные проводя за горшками варенухи в диспутах философических; ибо, да будет вам известно, мы не хуже в свое время отличались в селе Горбылях на крылосе» (I, 25). Гоголь осмеивает и «трогательные знаки дружбы» (II, 188), и хозяйственные занятия (ключи от «большого сундука»), и буколическое житье (самовар «в прохладе» пруда), и даже пение «на крылосе» (набожность Ивана Ивановича). Гоголь воспользовался просветительским мотивом мужской дружбы, чтобы, расколов ее, взорвать весь мир рационально и любовно выстроенного быта. Резонер Артамон Зубарь говорит о двух Иванах: «я и жена моя совершенно довольны были их взаимною дружбою, домостроительством и миром, в семействах их господствовавшим» (II, 65). Гоголь недоволен ни пошлой дружбой, ни пошлым домостроительством, ни пошлой ссорой. Отобрав у мотива службы Отечеству его роль высшей ценности (инвалид Петр Федорович осмеян наряду с прочими миргородцами), сатирик лишил высокие устремления всякой опоры в этом мире. Если бы не контекст «Миргорода», можно было бы в известном смысле говорить об авторском цинизме.

Здесь можно подобрать ключ к причинам неоднородности повествования. Она ведь состоит не только во временной неопределенности повествования и ее следствиях для оценки рассказчиком повествуемого мира. Важное значение имеют и своего рода «лирические отступления». В повествуемом мире, как и в мире «Шпоньки», есть какая-то неопределенная надежда на поэзию. Прочитую только одну из поэтических картин: «белые стены домов, охваченные лунным светом, становятся белее, осеняющие их деревья темнее, тень от дерев ложится чернее, цветы и умолкнувшая трава душистее, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно со всех углов заводят свои трескучие песни» (II, 191). Трудно согласиться с Г. А. Гуковским в том, что подобные «оттенки произвольны и в художественном отношении случайны» [24]. Напротив, если мы уже пришли к выводу, что время рассказа и время эпилога совпадают, следует во всех проявлениях неоднородности повествования, во всех отклонениях от образа пошлого рассказчика видеть целостную систему. Центр ее — эпилог с его романтическим ландшафтом: «Какая-то ненатуральная зелень — творение скучных, непрерывных дождей — покрывала жидкою

сетью поля и нивы, к которым она так пристала, как шалости старику, розы – старухе. На меня тогда сильное влияние производила погода: я скучал, когда она была скучна» (II, 218). Описание, достойное охлажденного сердца. Последняя его фраза – точная цитата из повести О. М. Сомова «Вывеска» (1828): «Дурная погода производит на меня весьма сильное нравственное впечатление: она совершенно владеет моим нравственным расположением. То, что в ясный день забавляло бы меня и смешило, в пасмурный и дождливый выводит из терпения»[25]. Зачин, который у предромантика вылился в чувствительную историю, у «позднего» романтика стал итогом сюжета сатирического гротеска.

И в этом сюжете поэтические порывы лишены всякой надежды на продолжение. Описание спящего Миргорода («я бы изобразил») заканчивается репликой рассказчика: «Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилуо в руке. Столько на лице у него было написано разных чувств!». Апелляция к живописному дару занимает важное место в риторике повествователя «Повести о том...». У Нарезного имена великих художников призывались, когда требовалось изобразить «разные чувства» раскаявшегося Харитона Занозы: «Попытай, кто хочет и надеется, верно изобразить взор и движение, обнаруженные тогда паном Харитоном!» (III, 143). Но у Гоголя надежды на сентименталистское разрешение коллизии нет. Поэтический порыв есть некая неотъемлемая способность повествователя, для которой, однако, он не находит, или, вернее, не ищет применения в повествуемом мире. В этом также можно было бы предположить некоторый цинизм или, по крайней мере, романтическое «охлаждение».

И это дает основания говорить еще об одном, почти современном написанию повести Гоголя, контексте – «новой манере» О. И. Сенковского, выработанной им в 1832–1833 гг. Войкая фельетонность барона Брамбеуса основывалась на том же принципе вышибания всяческих опор из-под всего высокого, поэтического, привычно любимого. Правда, за этим всегда неизбежно следовала мораль, апеллирующая к верноподданническим чувствам и здравому смыслу, но оказывалось так, что верноподданный (кроме автора) мог в любую минуту обернуться вольнодумцем, а здравый смысл – глупостью. В кривлянье пошлой маски рассказчика повести Гоголя можно найти достаточное число аналогий повествовательной манере Брамбеуса. Ср. начало повести об Иванах с началом «очерка» Сенковского «Моя жена» (1833): «Я человек

самый счастливый в свете. Как хорошо я живу с моей женою!.. Как нежно я люблю ее, как уважаю!.. Да как и она меня любит!.. Вы не можете себе представить. Правду сказать, мы и достойны этой обоюдной любви: мы друг с другом так вежливы! так учтивы!.. так умно ведем себя одни в отношении к другому!.. Во-первых, мы никогда не спорим. Когда я вздумая спорить, то иду играть в бостон с приятелями; когда она почувствует в себе припадок сварливости, то бежит в Гостиный Двор торговаться. И потом мы возвращаемся домой, и сидим рядком на диване, тихо, смирно, дружелюбно, как голубчик на гнезде с своею голубкою! Не жизнь, а отрада!

И подумайте, что мы уже лет двадцать питаемся этим счастьем!.. Мы даже страх как утучнели от счастья» [26].

Иногда манеры «шутить» настолько схожи, что можно даже заподозрить аллюзию: «Иван Иванович очень любит, если ему кто-нибудь сделает подарок или гостинец. Это ему очень нравится» (II, 177). Ср. в «Большом выходе у Сатаны»: «В этой зале стоит великолепный престол повелителя подземного царства, построенный из человеческих составов и украшенный, вместо бронзы, сухими летучими мышами. Это должно быть очень красиво» (I, 385). Или, у Гоголя: «Не могу вам сказать наверно, о чем они говорили, но должно думать, что о многих приятных и полезных вещах, как-то: о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах» (II, 210). В повести Брамбеуса «Незнакомка» (1833): «Прежние наши гости, вновь выходившие русские книги, были вообще особы хорошего тона и строгих правил: все толковали о нравственности, о приличиях, о висте, о пунше, о прекрасном, о трех единствах – ну, словом, о делах важных» (I, 373). Логика комического здесь одна и та же – каламбур, подмигиванье, глупая ремарка – ср. у Гоголя: «Я, признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки их так созданы, или носы наши ни на что не годятся» (II, 190). Это легко спутать с шуткой Брамбеуса, ср. «По-настоящему, не следовало бы позволять огненным глазам жить подле дороги, по которой проезжают женатые люди. Это большое злоупотребление, и беспорядок этого рода особенно примечателен в Сицилии. У нас он не существует» [27].

Можно не ставить здесь вопроса о влиянии, хотя бы датировка и допускала это. Литературные позиции писателей-современников могли совпасть в известных точках в силу общего контекста. И важно здесь именно это совпадение. Начиная с депоэтизации Малороссии усилиями кавцелярской эпохи: «Лучше отправлюсь

в Малороссию; посмотрю на отечество стряпчих и повытчиков: должно быть любопытно видеть канцелярские гении в пеленах, еще ползающие по грязному полу и, младенческой ручкою, рисующие на песку первые черты будущего чернильного крючка. Хочу упоиться поэзиею подъячества» [28]. И заканчивая окончательной утратой смысла человеческого бытия: «Вода смыла с лица земли последний след глупостей и страданий нашего рода, и я не имею права нарушать тайны, которою сама природа, быть может для нашей чести, покрыла его существование» [29]. В логике гоголевского фигляра отразилась эта утрата смысла: «Возьмите часы, откройте их и посмотрите, что там делается! Не правда ли, чепуха страшная?» (II, 209). Механизм часов, традиционное уподобление гармонии вселенной в рационалистическом мышлении, оказывается «страшной чепухой». Соответственно, у Брамбеуса «страшной чепухой» оказывается гармония вселенной: «Не моя же вина, если природа играет так, что из ее глупых шуток выходит, по грамматике Шампольона, очень порядочный смысл!» [30].

Разница, очевидно, в том, что Брамбеус шутит, судя по контексту, всерьез, а у Гоголя эти шуточки — мучительное кривлянье повествовательной маски. Мучительное, потому что маску эту надевает на себя повествователь-романтик, обнаруживший себя в I главе (благодаря структуре повествовательного времени) и снявший маску в эпилоге.

Всю ситуацию в целом приходится интерпретировать так, как если бы повествователь-романтик эпилога, отделенный от Миргорода временной и ценностной дистанцией, взялся представить его сатирический образ и с этой целью обрядился в маску пошляка, тем более мучительную для него, что это фиглярство обнажило и его собственные утраты: неприложимость к миру его способности к поэтическому видению, неприложимость к миру ценностей его мировоззрения: «И этот человек, образец кротости, который ни одну нищую не пропускал, чтоб не расспросить ее, выбежал в ужасном бешенстве. *Такие сильные бури производят страсти!*» (II, 218). Издевка над идеей «страсти» показательна. Это романтизм, доведенный до высшей точки, где он убивает себя как мировоззрение. Отсюда понятны и точечные совпадения с литературной позицией Брамбеуса. Чувство утраты смысла мира оказалось общим и одновременным (хотя, конечно, это были два разные чувства).

Но что такое сатира с позиций разочарованного романтика, для которого ни одна ценность романтического мировоззрения уже

не является ценностью? Это ситуация, в которой выявление несоответствия действительности идеалу равно выявлению отсутствия идеала. Романтик сохраняет в культурной памяти идею «некоей высшей ценности», но он отчужден от нее. Парадоксальная сатира с такой подвешенной в воздухе позиции — поистине «смех сквозь слезы» «уже охладевшего сердца».

Осталось проинтерпретировать последнюю реплику повести, отделенную от абзаца знаком тире. Этот знак по нормам 20-30-х гг. использовался для выделения относительно самостоятельных композиционных блоков, при смене темы, при переходе от повествования к рассуждению и т.п. В данном случае, благодаря финальному обращению («Скучно на этом свете, господа!»), новый композиционный блок воспринимается как смена уровня — как переход от уровня повествователя к уровню фиктивного автора (у Марлинского в «Вечере на Кавказских водах в 1824 году» аналогичное «Покойной ночи, господин читатель!», отделенное знаком абзаца). Вместо морали благонамеренного литератора (или вместо очередного гэта шута) в этом переходе дано предельно простое и прозаическое обобщение, как бы отказывающееся от всех романтических претензий в констатации неромантичности «света». С этой позиции (в основе своей реалистической) должно оцениваться неблагополучие мира.

Учитывая все сказанное о повествовательной структуре повести Гоголя, можно интерпретировать ее жанр как парадоксальную сатиру «отчужденного» романтика. На уровне имплицитного автора вся конструкция получает реалистический смысл.

3

Я проследил неоднородность нарратива в двух повестях «Миргорода» и пришел к выводу, что в обоих случаях эта неоднородность не была случайной, а входила в авторское задание построения картины повествуемого мира. Через эту призму оказалось возможным увидеть жанровые трансформации текста. Оказалось, что трансформация жанра — сущностная характеристика гоголевской поэтики. Жанр его повести создается трансформацией исходной модели или противоречивым сочетанием разных моделей. При этом очевидно, что в основе этих трансформаций лежит прием сдвига нарративной маски. Следовательно, прием сдвига нарративной маски — также конститутивная черта гоголевской поэтики.

Однако очевидно, что в «Миргороде» он меняет функцию по сравнению с «Вечерами...» [31]. В «Миргороде» его основная зада-

ча – противодействие жанровому канону, замена парадигматики парадоксальной синтагматикой. Это уже шаг в сторону реалистической поэтики [32]. Я понимаю здесь реализм в том проблематизированном смысле, который придан термину его историей в последнее столетие – как преодоление канона с целью построения проблематичного и парадоксального художественного мира, долженствующего моделировать проблематичность и парадоксальность всякой недискурсивной действительности.

Говорить же о «шаге» в сторону реализма приходится потому, что на известном уровне «неисправляемые противоречия» все же снимаются. Лирическая проза «Тараса Бульбы» создает вектор, определяющий тенденцию развития смысла. Глубоко личный лирический пафос – уровень синтеза расходящихся смысловых и образных пучков. Вопрос в том, соответствует ли этот синтез реалистическому принципу уловления потенций самой действительности. Я бы ответил на этот вопрос положительно, признав, таким образом, что поздняя редакция «Тараса Бульбы» вместе с более ранней «Повестью о том...» занимают в гоголевской эволюции то же место, что и реалистические «Мертвые души».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 177.

2. Из недавних работ, посвященных этой теме, следует отметить статью: Тмарченко Н. Д. Автор, герой и повествование (к соотношению «эпопейного» и «романного» у Гоголя) // Поэтика русской литературы. – М., 2002.

3. Лукач Д. Теория романа // Н. Л. О. – М., 1994. – № 9. – С. 28.

4. Ушаков В. А. Киргиз-кайсак. Повесть. – М., 1830. – Ч. I. – С. 29.

5. Ушаков В. А. Досуги инвалида. – М., 1832. – Ч. I. Мари-хен. – С. 24.

6. Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или русские в 1612 году. – М., 1829. – Ч. I. – С. 131. Далее в тексте номера страниц по этому изданию.

7. Полевой Н. А. Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XV-го века. — М., 1832. — Ч. I. — С. 221. Далее в тексте номера страниц.

8. Описания замков в романе И. Лажечникова «Последний Новик» (1831) не создают впечатления «этнографизма», но лишь благодаря тому, что руины рыцарских замков с их поэтическим смыслом к 30-м гг. были давно усвоены романтической поэтикой. В русской литературе этому способствовала традиция «ливонских» повестей А. и Н. Вестружневых.

9. Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. — М., 1984 — 1986. — С. 100. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

10. Следует отметить, что в повести Гоголя есть по крайней мере две точных аллюзии на думы о запорожцах: думу о Самойле Кишке (отмечено в: Гуминский В. М. «Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках» // Гоголь: история и современность. — М., 1985. — С. 257) и думу о Ивасе Коновченке (см. «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни, изданные П. Лукашевичем». — СПб., 1836).

11. Лукач Д. Теория романа. — С. 27.

12. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — С. 456.

13. См. об этом подробнее: Овечкин С. Романтическая риторика и гоголевский стиль // Гоголь как явление мировой литературы. — М., 2003.

14. Серьезную эстетическую интерпретацию этого мотива дала М. Н. Виролайнен (*Виролайнен М.* Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы. — М., 2003. — С. 10; см. также: *Виролайнен М. Н.* К вопросу об эстетике Гоголя (1830–1836) // *Studia Slavica Hungarica*. 23. — Budapest, 1977).

15. О единстве текста «красавицы» у Гоголя см.: Бочаров С. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. — М., 2003.

16. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957. — С. 155.

17. Лукач Д. Теория романа. — С. 27.

18. Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 370.

19. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — С. 182.

20. Гукровский Г. А. Реализм Гоголя. М.: Л., 1959. — С. 223.

21. *Машинский С. И.* Комментарий (II, 316).
22. *Нарежный В.* Два Ивана, или Страсть к тяжбам. - М., 1825. - Ч. III. - С. 89. Далее ссылки на это издание в тексте.
23. См.: *Овечкин С. В.* Событие «Ивана Федоровича Шпоньки...» и мир пушкинской прозы // IV Гоголевские чтения. Гоголь и Пушкин. Сб. докл. М. (в печати).
24. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. - С. 222.
25. *Сомов О. М.* Были и небылицы. - М., 1984. - С. 107.
26. *Сенковский О. И.* Собр. соч. В 9 т. Т. 1. - СПб., 1858-1859. - С. 471. Далее ссылки на это издание в тексте.
27. (*Сенковский О.*) Фантастические путешествия барона Брамбеуса. - СПб., 1835 (1 изд. 1833). - С. 271.
28. Там же. - С. 11.
29. Там же. - С. 111.
30. Там же. - С. 262.
31. *Овечкин С.* Гротеск в нарративной структуре цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю. В. Манна. - М., Тверь, 2004.
32. *Hansen-Löve A. A.* Ранний русский реализм // Русский текст. - СПб., 1997. - № 5. - С. 6-7.

Елена Балдина

Новая книга о Гоголе

Владимир Воропаев. «Гоголь над страницами
духовных книг» (М., 2002)

К 150-летней годовщине со дня смерти Н. В. Гоголя по инициативе Фонда по премиям памяти митрополита Макария (Булгакова) в серии «Православные просветители России» издана книга Владимира Воропаева «Гоголь над страницами духовных книг». Имя автора – профессора Московского университета, доктора филологических наук – достаточно хорошо известно по многочисленным публикациям в периодических изданиях, а также по нескольким монографиям, посвященным жизни и творчеству Гоголя. В настоящем издании собраны научно-популярные очерки, написанные в разное время, включая работы последних лет, но все они объединены общей идеей – раскрыть писательский облик Гоголя в непосредственной связи с его духовными устремлениями, с христианским миропониманием и с русской православной церковной и культурной традицией. Как отмечает автор очерков в своем предисловии к книге, «только в этом случае» гоголевские произведения «начинают раскрываться перед читателем, помогают ему осмыслить и свою жизнь, и духовный путь России», а «сама личность Гоголя также приближается к нам».

Книга состоит из двух тематических разделов. В первый вошли работы, затрагивающие наиболее дискуссионные либо малоизученные вопросы биографии писателя: «Подданный русского царя. Гоголь и Государь Николай Павлович», «Чей удел на земле выше. Сватался ли Гоголь к графине Виельгорской?», «Во Святом Граде» (в этом очерке детально воспроизведена история паломниче-

ства Гоголя в Святую Землю, к святыням Иерусалима), «Да будет воля Твоя. *О причинах смерти Гоголя*» и др. Немалый интерес для исследователя представляет изучение круга знакомств Гоголя, поскольку по сей день о ближайшем окружении писателя, особенно в последнее десятилетие его жизни, известно немного. В очерках «*Московские друзья Гоголя*», «*Гоголь и отец Матфей*», «*В сердце полученный урок*» на основании обширного документального материала подробно освещены взаимоотношения Гоголя с графом Александром Петровичем Толстым и графиней Анной Георгиевной Толстой, с ржевским протоиереем Матфеем Константиновским, с семейством Хомяковых. Безусловным достоинством этих работ является убедительная попытка автора опровергнуть бытовавшие в течение многих десятилетий предвзятые и несправедливые представления о личности и роли в жизни Гоголя графа Толстого и особенно духовного отца писателя — священника Матфея Константиновского.

Второй раздел книги составляют работы по проблемам поэтики гоголевских произведений. Основной акцент в этой части очерков делается на выявлении в гоголевском художественном мире связей с христианской системой ценностей, с библейской (прежде всего с евангельской) образностью. Это заставляет по-новому осмыслить в первую очередь те сочинения Гоголя, которые большинству читателей знакомы едва ли не с детства и которые нередко именуются хрестоматийными. «Новое об известном» открывается в очерках «Над чем смеялся Гоголь. *О духовном смысле комедии «Ревизор»*», «Будьте не мертвые, а живые души. *О названии поэмы Гоголя*», «Окно в мир евангельских истин. *Пословицы и притчи в поэме Гоголя «Мертвые души»*. В то же время здесь представлены работы, открывающие малоизвестные страницы творческой биографии Гоголя. В первую очередь, это очерк «Последняя книга Гоголя. *Из истории создания и публикации «Размышлений о Божественной Литургии»*. А во-вторых, это своего рода ключи ко всему разделу, определяющие также и его идейно-композиционную структуру: в начале помещена работа «Гоголь над страницами духовных книг», а завершает раздел очерк «Нет другой двери... *Гоголь и Евангелие*». Адекватное прочтение художественных произведений Гоголя невозможно без соотнесения их со святоотеческой литературой, что убедительно продемонстрировано автором книги.

Представленная в книге Владимира Воропаева стройная концепция жизни и творчества Гоголя отчасти продолжает дореволю-

ционную традицию в гоголеведении, не исключая и моментов спорной с ней. Появление такого рода исследований всегда актуально, тем более, что, как отмечает автор очерков, «у многих поколений русских читателей Гоголь был, по сути, отнят». Поставленная ученым цель — «раскрытие духовного облика Гоголя, сына Церкви, глубоко православного русского писателя-классика» — несомненно, достигнута, и, думается, весьма убедительно.

Елена Балдина

Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы

Интерес исследователей к проблемам гоголеведения в последние годы стал особенно заметным и выразился в публикации как новых монографий, посвященных Гоголю, так и регулярных научных сборников. Из последних в первую очередь стоит отметить издаваемые с 1996 года в г. Нежине (Украина) «Гоголевческие студии» (к настоящему времени вышло 12 выпусков), а также три подготовленных и опубликованных в Москве сборника материалов I, II и III Гоголевских чтений, ежегодно проводимых московской Городской библиотекой № 2 им. Н. В. Гоголя. В немалой степени появление новых литературоведческих изданий было закономерным откликом на отмечавшуюся 4 марта 2002 года 150-летнюю годовщину со дня смерти писателя. Именно к этой дате был приурочен новый, третий выпуск «Гоголевского сборника». Первые два выпуска названного издания были подготовлены и опубликованы в Санкт-Петербурге в 1993 и 1994 годах издательством Российского государственного педагогического университета (РПГУ) им. А. И. Герцена, но в связи с известными трудностями внешнего характера выход последующих выпусков «Гоголевского сборника» оказался невозможным. Однако даже после столь длительного перерыва отрадно видеть возобновление, казалось бы, утраченной традиции. «Гоголевский сборник» 2003 года — еще одна плодотворная попытка консолидации сил современного гоголеведения, предпринятая учеными Санкт-Петербурга (РПГУ им. А. И. Герцена) и Самары (Самарский государственный педагогический университет), подготовивших издание и собравших под одной обложкой работы литературоведов разных

регионов России и стран СНГ. Среди авторов сборника – и признанные исследователи, и молодые ученые, начинающие свой путь в науке.

В «Гоголевском сборнике» работы сгруппированы по трем разделам: «Статьи», «Сообщения и материалы» и «Из наследия» (последний раздел представлен впервые публикуемыми архивными материалами с сопроводительными комментариями). В издании отражены практически все направления современных гоголеведческих изысканий. Это, в первую очередь, малоизученные вопросы биографии Гоголя, чему, в частности, посвящено исследование П. В. Михеда (Украина) «*Н. В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (Проблемы изучения)*». В статье украинского ученого затронута тема, по сей день представляющая собой одну из лакун современной науки о Гоголе. Ряд работ, включенных в сборник, отражает актуальный в последнее десятилетие интерес к позднему периоду жизни и творчества Гоголя. Внимание исследователей обращено не только к сугубо частным аспектам поэтики одного или нескольких произведений, как в статьях Е. И. Анненковой «*Споры о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя*», Чернова Д. А. «*Заметки о духовно-назидательных сочинениях Гоголя*», Сапченко Л. А. «*О «Завещании» Н. В. Гоголя*», но и к осмыслению результатов многолетних исследований, включая текстологические, чему посвящена статья В. А. Воропаева «*Гоголь как духовный писатель*».

В связи с наметившейся в последние годы тенденцией изучения творческой эволюции Гоголя как единого целого возникла необходимость выявления «сквозных» тематических векторов, объединяющих ранние и поздние сочинения писателя. Это направление в современном гоголеведении представлено в сборнике статьей М. В. Строганова «*Гоголь: от циклической к линейной концепции истории*», посвященной исследованию категории времени в гоголевских текстах от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Выбранных мест из переписки с друзьями», и сообщением И. Д. Таумова «*Из наблюдений над мотивами драматургии Гоголя*».

Новые пути изучения тех произведений Гоголя, в интерпретации которых сложились определенные традиции, открываются в работах, где авторами сделана попытка внести коррективы в определении жанровой природы текстов – к этой группе можно отнести статьи Н. В. Хомука «*Повесть Гоголя «Тарас Бульба»: от эпического мира – к трагическому*», С. А. Шульца «*Чичиков: Одиссей или Эней? (Об эпическом в «Мертвых душах»*», А. В.

Петрова «Феномен элегической центрации в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»». Нельзя, однако, не отметить, что исследования подобного рода обнаруживают очевидную проблему корректного использования имеющегося на сегодняшний день терминологического арсенала.

Немалая доля опубликованных в сборнике работ посвящена изучению интертекстуальных связей гоголевских произведений в самых разных ракурсах – это статьи В. Ш. Кривоноса «Еврейский сюжет в повести Гоголя «Тарас Бульба» (к проблеме этноконфессиональных мифов в творчестве писателя)», А. Х. Гольденберга ««Вечный» сюжет у Гоголя и кризисные модели русской литературы» и А. А. Фаустова «Герменевтика повести Гоголя «Портрет»».

Традиционный раздел современного гоголеведения – компаративистские исследования – пополнен в сборнике работами Р. Г. Назирова «Гоголь и английский готический роман», В. Я. Малкиной ««Тарас Бульба» Н. В. Гоголя и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго». Сопоставления и параллели с гоголевскими произведениями в русской литературе XIX и XX веков также нашли отражение в публикациях сборника – это статьи Е. Н. Строгановой ««Бородавка на носу» у Гоголя (Гоголевское слово в «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина)» и Ю. Б. Орлицкого «Крученных и Гоголь (к постановке проблемы)».

Особую ценность для любого историко-литературного издания представляют архивные материалы, и в этом отношении «Гоголевский сборник», к счастью, не исключение: достойным его завершением является подготовленная Н. В. Алдоной публикация тезисов и двух фрагментов статей А. В. Дружинина о Гоголе, хранящихся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства.

В сложившейся на сегодняшний день парадоксальной ситуации, когда очевидный интерес к творчеству Гоголя не только среди историков литературы, но и более широкого круга специалистов в области гуманитарных наук, за немногими исключениями, не поддерживается в должной мере появлением специализированных гоголеведческих изданий, выходящих с желаемым постоянством. Хотелось бы надеяться, что творческая инициатива, принятая авторами и издателями «Гоголевского сборника», найдет живой читательский отклик и будет продолжена.

АНКЕТА «ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДИЙ»

1. Какими были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?

2. Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?

3. Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?

Елена Анненкова

1. Побудили задуматься над тайной гоголевского творчества его современники. Вероятно, в юности я оказалась не готова к восприятию прозы Гоголя: комическое меня не занимало, а религиозно-духовное не могла оценить. Пожалуй, один из первых толчков - реакция аксаковской семьи на «Выбранные места из переписки с друзьями», позволившая увидеть совершенно особое положение в русской литературе не только этой книги, но и всего гоголевского творчества, особенно позднего. Тогда, в семидесятые годы, казалось, что произведения Гоголя достаточно хорошо изучены - почти все, исключая последнюю книгу. А поскольку проблема эстетического и религиозного в их непростых отношениях уже занимала меня, и не только на уровне текста, но и авторской личности, то «Выбранные места» оказались той книгой, которая побудила обратиться к гоголевскому переходу от 1830-х к 1840-м годам, затем - к более ранним произведениям, предвосхищавшим этот переход. Мне кажется, что при всем нынешнем интересе к гоголевской книге, породившем много хороших исследований, суть, тайна пребывания ее в русском обществе не постигнута. Она задела в свое время и задевает до сих пор практически все

сферы как национального, так и общечеловеческого бытия - эстетические, идеологические, конфессиональные; она пробудила исповедальный потенциал русского общества /хотя, как и подлинная исповедь, эта готовность русских читателей исповедально раскрыть себя во многом осталась скрытой, не вышла на страницы печатных изданий/. Удастся ли когда-нибудь собрать и понять эти потаенные, частные, всегда очень личные, пристрастные отклики на гоголевскую книгу?

2. Гоголевская личность. Мне кажется, именно судьба Гоголя неопровержимо свидетельствует, что невозможно изучение литературы только как некой совокупности текстов. Представим себе на минуту, что перед нами "Выбранные места", "Мертвые души" - некие безымянные произведения, дошедшие до нас неведомым путем и не сохранившие никаких сведений об авторе. Это не помешало бы написать немало интересных истолкований, но очень существенная часть смысла сочинения ускользнула бы от нас. Как бы свободно ни перемещались мотивы в культуре, как бы ни проступала в литературе Нового времени мифопоэтическая ее основа, творческое осмысление и переживание мирового культурного запаса всегда будет индивидуальным. Думается, что творчество Гоголя - убедительное тому подтверждение.

Наверное, можно сказать, что личность Гоголя выявила природу духовного развития как такового: духовного религиозно-нравственного становления, впервые осознанного как проблема, в том числе - творческая. Духовное развитие - благодаря опыту Гоголя, той цене, которую он за это заплатил - представало как некая особая бытийная сущность, очертания которой можно представить, вглядываясь в кем-то уже пройденный путь, но невозможно его повторить. Личность Гоголя притягательна сама по себе, но вместе с тем она удивительно "испытывает", выявляет другие личности. Для читателя оказываются интересны не только известные имена /Пушкина, Жуковского и других, в их отношениях с Гоголем/, но и лица, заслоненные известными деятелями культуры /А.С.Данилевский, Ф.В.Чижов, Н.Н.Шереметева, Виельгорские .../ - они все по-новому раскрыты контактом с гоголевским творчеством и гоголевской личностью. Гоголь словно высвобождал в ходе эпистолярного общения с современниками - потаенные возможности и устремления другой человеческой личности. Как известно, он не всегда был снисходителен к тем, с кем общался, но в результате и заставлял другого человека раскрыться, подчас вопреки его собственному желанию.

Дар контекста /если так можно сказать/ - это гоголевский дар, который, при всей душевной закрытости писателя, реализовался на уровне личного общения, но и на уровне общения культур: украинской - русской - итальянской - немецкой. Характер подобного контекста тоже невозможно в полной мере понять, оставаясь лишь в пределах художественных текстов писателя и игнорируя его непосредственное эмоциональное восприятие чужой культуры.

3. Присоединяюсь к Юрию Владимировичу Манну: плодотворность - не в выборе перспективного исследования, а в сосуществовании, во взаимодополнении методов и направлений. Полемика между ними неизбежна, но высокомерное противопоставление одного метода другим представляется не только неоправданным, но и разрушительным для культуры, подрывающим диалогическую ее природу.

Владимир Воропаев

1. Помню, когда я готовился к поступлению в Московский университет и читал работы литературоведов о Гоголе, то был смущен тем, насколько эти писания не соответствуют моему читательскому восприятию его произведений. Потом я понял причину такого несоответствия. Ведь Гоголь был православным христианином, - писали же о нем по большей части люди, в лучшем случае имеющие весьма поверхностное представление о православной духовности. Скорее всего, это и послужило одним из внутренних мотивов моего обращения к Гоголю.

2. Кажется, Иван Тургенев сказал, что Гоголь раскрыл нам (русским) нас самих. Это действительно так. Как, пожалуй, никто из русских писателей, Гоголь показал нам нашу недостаточную духовность. Это и было самым большим моим открытием в Гоголе. «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» - этот завет писателя обращен ко всем нам. Вопросы, поднятые Гоголем, - самые важные в нашей жизни. Поэтому он всегда современен, обращен к каждому из нас.

3. Перспективными могут быть все аспекты (направления) изучения, кроме безнравственных. В науке о литературе, как, впрочем, и во всех явлениях культуры, необходимо применять один критерий оценки сочинений писателя и его личности, данный

Евангелием. Применительно к Гоголю можно сказать, что в этом случае его произведения раскрываются перед читателем по-настоящему, помогают ему осмыслить и свою жизнь, и духовный путь России, крепче утвердиться в вере. Самая личность Гоголя также приближается к нам. Как известно, в литературоведении – и в дореволюционном либеральном, и особенно в советском – творчество и жизнь Гоголя освещались предвзято. Почти никогда не бралось в расчет православное мирозерцание писателя, хотя оно явно проступает в его сочинениях, письмах, свидетельствах современников. За объяснением причин подобного отношения к Гоголю далеко ходить не надо, – тут все диктовала идеология антицерковного характера. Если говорить не об ученых, а о простом читателе, то, открыв том сочинений Гоголя на странице, где помещена его молитва («Господи, спаси и помилуй бедных людей...»), он увидит не что иное как исповедание веры великого писателя и ему станет ясно, что и в других произведениях Гоголя и в его жизни нужно искать соответствия этому исповеданию. Молитва – вещь серьезная.

Владислав Кривонос

1. Мне повезло с учителями. В старших классах литературу нам преподавала замечательная учительница, Мария Андреевна Ковдрашечкина. Ее отличало не только прекрасное знание предмета, но и великолепное чувство юмора. Гоголь был одним из ее любимых писателей. С ее помощью я открыл для себя Гоголя – и с тех пор постоянно читаю и перечитываю его произведения. В Саратовском университете я занимался в спецсеминаре Евграфа Ивановича Покусаева по истории и теории сатиры. Он был не только известным щедриноведом, автором многих книг, к сожалению, не способных передать исключительного обаяния его личности, но и выдающимся педагогом, умевшим привить участникам семинара вкус к исследованию поэтики комического в ее разнообразных формах. Студентам, готовившим доклады на гоголевские темы, он давал из своей библиотеки книги А. Белого и В. Гиппиуса (перезданные только в 90-е годы), ценимые им очень высоко. Под его руководством я написал дипломную работу о Гоголе, которая затем выросла в кандидатскую диссертацию. Главным стимулом был, конечно, внутренний интерес к творчеству Гоголя.

но он счастливо совпал и с внешними обстоятельствами. Не могу не вспомнить и о таком событии, как спецкурс, прочитанный Юрием Владимировичем Манном студентам саратовского филфака в октябре 1970 года.

2. Удивлений было так много, что трудно что-то выделить специально. Самое из них важное имеет для меня очень личный смысл. Иногда постепенно, а иногда и внезапно открывалось, что чтение и изучение Гоголя незаметно перестраивает твою собственную личность. В книге современного автора, философа и литературоведа, я прочитал поразившее меня признание, что в мире Гоголя ему тесно, он в этом мире задыхается, что здесь нет бездны, которую он нашел у Достоевского. Но это не так. В мире Гоголя разверзаются такие бездны, что становится страшно за человека, за участь его души. Но Гоголь и дает надежду — надежду на возрождение человеческого в человеке. Он помогает понять, что душа человека действительно бессмертна, только мы об этом часто забываем или не знаем вовсе. И еще надо сказать о гоголевской самоиронии, позволяющей не принимать себя слишком всерьез. Словом, не заноситься.

3. Не берусь говорить о направлениях вообще. Каждый вправе выбирать то направление, которое отвечает душевному и психологическому складу его личности и представлению о цели научного творчества. Наиболее продуктивными мне кажутся исследования, способствующие адекватному пониманию художественного смысла гоголевских произведений. Примером таких исследований служат для меня работы Юрия Владимировича Манна и Сергея Георгиевича Бочарова. Их значимость становится тем более очевидной, чем активнее заявляет о себе страсть иных авторов к самовыражению и самоутверждению за счет Гоголя. Хотелось бы также назвать работы Аркадия Хаимовича Гольденберга и Сергея Александровича Гончарова, раскрывающие многообразные связи поэтики Гоголя с фольклором и с учительной традицией в культуре.

БІБЛІОГРАФІЯ ЛІТЕРАТУРИ
ПРО ЖИТТЯ І ТВОРЧИСТЬ МИКОЛИ ГОГОЛЯ,
ЩО ВИЙШЛА В УКРАЇНІ 2001 РОКУ

1. *Абрамович С.* Предметний світ у Гоголя // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 110–115.
2. *Адаменко О.* Пріоритет за Миколою Васильовичем? [... «Вечори...» як збірка біоінформаційних ефектів, запозичених з українського фольклору] // Україна. – 2001. – № 6. – С. 51.
3. *Литоневська І.* «Жан Хлестаков работает в «России...»: Деякі штрихи до портрета головного персонажа комедії М. Гоголя «Ревізор» // Зарубіжна література в навч. закладах. – 2001. – № 4. – С. 33–34.
4. *Арват Н. Н.* Об одной особенности в построении текста повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 10–15.
5. *Базилевский В.* З рукопису книги «Образ душі» // Літ. Україна. – 2001. – 14 черв. – № 22. – С. 4. (Гоголь у сприйнятті Розанова.)
6. *Бакіров А. Р.* «Тв смієшся, а я плачу, великий мій друже...»: Про прем'єру п'єси М. Булгакова «Мертві душі» за однойменною поемою М. Гоголя в Чернігів. обл. держ. укр. муз.-драм. театрі ім. Т. Г. Шевченка / Вєсида з режисером-постановником // Десн. правда. – 2001. – 27 жовт.
7. *Бандурка:* Українські сороміцькі пісні для дорослих в записах З. Доленги-Ходаковського, М. Максимовича, П. Лукашевича, М. Гоголя, Т. Шевченка, П. Чубинського, Хв. Вовка, І. Франка, В. Гнатюка / Упоряд. та авт. передмови до розділів М. Сулима. – К.: Дніпро, 2001. – 279 с.
8. *Банзерук О. В.* Вторинна номінація як засіб розкриття ідіостилю письменника (на матеріалі художньої творчості Миколи Гоголя) // Наук. записки / Ніжин. держ. пед. ін-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 25–29.
9. *Барабаш Ю.* Європейське малярство чи візантійський іконопис? (До питання про Гоголеву концепцію християнського мистецтва) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 14–26.
10. *Барабаш Ю.* «Коли забуду тебе, Єрусалиме...». Гоголь і Шевченко: порівняльно-типологічні студії. – Харків: Акта, 2001. – 273 с.
11. *Барабаш Ю.* «Мій бідний протеже або Після Гоголя...»: Порівняльно-типологічна студія // Кур'єр Кривбасу. – 2001. – № 134. – С. 152–174.
12. *Барабаш Ю.* Молог «войовничого реалізму» і ковадло не менш войовничого «грунтівства» (Гоголь. «Портрет» – Шевченко. «Художник») // Сучасність. – 2001. – № 3. – С. 114–131.

13. *Барабаш Ю.* Підтексти «петербурзького тексту» (-их; ів) (Гоголь і Шевченко) // Слово і час. – 2001. – № 3 (483). – С. 31-41.

14. *Барабаш Ю.* Портрет / Автопортрет: кореляції (Гоголь. «Портрет». – Шевченко. «Художник» // Березіль. – 2001. – № 1-2. – С. 157-171. Стаття ґрунтована на одному з розділів розвідки “Гоголь і Шевченко”.

15. «Художник петербурзький!». Гоголь і Шевченко: в єдиній художній простороні // Київ. старовина. – 2001. – № 1. – С. 144-156.

16. *Белая А. С.* Из наблюдений над семантикой хрематоимов в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – Ніжин, 2001. – Філолог. науки. – С. 16-18.

17. *Босак М.* Планета Диканька: Нарисесея // Молодь України. – 2001. – 27 груд. – С. 4. Початок і продовження: 4, 6, 7, 11, 13, 14, 18, 20, 21, 25 груд.

18. *Василевський П.* Микола Гоголь – уперше українською. . . де, коли? (До 150-річчя виходу «Тараса Бульби») // День. – 2001. – 16 лют. – С. 8.

19. *Воропаєва Т.* Гоголь як психолог // Українознавство. Календар-щорічник. – 2002. – К., 2001. – С. 174-176.

20. *Гайда Л.* «Тарас Бульба» у пам'ясах і фіордах (Аргентинські та норвезькі оперні інтерпретації «Тараса Бульби») // Критика. – 2001. – Число 7-8 (Липень-Серпень). – С. 13-16.

21. *Гамаль Л.* Нездійснена мрія Миколи Гоголя [Плани переїзду до Києва] // Вітчизна. – 2001. – № 7-8. – С. 93-96.

22. *Гетман Л. И.* Афористические антропимы Н. В. Гоголя как объект современной лексикографии // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 5-9.

23. Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии. Вип. 7 / Відп. ред. П. В. Михед. – Ніжин, 2001. – 183 с. – (Ніжин. держ. пед. ун-т. Гоголівський науково-методичний центр).

24. *Голобородько Я.* В ореолі інтелектуальності. Есе про Дмитра Овсяннико-Куликовського [в т. ч. як дослідника творчості Гоголя] // Вітчизна. – 2001. – № 7-8. – С. 132-139.

25. *Гуменюк В. І., Коваль С. Й.* Взаємозв'язок музики та літератури. Образ Тараса Бульби в повісті М. В. Гоголя та опері М. В. Лисенка [Розробка інтегрованого уроку (зарубіжна література – музика)] // Все для вчителя. – 2001. – № 34. – С. 7-10. Вкладка.

26. *Дениско Н. М.* «Травнева ніч, або Утоплена» М. Гоголя. Урок-подорож. 5 клас // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 2001. – № 1. – С. 31-32.

27. *Дзира Я.* Зановіт великого українця // Українознавство. Календар-щорічник. – К., 2001. – С. 170.

28. *Смельянова Н. М.* Позитивні і негативні екзистенціали в творчості Сквороди і Гоголя: постнекласичний погляд // Totallogy – XXI: Постнекласичні дослідження. – К., 2001. – Вип. 6. – С. 267-276.

29. *Жаркевич Н.* Біла витоків українського гоголезнавства (Творчість М. Гоголя на сторінках журналу «Киевская старина») // Слово і час. – 2001. – № 6. – С. 53-56.

30. Записки О. О. Смирновой. З передмовою дочки мемуаристки / Переклад з рос. – Хроніка-2000. – К., 2001. – Вип. 44. – С. 357–398.
31. [Дзекун О.] Режисер – істота міфічна: Інтерв'ю з режисером-постановником спектаклю «Брате Чичиков» у Київському театрі ім. Франка / Розмову вела Ольга Макаренко // Однокласник. – 2001. – № 2. – С. 30–31.
32. Зеленський О. Г. Динаміка міфологізації у ранній творчості М. В. Гоголя: постмодерністська інтерпретація: Автореф. дис. . . канд. філол. наук (07. 00. 06). – Дніпропетр. нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2001. – 18 с.
33. Івченко В. «. . . І невидимі йому сльози» [Деякі факти з життя Гоголя, проілюстровані фотографіями] // Науковий світ. – 2001. – № 11. – С. 12–13.
34. Кальченко Н. А. Тест на знання тексту исторической повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Всесвітня література в серед. навч. закл. України. – 2001. – № 2. – С. 26.
35. Кашуба С. І. М. Гоголь. «Мертві душі»: Тести для перевірки знань учнів з творчості письменника // Заруб. літ. в навч. закладах. – 2001. – № 1. – С. 34.
36. Киричок Г. Гоголь і художнє творення історії (сучасні інтерпретації) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 137–143. – Рец. на книги: Зарецький В. А. Народные истерические предания в творчестве Н. В. Гоголя. История и биографии (Монография) (Екатеринбург; Стерлитамак, 1999, 463 с.); Сенько І. М. Історія у дзеркалі літератури (Ужгород, 2000, 100 с.).
37. Ковальчук О. Страх як проблема українського буття (гоголівська проєкція) Ч. 2 // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 35–50.
38. Коструба М. Правда про смерть Миколи Гоголя. Фрагменти з унікального дослідження лікаря-психіатра Миколи Коструби «Історія хвороби й причина смерті М. В. Гоголя», що вийшло торік у Києві окремим виданням // Літ. Україна. – 2001. – 22 лют. – С. 8.
39. Кривонос В. Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 50–55.
40. Крохмальний Р. Езотеричність метаморфози і лімінальна зона у романтичному тексті (на матеріалі творів М. Костомарова, М. Гоголя, Т. Шевченка) // З його духа печаттю. . . : Збірник наукових праць на пошану І. Денисюка. – Львів, 2001. – Т. 2. – С. 51–58.
41. Кульбицький О. М. В. Гоголь та його твір «Тарас Бульба» // Сівер. літопис. – 2001. – № 1. – С. 106–107. – (Полеміка. Відгуки. Гіпотези).
42. Куценко-Л. Є. Маланюк: загадка двох геніїв // Березіль. – 2001. – № 9–10. – С. 174–176. Про статтю С. Маланюка «Шевченко і Гоголь».
43. Кучеренко О. П. О. Куліш – перший український дослідник життя і творчості М. В. Гоголя // Укр. література в загально освіт. школі. – 2001. – № 1. – С. 45–48.
44. Кучерявец В. Г. Художественный пересказ в формировании навыков художественной коммуникации (на материале повести Н. Гоголя

«Старосветские помещики») // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 22–24.

45. *Луца Ю.* Чаклун із хутора. Публікація Леоніда Череватенка // Київ. – 2001. – № 9-10. – С. 143-147.

46. *Луцький Ю.* Дволикій страдник: Микола – Ніколай Гоголь. Розділ з книги: *G. Lyckyi. The Anguish of Mykola Hohol a. k. a. Nikolai Gogol.* – Toronto: Canadian Scholars Press, 1998/ Переднє слово та переклад Тетяни Михед // Київська старовина. – 2001. – № 4. – С. 137–140.

47. *Луцький Ю.* Навчання Гоголя у Полтаві і Ніжині / Пер. з англ. Т. Михед // Літ. Чернігів. – 2001. – № 16. – С. 107–114.

48. *Лю Хунбо.* Гоголь и Лао-Цзы: диалог идей (некоторые наблюдения) // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 30–37.

49. *Ляхова Ж.* Український лист Миколи Гоголя // Слово і час. – 2001. – № 12 (492). – С. 57–65. Лист Гоголя до польського поета Ю. В. Залеського.

50. *Маланюк Є.* Шевченка і Гоголь / Підготовка тексту і публікація Леоніда Купенка // Березиль. – 2001. – № 9-10. – С. 176–181.

51. *Мафтин Н.* З Україною в серці: шляхи творчої долі Миколи Гоголя // Зарубіжна література. – 2001. – № 6. – С. 31–33.

52. *Микола Гоголь.* Роздуми Мазепи // Українознавство. Календар-щорічник-2002. – К., 2001. – С. 169.

53. *Михед П. В.* Повинки гоголезнавства // Літ. Чернігів. – 2001. – № 16 (Травень). – С. 123–127.

54. *Михед П. В.* Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію // Історія української лінгвістики: Збірник наук. праць. – К.; Ніжин, 2001. – С. 29–32.

55. *Михед П.* Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 5–14.

56. *Мойсей І.* Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та у взаємнення) [«Тарас Бульба», «Страшна помста»] // Зарубіжна література. – 2001. – № 38 (246). – С. 1, 2, 12.

57. *Неборак В.* Про викривлення, а також про Миколу Гоголя, «Тараса Бульбу» і мову порозуміння // Дзвін. – 2001. – № 2. – С. 120–124.

58. *Нещерет Е. И.* Стилистические функции повторов в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжин. держ. пед. ун-т. – 2001. – Філолог. науки. – С. 19–21.

59. Образ Христа в українській культурі / В. С. Горський, Ю. І. Сватко, О. В. Киричок, М. Л. Ткачук, О. В. Аламович, Л. П. Настенко / Нац. ун-т «Киево-Могила академія». Нац. Києво-Печерський історико-культурний заповідник. – К., 2001. – 200 с.: іл. Проаналізовано образ Христа в українській культурі від доби Київської Русі до сьогодення, в т. ч. в творчості низки письменників та діячів культури, зокрема М. В. Гоголя.

60. *Охріменко О.* Найкраще – любов художника до людини (Гофман, Гоголь, Кафка) // Вікно в світ. – 2001. – № 1. – С. 121–125.

61. *Павленко Ю.* Микола Гоголь [1809–1852]. Прозаїк, драматург, публіцист // 100 найвідоміших українців. – М.; К., 2001. – С. 211–220.

62. *Петров В.* Петербурзькі повісті М. Гоголя / Вступ. С. Матвієнко // Література Плюс. – 2001. – Число 6 (31) [Серпень]. – С. 10.

63. *Пионтковская И. Н.* «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя как лингвистическая структура: Тезаурус цвета (постановка проблеми) // Класична спадщина і сучасне художнє мислення: Збірник наук. праць до 60-річчя М. І. Борецького. – Дрогобич-Черкаси, 2001. – С. 169–177.

64. *Краснобаева О. Д.* Поетика раннього Гоголя «Вечори на хуторі біля Диканьки», «Миргород»: Автореф. дис. . . . канд. філолог. наук: 10. 01. 02 // НАН України. Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка. – К., 2001. – 18 с.

65. *Розсоха Л.* Родина письменника (М. Гоголя) і духовництво Миргородщини // Зоря Полтавщини. – 2001. – 30 берез. – № 44–45. – С. 5.

66. *Сапон В.* Гоголівський Плюшкін жив у . . . Новгород-Сіверському [Яків Якович Ігнат'єв] // Десн. правда. – 2001. – 19 трав. – С. 4.

67. *Сапон В.* «На народних піснях викохав свої твори»: З історії встановлення у Ніжині пам'ятника письменнику М. Гоголю // Деснянська правда. – 2001. – 8 верес.

68. *Сергійчук В.* Більшовицька забарена на українство Миколи Гоголя // Українознавство. Календар-щорічник-2002. – К., 2001. – С. 171–173.

69. *Сердюкова Т. Р.* Репродукції картин – не просте ілюстрації до твору, а засіб кращого його осмиєлення: Уроки за повістю М. Гоголя «Тарас Бульба» // Всесвітня література в серед. навч. закладах України. – 2001. – № 10. – С. 18–19.

70. *Сильченко В.* Загадка недуги Миколи Гоголя // Науковий світ. – 2001. – № 3. – С. 24–26.

71. *Симакова Л. А.* «Существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное. . . ». Повесть Н. В. Гоголя «Шинель». 9 кл. // Заруб. літ. в навч. закладах. – 2001. – № 10. – С. 55–58.

72. *Скобельська О. І.* Творчість Миколи Гоголя у літературній критиці Срібного віку // Срібний вік як явище культури: Матеріали міжнар. наук. конф., присвяч. 100-річчю Срібного віку. – Дрогобич, 2001. – С. 77–83.

73. *Скобельская О. И.* «Я брат твой. . . » («духовный пласт повести Н. В. Гоголя «Шинель») // Класична спадщина і сучасне художнє мислення: Збірник наук. праць до 60-річчя М. І. Борецького. – Дрогобич-Черкаси, 2001. – С. 60–66.

74. Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945–2000) / Підготував В. Воропаєв // Гоголезнавчі студії. – Ніжин. 2001. – Вип. 7. – С. 149–160.

75. *Сызько Г. Л.* «Тарас Бульба» в вопросах и ответах-цитатах. Дидактический материал для организации нетекстового, пообразного и других анализов произведения // Всесвіт. література в серед. навч. закладах України. – 2001. – № 2. – С. 16–24.

76. Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева / Публикация, вступительная заметка и примечания В. Воропаева // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 131–136.

77. Україна. Президент (1994-; Л. Кучма). Про вшанування пам'яті М. В. Гоголя: Розпорядження Президента України // Урядовий кур'єр. – 2001. – 18 груд. – № 235. – С. 8.

78. Федоров В. Эстетическая функция контраста в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя // Федоров В. Статьи разных лет / Донец. гос. ун-т. – Донецк, 2001. – С. 83–101.

79. Хомуک Н. Архитектоника лабиринта в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 93–101.

80. Вандишева Н. В. Християнсько-антропологічні мотиви у творчості М. В. Гоголя: Автореф. дис. . . канд. філос. наук: 09. 00. 04 Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2001. – 16 с.

81. Череватенко Л. Гоголіана Юрія Липи // Київ. – 2001. – №9–10. – С. 143–147.

82. Чоботько О. Релігія в розумінні В. В. Розанова і М. В. Гоголя // Сівер. літопис. – 2001. – № 4 (40). – С. 140–142.

83. Шевченко В., Криловець М. Гоголь і географія // Краєзнавство. Географія. Туризм. – 2001. – № 12 (209) (Березень). – С. 1–2.

84. Шульц С. «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 55–70.

85. Якубіна Ю. К истокам страха у Гоголя (нежинский период) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 27–35.

86. Якубіна Ю. Про витоки Гоголевого страху (ніжинський період) // Сівер. літопис. – 2001. – № 3. – С. 101–106.

87. Янушкевич М. Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 2001. – Вип. 7. – С. 115–126.

Підготувала Лариса Гранатович

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001)

Произведения Н. В. Гоголя

1. Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Изд-во Отчий дом, 2001. – 568 с.
Загл. вступ. статьи: Духовная проза Н. В. Гоголя: С. 5–42.
Коммент.: 463 – 564.
Рец.: Споров Б. Новый Гоголь // Новый Век. – М., 2002. – № 2 (23). – С. 17; Якубіна Ю. Поздний Гоголь: Духовная проза // Гоголеведческие

студии. – Вып. 9. – Нижний, 2002. – С. 173–178; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Москва – М., 2002. – № 7. – С. 199–202.

Откл.: *Споров Б.* Знаем ли мы Гоголя? В год 150-летия со дня смерти писателя этот вопрос, как никогда, актуален // Учительская газета. – М., 2002. – 9 апреля. – № 15. – С. 19.

2. Мертвые души. Т. 1 / Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. – М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001.

3. Мертвые души. Т. 2 / Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. – М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001.

4. Мертвые души: Поэма. – М.: Дрофа, 2001. – 320 с. – (Школьная программа).

5. Мертвые души: Поэма /Коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева; Рис. А. М. Лаптева. – М.: Дет. лит., 2001. – 352 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Коммент.: С. 341–351.

Приложения:

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 304–312.

Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 313–318.

Воропаев В. А. <Из книги «Н. В. Гоголь: Жизнь и творчество»>: С. 319–340.

6. Мертвые души: Поэма / Рисунки А. А. Агина и Е. Е. Бернадского. Силуэты Ф. П. Толстого. Примеч. и послеслов. В. М. Гуминского. – М.: Рекламно-компьютерное агенство газеты «Труд», <2001. > – 399 с.

Приложения:

Гоголь Н. В. К читателю от сочинителя: С. 385–387.

Лесков Н. Об иллюстрациях «Мертвых душ»: С. 387–388.

Гуминский В. М. «Мертвые души» в иллюстрациях: С. 390–398.

[Примеч. в тексте.]

Рец.: *Воропаев В.* Гоголь в переводе на живопись // Труд. – М., 2002. – 2 марта. – № 37. – С. 5; *Фаюм Е.* Праздник непослушания. Некоторые аспекты посмертной славы // Книжное обозрение «Ex libris НГ». – М., 2002. – 21 марта. – С. 5.

Откл.: *Неверов А.* Новая жизнь «Мертвых душ» // Труд-7. – М., 2002. – 7 марта. – С. 11; *Воропаев В. А.* Сто рисунков к «Мертвым душам» // Московский журнал. – М., 2002. – № 10. – С. 57 – 60.

7. Мертвые души: Поэма. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2001. – 454 [10] с. – (Мировая классика).

8. Мертвые души: Поэма. «Повести. > – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 544 с. – (Русская классика).

[Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска.]

9. Мистические повести /Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. – М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001. – 407 с.

10. Незданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001. – 600 с.: ил.

Виноградов И. А. Неизвестные автографы Н. В. Гоголя: С. 3–38.

Примеч.: с. 431–590.

Рец. *Воропаев В.* Словесный клад // Лит. газета. – М., 2001. – 4–10 июля. – № 27. – С. 7; *Воропаев В.* Новые тексты Гоголя // Лит. Россия. – М., 2001. – 3 августа. – № 31. – С. 2; *Воропаев В.* Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н. В. Гоголя // Воскресная школа. – М., 2001. – 8–15 ноября. – № 42. – С. 14; То же // Новый Век. – М., 2002. – № 2 (22). – С. 18; То же // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Нижн., 2002. – С. 189–190.

Откл.: *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. – М., 2001. – 2 октября. – С. 21; *Карташов В. С.* «Аптекарский интерес» Гоголя // Фармацевтический вестник. – М., 2001. – 23 октября. – № 31. – С. 23.

11. О благодарности. Неизвестное сочинение Гоголя / Публ., вступ. заметка и коммент. *И. А. Виноградова* // Лит. учеба. – М., 2001. – Кн. 3. – С. 141–148.

12. Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи *И. А. Виноградова*; подгот. текста, коммент. *И. А. Виноградова, В. А. Воропаева*. – М.: Наследие, 2001. – 288 с.

Загл. вступ. статьи: Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка: С. 3 – 57.

[Коммент. в тексте.]

Рец.: *Балдина Е. В.* // Вестник Российского гуманитарного фонда. – М., 2001. – № 4. – С. 196 – 200; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Новый Век. – М., 2002. – № 2 (22). – С. 19 – 20; *Споров Б.* «Ближе к родине небесной» // Московский журнал. – М., 2002. – № 3. – С. 10–11; *Споров Б.* «...Ближе к родине небесной» // Лит. учеба. – М., 2002. – Кн. 3. – С. 218–220; *Чоботько А.* Диалог христианских душ // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Нижн., 2002. – С. 186–188; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Москва – М., 2002. – № 7. – С. 199–202.

Откл.: *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. – М., 2001. – 2 октября. – С. 21.

13. Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. *И. А. Виноградова*. – М.: Издательский Дом Синергия, 2001. – 352 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: От «Невского проспекта» до «Рима»: С. 5–58.

Коммент.: С. 259–322.

Приложения:

Шенрок В. И. Петербургские повести Гоголя: С. 323–329.

Ульянов Н. И. На гоголевские темы. Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга?: С. 329–337.

[Впервые: Новый журнал. – Нью-Йорк, 1969. – № 94.]

Кожин В. В. «О замысле «Шинели»:» С. 337–341.

Виноградов И. А. Биографические сведения о Н. В. Гоголе: С. 341–349.

14. Повести. – М.: Дрофа, 2001. – 256 с. – (Школьная программа).

15. Повести. Мертвые души / Ред.-составитель *Л. Д. Страхова*. – М.: Олимп; ООО. Изд-во АСТ, 2001. – 688 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь: С. 5-16.

Воропаев В. Комментарий: С. 533-588.

Критика: С. 589-680.

16. Повести. Мертвые души / Н. В. Гоголь. - М.: ООО «Изд-во Олимп»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. - 496 с. - (Школа классики). Айхенвальд Ю. Гоголь: С. 5-14.

Воропаев В. Комментарий: С. 434-472.

17. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. - Т. 1 / Подгот. текстов и коммент. И. Ю. Винницкого, Е. Е. Дмитриевой, Ю. В. Манна, К. Ю. Рогова. - М.: Наследие, 2001. - 920 с.

Комментарий: С. 559-899.

Рец.: *Полова И. Л.* // Известия АН. Сер. лит. и яз. - М., 2003. - Т. 62. - № 2. - Март-Апрель. - С. 52-56.

Откл.: *Викторов Е.* К выходу первого тома нового академического полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя // Вопросы лит. - М., 2001. - Июль - Август. - С. 375-377; *Воропаев В.* Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении // Москва. - М., 2002. - Август - С. 223-224.

18. Размышления о Божественной Литургии // Саранские епархиальные ведомости. - Саранск, 2001. - № 4. - С. 57-64; № 5. - С. 43-52; № 6. - С. 35-59.

19. Размышление (так!) о Божественной Литургии. - М.: Живой родник, 2001. - 70 с.: ил. +

От издательства: С. 2.

[Комментарий в тексте.]

20. Ревизор: Комедия с комментарием: Школьникам - для подготовки к урокам литературы. - М.: Стрекоза, 2001. - 188, [2] с. - (Классика для школы).

21. Ревизор. Петербургские повести. - М.: Дрофа, 2001. - 160 с. - (Школьная программа).

[Нос, Шинель.]

22. Собр. соч.: В 8 т. / Сост. О. Дорофеев. - М.: Терра, 1999-2001.

Т. 3. Повести. Статьи из сборника «Арабески». 1835 / Сост., примеч. О. Дорофеева. - М.: Терра - Книжный клуб, 2001. - 384 с.

Примеч.: С. 372-383.

Т. 4. Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены. 1832-1837 / Сост., примеч. О. Дорофеева. - М.: Терра - Книжный клуб, 2001. - 384 с.

Примеч.: С. 370-382.

Т. 5. Мертвые души: Поэма: В 2 т. Т. 1 / Сост., примеч. О. Дорофеева. - М.: Терра - Книжный клуб, 2001. - 384 с.

Приложение:

Короленко В. Р. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе): С. 315-366.

Примеч.: С. 367-382.

Т. 6. Мертвые души: Поэма: В 2 т. Т. 2 /Сост., примеч. О. Дорофеева. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – 384 с.

Приложение:

Розанов В. В. <Глава из книги «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского»:> С. 247–252.

О Гоголе (Приложение двух этюдов): С. 252–270.

Гоголь: С. 270–276.

Мережковский Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия: С. 277–372.

Примеч.: С. 373–383.

Т. 7. Статьи. 1836–1837; Выбранные места из переписки с друзьями; Не напечатанное при жизни и незавершенное. 1840-е годы / Сост. О. Дорофеева; Примеч. Ю. Манна. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – 384 с.

<Приложение:>

Анненский И. Ф. Проблема гоголевского юмора: С. 335–351.

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье: С. 351–361.

Примеч.: С. 362–382.

Т. 8. Письма /Сост. О. Дорофеева; Примеч. М. Громова. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – 384 с.

Приложение:

Набоков В. Николай Гоголь: С. 274–353.

Примеч.: С. 354–380.

23. Тарас Бульба: Повесть /Вступ. статья В. Воропаева; Комментар. И. Виноградова; Худож. Е. А. Кибрик. – М.: Дет. лит., 2001. – 188 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской: С. 5–12.

Коммент.: С. 167–188.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

24. Абрамовских Е. В. Рецепция незавершенной прозы А. С. Пушкина в русской литературе XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.

Воплощение пушкинских замыслов (Гоголь): С. 17–18.

25. Авдеев Д. А. Депрессия как страсть, депрессия как болезнь. – М.: Русский Хронограф, 2001. – 64 с.

[Болезнь Гоголя как пример эндогенной депрессии: С. 43–49. Заимствовано из работы Д. Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни». Приводится в сокращении.]

26. Аверьянова М. А. От слова человеческого к Слову Божию. Служение Н. В. Гоголя // Христианские истоки русской литературы. Сборник научных трудов. – М.: Изд-во Московского пед. ун-та «Народный учитель», 2001. – С. 118–131.

27. *Агринович С. З., Саморукова И. В.* Двойничество / Самарский гос. ун-т. Кафедра русской и зарубежной литературы. – Самара: Самарский ун-т, 2001. – 128 с.
28. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост., статьи, примеч. И. А. Виноградова. – М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2001. – 776 с.: ил.
- Рец.: *Воропаев В.* Явление художника читателю // Лит. газета. – М., 2001. – 4–10 апреля. – № 14. – С. 10; *Воропаев В. А.* Явление художника читателю // Лит. учеба. – М., 2002. – Кн. 3. – С. 220–221.
29. *Александрова С. В.* Повести Н. В. Гоголя и народная зрелищная культура // Русская литература. – СПб., 2001. – № 1. – С. 50–65.
1. Петербургские повести и петербургский народный театр: С. 50–61.
  2. «Пропавшая грамота» и пьеса доктора Фауста: С. 61–65.
30. *Александрова С. В.* Повести Н. В. Гоголя и комедийные традиции его времени: Автореф. ...дис. канд. филол. наук / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб., 2001. – 22 с.
31. *Александрова С. В.* Из комментариев к Пушкину // Пушкин и его современники. – Вып. 3 (42). – СПб., 2001.
32. *Алексеев В.* Молитвенный подвиг Гоголя. – М.: Изд-во Глобус, 2001. – 40 с.: ил.
33. *Амехина Е. Е.* Гоголь и Языков: к проблеме взаимоотношений (на материале переписки) // Филологические этюды. – Вып. 4. – Саратов, 2001. – С. 38–40.
34. Андрей Белый о Достоевском, Гоголе, Мейерхольде и кризисе культуры. Из архивных материалов / Подгот. текстов, публ., вступ. статья и коммент. Л. А. Сугай // Лит. учеба. – М., 2001. – № 1. – С. 119–132.
- Вступ. статья: С. 119–123.
- Стенограмма диспута в Гостим'е о спектакле «Ревизор». Выступление Андрея Белого: С. 126–128.
- Коммент.: С. 129–132.
- [Публ. доклад А. Белого на открытии Вольной философской ассоциации «Достоевский и кризис культуры» и рецензия на постановку «Ревизора В. Э. Мейерхольда (1920-е гг.)]
35. *Анненкова Е. И.* Статьи Н. В. Гоголя о живописи в свете христианской традиции // Духовные основы русского искусства. – Вел. Новгород, 2001. – С. 47–49.
36. *Аркин И. И.* Возвращение к литературе: Уроки в V–XI классах / Литература в школе. – М., 2001. – № 5. – С. 37–40.
- [Гоголь и Лермонтов.]
37. *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. – СПб.: Академический проект, 2001. – 400 с.
- Гоголь и салон А. О. Смирновой: С. 202–207.
38. *Архипова Ю. В.* «Ревизор» Н. В. Гоголя как барочная комедия // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 12–17.

39. *Афанасьев В.* «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» // Лит. учеба. – М., 2001. – № 1. – С. 116–118.

Рец. на кн.: *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мировоззрения. – М.: Наследие, 2000.

40. *Балдина Е. В.* «Извольте, я дам вам ключ» (об «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя) // Человек и христианское мировоззрение. – Вып. 6: Семья, образование и образ жизни. – Симферополь, 2001. – С. 195–197.

41. *Балдина Е. В.* «Три письма к Н. В. Гоголю» архимандрита Феодора (Бухарева) в контексте отзывов современников на книгу Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Актуальные проблемы современного литературоведения. Материалы международной научной конференции. – Вып. 5. – М., 2001. – С. 6–9.

42. *Балыхина Т. М., Барышникова Е. Н.* Русская классическая литература в оценке критиков и писателей XIX века: Учебное пособие. – [Изд. 2-е, доп.] – М.: «Уникум-Центр», Изд-во «Поматур», 2001. – 151 с.

Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине. [Выдержки:] С. 32–33.

Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. [Выдержки:] С. 45–49.

Пушкин А. С. Вечера на хуторе близ Диканьки. [Выдержки:] С. 49.

Гоголь Н. В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». [Выдержки:] С. 50–56.

Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. [Выдержки:] С. 57–59.

Гоголь Н. В. [Краткая биография:] С. 108–110.

43. *Барабаш Ю.* Сладкий ужас мщеня, или Зло во имя добра? (Месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы лит. – М., 2001. – Май – Июнь. – С. 31–65.

44. *Безелянский Ю.* Весь Гоголь – за полтинник: [Издателю и книготорговцу Ивану Сытину – 150 лет] // Вечерняя Москва. – М., 2001. – 6 февраля. – С. 3.

45. *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». – Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2001; Российская Национальная библиотека, 2001. – 573 с.

Гоголь Николай Васильевич: С. 190–192.

46. *Белоногова В. Ю.* Гоголь о «тайне» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один» // Грехневские чтения: Сборник научных трудов. – Ниж. Новгород, 2001. – С. 93–100.

47. *Березина С.* Надгробие на двоих // Алфавит. – М., 2001. – № 21.

48. *Березкин В.* По мотивам Гоголя // Театральная жизнь. – М., 2001. – № 2. – С. 11–15.

[О рисунках к спектаклям: По материалам беседы с театральным художником С. Бенедиктовым.]

49. Беседы с чертом, или История русского Фауста // Алфавит. – М., 2001. – № 28.

[Беседа петербургского актера И. Волкова с корреспондентом Г. Карнаутовой о моноспектакле «Последний сон Гоголя».]

50. *Бестужева-Лада С.* Одинокий гений // Смена. – М., 2001. – № 2. – С. 49–57.
[О писателе Николае Гоголе, родившемся под знаком Рыб.]
51. Большая энциклопедия литературных героев: В 4 т. – Т. 3: Л – П. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001.
Э. Л. Г. Манилов: С. 119.
Э. Л. Г. Ноздрев: С. 269–270.
Э. Л. Г. Плюшкин: С. 393.
52. Большая энциклопедия литературных героев: В 4 т. – Т. 4: Р – Я. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 416 с.
Э. Л. Г. Собакевич: С. 140.
Э. Л. Г. Хлестаков Иван Александрович: С. 317.
Э. Л. Г. Чичиков Павел Иванович: С. 341.
53. *Боярчук М. А.* Набоков и Гоголь: своеобразие прочтения и интерпретации // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – Томск, 2001. – С. 242–245.
54. *Брагина Н. Н.* Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» сквозь призму психоанализа // Молодая наука – XXI веку. – Иваново, 2001. – С. 13–14.
55. *Брагина Н. Н.* «В начале был ритм...» // Лицей № 3 /Шуйский гос. пед. ун-т. – 2001. – С. 56–64.
56. *Брагина Н. Н.* Поэтика Н. В. Гоголя в свете музыкальных аналогий (симфония прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шуйский гос. пед. ун-т. – Иваново, 2001. – 18 с.
57. *Будагов Р. А.* Писатель о языке и язык писателя. – 2-е дополн. изд. – М.: Добросвет-2000, 2001. – 336 с.
58. *Бутеев Д. В.* Н. В. Гоголь в работах Николая Энгельгардта // Штудии-2: Сборник статей молодых ученых. – Смоленск, 2001. – С. 26–31.
[О статьях Н. А. Энгельгардта «Гоголь и романы 20-х годов» и «Гоголь и Булгарин», опубликованных в журнале «Исторический Вестник» в 1902 (№ 2) и 1904 (№ 7).]
59. *Варжалетян В.* Он вышел из бекепи Гоголя: Доброе слово о Семене Бабаевском // Лит. газета. – М., 2001. – № 7. – С. 10.
60. *Васильева Г. М.* «Ревизор» Н. В. Гоголя: От «Филокалии» до «Фауста»: generatio aequivoca // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 45–52.
[Философская проблематика «Ревизора» в свете «Добролюбия» и «Фауста» Геге.]
61. *Вейдле В.* Римлянин Гоголь // Вейдле В. Умирание искусства. – М.: Республика, 2001. – С. 105–108.
62. *Ветловская В. Е.* Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // Русская лит. – СПб., 2001. – № 2. – С. 3–24.
63. *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2001. – № 1. – С. 83–91.
64. *Виноградов И.* «Быть верными отечеству и Государю». Николай Гоголь понимал это по-своему // Древо. Ежемесячное историко-культ-

турное приложение к газете «Российские вести». – М., 2001. – 28 февраля. – № 2 (16). – С. 16–17.

65. *Виноградов И.* Высокий гражданин небесного гражданства. Тема долга – ключ к пониманию повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Воскресная школа. – М., 2001. – 16 – 22 февраля. – № 7. – С. 8 – 9; 1 – 7 марта. – № 9. – С. 8 – 9.

66. *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 214–239.

67. *Виноградов И.* Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 77–93.

68. *Виноградов И. А.* «Великая тайна» картины Александра Иванова // Домашний лицей. – М., 2001. – № 4. – С. 75–80.

69. *Вороненков И. И.* Передача некоторых особенностей стиля Н. В. Гоголя при переводе повести «Нос» на английский язык // Филологические этюды. – Вып. 4. – Саратов, 2001. – С. 18–21.

70. *Воронина Е. Б.* Речевые средства комического и особенности стиля «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Художественный мир русского романа. – Вып. 4. – Арзамас, 2001. – С. 103–108.

71. *Воропаев В.* Друг Гоголя // Десятина. – М., 2001. – № 2 (53). – С. 5. [К 200-летию со дня рождения графа А. П. Толстого.]

72. *Воропаев В.* Один из немногих избранных (К 200-летию со дня рождения графа Толстого) // Историческая газета. – М., 2001. – Март. – № 3. – С. 4; Апрель. – № 4. – С. 4.

73. *Воропаев В. А.* В сердце полученный урок. Из последних дней жизни Гоголя // Православная беседа. – М., 2001. – № 2. – С. 41–44.

74. *Воропаев В.* Подданный русского Царя. Гоголь и Государь Николай Павлович // Лит. учеба. – М., 2001. – Кн. 2. – С. 140–151.

75. *Воропаев В.* Друг Гоголя. К 200-летию со дня рождения графа Толстого // Глагол. Журнал Печорского Православного педагогического общества. – Печоры, 2001. – № 5. – С. 30–33.

76. *Воропаев В.* Гоголь в Иерусалиме // Вышенский паломник. – Рязань, 2001. – № 1 (11). – С. 99–104.

77. *Воропаев В.* Из духовной биографии Гоголя. Заметки исследователя // Лит. учеба. – М., 2001. – Кн. 3. – С. 103–129.

78. *Воропаев В.* Гоголевский Дом // Российские вести. – М., 2001. – 11 – 17 июля. – № 24. – С. 15. [Древо (ежемесячное историко-культурное приложение).]

То же: // Лит. Россия. – М., 2001. – 5 октября. – № 40. – С. 13.

79. *Воропаев В. А.* «Нет другой двери»: Евангелие в жизни Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 179–197.

80. *Воропаев В. А.* Малоизвестная часть творческого наследия Н. В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 240–249.
81. *Воропаев В.* Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева) // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 126–130.
82. *Воропаев В.* (сост.) Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945–2000) // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 149–160.
83. *Воропаев В.* (сост.) Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999) // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 166–176.
84. *Воропаев В.* Вечные спутники. К 120-летию со дня рождения Б. К. Зайцева // Десятина. – 2001. – № 7. – С. 7.
85. *Воропаев В.* «Вот вам образец, подражайте ему». Протоиерей Матфей Константиновский // Воскресная школа. – М., 2001. – 16–22 июля. – № 27. – С. 8–9.
86. *Воропаев В. А.* «Нужно проездиться по России» // Московский журнал. – М., 2001. – № 10. – С. 37–41.
87. *Воропаев В.* О причинах смерти Николая Гоголя // Сретенский альманах. История и культура. – Изд-во Сретенского монастыря, 2001. – С. 7–17.
88. *Воропаев В.* Еще об одном мифе о Гоголе // Сретенский альманах. История и культура. – Изд-во Сретенского монастыря, 2001. – С. 17–23.
89. *Воропаев В.* Лестница, возводящая на небо (К 150-летию со дня смерти Гоголя) // Историческая газета. – М., 2001. – Октябрь. – № 10. – С. 10–11.
90. *Воропаев В. А.* Гоголь Николай Васильевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 – 1940). – Т. 4. Русское зарубежье и всемирная литература – Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 200–244.
91. *Воропаев В.* Подобно сыну Тарасову // Российские вести. – М., 2001. – 28 ноября – 4 декабря. – № 41. – С. 9.
92. *Воропаев В.* Отречение от России // Лит. Россия. – М., 2001. – 30 ноября. – № 48. – С. 2.
93. *Воропаев В.* Николай Гоголь в Иерусалиме // Воскресная школа. – М., 2001. – 8 – 15 декабря. – № 46. – С. 8–10.
94. *Воропаев В.* «В сердце... полученный урок». Из последних дней жизни Гоголя // Духовный собеседник. – Вып. 1 – 2 (25–26). – Самара, 2001. – С. 202–210.
95. *Воропаев В.* Благодать там присутствует. Гоголь в Оптиной Пустыне // Православный паломник. – М., 2001. – № 2. – С. 46–52.
96. *Гасперович В. Н.* В. Гоголь в Риме: новые материалы // Образ Рима в русской литературе. – Самара, 2001. – С. 83–101.

97. Глазырина Ю. А. Пространственный хронотоп как эстетический актуализатор мифопоэтической доминанты // Теория языкознания и рустика: наследие Б. Н. Головина. – Ниж. Новгород, 2001. – С. 66–69.

[Мифопоэтика художественного пространства в «Петербургских повестях» Гоголя.]

98. Глебов С. Никакой мистики? Вопреки слухам, его похоронили мертвым // Вечерняя Москва. – М., 2001. – 31 мая. – С. 8.

99. Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – 183 с. (на рус. и укр. яз).

100. Гольденберг А. Х. Идея имитации в творческом поведении Н. В. Гоголя // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре. – Волгоград, 2001. – С. 58–63.

101. Горнфельд А. Г. Г-н Мережковский и черт // Д. С. Мережковский: Pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А. Н. Николукина. – СПб.: РХГИ, 2001. – (Русский путь). – С. 151–157.

Первоначально: // Горнфельд А. Г. Книги и люди. Литературные беседы. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 273–282.

102. Горских Н. А. Некоторые аспекты функционирования вещи в художественном мире Н. В. Гоголя и Ф. Сологуба // Картина мира. Язык. Философия. Наука: Доклады участников всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. – Томск: Издание ТГУ, 2001. – С. 118–121.

103. Горских Н. А. Некоторые особенности функционирования категории вещи в мифе и в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Сборник научных работ, посвященных Ученому, Мастеру, Учителю. – Новокузнецк: Издание НГПИ, 2001. – С. 61–70.

104. Горских Н. А. Н. В. Гоголь в философско-эстетической концепции Ф. Сологуба (к постановке проблемы) // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию ТГПУ и 70-летию филологического факультета ТГПУ. – Томск, 2001. – С. 28–31.

105. Гуревич П. Ю. Пластификация в раннем творчестве Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Страшный кабан», «Гетьман») // Филологические науки. – М., 2001. – № 4. – С. 23–31.

[Образы живописи и скульптуры в раннем творчестве Гоголя.]

106. Гуревич П. Ю. Система образов пластических искусств в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Человек. Язык. Искусство. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2001. – С. 57–59.

107. Гуревич П. Ю. Система пластических образов в «Мертвых душах» // Литература. – М., 2001. – № 12 (387). – С. 10–11.

108. Гуревич П. Ю. Поэтическая функция пластификации в художественной прозе Гоголя // Проблемы поэтики русской литературы. Сборник аспирантских работ. – М.: МПГУ, 2001. – С. 46–57.

109. Гуревич П. Ю. Поэтическая функция образов пластических искусств в творчестве Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2001. – 20 с.

110. *Давыдов А. П.* Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия. Статья 2. Гуманизация культуры. Иисус в России // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 101–114.

[О мистическом представлении об Иисусе Христе в русской литературе и живописи.]

111. *Данилевич И. В.* Поэтика финала в русской драматургии 1820 – 1830-х годов: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 22 с.

112. *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // *Учительская газета*. – М., 2001. – 2 октября. – С. 21.

Рец. на кн.: *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: Наследие, 2000.

113. *Денисов В.* Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (идея «исторического романа») // *Гоголеведческие студии*. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 101–110.

114. *Динерштейн Е. А.* А. К. Воронский: В поисках живой воды. – М.: РОССПЭН, 2001. – 359 с.: [10] ил. – (Люди России).

[О книге Воронского «Гоголь».]

115. *Джулиани Р.* Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // *Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей*. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 127–147.

116. *Джулиани Р.* Героиня Гоголя Аннунциата: история и миф // *Мир романтизма: К 40-летию научно-педагогической деятельности И. В. Карташовой*. – Вып. 5. – Тверь, 2001. – С. 96–104.

117. *Джулиани Р.* Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя // *Образ Рима в русской литературе*. – Самара, 2001. – С. 102–130.

118. *Дмитриева Е. Е.* Сад Плюшкина, Сад Гоголя // *Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей*. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 148–160.

119. *Докукин Г.*, прот. О русском духовном театре «Глас» // *Журнал Московской Патриархии*. – М., 2001. – № 9. – С. 76–80.

120. *Долганов Д. А.* Гоголевские традиции в поэтике прозы М. М. Зощенко: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 16 с.

121. *Долганов Д. А.* О мифологических началах в творчестве Н. Гоголя и М. Зощенко // *Фольклор народов России: Межвузовский научный сборник*. – Уфа, 2001. – С. 204–210.

122. *Дружников Ю.* «С Пушкиным на дружеской ноге» // *Дружников Ю. Дуэль с пушкинистами. Poleмические эссе*. – М.: Издательский дом «Хроникер», 2001. – С. 161–186.

123. *Дрыжакова Е.* Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» // *Русская литература*. – СПб., 2001. – № 1. – С. 190–195.

[О первом чтении комедии *Ревизор* 18 января 1836 г.]

124. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 ч. – Ч. 1. – П. – Изд. 2-е, исправл., дополн. – М.: Христианская литература, 2001. – 736 с.

Глава 6: Н. В. Гоголь: С. 387–498.

125. Евгин А. В. К Вечному Миру: Козельская старина. – Калуга: Гриф, 2001. – 160 с.
- У Бога мертвых нет (об В. И. Киреевском и Н. В. Гоголе): С. 113–159.
126. *Евдокимова Е. А.* Тема семьи в творчестве Н. В. Гоголя // Начало. – СПб., 2001. – № 10. – С. 113–131.
127. *Евсеев Ф.* Об архетипах земли и власти в творчестве Н. В. Гоголя // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 143–148.
- Рец. на кн.: *Иваницкий А. И.* Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000. – 188 с.
128. *Евтихисева А.* Гоголь Русского Зарубежья. – М.: Товарищество русских художников, 2001. – 144 с.
129. *Егоров Б. Ф.* Ап. Григорьев о Гоголе // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 325 – 332.
130. *Егоров Е. А.* Развитие гоголевской поэтики в поэме Вен. Ерофеева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Тверь, 2001. – № 7. – С. 25 – 31.
131. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – 2-е изд. – М.: Индрик, 2001. – 400 с.
- Дискуссия 40-х годов: «Гоголь – Гомер». К. Аксаков. Белинский: С. 306 – 313.
- Статья Гоголя об Одиссее в переводе Жуковского. Статья Розена и отзыв о ней Белинского: С. 313 – 316.
132. *Ерофеева Н. П.* Вопросы детского воспитания и образования в творчестве Н. В. Гоголя // Духовные основы русского искусства. – Вел. Новгород, 2001. – С. 50 – 53.
133. *Ефимов А.* Возвращение // Москва. – М., 2001. – № 7. – С. 179–183.
- Рец. на кн.: *Воропаев В. А.* Гоголь и отец Матфей // *Воропаев В. А.* Гоголь и отец Матфей. Афанасьев В. В. Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806 – 1856). – Вып. 6. – Пермь: Редакция газеты «Православная Пермь», 2000. – С. 9–54. – (Серия Церковь и образование).
134. *Житкова Л. Н.* Рецепции Пушкина и Гоголя в русской критике и философии XIX – начала XX вв. // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. – Вып. 5. – Тюмень, 2001. – С. 49–52.
135. *Зарецкий В. А.* Триада «дорога-вершина-провал» как сюжетобразующий мотив в творчестве Н. В. Гоголя // Фольклор народов России: Межвузовский научный сборник. – Уфа, 2001. – С. 142–161.
136. *Зарытова И. В.* Аутсайдер на стыке двух миров: Н. В. Гоголь. Шинель. – Э. Канетти. Ослепление // Художественный мир русской литературы. – Елабуга, 2001. – С. 85–88.
137. *Звозников А. А.* Гуманизм и христианство в русской литературе XIX века. – 2-е изд., дополн. – Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. – 212 с.

[О Гоголе: С. 20–21, 69–70 и др.]

138. *Зеньковский В. В.* История русской философии. – Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 896 с. – (Серия «Антология мысли»).

Н. В. Гоголь: С. 169–176.

139. *Зеньковский В. В.* История русской философии. – М.: Академический Просpekt, Раритет, 2001. – 880 с. – (Серия «Антология мысли»).

Н. В. Гоголь: С. 174–181.

140. *Зиманова И. Ф.* «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя: пространство и время [Учебное пособие.] – Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2001. – 160 с.

141. *Злыднева Н. В.* «Вещь» А. Платонова в гоголевской перспективе // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва 4 – 7 апреля 2001 года). – РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 213–227.

142. *Золотусский И.* «Поэзия – это незримая ступень к христианству» // Литрос: Альманах. – Вып. 1. – М., 2001. – С. 230–233.

[Беседу вел В. Клименко.]

143. *Зорин А. Н.* Пауза в ритмическом строе комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сборник научных статей. – Коломна, 2001. – С. 94–100.

144. *Зорин А. Н.* Семантика пауз в драматургических текстах Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2001. – 19 с.

145. *Зорин А. Н.* «Авантюрное время» в комедии «Ревизор»: (К постановке проблемы метапаузы) // Гоголь и русская литературная культура: Сборник научных трудов. – Вып. 1. [Саратов:] Изд-во Саратовского ун-та, 1999. – С. 50–57.

146. *Иваницкий А. И.* Архетипы Гоголя // Литературные архетипы и универсалии. – М., 2001. – С. 248–292.

147. *Ивлев В. П.* Сюжет «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филол. ф-та Томского гос. пед. ун-та. 2000 г.). – Томск, 2001. – С. 17 – 24.

148. Избранные мысли А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 320 с.

Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем: С. 111 – 194.

[Текст печатается по изд.: Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем. – СПб., 1887.]

149. *Иличевский А.* Кукла как унаковка пустоты: Куклы Гоголя и куклки Набокова // Комментарий. – М.: СПб., 2001. – № 20. – С. 36–48.

150. История русской литературы 1800 – 1830-е годы: В 2 ч. / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. – Ч. 2. – М.: Владос, 2001.

Карташова И. В. Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1852): С. 181–239.

151. *Капецкая Г. А.* Химический «Вечер на хуторе близ Диканьки» (по мотивам повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством») // *Химия в школе.* – М., 2001. – № 3. – С. 81–83.

152. *Карасев Л. В.* Вещество литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 400 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

Гоголь и онтологический вопрос: С. 47 – 76.

Nervoso fasciculosulo (о «внутреннем» содержании гоголевской прозы): С. 263–312.

153. *Карташов В. С.* «Аптекарский интерес» Гоголя // *Фармацевтический вестник.* – М., 2001. – 23 октября. – № 31. – С. 23.

154. *Карташова И. В.* Этюды о романтизме. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 182 с.

[О Гоголе: С. 57–60.]

Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» и романтическая традиция: С. 97–104.

Романтическая традиция в психологическом мастерстве Гоголя (творчество первой половины 30-х гг.): С. 105–119.

Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф. М. Достоевского (Тема мечтателя): С. 120–131.

155. *Касаткина Е. Г.* Семантический компонент «искусство» и его реализация в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 18 с.

[Глава 2: «Семантический компонент «искусство» в творчестве Н. В. Гоголя («Невский проспект», «Нос», «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Рим», «Мертвые души»).]

156. *Касаткина Е. Г.* Семантический компонент в структуре художественного текста // *Филологические этюды. Сборник научных статей молодых ученых.* – Вып. 4. – [Саратов:] Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – С. 198–200.

157. *Китаев В. А.* Пушкин, Гоголь и консервативная традиция в России первой половины XIX века // *Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сборник научных статей.* – Коломна, 2001. – С. 76–86.

158. *Китаев В. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» в оценке Аксаковых // *Грехневские чтения: Сборник научных трудов.* – Ниж. Новгород, 2001. – С. 146–151.

159. *Клименко В.* Сейчас мы увидим Христа! // *Лит. Россия.* – М., 2001. – № 45. – С. 14.

[Письмо В. Г. Белинского к Гоголю в творческой биографии Ф. М. Достоевского.]

160. *Климов Е. А.* О психологическом знании в «Предисловии» к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // *Вопросы психологии.* – М., 2001. – № 1. – С. 66–72.

161. *Клягина Л. Р.* Гоголь и Шагал (Иллюстрации М. Шагала как опыт прочтения, понимания и интерпретации текста Н. В. Гоголя) // *Текст – 2000. Теория и практика. Междисциплинарные подходы.* – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2001. – Ч. 2.

162. *Клягина Л. Р.* Образ бытия в искусстве авангарда и в художественном мире Гоголя // Держачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 96–99.

163. *Кожин В.* Чаадаев и Гоголь: о литературе 1830-х годов // Кожин В. В. Размышления об искусстве, литературе и истории. – М.: Согласие, 2001. – С. 187–215.

164. *Колодина Н. А.* Проблема русской художественной школы. С. Т. Аксаков, Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским: «Оптина пустынь и русская культура». – Калуга, 2001. – С. 235–239.

165. *Комков О. А.* Категория личины и inferнальная эстетика в повести Н. В. Гоголя «Портрет» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2001. – № 3. – С. 30–46.

166. *Комков О. А.* Традиции православного иконологического мышления в русской литературе XIX – начала XX веков: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Факультет иностранных языков. – М., 2001. – 24 с.

[«Н. В. Гоголь: категория личины и inferнальный полюс православной эстетики («Портрет»)»: С. 17–19.]

167. *Кондакова Ю. В.* Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 22 с.

168. *Кондакова Ю. В.* Гоголевский текст в произведениях Михаила Булгакова // Текст-2000. Теория и практика. Междисциплинарные подходы. Материалы Всероссийской научной конференции. 24 – 27 апреля 2001 года. – Часть 2. – Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2001. – С. 128–131.

169. *Кондакова Ю. В.* Троищность как основополагающий принцип архитектоники поэмы Гоголя «Мертвые души» // Литература как форма существования русской философии. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – С. 54–56.

170. *Кондакова Ю. В.* Принципы inferнальной ономастики в художественных мирах Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). Сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – С. 319–342.

171. *Кондакова Ю. В.* Гоголь и Мастер: психология творчества // Держачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 148–150.

[Гоголь как прообраз Мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».]

172. *Конюшков Е.* В какой театр вы ходите?.. // Православная беседа. – М., 2001. – № 5. – С. 52 – 55.

[Спектакль «Женитьба?» по Н. Гоголю в московском театре русской драмы «Камерная сцена»: С. 53.]

173. *Кормилицын А. А.* Внесценические и второстепенные персонажи в английских переводах комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды. – Вып. 4. – Саратов, 2001. – С. 15–18.
174. *Костенко-Попова О.* Вдогонку за летающим вареником // Аргументы и факты. – М., 2001. – № 14. – С. 13.
175. *Крашенинников А.* О реальности основы сюжета повести Н. В. Гоголя «Нос» // Вопросы лит. – М., 2001. – Сентябрь – Октябрь. – С. 336–342.
176. *Кривонос В.* Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 50–55.
177. *Кривонос В. Ш.* Хаос и космос в художественном сознании Гоголя // Динамика культуры и художественного сознания (философия, музыковедение, литературоведение). Сборник статей. – Самара, 2001. – С. 48–63.
178. *Кривонос В. Ш.* Мифология провинциального города у Гоголя // Динамика культуры и художественного сознания (философия, музыковедение, литературоведение). Сборник статей. – Самара, 2001. – С. 116–132.
179. *Кривонос В. Ш.* Русская литература XIX века: Учебно-методическое пособие. – Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2001. – 156 с. [О Гоголе: С. 6, 54–55, 73–74, 96–97, 101, 114–115, 120, 145–147.]
180. *Кривонос В. Ш.* Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. – Тверь, 2001. – С. 110–117.
181. *Кривонос В. Ш.* О смысле повести Гоголя «Рим» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 14–26.
182. *Кривонос В. Ш.* Время и вечность в «Риме» Гоголя // Пространство и время в литературном произведении. – Ч. 2. – Самара, 2001. – С. 90–96.
183. *Кривонос В. Ш.* Время и вечность в «Риме» Гоголя // Вестник гуманитарной науки. – 2001. – № 2. – С. 106–111.
184. *Кривонос В. Ш.* Мотив «связи женщины с чертом» в прозе Гоголя // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 65–79.
185. *Кривонос В. Ш.* Символическое пространство в «Риме» Н. В. Гоголя // Образ Рима в русской литературе. – Самара, 2001. – С. 131–149.
186. *Кривонос В. Ш.* Образы-символы Гоголя в контексте христианской традиции // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. – Самара, 2001. – С. 208–217.
187. *Кузин М.* Оптина Пустынь в жизни Гоголя // Подъем. – Воронеж, 2001. – № 9. – С. 234–239.
188. *Кузнецов А. Н.* К проблеме «Гоголь и Сковорода» // Историко-литературный сборник: Статьи молодых исследователей. – М., 2001. – С. 82–99.
189. *Кураев М.* Ключи от «Миргорода»: Записки читателя // Лит. Россия. – М., 2001. – 17–23 января. – № 3. – С. 12.
190. *Курганов Е. Я.* История о том, как Гоголь рассказывал анекдоты // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна

на: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 59–64.

191. *Кын Ын Кён* «Гоголевское» в пьесе А. В. Вампилова «Провинциальные анекдоты» // Русская лит. – СПб., 2001. – № 3. – С. 187–198.

192. *Лаврецькая А.* Прочитали Гоголя // Коммерсант. – М., 2001. – 6 апреля. – № 61. – С. 13.

193. *Ляхмани Р.* Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического / Пер. с нем. – СПб.: Академический проект, 2001. – 367 с. – (Современная западная русистика).

194. *Лебедева О. Б.* Брюллов, Гоголь, Иванов. Поэтика «немой сцены» – «живой картины» комедии «Ревизор» // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 113–127.

195. *Леонтьев-Щеглов И. Л.* Литературные очерки и эссе // Среди великих: Литературные встречи / Сост. предисл., коммент. М. М. Одесской. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 93–158.

[Печ. по изд.: *Щеглов И. Л.* Подвижник слова. – СПб., 1909.]

Поляночный ревизор (Единственный случай): С. 134–140.

Гоголь в Оптиной пустыни (из дорожных заметок): С. 140–147.

Гоголь и о. Матвей Константиновский: С. 147–158.

Коммент.: С. 406–407.

196. *Лепяхин В.* Икона в жизни и творчестве Гоголя. «Тарас Бульба», «Страшная месть», «Вий», «Ночь перед Рождеством» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 198–213.

197. *Лившиц Е.* [Рецензия] // Новое лит. обозрение. – М., 2001. – № 47. – С. 412–415.

Рец. на кн.: *Кривонос В. Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 251 с.

198. *Лившиц Е.* [Рецензия] // Новое лит. обозрение. – М., 2001. – № 49. – С. 475–477.

Рец. На кн.: *Frazier M.* Frames of imagination: Gogol's Arabesques and the Romantic question of genre. – N. Y.: Peter Lang Publishing, Inc., 2000. – 224 p. (Middlebury Studies in Russian Language and Literature. V. 22.)

199. *Лившиц Е. И.* Гоголь, Байрон и Томас Мур // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 90–98.

200. *Лившиц Е. И.* Английский контекст творчества Гоголя. Н. В. Гоголь и Ч. Р. Метьюрин: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Российский гос. гуманитарный ун-т. – М., 2001. – 24 с.

201. *Лион П. Э., Лохова Н. М.* Литература: Для школьников старших классов и поступающих в вузы: Учебное пособие. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1852): С. 200 – 240.

202. *Лотман Ю. М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // *Лотман Ю. М.* Собр. соч. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. – М. 2001. – С. 253–324.

{О Гоголе: С. 296 – 309}.

203. *Майер П.* Фантастическое в повседневном: «Невский проспект» Гоголя и «Приключение в ночь под Новый год» Гофмана // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 99–112.

204. *Малкина В. Я.* Традиции исторического и «готического» романов в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 80–89.

205. *Манн Ю. В.* Смелость изобретения // Домашний лицей. – М., 2001. – № 2. – С. 77–87.

206. *Манн Ю. В.* Что означает гоголевский образ дороги // Домашний лицей. – М., 2001. – № 3. – С. 50–57.

207. *Манн Ю. В.* Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. – М., 2001. – С. 543–356.

208. *Мансурова А. В.* Личностный и творческий путь Гоголя Н. В. в восприятии религиозного мыслителя В. В. Розанова // IV Сибирская школа молодого ученого. – Томск, 2001. – Т. 5. – С. 136–139.

209. *Маркин П. Ф.* Древнеславянский языческий текст в творчестве Н. В. Гоголя // Ученые записки / Алтайский гос. ин-т искусства и культуры. – Вып. 1. – Барнаул, 2001. – С. 77–91.

[Фольклорно-мифологические образы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

210. *Мацапура В. И.* О роли античных мотивов в гоголевском «Тарасе Бульбе» // Крымский Пушкинский научный сборник. – Вып. 1. Русская культура и античность. – Симферополь, 2001. – С. 135–140.

211. *Мацапура В. И.* Украина в русской литературе первой половины XIX века. – Харьков-Полтава: ПОИППО, 2001. – 396 с.

Николай Гоголь: С. 179–275.

212. *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. – СПб., 2001. – 656 с. – (Из архива русской эмиграции).

213. *Милюков А. П.* Встреча с Н. В. Гоголем // Среди великих: Литературные встречи / Сост. предисл., коммент. М. М. Одесской. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 71–73.

[Печ. по изд.: Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.]

214. *Михайлова М. Г.* Гоголь и литературное зазеркалье // Вестник Якутского ун-та. Сер. Филология, журналистика. – 2001. – № 1. – С. 75–76.

215. *Михед П. В.* Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 5–14.

216. *Молева Н.* Его последний дом // Москва. – М., 2001. – № 2. – С. 224–225.

[О последних годах жизни Гоголя.]

217. *Мостовская Н. Н.* Две «прощальных повести»: «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Последние песни» Некрасо-

ва // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сборник научных статей. – Коломна, 2001. – С. 101–106.

218. *Мочульский К. В.* Гоголь // Мочульский К. В. Великие русские писатели XIX в. / Предисл. Л. Магаротто. – СПб.: Алетей, 2001. – С. 81–104.

[Впервые: Париж, 1939.]

219. *Мошин А. Н.* О Н. В. Гоголе (Воспоминания О. В. Головни) // Среди великих: Литературные встречи / Сост. предисл., коммент. М. М. Одесской. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 167–171.

[Печ. по изд.: *Мошин А. Н.* Новое о великих писателях: Мелкие штрихи для больших портретов. – СПб., 1908.]

220. *Музалевский М. Е.* «Петербургские повести» Н. В. Гоголя: Специфика рецептивного цикла // Филологические этюды: Сборник статей молодых ученых. – Вып. 4. – [Саратов:] Изд-во Саратовского ун-та, 2001.

221. *Мусиенко Н.* Родственник Гоголя скупал мертвые души за горилку // Парламентская газета. – М., 2001. – 13 сентября. – С. 7.

222. Н. В. Гоголь. Мертвые души: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. Л. Д. Страхова. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 96 с. – (Школьная программа).

223. *Нарушевич А. Г.* Мотив превращения и языковые средства его воплощения в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Русский язык в школе. – М., 2001. – № 3. – С. 56–58.

224. *Невольниченко С. В.* Архетипическая мотивика в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Ученые записки НТГПИИ. Общественные науки. – Вып. 2. – Нижний Тагил, 2001. – С. 71–74.

225. *Нечипоренко Ю.* Праздничность Гоголя: (Отдельные главы) // Орфей. – М., 2001. – № 1. – С. 34–41.

226. *Норштейн Ю.* От сценария к фильму // Искусство кино. – М., 2001. – № 12. – С. 127.

227. *Овечкин С.* «Шурин» Башмачкина: К проблеме функционирования ивтертекстуальной парадигматики при редукции повествовательности // Русский текст. – СПб., 2001. – № 6. – С. 117–130.

228. *Пазухин Е.* Сколько ни повторяй: Баден, Баден... // Нева. – СПб., 2001. – № 11. – С. 182–194.

[Гоголь в Баден-Бадене: С. 185–186.]

229. *Паслина Л. Я.* Образы искусства в повести Н. В. Гоголя «Рим» // Образ Рима в русской литературе. – Самара, 2001. – С. 150–162.

230. *Переяслов Н.* Три этюда о Гоголе // Бельские просторы. – Уфа, 2001. – № 12. – С. 100–101.

[О поэме «Мертвые души».]

231. *Петров А. В.* Философия элегического образа в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Молодая филология: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Новосибирск, 2001. – С. 20–31.

232. *Петров А. В.* Предметная сфера и проблема символа в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русская литература в современном

культурном пространстве: Материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филол. ф-та Томского гос. пед. ун-та. 2000 г.). – Томск, 2001. – С. 24–27.

233. Пискунова С. И. «Мертвые души» и «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»: (К новой постановке проблемы) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. – М., 2001. – С. 555–564.

234. Поляков Н. Несчастные отцы и блудные дети // Нева. – СПб., 2001. – № 10. – С. 233–235.

[Образы стариков в творчестве Гоголя и Пушкина.]

[Размышления над образами Плюшкина и Самсона Вырина.]

235. Радзишевский В. Итогоголь // Лит. газета. – М., 2001. – 18–24 апреля. – № 16. – С. 9.

[Беседа с главным редактором Полн. собр. соч. и писем Гоголя Ю. В. Манном.]

236. Рассадин С. Б. Русская литература от Фонвизина до Бродского. – М.: Слово/Slovo, 2001. – 288 с.: ил.

Ненормальный Гоголь: С. 88–101.

237. Рахаева Ю. Я с ужасом жду грядущего юбилея Гоголя // Известия. – М., 2001. – 25 мая.

[Беседа с главным редактором Полн. собр. соч. и писем Гоголя Ю. В. Манном.]

338. Рахматуллин Р. Точки силы // Новый мир. – М., 2001. – № 2. – С. 149–160.

339. Ребеккини Д. Как крестьяне читали Гоголя. Попытка реконструкции реценции // Новое лит. обозрение. – М., 2001. – № 49. – С. 508–525.

340. Рейтблат А. И. Служил ли Гоголь в III отделении? // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – С. 261–267.

341. Рицци Д. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. – М., 2001. – С. 318–334.

342. Ромм М. Кто автор известных иллюстраций к «Ревизору»? // Нева. – СПб., 2001. – № 9. – С. 201–205.

[Иллюстрации атрибутируются В. А. Жуковскому.]

343. Ронен И. К пушкинским истокам драматургии Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. – М., 2001. – С. 335–342.

344. Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова: Учебное пособие / Сост. Н. Г. Михневел. – СПб.: Паритет, 2001. – 416 с.

Шведова С. О. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Между миражом и реальностью: С. 150 – 164.

Шведова С. О. Сатирическое и символическое в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: С. 165–190.

345. Русская литература XIX–XX веков: В 2 т. – Т. 1: Русская литература XIX века: Учебное пособие для поступающих в вузы / Сост. и

науч. ред. Б. С. Бугров, М. М. Голубков. – 3-е изд., доработанное. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. – 464 с.

Скороспелова Е. Е., Голубков М. М., Крисовский В. Е. Н. В. Гоголь (1809 – 1852): С. 174–218.

346. *Рыбкин П. Н.* Фантомная боль русской литературы: «Мертвые души» и «Русские ночи» // Библиотечка учителя словесности, № 1. – М.: Изд-во Московского культурологического лицея № 1310, 2001. – С. 7–12.

347. *Сазонова Л. И.* Литературная генеалогия гоголевской птици-тройки // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 161–183.

348. *Сапченко Л. А.* Личность и творчество Н. М. Карамзина в восприятии Н. В. Гоголя // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Материалы международной научной конференции 3 – 5 октября 2000. – Гродно, Беларусь, 2001. – С. 122–128.

349. *Секачева Е. В., Смолочева С. В.* Русская литература: Новая популярная энциклопедия. – М.: АСТ – ПРЕСС, 2001. – 784 с.: ил. Гоголь Николай Васильевич: С. 173–182. 108–113.

350. *Сергеева-Клятис А. С.* Помещик Манилов – человек эпохи ампира // Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310 = Sci works / Moscow culturological lyceum № 1310. Сер.: Лит. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 93–113.

351. *Сивкова А. В.* Демонические образы повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: структура и семантическое функционирование // Языкознание: современные подходы к традиционной проблематике. – Калининград, 2001. – С. 135–147.

352. *Симанчук И.* Как Пушкин Гоголя журналистом сделал // Журналист. – М., 2001. – № 11. – С. 44–47.

353. *Симонова И.* «С душой вашей роднится душа непрестанно...» К 190-летию Ф. В. Чижова // Москва. – М., 2001. – № 4. – С. 215–223.

[Гоголь и Ф. В. Чижов.]

354. *Скатов Н. Н.* Иван Александрович Хлестаков и другие // Скатов Н. Н. Соч.: В 4 т. – Т. 4. Статьи и очерки. Из публицистики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 54–66.

355. *Соколянский М. Г.* Гоголь в Любеке // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сборник научных статей. – Коломна, 2001. – С. 87–93.

356. *Соловьев В.* Кусочек Гоголя на память // Аргументы и факты. – М., 2001. – № 23. – С. 22.

357. *Софрыгина Т. С.* Образ Чичикова в контексте анималистических мотивов // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). Сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – С. 343–357.

358. *Спахуи И.* Языковые и стилистические особенности перевода произведений Н. В. Гоголя на албанский язык // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. – М., 2001. – № 1. – С. 81–85.

359. *Строганов М. В.* Человек в русской литературе первой половины XIX века: Учебное пособие. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 192 с.

Н. В. Гоголь: От циклической к линейной концепции истории: С. 126–131.

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор»: С. 131–132.

«Социальное» и «субстанциальное» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: С. 132–136.

360. *Строганов М. В.* «Немая сцена» в «Ревизоре» // Драма и театр. Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – С. 138–143.

361. *Строганов М.* [Рецензия] // Новое лит. обозрение. – М., 2001. – № 49. – С. 477–479.

Рец. на кн.: *Иваницкий А. И.* Гоголь. Морфология земли и власти. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000.

362. *Супронюк О. К.* Из разысканий о П. И. Мартосе, авторе письма к Пушкину 1836 г. // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. – Вып. 2. – СПб., 2002. – С. 371–379.

363. *Суслов А.* «Душа моя прыгает и веселится...»: Усадьба Спасское Воскресенского района // Коломенский альманах. – Вып. 5. – Коломна (Моск. область), 2001. – С. 360–389.

[О посещении Гоголем в 1851 г. усадьбы Спасское, принадлежащей А. О. Смирновой.]

364. *Тамарченко Н. Д.* Автор, герой и повествование (к соотношению «эпопейного» и «романного» у Гоголя) // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 22–28.

365. *Таракин П. М.* Театральная и литературная критика С. Т. Аксакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарский гос. пед. ун-т. – Самара, 2001. – 21 с.

[Гоголь в литературной критике Аксакова: С. 18.]

366. *Тарисов Ф. Б.* Речь о Пушкине Ф. М. Достоевского: между «тройкой» и «колесницей» // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 399 – 419.

[Библиейские истоки гоголевского образа «тройки» и пушкинской «колесницы» в диалоге прокурора и адвоката в финале романа «Братья Карамазовы» с свете идеи об исторической миссии России, прозвучавшей в Пушкинской речи Достоевского.]

367. Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева / Публ., вступ. заметка и примеч. В. Воропаева // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 131 – 137.

368. *Терц А.* В тени Гоголя. – М.: Аграф, 2001. – 416 с.

369. *Томачинский В. В.* Синтез вместо хаоса. «Выбранные места из переписки с друзьями» как стилистическая программа Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 250 – 275.

370. *Треногина Е. В.* Пространство дороги в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского: («Мертвые души» и «Бесы») // Внутренний строй литературного произведения: Сборник научных статей. – Владимир, 2001. – С. 72 – 83.

371. *Трофимова И. В.* «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя: особенности сюжетосложения и символика цикла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 22 с.

372. *Туйск Ю.* Тайна смерти Гоголя // НЛЮ. – 2001. – 26 марта. – № 13. – С. 13.

373. *Тупеев М.* Фома Кемпийский в переписке С. Т. Аксакова и Н. В. Гоголя // Бельские просторы. – Уфа, 2001. – № 9. – С. 160-165.

374. *Тупеев М. А.* Фома Кемпийский в переписке С. Т. Аксакова и Н. В. Гоголя // Аксаковский сборник. – Вып. 3. – Уфа, 2001. – С.

375. *П. Я. Чаадаев* и русская литература первой половины XIX века // Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 182 – 218.

[Гоголь и Чаадаев: С. 212 – 214.]

376. *Халип С. М.* Гоголь – наш современник: Об одном ярком отечественном примере формирования индивидуальной философской культуры // Человек и культура: Сборник статей и тезисов. – Тюмень, 2001. – С. 113-132.

[Гоголь как религиозный философ (по материалам книги «Выбранные места из переписки с друзьями»)]

377. *Хомук Н.* Архитектоника лабиринта в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 93-101.

378. *Черепанова Р. С.* Н. В. Гоголь как социальный философ // Вестник Челябинского ун-та. Серия 1: История. – Челябинск, 2001. – № 1. – С. 107-121.

379. *Чернышева Е. Г.* Мифопоэтические мотивы в русской фантастической прозе 20-40-х годов XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Московский гос. пед. ун-т. – М., 2001. – 33 с.

[Гл. 1. § 4: Мотив свидения в гностическом идейном контексте повести Н. В. Гоголя «Нос»: С. 16 – 19.]

380. *Чиж В. Ф.* Болезнь Н. В. Гоголя // Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя: Записки психиатра. – М.: Республика, 2001. – С. 3-203.

[Впервые: Вопросы философии и психологии. – 1903. – № 66-70; 1904. – № 71.]

381. *Шалашова А.* На пустой сцене // Независимая газета. – М., 2001. – 16 февраля. – № 3. – С. 15.

382. *Шаулов С. С.* С. Т. Аксаков и Н. В. Гоголь. Эссе о судьбе артефакта // Аксаковский сборник. – Вып. 3. – Уфа, 2001. – С. 113 – 124.

383. *Шафранская Э. Д.* «Маленький человек» в контексте русской литературы XIX – начала XX вв. (Гоголь, Достоевский, Сологуб) // Русская словесность. – М., 2001. – № 7. – С. 23-27.

384. *Шульц С.* «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 55-70.

385. Шульц С. А. Трансформация житийного мотива в драматургии Гоголя и Толстого («Женитьба» и «Живой труп») // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 184–192.

386. Щеглова Л. В. Проблемы веры в дуалистическом сознании: Н. В. Гоголь и С. Кьеркегор // Русская философия: многообразие в единстве. – М., 2001. – С. 240–242.

387. Энциклопедия знаменитых россиян до 1917 года. – М.: Изд-во Днядема-Пресс, 2001.

Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852): С. 208–211.

388. Эйхенбаум М. Б. Гоголь и «дело литературы» // Эйхенбаум М. Б. «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. – С. 97–100.

389. Юн Хо Чжин. Заметки о поэтике комедии Н. В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2001. – № 1. – С. 100–106.

390. Якубина Ю. К истокам страха у Гоголя (нежинский период) // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 27–35.

391. Якубова Р. Х. Традиции балаганного искусства в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Фольклор народов России: Фольклор. Миф. Литература: Межвузовский научный сборник (К 90-летию Л. Г. Барага). – Уфа, 2001. – С. 260–270.

392. Янушкевич А. С. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя в контексте русской литературы 1920–1930-х годов // Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – С. 193–212.

393. Янушкевич М. Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра // Гоголеведческие студии. – Вып. 7. – Нежин, 2001. – С. 115–126.

Подготовил Владимир Воропаев

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (2002)

Произведения Н. В. Гоголя

1. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность <отрывок> // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потанова, вступ. статья В. М. Марковича, коммент. Г. Е. Потановой и Н. Ю. Заварзиной. – СПб.: РХГИ, 2002. – (Русский путь). – С. 159–161.

2. Вечера на хуторе близ Диканьки. – СПб.: ООО «Кристалл», 2002. – 224 с. – (Серия Русский стиль).

3. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести. – М.: «Изд-во АСТ», 2002. – 301 [3] с. – (Классическая и современная проза).
4. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 560 с. – (Русская классика).
5. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород /Сост., вступ. статья, коммент. В. А. Воропаева. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 544 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).
Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1852): С. 5–60.
Коммент.: С. 503 – 534.
Приложение:
Воропаев В. А. Гражданин земли Русской: С. 535–542.
6. Гоголь Н. В. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 576 с. – (Серия Классика мировой литературы).
[Ревизор (в сокр.), Тарас Бульба, Мертвые души.]
7. Мертвые души: Поэма / Сост., коммент. М. А. Литовской. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 304 с. – (Школьная литература).
Коммент.: С. 251–267.
Зырянов О. В. «Мертвые души» требуют изучения...»: С. 268–298.
8. Мертвые души: поэма (избранные главы). – [М.:] Стрекоза-Пресс, 2002. – 255 с. – (Классика для школы).
Краткая биография автора: С. 218–221.
Размышления о произведении: С. 222–241.
Тезисные планы сочинений: С. 242–247.
Сочинения: С. 248–255.
9. Мертвые души: Поэма /Коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева; Рис. А. М. Лаштева. – М.: Дет. лит., 2002. – 352 с.: ил. – (Школьная б-ка).
Коммент.: С. 341–351.
Приложения:
Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 304–312.
Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 313–318.
Воропаев В. А. <Из книги «Н. В. Гоголь: Жизнь и творчество»>: С. 319–340.
10. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент. В. А. Воропаева. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 432 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).
Коммент.: С. 371 – 417.
Приложения:
Мережковский Д. С. Из статьи «Гоголь и черт»: С. 418–424.
Воропаев В. А. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н. В. Гоголя: С. 424–429.
11. Молитвы // Московский писатель. Энциклопедический журнал-меморандум. № 2 (7). Июль 2002 – декабрь 2002. – М., 2002. – С. 8.
12. Ночь перед Рождеством. – М.: Белый город, 2002. – 48 с.

13. О благодарности. Неизвестное сочинение Гоголя / Публ., вступ. заметка и коммент. И. А. Виноградова // Воскресная школа. – М., 2002. – 16 – 31 марта. – № 12. – С. 8–9.

14. О средних веках // Народное образование. – М., 2002. – № 3. – С. 243–248.

15. Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. В. А. Воропаева; Рисунки Ф. Москвитина. – М.: Дет. лит., 2002. – 234 с. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гоголевский Петербург: С. 5–14.

Коммент.: С. 211–233.

16. Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В. А. Воропаева. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 368 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент.: С. 320–348.

Приложения:

Гоголь Н. В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору: С. 349 – 354.

Гоголь Н. В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»: С. 354 – 362.

Немирович-Данченко В. И. Из речи, произнесенной на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г., посвященном столетию со дня рождения Н. В. Гоголя: С. 363 – 366.

17. Повести. – М.: Изд-во «Олимп, Изд-во АСТ, 2002. – 272 с. – (Школьная хрестоматия).

<Воропаев В. А.:> Коммент.: С. 251 – 265.

18. <Повести:> Сборник / Сост. Л. С. Калужная. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002. – 352 с. – (Б-ка мировой новеллы).

Гоголь Николай Васильевич: С. 3–4.

[Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Вий; Невский проспект; Портрет; Шинель; Тарас Бульба.]

19. Повести. Мертвые души / Ред.-составитель Л. Д. Страхова. – М.: Олимп; ООО. Изд-во АСТ, 2001. – 688 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь: С. 5–16.

Воропаев В. Коммент: С. 533–588.

Критика: С. 589–680.

20. Повести. Мертвые души. – М.: ООО «Изд-во Олимп»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – (Школа классики).

Воропаев В. Коммент.: С. 434 – 472.

21. Повести. Мертвые души: Поэма. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 544 с. – (Русская классика).

[Невский проспект, Портрет, Шинель, Коляска.]

22. Повести. Ревизор: пьеса / Сост., коммент. М. А. Литовской. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 480 с. – (Школьная литература).

[Ночь перед Рождеством, Тарас Бульба, Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, Невский проспект, Портрет, Шинель.]

Коммент.: С. 439–452.

- Ложкова Т. А.: Н. В. Гоголь-художник: С. 454–478.
23. Ревизор: пьеса, сцены, дополнения и письма /Сост. Р. Грищенков. – СПб.: СЗКЭО, ООО Издательский Дом «Кристалл», 2002. – 160 с. – (Серия Русский стиль).
24. Сочинения /Сост., вступ. статья и примеч. В. Чалмаева. М. ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 1054 с.: ил.
Загл. вступ. статьи: Пред бездной Гоголя: С. 5–26.
Приложение:
«Серебряный век» о Гоголе: С. 1007–1034.
[Д. Мережковский, В. Брюсов, А. Белый, А. Ремизов.]
Вехи жизни Николая Васильевича Гоголя: С. 1035–1036.
Примеч.: С. 1037–1051.
25. Страхи и ужасы России (Письмо к графине ... ой) // Молодая гвардия. – М., 2002. – № 3. – С. 256–259.
[Глава из книги «Выбранные места из переписки с друзьями».]
26. Тарас Бульба: Повесть. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 173 [3] с. – (Классическая и современная проза).
27. Фонвизин Д. И. Бригадир. Нedorоль. Грибосдов А. С. Горе от ума. Лермонтов. М. Ю. Маскарад. Гоголь Н. В. Ревизор. Женитьба: Пьесы. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 608 с. – (Русская классика).
Ревизор: С. 433–537.
Женитьба: С. 538–606.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

28. А. К. Самоощупь // Алфавит. – М., 2002. – Май. – № 22. – С. 38 – 39.
29. Абрамович С. Эротика в «Мертвых душах» // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Нijин, 2002. – С. 53–60.
30. Авдеев Д. А. Православная энциклопедия «Домашний доктор» в вопросах и ответах. Психиатрия, психотерапия, наркология. – М.: «Русский Хронограф», 1991», 2002. – 319 с.
[Фрагмент (о Гоголе) из работы проф. Д. Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни»: С. 167 – 174. Приводится в сокращении.]
31. Аверин Б. Гоголь и Набоков: Комедия «Ревизор» в романе «Смотри на Арлекинов!» // Театр. – М., 2002. – № 4. – С. 15–17.
32. Айзерман Л. Павел Иванович Чичиков на рубеже веков и тысячелетий // Русская словесность. – М., 2002. – № 3. – С. 21 – 28.
33. Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Монография. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2002. – 182 с.
34. Алексеев П. В. Философы России XIX – XX столетий. Биография, идеи, труды. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
- Гоголь Николай Васильевич: С. 232 – 233.

35. Альми И. А. О поэзии и прозе. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: Изд-во «Семантика-С»; Изд-во «Скифия», 2002. – 528 с.

Пушкинская традиция в комедии Гоголя «Ревизор»; С. 36 – 49.

36. Амехина Е. Е. Образ женщины в эпистолярном наследии Н. В. Гоголя и Н. М. Языкова // Проблемы литературного диалога: Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Латанова В. П., 2002. – С. 62 – 66.

37. Андреев Н. Б. Механизмы познания в творчестве Н. В. Гоголя / Актуальные проблемы современной науки. – М., 2002. – № 6. – С. 70 – 75.

38. Антонова О. Ю. Символика полета в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Русская литература накануне третьего тысячелетия: Итоги развития и проблемы изучения. – Вып. 3. – Киев: Логос, 2002. – С. 258 – 261.

39. Арват Н. М. К вопросу о гоголевском идиостиле (на материале повести «Страшная месть») // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 58 – 67.

40. Аринин В. И. Хлестаков в Устюжне // Аринин В. И. Только в любви... Тайны русских гениев. – М.: Современник, 2002. – С. 124 – 153.

41. Архипова Ю. В. Художественная специфика немой сцены «Ревизора» // Известия Уральского гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 143 – 152.

42. Ауссем И. А. Смерть пророка: (К 150-й годовщине смерти Н. В. Гоголя) // Русская словесность. – М., 2002. – № 3. – С. 6 – 14.

43. Афанасьев Э. С. О художественности повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 20 – 23.

44. Балдина Е. Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 60 – 75.

45. Балдина Е. Посвящено Гоголю. Новое литературоведческое периодическое издание // Вопросы лит. – М., 2002. – Май – Июнь. – С. 376 – 379.

[Обзор 7 выпусков «Гоголеведческих студий» (1996 – 2001. Нежин).

46. Балдина Е. В. Посвящено Гоголю: (Новое украинское периодическое издание) // Русская лит. – СПб., 2002. – № 2. – С. – 249 – 253.

[Об издании «Гоголеведческие студии» (1996 – 2001. Вып. 1 – 7. Нежин).]

47. Барабаш Ю. «Художник петербургский!»: (Гоголь, «Портрет». – Шевченко, «Художник». Четыре фрагмента) // Вопросы лит. – М., 2002. – Январь – Февраль. – С. 157 – 205.

48. Барабаш Ю. «Мой бедный protege»: (Проза Шевченко: после Гоголя) // Вопросы лит. – М., 2002. – Ноябрь – Декабрь. – С. 127 – 155.

[Русскоязычные повести Шевченко в контексте гоголевской эстетики.]

49. Барабаш Ю. Я. Гоголь: подтексты «Петербургского текста» (-их, -ов): («Невский проспект» и «Портрет») // Литература, культура и

фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна). – М., 2002. – С. 173 – 184.

50. Баранов А. Г. Наше родное. – М.: Паломник, 2002.

[Печ. по изд.: Баранов А. Наше родное. Книга для классного и домашнего чтения в сельских народных школах с трехлетним курсом. Третий год обучения. Изд. 28-е. СПб., 1906.]

Гоголь Н. В: Днепр: С. 261; Степь: С. 261; Тарас Бульба: С. 271 – 272; Смерть Тараса Бульбы: С. 272 – 274.

51. Баранова О. С. Чичиков в гостях у Коробочки. Урок-исследование. IX класс // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 31 – 32.

52. Башкеева В. В. «Симфоническая личность» в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русский язык и литература в исследованиях филологов Азии. Сборник статей: Серия Русский национальный текст. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 2002. – С. 76 – 89.

53. Белая А. С. О национально-языковом колорите повести Н. Гоголя «Страшная месть» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 67 – 72.

54. Белли Д. Д. Римские советы: К 150-летию со дня смерти Гоголя /Пер. с ит. и вступ. статья Евгения Солоновича // Иностранная литература. – М., 2002. – № 8. – С. 180 – 188.

55. Белоногова В. Ю. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя...» (Гоголь о Пушкине) // Болдинские чтения. Материалы конференции. – Саранск, 2002. – С. 43 – 48.

56. Белоусов А. Ф. «Как в вашем званье не пить!» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Тверь, 2002. – Ч. 8. – С. 39 – 48.

[Рассказ И. С. Тургенева «Два помещика» в свете полемики писателя с гоголевскими представлениями о значении духовенства в русской жизни («Выбранные места из переписки с друзьями»)].

57. Белый А. [Письмо] С. И. Алянскому, 30 мая 1932 г., Москва // Лица: Биографический альманах. [Вып.] 9. – СПб.: Феникс, 2002. – 554 с. С. 111 – 113.

[О книге «Мастерство Гоголя».]

58. Белявская Л. Н. Испытание чертом: Символическое прочтение гоголевских текстов // Синергия культуры: Труды всероссийской конференции. – Саратов, 2002. – С. 326 – 329.

[Образ нечистой силы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

59. Битварди Д. Носом к носу – носа не увидеть // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 96 – 98.

60. Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. – М.: Независимая газета, 2002. – 543 с. – (Серия Эссеистика).

61. Блинова И. Ю. Пространственное изображение человеческой психики в творчестве Н. В. Гоголя // Художественные искания русских и зарубежных писателей: вопросы поэтики. Межвузовский сборник научных статей. – М., 2002. – С. 69 – 77.

62. Бондарева Е. Е. Стихия барокко в несбарокковой интерпретации («Мертвые души» Н. Гоголя в булгаковском прочтении) // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 116 – 124.
63. Бондарь Н. А. Пространственный компонент в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 72 – 76.
64. Бочаров С. «Красавица мира»: Женская красота у Гоголя // Театр. – М., 2002. – № 4. – С. 24 – 30.
65. Булгаков Н., священник. Гоголь про нас // Русский Дом. – М., 2002. – № 3. – С. 40 – 41.
66. Буюнова К. Гоголь и Данте: к вопросу о трехчастной форме «Божественной комедии» и «Мертвых душ» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 148 – 152.
67. Быков Д. Гоголевский проезд: Магистральный русский путь // Огонек. – М., 2002. – Апрель. – № 8. – С. 34 – 37: ил.
68. В Петербурге мы сойдемся снова. К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя // Музыкальная жизнь. – М., 2002. – № 2. – С. 36 – 40.
69. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – 2-е изд., испр. и расшир. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. – 686 с.
70. Васильев К. К. Творчество Гоголя в литературной критике Юрия-Георгия Липы // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 179 – 181.
71. Вдовыкин Г. П. Путешествия Н. В. Гоголя // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2002. – № 1. – С. 13 – 16.
[С. 15: Рис. Путешествия Н. В. Гоголя.]
72. Верпинский А. Шабаш хаоса. Фрейд и Юнг вышли из подкладки гоголевской шинели // Алфавит. – М., 2002. – № 31. – С. 29.
[О повести «Вий».]
73. Вестник иностранной литературы, 1895 – 1900 // Иностранная литература. – М., 2002. – № 12. – С. 276 – 310.
[О чем писали в журнале «Вестник иностранной литературы»: Постановка пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор» в Париже.]
74. Видия Т. Е. «Портрет» Н. В. Гоголя в контексте традиций европейского романа // Объединенный научный журнал = Intergrated sci. j. – М., 2002. – № 21. – С. 45 – 48.
75. Видия Т. Е. «Портрет» Н. В. Гоголя в контексте традиций европейского готического романа // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2002. – № 4. – С. 135 – 138.
76. Виноградов В. П. Почему горят рукописи // Московский журнал. – М., 2002. – № 1. – С. 16 – 17.
77. Виноградов И. А. Узы небесного братства // Домашний лицей. – М., 2002. – № 1. – С. 13 – 28.
78. Виноградов И. А. Москве должен быть музей Гоголя // Библиотечная газета. – М., 2002. – № 6. – С. 6.
79. Виноградов И. В Москве должен быть Музей Н. В. Гоголя // Отечество. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 51 – 52.

80. Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: к истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Нижний, 2002. – С. 35 – 53.
81. Виноградов И. А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя // Мир библиографии. – М., 2002. – № 5. – С. 20 – 27.
[Автографы статей «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» в архиве синодальной канцелярии. К истории к прохождению через цензуру книги «Выбранные места из переписки с друзьями».]
82. Виролайнен М. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Театр. – М., 2002. – № 4. – С. 31 – 33.
83. Вишневская И. «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» // Век. – М., 2002. – № 9 (476). – С. 9.
84. Войнова Н. М. Место повести «Рим» в творчестве Н. В. Гоголя // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Нижний, 2002. – С. 124 – 129.
85. Вокин М. Р. Мотив богатства в «Славенских вечерах» В. Т. Нарезного и в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя // Забытые и второстепенные писатели XVII – XIX веков как явление европейской культурной жизни. Материалы международной евучной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Маймина: В 2 ч. – Псков, 2002. – Ч. 1. – С. 247 – 253.
86. Вокин М. К вопросу об эпических и романических началах в «Тарасе Бульбе» // Всемирная литература в контексте культуры: XIV Пуршевские чтения: Сборник статей и материалов: В 2 ч. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 37 – 38.
87. Волосков И. В. Истоки религиозной философии Н. В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. – М., 2002. – № 2. – С. 47 – 57.
88. Воропаев В. Пошлости Набокова // Лит. Россия. – М., 2002. – 25 января. – № 4. – С. 14.
89. Воропаев В. А. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. – М., 2002. – № 1. – С. 12 – 15.
90. Воропаев В. А. Правильность пути // Глаголь. Журнал Печорского Православного педагогического общества. – 2002. – № 7. – С. 18 – 21.
91. Воропаев В. Лестница, возводящая на небо // Десятина. – М., 2002. – № 2. – С. 7.
92. Воропаев В. Праведная кончина. К 150-летию со дня смерти Гоголя // Молодая гвардия. – М., 2002. – № 3. – С. 243 – 255.
93. Воропаев В. Лестница, возводящая на небо // Славянское единство. – М., 2002. – Февраль. – № 2 (67). – С. 4.
94. Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии // Литературная учеба. – М., 2002. – Кн. 1. – С. 118 – 179; Кн. 2. – С. 87 – 145.
95. Воропаев В. Жива вера – жив народ. Н. В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Православная беседа. – М., 2002. – № 1. – С. 53 – 55.
96. Воропаев В. А. Малоизвестная часть творческого наследия Н. В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Время и текст. Историко-литературный сборник. – СПб., 2002. – С. 162 – 171.

97. Воропаев В. Понимал ли Гоголь себя? Набоков о русском писателе-классике // Воскресная школа. – М., 2002. – 8 – 15 апреля. – № 14. – С. 12 – 14.

98. Воропаев В. Праведная кончина. К 150-летию со дня смерти Гоголя // Воскресная школа. – М., 2002. – 16 – 22 апреля. – № 15. – С. 12 – 13.

99. Воропаев В. Пословицы и притчи в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Русская речь. – М., 2002. – № 2. – С. 96 – 102.

100. Воропаев В. А. Вечный спутник // Московский журнал. – М., 2002. – № 4. – С. 35 – 37.

[Б. К. Зайцев о Гоголе.]

101. Воропаев В. «Ей, гради, Господи Иисусе» // Слово. – М., 2002. – № 2. – С. 4 – 10.

102. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – 3-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 128 с. – (Перечитывая классику).

103. Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии // Віра і Розум. Богословсько-філософський журнал. – Харків, 2002. – № 3. – С. 246 – 271.

104. Воропаев В. Некролог П. П. Погодина «Кончина Гоголя». Рукопись с пометами графа А. П. Толстого, С. П. Шевырева и А. С. Хомякова // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 106 – 114.

105. Воропаев В. Воронский и его «Гоголь» // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 157 – 165.

106. Воропаев В. Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н. В. Гоголя // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 189 – 190.

[Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001. – 600 с., ил.]

107. Воропаев В. Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000) // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 194 – 211.

108. Воропаев В. «Катехизис необыкновенно замечательный» // Москва. – М., 2002. – № 6. – С. 231 – 234.

[Гоголь и А. С. Хомяков.]

109. Воропаев В. А. Явление художника читателю // Литературная учеба. – М., 2002. – Кн. 3. – С. 220 – 221.

[Рец. на кн.: Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост., статьи, примеч. И. А. Виноградова. – М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2001.]

110. Воропаев В. Воронский и его «Гоголь» // Вопросы лит. – М., 2002. – Май – Июнь. – С. 313 – 321.

111. Воропаев В. А. «...Нужно проездиться по России» // Свет не вечерный. – Владимир, 2002. – № 3. – С. 39 – 44.

112. Воропаев В. Гоголь в критике русской эмиграции // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 13 – 19.

113. Воропаев В. Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении // Москва. – М., 2002. – № 8. – С. 219 – 225.

114. Воропаев В. Кончина Гоголя // Лит. Россия. – М., 2002. – 16 августа. – № 33. – С. 14 – 15.
115. Воропаев В. А. Светлые сороковины. К 150-летию со дня смерти Николая Васильевича Гоголя // Московский журнал. – М., 2002. – № 8. – С. 28 – 30.
116. Воропаев В. А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. – М.: Макариевский фонд, 2002. – 208 с. – (Православные просветители России).
- Рец.: Афанасьев В. Опыт живой веры // Москва. – М., 2003. – № 3. – С. 169 – 173; Ефремов А. Чипс горного снега // Десятина. – М., 2003. – № 7 (82). – С. 8; То же: // Роман-журнал XXI век. – М., 2003. – № 7 (55). – С. 67; <Балдина Е. > // Литературная учеба. – М., 2003. – Кн. 5. – С. 131.
117. Воропаев В. Мы все работаем у одного Хозяина. Гоголь в Троице-Сергиевой лавре // Воскресная школа. – М., 2002. – 16 – 31 июля. – № 25 – 26. – С. 10 – 11.
118. Воропаев В. Об одном замечательном трактате // Воскресная школа. – М., 2002. – 16 – 31 июля. – № 27 – 28. – С. 16 – 17. [Гоголь о трактате А. С. Хомякова «Церковь одна».]
119. Воропаев В. Жизнь с Гоголем // Лит. Россия. – М., 2002. – 30 августа. – № 35. – С. 13.
120. Воропаев В. У Богозданных пещер. На родине Гоголя // Православный паломник. – М., 2002. – № 3. – С. 32 – 36.
121. Воропаев В. А. Гоголевские штудии // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Вып. 8. (65). – Симферополь, 2002. – С. 86 – 104.
- Гражданин земли Русской: С. 86 – 93.
У Богозданных пещер: С. 93 – 99.
Нужно любить Россию: С. 99 – 104.
122. Воропаев В. А Мертвые души: кто они? (О названии поэмы Н. В. Гоголя) // Русская речь. – М., 2002. – № 3. – С. 10 – 13.
123. Воропаев В. Панихида по Гоголю // Православная юношеская газета. – М., 2002. – № 12/13 (36/37). – Июль. – С. 13 – 14.
124. Воропаев В. А. Сто рисунков к «Мертвым душам» // Московский журнал. – М., 2002. – № 10. – С. 57 – 60.
- [По поводу кн.: Мертвые души. Поэма / Рисунки А. А. Агина и Е. Е. Бернардовского. Силуэты Ф. П. Толстого. Примеч. и послеслов. В. М. Гуминского. М.: Рекламно-компьютерное агенство газеты «Груд», <2001. >]
125. Воропаев В. По зову Божьему. К 150-летию со дня кончины Н. В. Гоголя // Православная беседа. – М., 2002. – № 5. – С. 52 – 55.
126. Воропаев В. А. «Нужно любить Россию» // Русский Дом. – М., 2002. – № 11. – С. 46 – 47.
127. Воропаев В. На родине Гоголя // Лит. Россия. – М., 2002. – 15 ноября. – № 46. – С. 6.
128. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Десятина. – М., 2002. – № 11 (74). – С. 8.
129. Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Десятина. – М., 2002. – № 12 (75). – С. 8.

130. Воропаев В. А. Гоголь в критике русской эмиграции // Русская литература. – СПб., 2002. – № 3. – С. 192 – 211.

131. Воропаев В. А. «На зеркало неча пенять...» (Смысл эпиграфа и «немой сцены» в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор») // Русская речь. – М., 2002. – № 6. – С. 9 – 15.

132. Воропаев В. Лестница, возводящая на небо // Духовный Собеседник. – Самара, 2002. – № 3 (31). – С. 112 – 126.

133. Воропаев В. А. Творчество Н. В. Гоголя: авторефераты диссертаций (1945 – 2002) // Мир библиографии. – М., 2002. – № 5. – С. 45 – 53.

134. Ганичев В. Николай Гоголь объединяет народы // Роман-журнал XXI век. – М., 2002. – № 4. – С. 2 – 3.

[По поводу выхода в свет иллюстрированного однотомника Гоголя с предисловием президента Украины Л. Д. Кучмы и посла России на Украине В. С. Черномырдина. Издание осуществлено изд-вом «Московский писатель» при участии Союза писателей России и Фонда культуры Украины.]

135. Гарин И. И. Загадочный Гоголь. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 640 с.

Откл.: Воропаев В. Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении // Москва. – М., 2002. – № 8. – С. 225.

136. Гетман Л. И. К проблеме полиэмоциональности гоголевских текстов // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 76 – 80.

137. Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – 231 с. (на рус. и укр. яз.).

138. Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения: Сборник докладов / Правительство Москвы. Комитет по культуре Москвы. Гор. б-ка № 2 им. Н. В. Гоголя. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – 296 с.: ил.

Викулова В. П. Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: С. 13 – 14.
Швыдкой М. Е. Приветствие участникам первых Гоголевских чтений: С. 17 – 18.

Барабаш Ю. Я. Подтексты «петербургского текста» (-их, -ов). «Невский проспект» и «Портрет»: С. 19 – 33.

Викторович В. А. «И стал я разглядывать...». Эволюция художественной оптики от Гоголя к Достоевскому: С. 34 – 48.

Дмитриева Е. Е. К вопросу об «исторических неточностях» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: С. 49 – 63.

Иваницкий А. И. Об эволюции роли риторики в гоголевской фабуле: С. 64 – 75.

Карасев Л. В. Ведьма и кошка. Детский опыт Гоголя: С. 76 – 81.

Кузнецов А. Н. Культурологическая аллюзия в «Записках сумасшедшего» Гоголя: С. 82 – 96.

Крашенинников А. Ф. О реальности основы сюжета повести Н. В. Гоголя «Нос»: С. 97 – 104.

Мильтон В. И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя как литературная форма: С. 105 – 124.

- Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в прозе Гоголя: С. 125 – 133.
- Анненкова Е. И. Наставническое слово в письмах Н. В. Гоголя и Игн. Брянчанинова: С. 134 – 137.
- Воропаев В. А. Последнее пристанище. Гоголь в доме графа А. П. Толстого: С. 138 – 148.
- Генералова И. П. О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции (И. С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicjlas Gogol»): С. 149 – 165.
- Чернова-Бургер И. М. Первые чешские переводы Н. В. Гоголя на перекрестке чешской и русской национальной мысли. К. В. Зап, Карел Гавличек, М. П. Погодин, С. П. Шевырев: С. 166 – 178.
- Асланова Г. Д. Гоголь и Фет: С. 179 – 188.
- Виноградов И. А. Гоголь и Уваров: С. 189 – 202.
- Владимиров И. Ф. Гоголь и Булгаков: С. 203 – 211.
- Гуминский В. М. Гоголь и Наполеон: С. 212 – 233.
- Джимбинов С. Б. Гоголь и Розанов: С. 234 – 240.
- Золотусский И. П. Гоголь и Достоевский. Вступление в тему: С. 241 – 250.
- Богданов Н. Н. Патография Гоголя: С. 251 – 253.
- Верещагина А. Г. Новое о статье Гоголя «Последний день Помпеи»: С. 254 – 279.
- Нечаева Н. С. Портфель Гоголя: С. 280 – 282.
- Кузнецова А. Г. Письма М. И. Гоголь и ее дочерей к Аксаковым. Из рукописного фонда музея «Абрамцево»: 283 – 289.
139. Н. В. Гоголь. Лирические отступления. Птица тройка. Графический аккомпанемент Александра Лаврухина. – М., 2002. – 12 с.
[Графика А. Лаврухина.]
140. Гоголь. Театр. Петербург // Театральный мир Петербурга. – Вып. 1. – СПб., 2002. – С. 57 – 92.
[Статьи Г. А. Лапкиной, Б. А. Смирнова, Е. К. Соколинского и др., посвященные теме Петербурга в творчестве писателя, а также постановкам пьес Гоголя на петербургской сцене.]
141. Голубкова А. А. Розанов о Гоголе: этапы формирования интерпретации // Традиции русской классики XX века и современность: Материалы научной конференции. – М., 2002. – С. 41 – 45.
142. Гольденберг А. Х. Традиции народной песни в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. – М., 2002. – № 7. – С. 5 – 19.
143. Гольденберг А. Х. Эволюция творчества Н. В. Гоголя в контексте традиций народной культуры // Филологический сборник. – Волгоград, 2002. – С. 178 – 190.
[Картинки жизни идеального помещика во 2-м томе «Мертвых душ» в свете жанровой поэтики русской величальной и волшебной сказки.]
144. Гольденберг А. Х. Традиции народной песни в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. – М., 2002. – № 7. – С. 5 – 19.
145. Гольденберг А. Х. Идея всеобщего пробуждения в творчестве Гоголя и фольклорная традиция // Русское литературоведение в новом

тысячелетия. Материалы 1-й Международной конференции: В 2 т. – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. – Т. 1. – С. 48 – 53.

146. Горских Н. А. Функция вещи в художественном пространстве в поэме Гоголя «Мертвые души» и в романе Сологуба «Мелкий бес» (к постановке проблемы) // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции. – Томск: Издание ТГУ, 2002.

147. Гуминский В. Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. – М., 2002. – № 3. – С. 216 – 231.

148. Гуминский В. М. Чичиков и Наполеон // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна). – М., 2002. – С. 159 – 172.

149. Гуцало С. Неземная любовь Николая Гоголя // Зеркало недели. – Киев, 2002. – 26 октября. – № 41 (416). – С. 21.

[Гоголь и А. О. Смирнова.]

150. Гуревич И. А. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). – Томск: Изд-во Водолей, 2002. – 256 с.

Недиалогическое раздвоение (Гоголь): С. 95 – 100.

151. Гурьянова Л. В. Лексикографическая практика Н. В. Гоголя // Текст: проблемы изучения в вузе и школе. – Пенза, 2002. – Вып. 1. – С. 26 – 31.

152. Демченко Олег. Отчего Гоголь перевернулся в гробу: 150 лет назад не стало автора «Мертвых душ» // Парламентская газета. – М., 2002. – 2 марта. – № 43. – С. 6.

153. Денисов В. Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие) // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 4 – 12.

154. Денисов В. Д. Тарас-бунтовщик. К вопросу об истоках гоголевской эпопеи // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Вып. 8. (65). – Симферополь, 2002. – С. 74 – 85.

155. Денисов В. Д. Образ храма в творчестве Гоголя // Христианство и русская литература. – СПб., 2002. – Сборник 4. – С. 279 – 291.

156. День памяти Н. В. Гоголя в Москве 4 марта 2002 года // Роман-журнал XXI век. – М., 2002. – № 4. – С. 5.

157. Дикарева Л. Ю. Лингвосомиотические способы объективации идеи превращения в художественной прозе Н. В. Гоголя // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 51 – 58.

158. Дмитриева Е. Вий – кто он? // Наука и жизнь. – 2002. – № 8. – С. 56 – 59.

159. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX веках. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. – 1056 с.

Глава VI: Николай Васильевич Гоголь: С. 135 – 167.

160. Е. Е. Неведомая сила // Алфавит. – М., 2002. – № 9. – С. 39.

161. Есин Б. И. Многочисленные сходство: Гоголь и Белинский о значении направления в журнале // Из века в век: Из истории русской журналистики, 1702 – 2002. – М., 2002. – С. 62 – 67.

162. Желтов Д. В. Диканька и Петербург: Цвет и свет ночи в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Филологические этюды. – Вып. 5. – Саратов, 2002. – С. 35 – 37.
163. Живаева Л. Н. Индивидуальные концепты языковой личности и анафония (на материале прозы Н. В. Гоголя и А. Белого) // Текст: проблемы изучения в вузе и школе. – Вып. 1. – Пенза, 2002. – С. 32 – 39.
164. Жуковский В. А. О молитве (Из письма к Н. В. Гоголю) <Отрывок> // Московский писатель. Энциклопедический журнал-меморандум. № 2 (7). Июль 2002 – декабрь 2002. – М., 2002. – С. 5 – 7.
165. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 288 с.
[О Гоголе: С. 244 – 245.]
166. Загорская Т. Игровое пространство комедии (О декорационном оформлении первой постановки «Ревизора» Н. В. Гоголя) // Театральная жизнь. – М., 2002. – № 4. – С. 32 – 36.
167. Зарецкий В. А. Три литературных путешествия по России: Аввакум – Радищев – Гоголь: Учебное пособие /Стерлитамакский гос. пед. ун-т. – Стерлитамак, 2002. – 78 с.
168. Зарытова И. В. Гоголь в зеркале западноевропейской литературы // Проблемы взаимодействия языков и культур. – Елабуга, 2002. – С. 31 – 35.
169. Зингерман Б. Связующая нить. Писатели и режиссеры. – М.: ОГИ, 2002. – 432 с.
Образ русской провинции в творчестве Гоголя (Цитаты и комментарии): С. 47 – 80.
170. Злочевская А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 188 с.
Глава 4: В. Набоков и феномен русской сатиры: С. 131 – 161.
171. Зорин А. Н. Мистериальность «Женитьбы»: (О жанровом синтетизме гоголевской комедии) // Автор. Текст. Аудитория: Межвуз. Сборник науч. трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 14 – 18.
172. Зырянов О. В. Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Известия Уральского гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 123 – 143.
173. Зябликов А. В. Гоголь – Блок: К вопросу о преемственности историкофилософских идей // Вестник Костромского гос. технологического ун-та. – Кострома, 2002. – № 6. – С. 9 – 11.
174. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя /Публ. и коммент. И. Виноградова // Святитель Игнатий (Брянчанинов) Полн. собр. творений. – Т. 4. Аскетическая проповедь. – М.: Паломник, 2002. – С. 509 – 512.
[Публ. авторизованная копия письма свт. Игнатия.]
175. Из русской мысли о России /Авт. -сост. И. Т. Янин. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. – 472 с.
Н. В. Гоголь: С. 57 – 63.

[Фрагменты из книги «Выбранные места из переписки с друзьями».]
176. Исаева И. Н. «Вий» Н. В. Гоголя. VI класс // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 38.

177. История русской литературной критики: Учебник для вузов / Прозоров В. В., Милованова О. О., Елина Е. Г. и др. – М.: Высшая школа, 2002. – 463 с.

178. Казнина Д. А. Фольклорные традиции гоголевских пейзажей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 25 – 29.

179. Карандашова О. С. Универсальное и бытовое пространство в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Историко-литературный сборник. – Тверь, 2002. – Вып. 2. – С. 47 – 51.

180. Карандашова О. С. Гоголевская реминисценция в романе В. О. Пелевина «Жизнь насекомых» // Историко-литературный сборник. – Вып. 3. – Тверь, 2002. – С. 116 – 120.

[Реминисценции из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и повести «Рим» в романе В. Пелевина.]

181. Карташов В. Фитотерапия по Гоголю // Фармацевтический Вестник. – М., 2002. – 26 февраля. – № 7 (246). – С. 23.

182. Карташов В. Увлечение Николая Гоголя // Природно-ресурсные Ведомости. – М., 2002. – Март. – № 9 (16). – С. 6.

[Ботанические увлечения Гоголя.]

183. Карташов В. Смерть Гоголя остается загадкой // Медицинская газета. – М., 2002. – 14 августа. – № 62. – С. 15.

184. Касаткина Е. Г. Музыкальный компонент как проявление идиостилия писателя // Филологические этюды. – Вып. 5. – Саратов, 2002. – С. 199 – 201.

[На материале творчества Гоголя и М. Булгакова.]

185. Киричок Григорий. Гоголь: границы литературы – границы религии // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 179 – 185.

Рец. на кн.: Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: Наследие, 2000. – 448 с.

186. Классический психоанализ и художественная литература / Сост. и общ. ред. Лейбина В. М. – СПб. И др.: Питер, 2002. – 445 с. – (Хрестоматия по психологии).

187. Клейман Т. Макароны по-гоголевски. Как всякий истинный малоросс, Николай Васильевич был в душе хлебосол // Вечерняя Москва. – М., 2002. – 4 апреля. – № 61.

188. Клейменова Р. Н. Общество любителей российской словесности. 1811 – 1930. – М.: Academia, 2002. – 624 с.

Гоголь и Общество любителей российской словесности: С. 367 – 393.

189. Клягина Л. Р. Гоголь и Шагал: к проблеме соотношения авторского сознания в иллюстрациях к поэме «Мертвые души» // Кормановские чтения. – Ижевск, УдГУ, 2002.

190. Клягина Л. Р. Н. В. Гоголь и русский авангард: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.

191. Клягина Л. Р. Город Гоголя и город Шагала // Известия Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 170 – 177.

192. Кожин В. В. Победы и беды России. – Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с. – (Серия «История России. Современный взгляд»).

Разгул широкой жизни. «Мертвые души» Н. В. Гоголя: С. 159 – 184.

193. Кондакова Ю. В. Гоголь и Булгаков: мистика творчества // Известия Уральского гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 152 – 170.

[Гоголевская традиция в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова.]

194. Конспекты уроков для учителя литературы: 6 – 10 классы: Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой: Пособие для учителя. – М.: Гуманитарный исследовательский центр ВЛАДОС, 2002. – 320 с.

Антышева В. Ю. 6 класс. Повесть «Майская ночь, или Утопленница»: С. 8 – 17.

Айрапетова Н. А., Ильчук В. П. 7 класс. Повесть «Тарас Бульба»: С. 18 – 31.

Волгожанина В. В. 8 класс. Комедия «Ревизор»: С. 32 – 37.

Антышева В. Ю. 9 класс. Повесть «Портрет»: С. 38 – 51.

Кобелева Е. А. 10 класс. Поэма «Мертвые души»: С. 52 – 62.

Воропаев В. А. Лестница Николая Гоголя: С. 64 – 84.

Виноградов И. А. Узлы небесного братства: повесть «Тарас Бульба»: С. 85 – 113.

195. Кормилицына А. А. Говорящие фамилии в английских переводах комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы литературного диалога: Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Латашова В. П., 2002. – С. 84 – 90.

196. Котельников В. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. – М.: Прогресс-Плеяда, 2002. – 384 с., 64 с. илл.

Близ оптинских стен: С. 261 – 274.

Рец.: Воропаев В. На пути к Оптиной // Москва. – М., 2003. – № 11. – С. 197 – 199.

197. Кравченко Н. П. Проповеднические мотивы русской публицистики (На примере «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя) // Духовные начала русского искусства и образования. – Вел. Новгород, 2002. – С. 114 – 116.

198. Кривонос В. Сон Тараса в «Тарасе Бульбе» // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Киев, 2002. – С. 20 – 34.

199. Кривонос В. Загадка эпилога «Шинели» Гоголя // Литература. – М., 2002. – № 9. – С. 9 – 11.

200. Кривонос В. Ш. Сон Тараса в структуре повести «Тарас Бульба» // Известия АН. Сер. лит. и яз. – М., 2002. – Т. 61. – № 4. – С. 10 – 18.

201. Кривонос В. Сюжет пространства и сюжет героя в «Риме» Гоголя // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 129 – 138.

202. Крисанова Н. В. О поэтике цикла повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Духовное возрождение. – Вып. 10 (юбил.). – Белгород, 2002. – С. 304 – 308.

203. Крюков В. М. По делу «Карамазовых» // Восток – Запад: Историко-литературный альманах. – М., 2002. – С. 205 – 229.

[Проблематика романа Достоевского «Братья Карамазовы» в контексте полемики писателя с историософской концепцией Гоголя.]

204. Кузнецова-Чапчახова Г. «Дело мое – душа и прочное дело жизни» // Российский писатель. – М., 2002. – Март. – № 6 (33). – С. 4 – 5.

205. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – 288 с.

Гоголь как Ходжа Насреддин: С. 76 – 81.

И еще об одной устной новелле Гоголя: С. 81 – 90.

Повесть «Нос» в свете поэтики анекдота: С. 90 – 92.

Гоголь и анекдоты-небылицы (лживые истории): С. 92 – 97.

К истории двойной устной новеллы: С. 98 – 103.

История о бычачьих глазах: С. 103 – 105.

Гоголь и поэтика лжи: С. 106 – 111.

Об испанских рассказах Гоголя: С. 112 – 114.

О специфике устных рассказов Гоголя: С. 115.

Параллель к одному эпизоду из «Носа»: С. 116 – 117.

Повесть «Коляска» как анекдот: С. 118 – 123.

Стреляющая шинель: С. 123 – 125.

Композиционные принципы Гоголя и их истоки: С. 125 – 127.

Путь Гоголя художника и природа анекдота: С. 127 – 132.

Приложение:

Н. В. Гоголь: С. 254 – 257.

206. Лебедев Ю. В. Историко-философский урок «Шинели» Н. В. Гоголя // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 27 – 30.

207. Лебедева О. Б. Эстетические и композиционно-структурные функции «Повести о капитане Копейкине» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русская повесть как форма времени: Сборник статей. – Томск, 2002. – С. 141 – 154.

208. Левкиевская Е. Е. «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 406 – 412.

[Фольклорная семантика цветовой оппозиции «белый-красный» в произведении Гоголя.]

209. Лепяхин В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. – М.: Изд-во Отчий дом, 2002. – 736 с.

Икона в жизни и творчестве Н. В. Гоголя. «Тарас Бульба», «Страшная месть», «Вий», «Ночь перед Рождеством»: С. 145 – 163.

Живопись и иконопись в повести «Н. В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок»: С. 164 – 199.

210. Живопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820 – 1828). Гоголеведческие студии. – Вып. 8. /Сост. Жаркевич Н. М. – от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг., примечания; Кирилук З. В. – 1820 г.; Якубина Ю. В. – 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен. /Вступ. статья Михеда П. В. – Нежин: ННГУ, 2002. – 232 с.

Загл. вступ. статьи: Н. В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (проблемы изучения): С. I – VI.

211. Лившиц Е. И. Гоголь, Де Квинси и Жюль Жанен // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 153 – 161.

212. Линков В. Я. История русской литературы XIX века в идеях: Учебное пособие. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. – 192 с.

Диалектика «Мертвых душ»: С. 13 – 26.

213. Лион П. Э., Лохова Н. М. Литература: Для школьников старших классов и поступающих в вузы: Учебное пособие. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: Дрофа, 2002. – 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1852): С. 200 – 240.

214. Лойфман И. Я. Урок милосердия: (К 160-летию «Шинели» Н. В. Гоголя) // Новые идеи в философии науки и научном познании. – Екатеринбург, 2002. – С. 245 – 250.

215. Ляпина А. В. О «Женитьбе» Н. В. Гоголя: VIII класс // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 33 – 37.

216. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Пробл. Инварианта и типология жанра /Российский гос. гуманитарный ун-т, Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2002. – 144 с. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Прил.).

[На материале Пушкина, Гоголя, Брюсова.]

217. Манн Ю. Пишу и сжигаю. Все должно возникнуть заново из пепла – как птица феникс // Независимая газета. – М., 2002. – 16 марта. – С. 12.

218. Манн Ю. Рукописи горят: 150 лет назад Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» /Беседу вел А. Щуплов // Российская газета. – М., 2002. – 21 февраля. – С. 8.

219. Манн Ю. [Ответы на анкету] // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 192 – 193.

220. Манн Ю. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целой массой» // Вопросы лит. – М., 2002. – Июль-Август. – С. 170 – 200.

221. Манн Ю. «Гоголь становится модным писателем» // Известия. – М., 2002. – 31 октября. – № 199.

[Беседу вела Юлия Рахасва.]

222. Манн Ю. Мотив и жанр (к своеобразию повести Гоголя «Тарас Бульба») // Русская повесть как форма времени. – Томск, 2002.

223. Манн Ю. Произведение, не похожее на другие // Театр. – М., 2002. – № 4. – С. 21 – 24.

[«Ночи на вилле».]

225. Манько Л. В. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в IX классе национальной школы // Русская словесность. – М., 2002. – № 2. – С. 56 – 64.

226. Марцина И. Ю. Своеобразие комического у Теуво Паккала («Бык советника коммерции» (1901) и «Ревизор» Н. В. Гоголя) // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2002. – № 1. – С. 106 – 118.

227. Матвеев Б. И. Античные образы в произведениях Н. В. Гоголя // Русская речь. – М., 2002. – № 2. – С. 3 – 9.

[Функции античных имен в прозе Гоголя.]

228. Медведев Ю. Гоголь: наваждение греха // Автограф. – М., 2002. – Февраль. – № 22. – С. 8.

229. Меленберг А. Гоголь Николай Васильевич // Католическая энциклопедия. – Т. 1. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – Стлб. 1340 – 1341.

230. Мельник В. И. И. А. Гончаров: духовные и литературные истоки: Монография. – М.: МГУП, 2002. – 284 с.

[Гоголь и Гончаров: С. 254, 267 – 272.]

231. Мильдон В. И. Вершины русской драмы. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 256 с. – (Классика жанра).

«Русский анекдот» («Ревизор» Н. В. Гоголя): С. 111 – 136.

232. Михед П. В. Возвращаясь к Гоголю и «русско-украинскому вопросу» // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Вып. 8. (65). – Симферополь, 2002. – С. 105 – 126.

[По поводу статьи: Воропаев В. А. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. – М., 2002. – № 1. – С. 12 – 15.]

233. Михед П. В. Кризь призму бароко. – Киев: Ніка-Центр, 2002. – 328 с (на рус. и укр. яз.).

Об истоках художественного мира Н. В. Гоголя (Н. В. Гоголь и В. Т. Нарезный): С. 51 – 59.

Развитие критического реализма в творчестве Гоголя: С. 60– 73.

Гоголь на путях к новой эстетике слова: С. 121 – 133.

«Из лоно скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н. В. Гоголя): С. 134 – 142.

Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (Заметки к новой эстетике писателя): С. 161 – 175.

О загадке «Прощальной повести» Н. В. Гоголя: С. 227 – 238.

Две всхи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский: С. 239 – 254.

Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения: С. 293 – 306.

Н. В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (Проблемы изучения): С. 323 – 331.

234. Мостовская Н. Н., Кён Кан Ын. Творчество Гоголя и эстетика абсурда (некоторые наблюдения) // Время и текст. Историко-литературный сборник. – СПб., 2002. – С. 155 – 161.

235. Музалевский М. Е. К вопросу о цикличности пространства-времени в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литературоведение и журналистика. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002.

236. Мусий В. Б. Мотив двойничества в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Онучиусе» Теофиля Готье // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 165 – 171.

237. «Не с вами он...»: (К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя) / Вступ. статья, коммент., подготовка текста Г. Ю. Борисовой // Отеч. арх. – М., 2002. – № 5. – С. 64 – 78.

238. Немзер А. Памятные даты. – М.: Время, 2002. – 512 с.: ил. Не дает ответа!: С. 154 – 161.

239. Никишаева В. П. Птица-тройка и Павел Иванович Чичиков: (Люди и животные в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 227 – 232.

240. Николай Гоголь – в России и Украине // Роман-журнал XXI век. – М., 2002. – № 4. – С. 4.

[По поводу презентации в Киеве в Фонде культуры Украины 17 апреля 2002 года тома сочинений Гоголя с предисловием президента Украины Л. Д. Кучмы и посла России в Украине В. С. Черномырдина. Издание осуществлено изд-вом «Московский писатель» при участии Союза писателей России и Фонда культуры Украины.]

241. Нечипоренко Ю. Космогония Гоголя // Литература. – М., 2002. – № 1. С. 2 – 3.

242. Новый Век. – М., 2002. – № 2 (22). – 20 с.

[Посвящается 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя.]

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе: С. 2.

Восторгов Иоанн, священномученик, протоиерей. Честный служитель слова. Речь на панихиде по Н. В. Гоголю при открытии ему памятника в Тифлисе (1903): С. 3. [Отрывок.]

Воропаев В. Последнее пристанище: С. 3 – 5.

Виноградов И. Узы небесного братства: С. 6 – 7.

Споров Б. Дело, взятое из души: С. 8 – 9.

Виноградов И. Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу: С. 10 – 11.

Воропаев В. Лестница, возводящая на небо: С. 12 – 14.

Перенесение праха Н. В. Гоголя / Публ. Л. Ястржембского: С. 15 – 16.

Споров Б. Новый Гоголь: С. 17.

[Рец. на кн.: Гоголь Н. В. Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Отчий дом, 2001.]

Воропаев В. Песнь благодарения Богу: С. 18.

[Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001.]

Споров Б. Ближе к родине небесной: С. 19 – 20.

[Рец. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. – М.: Наследие, 2001.]

[Откл. на кн.: Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. – М.: Наследие, 2000]: С. 20.

243. Овечкин С. Романтическая риторика и гоголевский стиль // Гоголь как явление мировой литературы. Международная научная конференция. Материалы докладов. – М., 2002. – С. (В печати)

244. Одной «страшной тайной» станет меньше. Найдено письмо, проливающее свет на смерть Гоголя // Известия. – М., 2002. – 29 апреля. – № 75. – С. 8.

[Беседа обозревателя газеты Ю. Рахаевой с Ю. Манном. Отрывок из письма Николая Рамазанова Нестору Кукольникову.]

245. Осадчая Л. А. Повесть «Невский проспект» как введение к «Петербургским повестям» Н. В. Гоголя // Молодая филология: Сборник научных трудов. – Вып. 4. – Ч. 1. – Новосибирск, 2002. – С. 33 – 41.

246. Падерина Е. Мотив книги и чтения в творческом сознании Н. В. Гоголя // Театр. – М., 2002. – № 4. – С. 17 – 21.

247. Патеев Р. Хлестаков заговорил на суахили и... покорил Занзибар // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 7. – С. 75 – 76: ил.

[Российский культурный центр в Танзании провел презентацию суахилийского издания «Ревизор». Постановка пьесы на сцене Российского культурного центра в Дар-эс-Саламе.]

248. Петренко А. Ф. Сюжеты и герои булгаковской прозы 1920-х годов: уроки Гоголя // Вестник Пятигорского лингв. ун-та. – Пятигорск, 2002. – № 4. – С. 35 – 39.

249. Петров А. В. К вопросу о смыслообразующей тенденции жанра «Повести о капитане Копейкине» // Русская повесть как форма времени: Сборник статей. – Томск, 2002.

250. Пионтковская И. П. Функция метафоры в поэтической структуре «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 30 – 35.

251. Православная традиция в художественном творчестве и общественной мысли (XIX – XX вв.). Вып. 1. Русская литература и религиозная живопись (XIX век). Хрестоматия / Сост. Г. Н. Мелехова. – М., 2002. – 272 с.

Николай Васильевич Гоголь: С. 121 – 172.

252. Прозоров В. В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Филология: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 5: Пушкинский. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 149 – 153.

253. Прокопенко В. Тарас Бульба местного разлива // Московский комсомолец. – М., 2002. – 18 – 25 июля. – С. 28.

[О переводе повести «Тарас Бульба» на украинский язык.]

254. Простаков В. Гоголь в Риме // Italica! – М., 2002. – Февраль. – № 2 (26). – С. 10.

255. Пятакова Г. Традиции М. Д. Чулкова в творчестве Н. В. Гоголя // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 143 – 148.

256. Радецкая М. М. Диалог культур в идиллии Н. В. Гоголя «Гаяц Кюхельгартен» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 3 – 8.

257. Рапацкая Л. А. Русская художественная культура: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Гуманитарный изд. центр Владос, 2002. – 608 с.
[Н. В. Гоголь: С. 342 – 345.]
258. Раскольников Ф. А. Статьи о русской литературе. – М.: Вагриус, 2002. – 351 с.
259. «Ревизор» в театре имени Вс. Мейерхольда: Сборник статей / РАН. Ин-т истории искусств. – СПб.: Академия, 2002. – 151 с.: ил. – (Современный театр; Вып. 4).
260. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. Ахру /Подгот. Текста, статья, коммент. Е. Р. Обатниной. – М., 2002
[О Гоголе: С. 564 – 567.]
261. Ронен И. Идеи Тынянова и замысел книги Эйзенштейна о Пушкине и Гоголе // Звезда. – СПб., 2002. – № 12. – С. 194 – 197.
[«Ревизор» как пародия на «Бориса Годунова» Пушкина.]
262. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. – Т. 1.: А – Ж. – М. – СПб., 2002. – 688 с.: ил.
Гоголь Н. В.: С. 466 – 467.
263. Румянцев А. «Душевная правда» Николая Гоголя // Сибирь. – Иркутск, 2002. – № 2. – С. 173 – 193.
264. Самойленко Г. В. Нежинская Гоголиана на современном этапе / Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 182 – 186.
265. Самойленко Г. В. Нежин – город юности Гоголя. – Нежин: НГПУ, 2002. – 262 с.
266. Сапченко Л. Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: (От Карамзина – к Чехову) // Вопросы лит. – М., 2002. – Вып. 6. – С. 342 – 353.
267. Сахаров В. И. Русская проза XVIII – XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 216 с.
Проза Гоголя и романтическая традиция: С. 62 – 82.
«...Предвижу большой талант» (В. Ф. Одоевский и Гоголь): С. 83 – 97.
Суровый наследник (Гоголь и Лев Толстой): С. 98 – 107.
268. Сахаров В. Пророки романтизма (Гоголь и Шатобриан) // Гоголевские студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 97 – 102.
269. Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя. Материалы к историческому комментарию // Лит. Россия. – М., 2002. – 29 ноября. – № 48. – С. 10.
270. Свиридов Г. В. Музыка как судьба /Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 798 [2] с.: ил. – (Б-ка мемуаров. Близкое прошлое; Вып. 2).
271. Сегень А. Гоголь // Российский писатель. – М., 2002. – Март. – № 6 (33). – С. 4.
[Выступление на могиле писателя 4 марта 2002 года.]
272. Сегень А. На могиле Гоголя // Роман-журнал XXI век. – М., 2002. – № 4. – С. 24.

273. Седов Н. К. «Женитьба Н. В. Гоголя и раннее творчество Ф. М. Достоевского // Автор. Текст. Аудитория: Межвузовский Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 18 – 22.

274. Сдобнов В. В. Русская литературная демонология: Этапы развития и творческого осмысления. Монография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. – 316 с.

[О Гоголе: С. 290 – 297.]

275. Сивкова А. В. Основные лексические парадигмы в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и новелле Э. Т. А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год» // Балтийские исследования. – Вып. 1. – Калининград, 2002. – С. 53 – 60.

276. Сидоров И. С. Радугин и Хлестаков: (Об одном из возможных источников «Ревизора») // Philologica – Moscow; London, 2001/2002. – Т. 7. – № 17/18. – С. 167 – 172.

[Анонимная заметка «Хвастун в дальней губернии» из «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» (октябрь 1834 г.) как возможный источник комедии.]

277. Сидоренко В. А. Художественное время в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 89 – 92.

278. Симонова И. А. Федор Чижов. – М., 2002.

279. Смирнов А. С. Принципы анализа иронического дискурса романтической эпохи // Современные методы анализа художественного произведения. – Смоленск, 2002. – С. 71 – 80.

[Романтическая ирония в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».]

280. Сокол Е. М. В. Г. Белинский в творческих судьбах Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского 1840-х годов (к проблеме методики трактовки зальцбургского письма Белинского Гоголю) // Исследовательская деятельность педагога как фактор повышения профессионального мастерства: Материалы I методологической городской конференции педагогов г. Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – С. 47 – 54.

281. Солдатенко Т. Н. В. Гоголь и А. О. Смирнова-Россет // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 18 – 25.

282. Спор о «Мертвых душах» // Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Л. А. Соболева. – М.: ООО «Изд-во «Олимп»: ООО Изд-во АСТ», 2002. – С. 41 – 184. – (В-ка русской критики).

Плетнев П. А. Чичиков, или «Мертвые души» Гоголя: С. 41 – 57.

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 57 – 70.

Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: С. 70 – 79.

Севковский О. И. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя: С. 79 – 108.

- Полевой Н. А. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя: С. 108 – 133.
- Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя:
 Статья первая: С. 133 – 155.
 Статья вторая: С. 155 – 184.
283. Споров Б. «Ближе к родине небесной» // Московский журнал. – М., 2002. – № 3. – С. 10 – 11.
- Откл. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. – М.: Наследие, 2001.
284. Споров Б. Знаем ли мы Гоголя? В год 150-летия со дня смерти писателя этот вопрос, как никогда, актуален // Учительская газета. – М., 2002. – 9 апреля. – № 15. – С. 19.
285. Споров Б. «...Ближе к родине небесной» // Литературная учеба. – М., 2002. – Кн. 3. – С. 218 – 220.
- [Рец. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Наследие, 2001.]
286. Споров Б. Ближе к родине небесной // Москва – М., 2002. – № 7. – С. 199 – 202.
- [Рец. на кн.: Гоголь Н. В. Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Отчий дом, 2001.; Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Наследие, 2001.]
287. Степанян В. Н. Предсмертные слова знаменитых людей. – СПб.: Филологический ф-т С.-Петербургского гос. ун-та, 2002. – 220 с.
- Николай Васильевич Гоголь: С. 138.
288. Струтинская Е. И. От Гофмана к Гоголю. Сценографические работы В. В. Дмитриева 20-х годов // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. – М.: ОГИ, 2002. – С. 103 – 115.
289. Супронюк О. К. Из разысканий о П. И. Мартосе, авторе письма к Пушкину 1836 г. // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. – СПб., 2002. – Вып. 2. – С. 371 – 379.
290. Суркова К. В. «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Метьюрина и «Портрет» Н. В. Гоголя: проблема традиций // Филология в системе современного университетского образования. – Вып. 5. – М., 2002. – С. 55 – 58.
291. Тарасова Е. К. Н. В. Гоголь в немецкоязычном литературоведении (70 – 90 годы XX века). – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 160 с.
- [Рец. Воропаев В. А. // Вестник Российского гуманитарного научно-го фонда. – М., 2002. – № 3 – С. 227 – 230.]
292. Томачинский В. *Стилистический синтез* Гоголя // *Континент*. – Париж – М., 2002. – № 4 (114). – С. 372 – 384.
293. Труайя А. Гоголь в Париже / Пер. с французского Н. Т. Унаианд // Московский журнал. – М., 2002. – № 1. – С. 18 – 25.

294. Труайя А. Русские биографии / Публ. и пер. с фр. Н. Унаняц /
/ Наука и жизнь. — 2002. — № 1. — С. 72 — 78.
295. Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. ста-
тья и коммент. М. Д. Филина. — М.: Русский Мир, 2002. — 448 с.: ил. —
(Из наследия русской эмиграции).
От составителя: С. 5 — 10.
- Погодин А. Поразительная книга: С. 13 — 17.
[Впервые: Новое Время. — Белград, 1925. — 15 февраля. — № 1139.]
- Лукаш Иван. Поликсена (Из рассказов деда о Гоголе): С. 18 — 27.
[Впервые: Перезвоны. — Рига, 1925. — № 4.]
- Айхенвальд Ю. «Человек, который смеется» (К 75-летию кончины
Гоголя): С. 28 — 31.
[Впервые: Сегодня. — Рига, 1927. — 4 марта. — № 51.]
- Кульман Н. Душевная драма Гоголя (К 75-летию со дня кончины):
С. 32 — 39.
[Впервые: Возрождение. — Париж, 1927. — 6 марта.]
- Новгородцев П. И. Гоголь в его «Переписке с друзьями»: С. 40 — 53.
[Впервые: Россия и славянство. — Париж, 1929. — 27 апреля. [Статья-
лекция, опубл. посмертно.]
- Ремизов Алексей. Тайна Гоголя: С. 54 — 59.
[Впервые: Воля России. — Прага, 1929. — № 8 — 9.]
- Амфитеатров Александр. Женищины Гоголя (К 80-й годовщине кон-
чины Гоголя): С. 60 — 67.
[Впервые: Сегодня. — Рига, 1932. — 6 марта.]
- Северянин Игорь. Гоголь: С. 68.
[Из книги: Северянин И. Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах,
писателях и композиторах. — Белград, изд. автора, 1934.]
- Ходасевич В. Памяти Гоголя: С. 69 — 76.
[Впервые: Возрождение. — Париж, 1934. — 29 марта.]
- Адамович Георгий. Андрей Белый и Гоголь: С. 77 — 83.
[Впервые: Последние Новости. — Париж, 1934. — 14 июня. — № 4830.]
- Бицилли П. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства): С.
84 — 97.
[Впервые: Современные Записки. — Париж, 1934. — № 56.]
- Зайцев Бор. Жизнь с Гоголем: С. 98 — 118.
[Впервые: Современные Записки. — Париж, 1935. — № 59.]
- Флоровский Георгий, прот. Проблема христианской культуры у Го-
голя (Из книги «Пути русского богословия»): С. 119 — 133.
[Впервые: Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. —
Париж, 1937.]
- Лозинский Г. Л. Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые
души»): С. 134 — 138.
[Впервые: Пушкин. Однодневная газета. — Париж, 1937. — Февраль.]
- Туроверов Николай. Гоголь: С. 139 — 140.
[Из книги: Туроверов Н. Стихи. Книга четвертая. — Париж, 1942.
См. также: Русская Мысль. — Париж, 1952. — 5 марта. — № 429.]

Ильин Иван. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни: С. 141 – 184.

[Впервые: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – Кн. 3. – М., 1997. В основу трактата положена лекция на немецком языке, прочитанная И. Ильиным в Цюрихе в марте 1944 года. (перевод З. Г. Антипенко).]

Федотов Г. О книге В. Набокова «Nicolai Gogol» (Norfolk, Conn., New Directions, 1944): С. 185 – 187.

[Впервые: Новый Журнал. – Нью-Йорк, 1944. – № 9.]

Чижевский Дмитрий. Неизвестный Гоголь: С. 188 – 230.

[Впервые: Новый Журнал. – Нью-Йорк, 1951. – № 27.]

Тэффи Н. После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров): С. 231 – 245.

[Впервые: Новое Русское Слово. – Нью-Йорк, 1952. – 16 марта.]

Иоанн (Шаховской), епископ. Душа Гоголя (К 100-летию со дня его кончины): С. 246 – 249.

[Печ. по изд.: Россия. – Нью-Йорк, 1952. – 7 июня. – № 4890.]

См. также: Новое Русское Слово. – Нью-Йорк, 1952. – 30 марта. [В основу статьи положено выступление владыки Иоанна в программе радиостанции «Голос Америки», вещавшей на СССР.]

Мейер Георгий. Трудный путь (Место Гоголя в метафизике российской литературы): С. 250 – 277.

[Впервые: Возрождение. – Париж, 1952. – № 19.]

Ремизов Алексей. Сердечная пустыня (Из книги «Огонь вещей»): С. 278 – 287.

[Впервые: Опыты. – Нью-Йорк, 1953. – № 2.]

Зеньковский Василий, прот. Н. В. Гоголь (Из книги «Русские мыслители и Европа»): С. 288 – 305.

[Из книги: Зеньковский В. прот. Русские мыслители и Европа. Критика европеизации культуры у русских мыслителей. – Париж, 1955.]

[Зеньковский Василий, прот.] Памяти Н. В. Гоголя (К 150-летию со дня рождения): С. 306 – 309.

[Впервые: Вестник РСХД. – Париж, Нью-Йорк, 1959. – № 53.]

Иванов Георгий. «По улице уносит стружки...»: С. 310.

[Из книги: Иванов Г. Стихи. 1943 – 1958. – Нью-Йорк, 1958.]

Шик Александр. Юность Никоши (Из книги «Безрадостная жизнь Гоголя»): С. 311 – 329.

[Впервые: Мосты. – Мюнхен, 1958. – № 1.]

Тхоржевский И. Николай Васильевич Гоголь: С. 330 – 338.

[Впервые: Возрождение. – Париж, 1959. – № 87.]

Газданов Гайто. О Гоголе: С. 339 – 356.

[Впервые: Мосты. – Мюнхен, 1960. – № 5.]

Ильин В. Н. Адский холод Гоголя: С. 357 – 380.

[Впервые: Возрождение. – Париж, 1962. – № 131.]

Анненков Ю. Театр Гоголя: С. 381 – 402.

[Впервые: Возрождение. – Париж, 1964. – № 154.]

Коммент.: С. 405 – 432.

Об авторах: С. 433 – 440.

296. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. – М.: Аграф, 2002. – С. 300 – 339.

297. У могилы Гоголя // Вестник Союза писателей России. – М., 2002. – Январь – Июнь. – С. 54 – 55.

298. Улыбина О. Б. Гоголь и романтическая модель сна в русской литературе 20 – 30-х гг. XIX века // Филологический вестник. – Вып. 3. – Саранск, 2002. – С. 131 – 138.

299. Улюра А. «Старички прошедшего века» в повестях Н. В. Гоголя / Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 98 – 101.

300. Умерканов Ф. Мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России: К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя // Бельские просторы. – Уфа, 2002. – № 2. – С. 170 – 175.

301. Фанкин Юрий. Очищение огнем. Повесть о Н. В. Гоголе / Ил. к произведениям Гоголя – худ. Ф. Москвитина // Роман-журнал XXI век. – М., 2002. – № 4. – С. 8 – 23.

302. Феномен «Шинели» Н. В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя: (К 160-летию издания). Коллективная монография. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 212 с.

Предисловие: 3 – 7.

Мирошников Ю. И. Н. В. Гоголь – романтик: С. 8 – 24.

Савенков А. И. Духовность и ее выражение в творчестве Н. В. Гоголя: С. 24 – 44.

Чернов Л. С. Н. В. Гоголь и юродство: С. 45 – 70.

Клягина Л. Р. Эстетика «двух реальностей» в художественном мировоззрении Н. В. Гоголя: С. 70 – 85.

Зырянов О. В. «Вечная идея» гоголевской «Шинели»: герменевтические этюды: С. 86 – 165.

Мирошниченков Ю. И. Антропология гоголевской «Шинели»: С. 165 – 191.

Жуков Е. А. История трех потрясений: С. 191 – 211.

303. Франк С. Заражение страстями или текстовая «наглядность»: Pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. – М., 2002. – С. 31 – 41.

[«Последний день Помпеи» из сборника «Арабески» в контексте художественной критики России первой половины XIX в.]

304. Целехович Т. П. Обживание «овеществленного» пространства как испытание духа в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 81 – 83.

305. Чернова Т. А. Новая шинель Акакия Акакиевича // Лит. в школе. – М., 2002. – № 6. – С. 24 – 26.

306. Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя: Записки психиатра. – М.: ТЕРРА-Кл. клуб: Республика, 2002. – 511 с.

307. Чикарькова М. Ю. Пейзаж в повести Гоголя «Вий» // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 83 – 89.

308. Чоботько Александр. Диалог христианских душ // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 186 – 188.

[Рец. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; Подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Наследие, 2001.]

309. Христианство и новая русская литература XVIII – XX веков: Библиографический указатель. 1800 – 2000. – СПб.: Наука, 2002. – 891 с.

310. Хунбо Лю. Наследие Гоголя в Китае: проблемы перевода и восприятия // Литература та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 171 – 176.

311. Шевцова Л. И. А. В. Дружинин – критик: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2002. – 48 с.

[О Гоголе: С. 27, 29 – 31.]

312. Шорохов А. Великорусский Гоголь: История одной победы // Москва. – М., 2002. – № 1. – С. 185 – 196.

313. Штильман С. Л. «Книга отражений». «Обломов»: (Гоголевские мотивы в романе И. А. Гончарова) // Русская словесность. – М., 2002. – № 3. – С. 28 – 33.

[Реминисценции из «Мертвых душ» в романе Гончарова.]

314. Штильман С. Л. Литературные реминисценции из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Проблемы современного филологического образования. – Вып. 2. – М., Ярославль, 2002. – С. 92 – 98.

315. Шульц Сергей. «Женитьба» Гоголя и «Живой труп» Толстого в житийном контексте // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 86 – 93.

316. Шульц Сергей. Диалог символистов с Гоголем // Гоголеведческие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 171 – 173.

[Рец. на кн.: Сугай Л. А. Гоголь и символисты. Монография. – М.: ГАСК, 1999. – 376 с.]

317. Шульц С. А. Историческая поэтика драматургии Л. Н. Толстого (герменевтический аспект). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.

[О Гоголе: С. 55 – 57, 80 – 82, 176 – 177, 230, 233 – 234 и др.]

318. Шульц С. А. «Записки сумасшедшего»: толика и нарратив // Slavica Tergestina, 2002. – № 10. – С. 107 – 121.

319. Щеглова Л. В. Судьбы российского самопознания: [П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь] // Культурология (Дайджест). – 2002. – № 2 (21). – С. 34 – 40.

320. Эммануэль Вагеманс. Русская литература от Петра Великого до наших дней / Пер. с нидерландского Дмитрия Сильвестрова. – М., 2002. Николай Гоголь: С. 104 – 112.

321. Юдина М. Б. «Анализ» и «синтез» в писательской рефлексии Гончарова 1870-х годов // Историко-литературный сборник. – Тверь, 2002. – Вып. 2. – С. 59 – 69.

322. Якубина Ю. Поздний Гоголь: Духовная проза // Гоголеведчес-

кие студии. – Вып. 9. – Ніжин, 2002. – С. 173 – 178.

[Рец. на кн.: Гоголь Н. В. Духовная проза /Сост., вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Изд-во Отчий дом, 2001. – 568 с.]

323. Якубина Ю. В. Православный календарь в жизни Гоголя-гимназиста // Література та культура Полісся. – Вып. 16. – Ніжин, 2002. – С. 3 – 8.

324. Яркова А. В. Очерки Б. К. Зайцева о Н. В. Гоголе в контексте литературной критики XX века // Пушкинские чтения... – СПб., 2002. – С. 213 – 218.

**ЗМІСТ ПОПЕРЕДНІХ ВИПУСКІВ
«ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДІЙ»**

Гоголезнавчі студії: Статті і дослідження. Випуск перший.

Гоголеведческие студии. Випуск первый. — Ніжин, 1996. - 63 с.

Статті, дослідження

Дмитро Паливайко (Київ). Первинні образи в творчості Гоголя

Вадим Скуратівський (Київ). Гоголь у становленні нової української літератури

Нинель Арват (Нежин). Художественно-изобразительная роль ритма в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»

Владимир Воропаев (Москва). «Горьким словом моим посмеюся» (о духовном смысле комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»)

Олександр Ковальчук (Ніжин). Любов - порятунок від страху (стратегія пошуку шляхів порятунку суспільства у «Вибраних місцях...» М. Гоголя)

Павел Михед (Нежин). Гоголь на путях к новой эстетике слова

Юрій Хоменко (Нежин). Гоголь и Твардовский (из опыта интерпретации)

Павел Михед (Нежин). «Из лона скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н.В. Гоголя)

Гоголезнавчі студії: Статті і дослідження. Випуск другий. Гоголеведческие студии. Випуск второй. — Ніжин, 1997. - 138 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (Москва). От чего умер Гоголь?

Олександр Ковальчук (Ніжин). «Авторська сповідь» М. Гоголя (своєрідність бачення світу «українською людиною»)

Юрій Барабаш (Москва). Біпарна опозиція «батьківщина — чужина» в Гоголя і Шевченка

Марина Новикова (Симферополь). Ирина Шама (Залорожье). Символика позднего Гоголя

Игорь Виноградов (Москва). «Тарас Бульба» и отношение Н.В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса)

Семен Абрамович (Черновцы). Заметки об изучении писательской позиции позднего Гоголя

Павел Михед (Нежин). Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (заметки к новой эстетике писателя)

Вадим Скуратовский (Киев). На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя)

Владимир Звизняцковекий (Киев). К проблеме художественного метода Гоголя

Рецензії

Н.М.Жаркевич, Ю.В. Якубина (Нежин). Старый новый Гоголь. Рец. на кн.: Воропаев В. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете православия. - М., 1994. - 159 с.

О. Ковальчук (Ніжин). Українська русистика - крок у гоголезнавчому напрямку. Рец. на кн.: Стронецький О. Гоголь. — Львів, 1994.

Г. Киричок (Нежин). Адекватность - точность или множественность прочтения? Рец. на кн.: Есаулов И. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения «Миргород» Н.В.Гоголя. - М., 1995. - 101 с.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1995-1996 рр. Уклала Лариса Гранатович

Библиография произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке (1995-1996). Составил Владимир Воропаев.

Гоголезнавчі студії. Випуск третій. Гоголеведческие студии. Випуск третий. Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анотований покажчик / Упоряд. Гранатович Л.В., Михальський Є.М., Михед П.В. - Ніжин, 1998. - 80с.

Павло Михед. З історії гоголівської бібліографії.

Гоголезнавчі студії. Випуск четвертий. Гоголеведческие студии. Випуск четвертый. — Ніжин, 1999. — 213 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (Москва). Поздний Гоголь (1842-1852): новые аспекты изучения

Владимир Денисов (Санкт-Петербург). Метафора Храма в художественной прозе Н.В. Гоголя

Юрій Барабаш (Москва). «Страшна помета»: релігійно-етичний вимір (фрагменти)

Семен Абрамович (Черновцы). «Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать»? (Польский и еврейский мир в «Тарасе Бульбе»)

Владислав Кривонос (Елец). «Петербургские повести» Н. В. Гоголя и евангельская тоника

Игорь Виноградов (Москва) Гоголь и Белинский: к проблеме полемики

Олександр Ковальчук (Нежин). Гоголь — «русский Христос»? (Текст поеми «Мертві душі» як засіб самоідентифікації автора)

Сергей Шульц (Ростов-на-Дону). Гоголь: от драматургии к «Размышлению о Божественной литургии» (аспект исторической поэтики)

Людмила Остапенко, Павел Михед (Нежин). Две веки пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский

Елена Анненкова (Санкт-Петербург). Две книги переходного десятилетия («Сумерки» Е.А. Баратынского и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя)

Дебют

Владислав Томачинский (Москва). К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя

Огляди, рецензії

Григорий Киричок (Нежин). О почве и судьбе Гоголя. Рец. на кн.: Барабаш Ю.Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. - М., 1995.

Тетяна Михед (Ніжин). Дволикий страдник: Микола - Николай Гоголь. Рец. на кн.: George Luckuy. The Anguish of Mykola Hohol a.k.a. Nikolai Gogol. - Toronto. - 1998, 117 p.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1997 року. Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин)

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем, выпущенная в России в 1997 году. Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий. Гоголеведческие студии. Випуск пятый. - Ніжин, 2000. - 243 с.

Статті і дослідження

Павло Михед (Ніжин). Основні напрямки вивчення творчості Гоголя: підсумки і перспективи

Олександр Ковальчук (Ніжин). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція)

Владимир Денисов (Санкт-Петербург). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя и его «Взгляд на составление Малороссии» (о замысле поэтической истории народа)

Юрій Барабаш (Москва). «Страшна помста»: релігійно-етичний аспект - II («Тарас Бульба»)

Надія Поліщук (Львів). «Страшна помста» М. Гоголя: спроба відчитання міфологічного тексту

Семен Абрамович (Чернівці). Макабристика в повісті Гоголя «Страшна помста»

Игорь Виноградов (Москва). Повесть Н.В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации

Нинель Арват (Нежин). О трюичности в повести Н.В.Гоголя «Вий»
Сергей Шульц (Ростов-на-Дону). Миф с художнике в контексте нарративной дуплановости повести «Вий»

Владислав Кривонос (Елец). Собачья тема в «Тарасе Бульбе» Гоголя
Андрей Фаустов (Воронеж). Заколдованное место у Гоголя и Пушкина (несколько замечаний)

Валентина Мацапура (Полтава). Синтез языческих и христианских мотивов в «Вечерах на хугоре близ Диканьки» Гоголя

Владимир Воропаев (Москва). «Нет другой двери...» Евангелие в жизни Гоголя

Юрій Луцький (Торонто). На хуторі біля Диканьки

Дебют

Катерина Ісаєнко (Ніжин). Уваги до дискусії П.Куліша і М.Максимовича про українські повісті Гоголя

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (Нежин). Гоголь сквозь религиозно-мистическую призму. Рец. на кн.: Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. - 340 с.

Людмила Остапенко (Нежин) Исследование мотивики Гоголя, или О колдовской силе его «заколдованных мест». Рец. на кн.: Кривонос ВЛП. Мотивы художественной прозы Гоголя. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. - 251 с.

Бібліографія

Бібліографія творів Миколи Гоголя і література про нього, що вийшла в Україні 1998 року. Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин)

Библиография произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке (1998). Сост. Владимир Воропаев (Москва)

Библиография произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке: дополнение (1995-1997). Сост. Владимир Воропаев (Москва).

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий. Гоголеведческие студии. Выпуск шестой. - Ніжин, 2000. - 60 с.

Павло Михед. Сучасна ніжинська гоголіана

Бібліографія

Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979-- 1999). Уклад. Лариса Гранатович.

Гоголезнавчі студії. Випуск сьомий. Гоголедведческие студии. Выпуск седьмой. - Ніжин, 2001. - 183 с.

Статті, дослідження

Павел Михед (Нежин). Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения

Юрій Барабаш (Москва). Європейське малярство чи візантійський іконопис? (До питання про Гоголеву концепцію християнського мистецтва)

Юлія Якубіна (Нежин). К истокам страха у Гоголя (нежинский период)

Олександр Ковальчук (Ніжин). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція)

Владислав Кривонос (Самара). Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя

Сергей Шульц (Ростов). «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив

Peter Sawczak (Мельбурн) The Passions of Chichikov: Gogol's Soteriological Scheme

Игорь Виноградов (Москва). Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души»

Николай Хомук (Томск). Архитектоника лабиринта в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»

Владимир Денисов (Санкт-Петербург). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В.Гоголя (идея «исторического романа»)

Семен Абрамович (Чернівці). Предметний світ у Гоголя

Марія Янушкевич (Томск). Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра.

Ювілеї

Владимир Воропаев (Москва). Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева)

Наші публікації

Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева

Огляди, рецензії

Григорій Кирличок (Ніжин). Гоголь і художнє творення історії (сучасні інтерпретації). Рец. на кн.: Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В.Гоголя. История и биографии. Монография. - Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. - 463 с.; Сенько І.М. Історія у дзеркалі літератури. - Ужгород, 2000. -100 с.

Федор Евсеев (Нежин). Об архетипах земли и власти в творчестве Н.В.Гоголя. Рец. на кн.: Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и

власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. - М.: РГУ, 2000. - 188 с.

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (1945-2000). Подгот. Владимир Воропаев (Москва)

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про нього, що вийшла в Україні 1999 року. Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин)

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999). Подгот. Владимир Воропаев (Москва)

Гоголезнавчі студії. Випуск восьмий. Летопись жизни и творчества Н.Гоголя. Нежинский период (1820-1828) / Сост. Жаркевич Н.М. - от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг., примечания; Кирилук З.В. - 1820 г; Якубина Ю.В. - 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен. / Вступ. ст. Михед П.В. - Нежин: НГПУ, 2002. - 232 с.

Павел Михед Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородько (проблемы изучения)

Гоголезнавчі студії. Випуск дев'ятий. Гоголеведческие студии. Выход девятый. - Ніжин, 2002. - 232 с.

Статті, дослідження

Владимир Денисов (Санкт-Петербург). Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие)

Іван Сенько (Ужгород). Гоголівський Шпонька у контексті історії України

Владимир Кривонос (Самара). Сон Тараса в «Тарасе Бульбе» Гоголя

Ігорь Виноградов (Москва). Повесть Н.В. Гоголя «Шинель»: к истории замысла и его интерпретации

Семен Абрамович (Черновцы). Эротика в «Мертвых душах»

Елена Балдина (Москва). Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики

Ігор Мойсеїв (Київ). Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та увзасмнення)

Сергей Шульц (Ростов). «Женитьба» Гоголя и «Живой труп» Толстого в житийном контексте

Навло Михед (Ніжин). Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію

Всеволод Сахаров (Москва). Пророки романтизма

Наші публікації. Із історії гоголезнавства

Михайл Погодин. Кончина Гоголя

Владимир Воропаев. Некролог М.П.Погодина «Кончина Гоголя»

Віктор Петров. Петербурзькі повісті М.Гоголя

Світлана Матвієнко. Межі інтерпретації

Владимир Воропаев. Боровский и его «Гоголь»

Огляди і рецензії

Олена Моціяка (Ніжин). «Ти смієшся, а я плачу». Рец. на кн.: Барабаш Юрій. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. - Харків: Акта, 2001. - 373 с.

Сергей Шульц (Ростов). Диалог символистов с Гоголем. Рец. на кн.: Сурай Л.А. Гоголь и символисты. — М., 1999. — 376 с.

Юлія Якубіна (Нежин). Поздний Гоголь: духовная проза. Рец. на кн.: Н.В.Гоголь. Духовная проза / Сост., вступ. ст., комментарии И.А.Виноградова, В.А.Воропаева. - М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. - 567 с.

Григорій Киричок (Нежин). Гоголь: границы литературы - границы религии. Рец. на кн.: Виноградов И. А. Гоголь - Художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения. - М.: Наследие, 2000. - 448 с.

Александр Чоботко (Нежин). Диалог христианских душ. Рец. на кн.: Переписка Н.В.Гоголя и Н.Н.Шереметьевой / Вступ. ст. И.А.Виноградова, подг. текста, комментарии И.А.Виноградова, В.А.Воропаева. - М., 2001. - 255 с.

Владимир Воропаев (Москва). Песнь благодарения Богу. О новых текстах Гоголя. Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Изд. подгот. И.А. Виноградов. - М.: Наследие, 2001. - 660 с.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Юрій Барабаш (Москва), Юрій Манн (Москва)

Бібліографія

Бібліографія произведений Н.В.Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000). Подгот. Владимир Воропаев (Москва).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про його життя і творчість, що вийшла в Україні (2000). Підгот. Лариса Гранатович (Ніжин)

Гоголезнавчі студії. Випуск десятій. Гоголеведческие студии. Выпуск десятый. Ковальчук О.Г. Гоголь: буття і страх. - Ніжин, 2002. - 80 с.

Страх як проблема українського буття.

Російське буття і страх.

«Авторська сповідь» М.Гоголя (своєрідність бачення світу «українського людиною»).

Незаангажованість буттям - дорога в смерть (останні дні Гоголя).

Гоголезнавчі студії. Випуск одинадцятий. Гоголєведческие студии. Выпуск одиннадцатый. Луцький Ю. Страдництво Миколи Гоголя, звано-го також як Ніколай Гоголь. — К.: Знання України, 2002. - 113 с. (Переклад з англ. Тетяни Михед.)

Павло Михед. Остання книга Юрія Луцького (передмова)

Нові Гоголезнавчі студії. Випуск перший (дванадцятий). Новые Гоголєведческие студии. Выпуск первый (двенадцатый). Юрій Барабаш. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя (Нариси сприйняття та інтерпретацій). - Сімферополь: Кримський Архів, 2004. - 128 с.

Нові Гоголезнавчі студії
Випуск другий (тринадцятий)

Новые Гоголеведческие студии
Выпуск второй (тринадцатый)

Підписано до друку 04.03.2005 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура "SchoolBook". Ум.-вид. арк. 16,97.
Обл.-вид. арк. 20,44. Тираж 300. Зам. №2117.

*Віддруковано в ТОВ "Видавництво "Аспект-Поліграф"
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК №1115, від 12.11.2002 р.
м. Ніжин, вул. Шевченка, 109 А,
тел. (04631) 3-11-08*

